

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПУТИ РЕШЕНИЯ
(ПРИУРОЧЕННАЯ К 160-ЛЕТИЮ
УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)**

**Сборник материалов
V Международной научно-практической конференции,
4–5 апреля 2024 года**

ISBN 978-5-7247-1186-9

© Уфимский ЮИ МВД России, 2024

УДК 343.13(470)(082)
ББК 67.410.2(2Рос)я431
С56

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

**Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента А. Ю. Терехова,
доктора юридических наук, доцента В. С. Латыпова**

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Латыпов, доктор юридических наук, доцент;
Н. В. Маликова, кандидат юридических наук, доцент;
А. А. Абдраязпов, кандидат юридических наук;
М. К. Нуркаева, кандидат юридических наук;
Н. В. Осипова, кандидат юридических наук

С56 Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства) [Электронное издание] : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 4–5 апреля 2024 года / под общ. ред. А. Ю. Терехова, В. С. Латыпова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (3,0 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1186-9

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников V Международной конференции «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства)».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 343.13(470)(082)
ББК 67.410.2(2Рос)я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2024

Научное издание

**Современные проблемы уголовного процесса: пути решения
(приуроченная к 160-летию
Устава уголовного судопроизводства)**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Редакторы

А. Н. Бисярина
Л. Р. Байдавлетова
Е. А. Ермолаева
Е. А. Карамзина
А. В. Селиверстова

Корректурa,
компьютерная верстка

А. Ф. Чиняева

Дизайн обложки

А. Р. Сальманов

Дата подписания к использованию: 28.06.2024

Объем издания: 702 МБ (3,0 МБ)

Комплектация издания: 1 электрон.опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Абдразяпов Р. Р., Абдульманова А. М.</u> ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ФИЗИЧЕСКИХ НЕДОСТАТКОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УЧАСТИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	9
<u>Антонов И. А.</u> ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИЩЕМ СОВЕРШЕНСТВО В ЗАЩИТЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ.....	16
<u>Астапович О. А.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННОГО.....	25
<u>Афанасьева А. А.</u> ЕСТЬ ЛИ МЕСТО НОТАРИУСУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?.....	28
<u>Аширбекова М. Т., Шаутаева Г. Х.</u> УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	32
<u>Барабанова А. А.</u> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОПРОСА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА.....	37
<u>Богатырев Д. В., Ендольцева А. В.</u> ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ.....	42
<u>Боков В. В., Каац М. Э.</u> ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	50
<u>Васильченко А. В.</u> ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА.....	56
<u>Виноградов А. С.</u> ВИДЕОЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	60
<u>Габзалилов В. Ф., Максимов К. В.</u> НЕКОТОРЫЕ НЕДОСТАТКИ И НАРУШЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ.....	65
<u>Гаджиалиева А. Т.</u> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ.....	68

<u>Гайнельзянова В. Р.</u> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ.....	73
<u>Григорьев В. Н.</u> О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	77
<u>Гулиев Р. А.</u> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	80
<u>Джамиев М. Р.</u> РЕФОРМИРОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ОБЪЕКТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	84
<u>Емельянова Н. Ю., Ильяшевич Т. А.</u> СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	87
<u>Есина А. С., Жамкова О. Е.</u> ЕЩЕ РАЗ ПРО СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	95
<u>Зуев С. В.</u> ЭЛЕКТРОННАЯ «ЗАВИСИМОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	100
<u>Игуменов А. С.</u> ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РОЗЫСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.....	103
<u>Имаева Ю. Б., Файрушина Р. Д.</u> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ...	108
<u>Исанбаев И. С.</u> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА, УЧАСТВУЮЩЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	114
<u>Исетова Ж. М.</u> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	118
<u>Каац М. Э., Кашапова Ф. М.</u> К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	121
<u>Киселев Н. Н.</u> ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	128
<u>Кривошеков Н. В.</u> ИЗБРАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ.....	134

<u>Кузнецова Е. В.</u> ОБ «ИТОГОВОМ РЕШЕНИИ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ».....	141
<u>Латыпов В. С.</u> РЕВИЗОР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....	144
<u>Левченкова А. Ю.</u> ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	149
<u>Лихова А. А.</u> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	154
<u>Луганская Е. В.</u> К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....	159
<u>Маликова Н. В., Кашапова Ф. М.</u> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ЗАВЕРШАЮЩИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ.....	164
<u>Мельникова А. С., Сардак Д. Б.</u> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	168
<u>Миняшева Г. И.</u> ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	174
<u>Мирзохофизиев М. М.</u> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	179
<u>Мичурина О. В., Мичурин В. С.</u> ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....	183
<u>Моругина Н. А., Кузьмина О. Л.</u> ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....	190
<u>Мухаметшин А. Ф., Мухаметшин Ф. Б.</u> К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	195
<u>Насыров Р. Р.</u> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	198
<u>Низаева С. Р.</u> ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ	

ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ.....	204
<u>Нуркаева М. К.</u> ЗНАЧЕНИЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И ДРУГИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ.....	208
<u>Нуров М. А.</u> МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ.....	218
<u>Осипова Н. В.</u> ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ – ВСЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ.....	223
<u>Панфилов П. О.</u> О РОЛИ РЕШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И УПК РФ...	230
<u>Поезжалов В. Б.</u> УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА.....	236
<u>Рябчиков С. А.</u> ЭЛЕКТРОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	240
<u>Савченко А. Н.</u> ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА.....	246
<u>Свяженина А. А.</u> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	253
<u>Семенкова Е. В.</u> ЗАЩИТНИК В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	258
<u>Сиворакша В. В.</u> ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	263
<u>Соколова Т. С.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННОЙ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА.....	268
<u>Спирин А. В.</u> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫШЕСТОЯЩЕГО ПРОКУРОРА.....	274
<u>Степанова А. А.</u> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.....	279

<u>Сучков А. И.</u> ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОГЛАСНО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ.....	282
<u>Сучкова Е. А.</u> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ.....	286
<u>Тарасов А. А.</u> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ.....	290
<u>Телигисова С. С.</u> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	295
<u>Тингаева И. В.</u> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПОТЕРПЕВШЕМУ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	299
<u>Устинкин П. А.</u> ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА.....	305
<u>Хайбуллина А. А.</u> ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	308
<u>Хаметова А. Р.</u> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОРЯДКА ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНОГО..	313
<u>Химичева О. В., Тутынин И. Б.</u> О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА.....	318
<u>Хусаинов Р. Р.</u> О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДСТВЕННЫХ АППАРАТОВ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	322
<u>Шарипова А. Р.</u> ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ.....	325
<u>Шарифзода М. С.</u> ЗНАЧЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	328
<u>Шепелин И. В.</u> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА ДО УПК РФ.....	332
<u>Шишков А. А.</u> МЕСТО СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	337

Абдраязпов Р. Р. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия);

Абдульманова А. М. – следователь отдела по расследованию преступлений на территории, обслуживаемой отделом полиции № 11 Управления МВД России по г. Уфе (г. Уфа, Россия)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ФИЗИЧЕСКИХ НЕДОСТАТКОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УЧАСТИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THE CONCEPT AND TYPES OF PHYSICAL DISABILITIES, INFLUENCING THE PARTICIPATION OF A PERSON IN THE CRIMINAL PROCESS

Аннотация. В статье авторами рассматриваются вопросы участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих физические недостатки, влияющие на способность реализовывать предоставленные им права и исполнять возложенные на них обязанности. Обращается внимание на отсутствие в уголовно-процессуальном законе понятия физических недостатков. В результате проведенного исследования уголовно-процессуального законодательства и анализа мнения ученых-процессуалистов авторы указывают на необходимость закрепления понятия физических недостатков, предлагая свою авторскую версию данного определения.

Abstract. In the article, the authors consider the issues of participation in criminal proceedings of persons with physical disabilities that affect the ability to exercise the rights granted to them and perform the duties assigned to them. The absence of the concept of physical disabilities in the criminal procedure law is indicated. As a result of the conducted research of criminal procedure legislation and the analysis of the opinion of procedural scientists, the authors indicate the need to consolidate the concept of physical disabilities, offering their own author's version of this definition.

Ключевые слова: физические недостатки, уголовно-процессуальное законодательство, участники уголовного судопроизводства, права.

Keywords: physical disabilities, criminal procedure legislation, participants in criminal proceedings, rights.

Уголовное судопроизводство – многоаспектная деятельность, осуществляемая в связи с совершением преступления. В уголовный процесс вовлекаются разные лица, которые могут оказаться в статусе потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Часто вовлечение в уголовное судопроизводство никак не связано с желанием лица, его состоянием, в том числе физическим. Поэтому могут возникать ситуации, когда участниками производства по уголовным делам являются лица с физическими недостатками. Очевидно, что в таком случае можно столкнуться с определенными сложностями, выражающимися в затруднениях или даже невозможности реализации такими лицами своих прав, выполнении ими обязанностей. Безусловно, подобные случаи требуют законодательной урегулированности, однако в настоящее время нет даже четкого понимания того, что подразумевается под физическими недостатками в уголовном судопроизводстве и какие из них могут влиять на способность лица выступать полноценным участником уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) использует термин «физические недостатки» в отдельных нормах, где указывает на необходимость их учета в ходе расследования, однако разъяснение указанного термина не приводит, несмотря на то, что он не является новым для российского уголовно-процессуального законодательства. Так, о физических недостатках говорилось и в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. и кодексах союзных республик. Полагаем, что для формирования представления о физических недостатках лиц, участвующих в уголовном процессе, необходимо обратиться к доктрине и проследить, каким образом происходило изменение представлений о рассматриваемом понятии.

В УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. физические недостатки рассматривались в контексте их влияния на способность привлекаемого к уголовной ответственности лица правильно воспринимать те или иные явления (ст. 55). В УПК РСФСР также о физических недостатках говорилось в контексте невозможности осуществления обладающими ими лицами своего права на защиту (ст. 49). Именно на законодательные позиции опирались и советские процессуалисты, рассматривая физические недостатки как имеющиеся у обвиняемого определенные проблемы со здоровьем, не позволяющие ему лично осуществлять свое право на защиту [1; 2].

Длительное время физическим недостаткам особое внимание не уделялось, они так и продолжали рассматриваться в вышеуказанном контексте. Определенный шаг в развитии научной мысли по данному вопросу сделал С. П. Щерба в своем диссертационном труде, посвященном вопросу участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих физические и психические недостатки, сформулировав их понятие следующим образом: «Под физическими недостатками, в силу которых обвиняемый не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, следует понимать

полную либо частичную потерю функций зрения, слуха или речи, вследствие которых у лица утрачена или ослаблена одна из способностей правильно и полно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и воспроизводить воспринятое, либо такие анатомические дефекты или хронические соматические заболевания, которые хотя и не нарушают указанных способностей обвиняемого, однако лишают или ослабляют его возможности обходиться без посторонней помощи и самостоятельно защищать свои права и интересы» [3, с. 55]. Достаточно полно перечислив различные недостатки, которые могут оказывать влияние на способность лица участвовать в уголовном судопроизводстве, С. П. Щерба при этом анализировал их применительно к обвиняемому.

Несмотря на попытки ученых разработать понятие физических недостатков, законодатель в новый УПК РФ их так и не включил. Не имеется их определения и в других законах, поэтому до сих пор продолжается работа по исследованию рассматриваемой дефиниции.

В 2005 году Д. В. Погорелов в своей диссертации предложил следующее определение физического недостатка: «это физическое состояние обвиняемого, которое препятствует ему правильно и полно воспринимать, оценивать и воспроизводить обстоятельства, связанные с ходом расследования по делу, или ограничивает его возможность самостоятельно осуществлять свое право на защиту» [4, с. 39].

В 2006 году Н. Н. Гребнева, проводя диссертационное исследование обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, также предложила определение физических недостатков, характеризуя их как «дефекты его организма, ограничивающие возможность восприятия и передачи им информации об обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу, а также затрудняющие реализацию его процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей» [5, с. 5]. То есть и данный автор физические недостатки рассматривает только применительно к обвиняемому. При этом сейчас такую позицию вряд ли можно признать логичной в силу того, что УПК РФ использует данный термин не только применительно к обвиняемому, но и к иным участникам судопроизводства – потерпевшим, свидетелям (ст. 167, 196, 280 и т. д.).

Безусловно, физические недостатки могут оказать существенное влияние на способность подозреваемого, обвиняемого защищать себя. Права данных лиц в большей степени подвергаются ограничениям в ходе уголовного судопроизводства, поэтому традиционно исследователи уделяют именно лицу, находящемуся в данном статусе, повышенное внимание. Но все же считаем, что и иные лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, также должны иметь возможность пользоваться предоставленными им законом правами, и в том случае, когда в силу тех или иных причин (в частности, физических недостатков) они испытывают в этом затруднение, необходимо наличие соответствующих гарантий. Поэтому формули-

ровка понятия физических недостатков должна быть выработана с учетом того, что ими могут обладать не только обвиняемые, но и другие лица. Об этом же говорит и С. В. Оплетаев, отмечая, что необходимость закрепить в УПК РФ общее определение физических недостатков, не конкретизированное применительно только к одному участнику уголовного процесса, назрела уже давно [6, с. 146]. Таким образом, решая вопрос о необходимости закрепить в УПК РФ понятие физических недостатков, мы определились, что оно должно быть общим и касаться любого участника уголовного судопроизводства.

По поводу того, какие физические недостатки могут оказывать влияние на способности самостоятельно реализовывать свои права и обязанности в уголовном судопроизводстве, единой позиции в научной литературе нет. Имеется мнение о том, что в качестве физических недостатков надлежит рассматривать отсутствие конечностей, слепоту, глухоту [7, с. 9]. Другие исследователи смотрят на данный вопрос более широко и полагают, что к физическим недостаткам следует относить также соматические заболевания (и хронические, и имеющие острые болезненные синдромы), то есть любые физические недостатки, включая и те, которые никак внешне не проявляются [8, с. 98].

Некоторые ученые полагают, что к числу физических недостатков следует относить престарелый возраст, поскольку нередко по достижении определенного возраста у человека возникают проблемы со здоровьем, происходят определенные возрастные изменения, в том числе и психические [9, с. 63]. Другие исследователи возражают против этой позиции, полагая, что характер возрастных изменений всегда различен, некоторые люди и в престарелом возрасте могут быть значительно крепче физически, чем молодые, не иметь при этом никаких проблем со здоровьем. Поэтому в целом приравнивать достижение определенного возраста к физическому недугу абсолютно нецелесообразно [10, с. 85]. С нашей точки зрения, верной является вторая из приведенных позиций, поскольку обеспечивать повышенными гарантиями следует лишь тех лиц, у которых действительно имеются физические недостатки, не позволяющие им в полной мере реализовывать права и обязанности, пожилой возраст не должен рассматриваться как априори наличие у лица таких недостатков, должен быть установлен тот конкретный, который и выступает препятствием. При этом полностью разделяем мнение о том, что наличие физического недостатка у лица должно иметь под собой медицинское обоснование.

Получить данные о физическом состоянии изначально можно на основании медицинских документов, свидетельствующих о том, что у лица имеются какие-либо физические недостатки. Это, к примеру, могут быть результаты врачебных комиссий, медицинские карты, пенсионное удостоверение инвалида. О наличии физического недостатка может сообщить и сам участник уголовного процесса либо его близкие. Физические увечья

могут быть заметны внешне и восприняты самим следователем. Но в таком случае обязательно производство судебной медицинской экспертизы, например, если требуется установить (ст. 196 УПК РФ):

- физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, в том числе необходимость в лечении в стационарных условиях (п. 3);

- физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией (п. 3.2);

- физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (п. 4).

Полагаем, что указанными случаями не охватываются ситуации, когда необходимо определить наличие у участников уголовного судопроизводства физических недостатков, препятствующих самостоятельной реализации их прав и обязанностей. С этой целью считаем целесообразным дополнить ст. 196 п. 4.1 следующим образом: «наличие у потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого физических недостатков, препятствующих самостоятельной реализации прав и обязанностей».

Следующая проблема, требующая своего решения – каким образом должно быть сформулировано данное понятие, что именно должно быть в нем отражено. Если обратиться к уже приведенным определениям, выработанным процессуалистами разных периодов времени, можно обнаружить, что общим в них является не только указание на обвиняемого, но и на невозможность самостоятельно осуществлять защиту своих прав и выполнять обязанности. С этим аспектом мы в полной мере согласны, физические недостатки могут создавать препятствия в уголовно-процессуальной деятельности любого лица – обвиняемого, потерпевшего, свидетеля [11, с. 145]. Также в качестве объединяющей составляющей рассматриваемых понятий полагаем возможным рассматривать и то, что физические недостатки могут создавать затруднения в восприятии значимой информации и ее передаче.

Наиболее неоднозначным является вопрос о том, каким образом следует определить сами физические недостатки, должны ли они быть конкретизированы, перечислены в выработанном понятии, либо общие формулировки в данном случае будут более целесообразны. Для того, чтобы дать верный ответ на этот вопрос, необходимо рассмотреть положительные и отрицательные стороны каждого из указанных вариантов.

Приведение в определении физических недостатков полного перечня тех физических дефектов, которые могут затруднять реализацию прав и выполнение обязанностей участником уголовного процесса, могло бы стать идеальным вариантом. Однако это недостижимо, поскольку невозможно заведомо предусмотреть все те дефекты, недостатки, которые могут

препятствовать лицу реализовать все предоставленные ему права, как и выполнить все те обязанности, которые возлагаются на него в силу надления данного лица определенным статусом. Поэтому в любом случае определение будет являться неполным в силу открытости списка перечисленных в нем физических недугов.

В то же время, если использовать в рамках понятия физических недостатков только общие положения, можно таким образом излишне и неоправданно расширить круг тех лиц, которые будут подпадать под указанное понятие и при фактическом отсутствии препятствий для самостоятельной реализации уголовно-процессуального статуса необоснованно пользоваться теми привилегиями, которые должны быть предоставлены лицам, действительно неспособным самостоятельно осуществлять права и обязанности.

Разрешить данную проблему, как представляется, возможно путем разумного баланса, в рамках которого понятие не должно быть излишне общим, но и не будет иметь перегруженность перечислением различных физических недугов неисчерпывающим образом. Полагаем, что следует в УПК РФ закрепить краткое и емкое определение физических недостатков бланкетного характера, отсылающего к максимально возможному перечню физических недостатков, по аналогии с тем, как в уголовном законодательстве регламентирована степень тяжести вреда здоровью, определяемая на основании Правил, разработанных Министерством здравоохранения Российской Федерации и утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации.

Считаем, что и перечень физических недостатков также следует разработать Министерству здравоохранения Российской Федерации: должен быть составлен перечень, содержащий именно те заболевания, увечья, аномалии и недуги физического характера, которые препятствуют реализации прав и обязанностей. После того, как он будет разработан и утвержден, полагаем возможным закрепить определение физических недостатков в ст. 5 УПК РФ.

О необходимости издания такого перечня говорит и С. В. Оплетаев, предлагая при этом сформулировать понятие физических недостатков следующим образом: «Физические недостатки – это подтвержденный в установленном порядке и закрепленный в Перечне Правительства РФ временный или постоянный недостаток в развитии и (или) функционировании органа (органов) человека, либо хронические соматическое или инфекционное заболевания участника уголовного судопроизводства, ограничивающие возможность восприятия и передачи им информации об обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу, а также затрудняющие реализацию его процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей» [6, с. 147].

Однако полагаем, что данное определение излишне перегружено перечислением физических недугов и дефектов, в чем отсутствует необходимость, если будет составлен соответствующий перечень. Считаем, что исследуемое понятие можно сформулировать следующим образом: физические недостатки – это один или несколько физических дефектов, входящих в Перечень физических недостатков, затрудняющих участие у имеющего его (их) лица в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, до настоящего времени нет четкого единого подхода к определению физических недостатков в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, что Министерством здравоохранения Российской Федерации должен быть разработан Перечень физических недостатков, содержащий те заболевания, увечья, аномалии и недуги физического характера, которые препятствуют реализации прав и обязанностей. После этого следует закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие физических недостатков в указанной выше формулировке.

Библиографический список

1. Кобликов А. С. Право обвиняемого на защиту при производстве предварительного следствия. М., 1961. 80 с.
2. Саркисянц Г. П. Участие защитника на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Ташкент, 1966.
3. Щерба С. П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
4. Погорелов Д. В. Некоторые аспекты защиты прав обвиняемых (подозреваемых), страдающих физическими и психическими недостатками : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.
5. Гребнева Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.
6. Оплетаев С. В. Проблемы участия в российском уголовном процессе лиц с физическими недостатками // Проблемы права. 2009. № 3 (19). С. 146–148.
7. Лавцевич Т. А. Проблемы реализации правового статуса лиц с физическими недостатками: общая характеристика и особенности в уголовном процессе; перспективы совершенствования законодательства // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2019. № 31. С. 9–11.
8. Кириенко К. С. Защита лиц с физическими недостатками в уголовном процессе // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты : сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 98–101.

9. Мухаев Р. Т. Правоведение : учебник. М. : Юнити-Дана; Закон и право, 2012.

10. Сефикурбанов К. С., Оганесян А. Х. О понятии физических и (или) психических недостатков в уголовном судопроизводстве // Вестник университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 32. № 2. С. 83–88.

11. Туктарова Н. А. Процессуальные гарантии защиты прав лиц, страдающими физическими или психическими недостатками // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 144–146.

© Абдраязпов Р. Р., 2024

© Абдульманова А. М., 2024

УДК 343.1

Антонов И. А. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

**ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИЩЕМ СОВЕРШЕНСТВО
В ЗАЩИТЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

**FROM THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS
TO THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION: WE ARE LOOKING FOR PERFECTION
IN PROTECTION PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года в части определения и законодательной регламентации целей и задач уголовного судопроизводства на предмет защиты частных и публичных интересов в сфере уголовного процесса. Отдельное внимание уделено проблеме возмещения ущерба потерпевшему и вопросу ответственности должностных лиц за результаты производства по уголовному делу.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the provisions of the Statute of Criminal Proceedings of 1864 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 in terms of defining and legislative reg-

ulation of the goals and objectives of criminal proceedings, with a view to protecting private and public interests in the field of criminal procedure. Special attention is paid to the problem of compensation for damage to the victim and the issue of responsibility of officials for the results of criminal proceedings.

Ключевые слова: назначение уголовного процесса, цели и задачи уголовного судопроизводства, частные и публичные интересы, возмещение ущерба, регрессный иск.

Keywords: purpose of criminal proceedings, goals and objectives of criminal proceedings, private and public interests, compensation for damages, recourse action.

Уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности – одно из важнейших направлений реализации правоохранительной функции государства; со времен официального оформления и попыток правовой регламентации общественных отношений в области раскрытия и расследования преступлений, рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу – это сфера публичных правоотношений; вряд ли это вызывает сомнения. Государственные органы и должностные лица, наделенные правом уголовного преследования, установления виновности и определения вида наказания за совершенное общественно опасное деяние, всегда решали общие задачи обеспечения общественной безопасности, сохранения правопорядка и противодействия преступности.

Еще в Своде законов Российской империи 1832 года при регламентации Оснований уголовного судопроизводства упоминалось: «Все уголовное право основывается на законе правды и справедливости, который требует, чтобы преступные деяния были подвергаемы заслуженному ими наказанию; из сего следует, что главная цель уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы исследовать и открывать учиняемые преступления, и преступников подвергать заслуженному ими наказанию» (§ 38) [1, с. 35]. Отсюда следует, что уголовное судопроизводство – это установленная законом процедура реализации норм материального уголовного права, привлечения виновных в совершении преступлений лиц к определенной уголовным законом ответственности.

Анализируя первые статьи Устава уголовного судопроизводства 1864 года, можно заключить, что целью уголовно-процессуальной деятельности выступает уголовное преследование, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

Согласно его положениям «никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава». В соответствии со ст. 2 Устава судебное преследование возбуждается как должностными, так и частными лицами. По уголовным делам, подведомственным

общим судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом возлагается на прокуроров и их товарищей (ст. 4). Никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе, как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу (ст. 14), и т. д. Таким образом, Устав уголовного судопроизводства описывает процедуру уголовного преследования и привлечения лица к уголовной ответственности, процедуру возмещения вреда потерпевшему, а также объем прав и обязанностей участников уголовного процесса. При этом Устав не конкретизирует в отдельной статье цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности. Они сами собой вытекают из назначения уголовно-процессуального права – реализовать нормы материального уголовного права.

По этому пути идет законодатель при принятии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и в 1922, и в 1923 году, в основе своей перенявшего содержание статей Устава уголовного судопроизводства, также без определения целей и задач уголовного процесса.

Лишь с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1960 году в его положениях конкретизируются в отдельной статье задачи уголовного судопроизводства. Статья 2 УПК РСФСР, определившая задачи уголовного судопроизводства, назвала среди них быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Таким образом, и здесь можно наблюдать четкую линию реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности норм материального уголовного права, реализации государственной правоохранительной деятельности, нацеленной на создание условий общественной безопасности. И это вполне закономерно, как и то, какое соотношение полномочий и обязанностей допускал УПК РСФСР применительно к должностным лицам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, и лицам, вовлекаемым в производство по уголовным делам.

Принятие в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) потребовало пересмотреть отношение к назначению уголовного судопроизводства. В статье 6 УПК РФ законодатель, ориентируясь на конституционные положения о том, что человек с его правами и свободами является высшей целью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации), формулирует цели уголовного судопроизводства, сгруппировав их в два блока, требуя от осуществляющих производство по уголовным делам государственных органов и должностных лиц, чтобы они обеспечивали по каждому уголовному делу: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ); защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

С одной стороны, провозглашение правозащитного назначения любой государственной деятельности давно назрело в обществе. Еще в Концепции судебной реформы в 1991 году одной из целей уголовной юстиции была определена защита прав и законных интересов вовлекаемых в ее сферу граждан [2, с. 19]. С другой стороны, важно помнить, что нельзя «бросаться в крайности» и что только благодаря усилиям Генеральной прокуратуры Российской Федерации п. 1 ч. 1 ст. 6 в его нынешней редакции вообще появился в современном уголовно-процессуальном законе; в первоначальном проекте в качестве цели уголовного судопроизводства виделась только защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Конечно, когда еще не забыты итоги политических репрессий 30–40-х годов XX столетия, результаты передела собственности и сфер влияния, общая криминализация общества, в том числе правоохранительных органов, конца XX века, неотъемлемым становится желание предупредить дальнейшее ограничение прав и свобод личности, поставить максимальные барьеры чьему бы то ни было (в том числе государственному) вмешательству в сферу личных интересов.

Вместе с тем, как представляется, целеполагание уголовно-процессуальной деятельности остается с годами (веками) неизменным – реализация государственной правоохранительной функции, имеющей целью обеспечение общественной безопасности и сохранение в стране правового порядка. В связи с этим не устанем повторять, что уголовное судопроизводство – отрасль публичного права, большинство уголовных дел являются делами не частного, а публичного обвинения (ст. 20 УПК РФ). В ходе уголовно-процессуальной деятельности серьезно ограничиваются некоторые права и свободы граждан. На цели подобной деятельности прямо указывает ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Поэтому ч. 1 ст. 6 УПК РФ следует толковать расширительно, а в уголовном процессе должна осуществляться защита не только частных, но и названных в Конституции Российской Федерации публичных интересов [3, с. 72]. В обеспечении безопасности нуждается как каждый отдельный гражданин, так и все общество и государство в целом. Соответственно, представляется наиболее приемлемым и принципиально важным указать в уголовно-процессуальном законе на защиту законных интересов общества и государства как на цель уголовного судопроизводства, изложив п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ в следующей редакции: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организа-

ций, а также интересов общества и государства, нарушенных преступлением». [4, с. 55–56].

Детализируя далее отдельные вопросы защиты публичных и частных интересов в сфере уголовного судопроизводства, основываясь на сравнительном анализе положений Устава уголовного судопроизводства и УПК РФ, отметим, насколько это позволяют сделать рамки научной статьи, несколько положений, требующих осмысления и последующей реализации для повышения качества работы должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, а также повышения уровня гарантий прав участников уголовного процесса.

Так, определяя меры принуждения к явке в суд участников процесса, Устав уголовного судопроизводства закреплял возможность применения к обвиняемому залога или поручительства (денежной ответственности поручителя в случае уклонения обвиняемого от явки в суд) (ст. 78–79, 425). При этом совершенно обоснованно предусматривалось условие, согласно которому сумма поручительства или залога определялась исходя не только из строгости будущего наказания, но и из суммы исковых требований потерпевшего, которая подкрепляется достоверными доказательствами, так как впоследствии в случае побега обвиняемого или уклонения его от суда денежные средства шли на погашение заявленного иска в целях восстановления прав потерпевшего, а также обращались на устройство мест заключения (ст. 83, 427).

В этом отношении мы уже неоднократно рекомендовали законодательству предусмотреть в УПК РФ положения, направленные на возмещение ущерба потерпевшему, с учетом имеющегося исторического опыта и во исполнение требований Конституции Российской Федерации: «Государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» (ст. 52).

На сегодняшний день указанное конституционное положение все еще не реализовано. По действующему законодательству эта обязанность возложена на конкретное лицо, совершившее преступление (или лиц, несущих за него имущественную ответственность). Хотя еще в период государственного преобразования в п. 3 ст. 30 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 года «О собственности в РСФСР» говорилось, что ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Однако в силу экономических причин от реализации этого положения отказались. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (часть вторая) «вред, причиненный личности или имуществу гражданина... подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». При этом, как показывает практика, незначительная часть потерпевших в той или иной мере получают компенсацию причиненного им материального ущерба во время производства по уголовному делу, в последующем же производство взысканий в

счет возмещения ущерба чрезвычайно ущербно, с учетом же инфляционных процессов говорить об адекватном возмещении ущерба вообще не приходится.

Международные документы совершенно обоснованно уделяют рассматриваемому вопросу значительное внимание. Так, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 11 декабря 1985 года предусмотрено право потерпевших на «справедливую реституцию» (ст. 8), а также финансовые компенсации из государственных фондов в тех случаях, когда ее невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников (ст. 12). Подобные положения можно найти и в Европейской конвенции о компенсации вреда жертвам насильственных преступлений 1988 года.

Таким образом, в соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации, предусматривающей обязанность государства обеспечить потерпевшему компенсацию причиненного ущерба, оно должно взять на себя компенсацию вреда, причиненного преступлением, когда она не может быть получена из других источников (за счет виновного лица, страховых организаций); именно на обеспечение данных мер должны идти суммы залога, вносимые сегодня обвиняемыми при применении одноименной меры пресечения (при этом сумма залога должна определяться не с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя, как это указано в ч. 3 ст. 106 УПК РФ, а с ориентиром на сумму причиненного ущерба) [5, с. 198].

В качестве еще одного важного вопроса обратим внимание на ответственность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, за результаты расследования и рассмотрения уголовных дел (при этом не берем в расчет случаи намеренного нарушения должностным лицом закона, что влечет за собой уголовную ответственность).

Так, Устав уголовного судопроизводства в главе 11 регламентировал ответственность сотрудников полиции и судебных врачей по следственным действиям, определив, в частности, что полицейские чины, волостные и сельские начальники за упущения и беспорядки по следственной части привлекаются к ответственности прокурором, под наблюдением которого проводилось следствие, либо передаются на рассмотрение суда, который может сделать им замечание или выговор (за неумышленные упущения), а также рекомендовать прокурору совместно с их начальством определить меру ответственности, исходя из степени важности обнаруженных судом злоупотреблений (ст. 485–487). Помимо этого, судебный следователь по жалобе от участников процесса мог быть отстранен судом от производства по делу; следственные действия могли быть признаны недействительными (ст. 507).

УПК РФ также предусматривает такой вид уголовно-процессуальной ответственности, как отстранение следователя (дознавателя) от дальнейшего производства расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37, п. 6 ч. 1 ст. 39) и признание доказательств недопустимыми (ст. 75).

При этом современная правоприменительная практика стала складываться таким образом, что следователи (дознаватели) несут бремя ответственности (финансовой) за результаты (негативные с точки зрения эффективности реализации уголовного преследования) производства по уголовному делу в целом (не только за ход и результаты расследования, но и за рассмотрение уголовного дела в суде, особенно при вынесении оправдательного приговора).

В настоящее время появляются примеры, когда после внесенных в ГК РФ изменений, в частности, включение Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в ст. 1081 новой части 3.1, которая теперь предусматривает возможность предъявления регрессного иска при отсутствии приговора суда, установившего вину должностного лица органа дознания, следствия и прокуратуры, на следователя возлагается возмещение в порядке регресса денежных сумм, выплаченных ранее Министерством финансов Российской Федерации в счет возмещения ущерба, причиненного лицу в результате осуществления уголовного преследования и производства следственных действий.

В частности, показателен пример судебно-следственной практики: следователь при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательства, подтвержденных материалами уголовного дела, в целях исключения возможности сокрытия доказательств, свидетельствующих о виновности лица в совершении преступления, вынес постановление о производстве обыска в жилище в порядке, определенном ст. 165 УПК РФ, и произвел его (без судебного решения), уведомив прокурора и судью. При этом, рассмотрев представленные в обоснование проведения следственного действия без судебного решения материалы, судья пришел к выводу о законности и обоснованности действий и решений следователя. Однако указанные решения были обжалованы в вышестоящую судебную инстанцию, которая по иному оценила представленные материалы и признала незаконность и необоснованность действий следователя. В этой связи установленная сумма ущерба была взыскана в пользу лица, у которого был произведен обыск. В свою очередь, Министерство финансов Российской Федерации, выступающее в интересах федерального бюджета, обратилось к следователю с регрессным иском о возмещении денежных сумм, затраченных на возмещение ущерба, причиненного лицу в результате производства следственного действия. Исковые требования были удовлетворены судом, и вся сумма была взыскана со следователя.

В качестве другого примера можно привести судебное решение, согласно которому со следователя в порядке регресса по иску Федерального казначейства была взыскана денежная сумма, ранее выплаченная лицу, привлеченному к уголовной ответственности. При этом качество предварительного расследования было неоднократно подтверждено руководителем следственного органа (в рамках процессуального руководства и ведомственного контроля он, в частности, давал согласие следователю на обращение в суд с ходатайством о применении меры пресечения), прокурором (он поддерживал ходатайство следователя перед судом о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, утверждал обвинительное заключение и поддерживал обвинение в суде первой инстанции и в вышестоящих инстанциях) и судом (в отношении лица применялась мера пресечения по судебному решению, и при рассмотрении уголовного дела в суде был постановлен обвинительный приговор). Однако вышестоящая судебная инстанция отменила обвинительный приговор нижестоящего суда и инициировала процедуру реабилитации. В итоге же только следователь принял на себя ответственность (финансовую) за все принятые по уголовному делу решения [6, с. 44–45].

Представляется, что данная ситуация подлежит детальному анализу с последующим внесением корректирующих изменений в законодательство. В противном случае возникает целый ряд проблем, дестабилизирующих работу органов предварительного расследования. Во-первых, при рассматриваемых обстоятельствах на основании действующего законодательства и складывающейся практики в рамках реабилитации и регрессных процедур возникают закономерные вопросы. Следователь должен самостоятельно направлять ход расследования и независимо принимать процессуальные решения, за которые он отвечает в полном объеме, или же он обязан выполнять указания руководителя следственного органа и прокурора? Имеют ли право прокурор и руководитель следственного органа давать обязательные к исполнению указания следователю? Представляется, что в складывающихся условиях у этих должностных лиц нет даже морального права требовать от следователя выполнения каких-либо действий, если тот не согласен с рекомендациями и указаниями (соответственно, требуется в корне пересматривать вопросы процессуального контроля и прокурорского надзора). Во-вторых, распространение описанной практики регрессных исков к следователю приведет к еще более колоссальному оттоку кадров из органов предварительного расследования. В этой связи нацеливаем научное сообщество и законодателя на поиск взвешенного решения, которое разрешит выявленные проблемы.

В качестве же основного вывода укажем, что в УПК РФ должна более отчетливо прослеживаться линия уголовного преследования, раскрытия и расследования преступлений в контексте защиты прав и законных интересов отдельных лиц, а также интересов общества и государства от

противоправных посягательств. Уголовно-процессуальная деятельность – это сложная, неоднозначно оцениваемая обществом, но высоконравственная деятельность [7, с. 44–102]. Сегодня важно сбалансировать средства достижения обеих целей уголовного судопроизводства, обеспечить оптимальное сочетание мер по противодействию преступности и защите потерпевших, с одной стороны, и укрепление гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование – с другой. При этом сами должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам, должны иметь надежные гарантии безопасности и эффективности деятельности.

Библиографический список

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. 240 с.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1991. 111 с.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Питер, 2003. 1008 с.
4. Антонов И. А., Антонова Л. Г. От Устава уголовного судопроизводства России 1864 года – к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 2001 года: определение назначения уголовного процесса // Мир юридической науки. 2015. № 5. С. 53–59.
5. Антонов И. А., Антонова Л. Г. Развитие уголовно-процессуального института охраны прав и свобод личности в ходе судебной реформы в Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). С. 194–198.
6. Антонов И. А. Независимость и самостоятельность – основа процессуального статуса следователя // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2020. С. 42–47.
7. Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности: теоретические идеи и правоприменительная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 429 с.

© Антонов И. А., 2024

Астапович О. А. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННОГО

CURRENT ISSUES OF DETENTION OF A CONVICTED PERSON

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации комплекса мероприятий, направленных на задержание осужденных, а также предшествующий этому розыск и последующее содержание разыскиваемых лиц до принятия решения об их судьбе, с учетом существующей инфраструктуры учреждений и органов УИС.

Abstract. The article discusses the organization of a set of measures aimed at detaining convicts, as well as the preceding search and subsequent detention of wanted persons until a decision is made on their fate, taking into account the existing infrastructure of institutions and bodies of the penal system.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; органы внутренних дел; уголовно-процессуальное законодательство; исполнение приговора; оперативно-розыскная деятельность: розыск осужденных; задержание осужденных.

Keywords: penal system; internal affairs bodies; criminal procedure legislation; execution of the sentence; operational investigative activities: search for convicts; detention of convicts.

Что делать в ситуации, когда расследование успешно проведено, суд обоснованно вынес обвинительный приговор, а исполнить этот приговор не получается в силу того, что осужденный выбывает из-под контроля органов исполнения наказаний и уклоняется от выполнения возложенных на него обязательств. В этой ситуации возникает необходимость разыскать его, задержать и в установленном порядке препроводить по назначению. Таким образом, речь идет о новом комплексе действий в системе отправления правосудия – о задержании осужденного. Применительно к этой ситуации возникает два основных вопроса: как так получилось, что лицо в течение достаточно длительного срока находилось под полным контролем органов правосудия, и в момент, когда все связанные с совершенным преступлением задачи уже решены, оно вдруг выбывает из-под этого контроля. Второй вопрос сводится к необходимости восстановления статус-кво, то есть к задержанию осужденного с тем, чтобы обеспечить в отношении него процедуру исполнения приговора.

Актуальность проблем задержания осужденного определяется как ростом таких случаев на практике, так и проблемами в его законодательном регулировании, а также понимании правовой сущности.

Тот факт, что задержание осужденного не урегулировано в отличие от задержания подозреваемого надлежащим образом, отмечают практически все исследователи, в частности, весьма аргументированно высказывается по этому вопросу известный исследователь профессор В. В. Николук [3]. Обоснованность применения в данной ситуации норм УПК, в частности, ч. 18 ст. 397 УПК, по аналогии, как предлагают некоторые исследователи [2], не столь очевидна и нуждается в дополнительном обосновании.

Как сказано в ст. 18.1, 75.1 и 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) наделены правом самостоятельно осуществлять оперативно-розыскную работу, направленную на розыск осужденных, которые уклоняются от отбывания уголовного наказания, конечными результатами которой должны стать задержание и содержание разысканных лиц в специальных помещениях для задержанных до вынесения соответствующего судебного решения. Однако сотрудники УИС не наделены полномочиями, чтобы самостоятельно задерживать разысканных осужденных на срок до 48 часов. Также отсутствует соответствующая нормативная база, на основании которой можно было бы содержать задержанных осужденных в течение 48 часов в учреждениях или органах УИС до того, как материалы будут представлены на них в суд в соответствии со ст. 397 УПК РФ, или направления задержанных, в отношении которых получено судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражей, в СИЗО [1, с. 42].

Сказанное позволяет сделать вывод об актуальности проблемы организации полного комплекса мероприятия, который позволял бы эффективно разыскивать, задерживать и содержать задержанных осужденных.

Недавно в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с ГОУ ФСИН России было проведено исследование, которое позволило выявить ряд проблем в этой сфере деятельности. В частности, установлено, что за уклонение от отбывания наказания в колонии-поселении, исправительном центре, а также наказаний, исполнение которых возложено на уголовно-исполнительные инспекции, не наступает какая-либо ответственность. В УИК РФ нет норм, которые устанавливали бы порядок задержания и полномочия сотрудников УИС при задержании осужденных–«уклонистов» за пределами учреждений УИС, режимных территорий и охраняемых объектов. [5, с. 396–402].

Возникают вопросы и в ситуациях, складывающихся после того, как уклоняющегося осужденного удалось задержать. Так, суды, рассматривая материалы об уклонении от отбывания наказания, порой необоснованно отказывают в удовлетворении ходатайств о заключении задержанных

осужденных под стражу. У органов и учреждений УИС отсутствуют специально оборудованные помещения для временного содержания задержанных осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания. А сотрудники органов внутренних дел при задержании осужденных—«уклонистов» нередко настаивают на их немедленной передаче в учреждения (органы) УИС после доставления в дежурную часть ОВД из-за отсутствия оснований для их содержания до вынесения решения суда.

Таким образом, для решения проблемы уклонения осужденных от отбывания наказания представляется целесообразным наделить органы и учреждения УИС в полном объеме полномочиями по розыску, задержанию, содержанию разыскиваемых лиц. Следует также установить административную ответственность за уклонение и уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания уголовного наказания. В УПК РФ необходимо предусмотреть норму, обязывающую судей (включая дежурных) безотлагательно рассматривать материалы в отношении доставленных в суд осужденных [4, с. 219, 221].

Из сказанного вытекает вывод о том, что следует наделить органы и учреждения уголовно-исполнительной системы полным комплексом полномочий, которые позволяли бы разыскивать, задерживать и содержать разыскиваемых под стражей. Такой порядок позволяет в правовом поле решать связанные с неотвратимостью наказания вопросы, системно задействовать имеющиеся в распоряжении УИС ресурсы, квалифицированно выполнять поставленные перед сотрудниками профессиональные задачи.

Библиографический список

1. Елизаров А. Б., Щетнев Л. Е. Проблемы правового регулирования розыска и привода лиц, подконтрольных уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 41–44.

2. Клишас А. А. К вопросу о задержании и заключении под стражу условно осужденного до судебного заседания, в котором предстоит разрешать вопрос об отмене условного осуждения // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Блоги сенаторов. 19 февраля 2021 г. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/124187/> (дата обращения: 24.02.2024).

3. Николюк В. В. К вопросу о задержании осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Международная Ассоциация содействия Правосудию. 28/09/2020. URL: <https://www.iauaj.net/node/2882> (дата обращения: 24.02.2024).

4. Омелин В. Н., Исиченко А. П., Лаверычева С. А. О задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сотрудниками территориальных органов ФСИН России // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы : теоретические и приклад-

ные аспекты : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 2018. С. 216–221.

5. Омелин В. Н., Пьянков М. Н., Спиридонова Ю. Н. О задержании лиц, разыскиваемых территориальными органами уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 396–402.

© Астапович О. А., 2024

УДК 343.132.4

Афанасьева А. А. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО НОТАРИУСУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

IS THERE A PLACE FOR A NOTARY IN CRIMINAL PROCEEDINGS?

Аннотация. В статье проанализированы возможности нотариуса по обеспечиванию доказательствами в уголовном процессе.

Abstract. The article analyzes the possibilities of a notary to provide evidence in criminal proceedings.

Ключевые слова: собирание доказательств, нотариус, защитник, следственные и иные процессуальные действия, уголовное судопроизводство.

Keywords: collection of evidence, notary, defender, investigative and other procedural actions, criminal proceedings.

Расследование уголовного дела в уголовном процессе имеет публично-правовую форму, потому что формирование уголовного дела осуществляется органами предварительного расследования. Благодаря тенденции внедрения состязательных элементов в российский уголовный процесс расширяются не только способы собирания доказательств, но и круг субъектов, участвующих в этой познавательной деятельности.

В 2023 году решением Правления Федеральной нотариальной палаты утверждены методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами [1], анализ которых заставил задуматься о месте и роли нота-

риуса в уголовном процессе, поскольку в данном документе идет речь не только об административном и гражданском судопроизводстве, но и об уголовном процессе, что идет в разрез с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

На основании ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) субъектами собирания доказательств являются следователь, дознаватель, прокурор и суд [2]. Наряду с указанными должностными лицами возможностями по собиранию доказательств наделяются подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Кроме того, законодатель наделил полномочиями сторону защиты по сбору доказательственной базы, таким образом признав защитника субъектом доказывания [2, с. 62]. Однако в современных условиях развития правоприменительной практики российского уголовного процесса защитник, на наш взгляд, не будет являться равным субъектом доказывания со стороной обвинения.

Статья 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы), устанавливает, что нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным [3].

Не взирая на существующий принцип непосредственности исследования доказательств судом, обеспечение доказательств нотариусом обусловлено возникновением риска утраты доказательств либо отсутствием возможности исследовать доказательства в ходе судебного следствия. Это может быть связано с риском уничтожения или повреждения доказательств (например, это касается скоропортящихся продуктов или технических устройств; электронных документов); угрожающими жизни или здоровью человека обстоятельствами; отсутствием возможности личного присутствия в суде, маломобильностью граждан, отсутствием транспортной доступности и прочее. В данном случае речь идет о гражданском или административном судопроизводстве. И если для одной отрасли права это норма, это вовсе не означает, что такие же действия возможны для другой,

Каким образом и какие доказательства собирает нотариус – предстоит выяснить, потому что на первый взгляд при подробном изучении указанных выше методических рекомендаций можно сделать вывод, что уже привычные процессуалистам субъекты собирания доказательств пополнились новым. К чему приведет использование чуждого для уголовного процесса труда нотариуса, остается только догадываться, ведь нельзя не обратить внимание на то, что законодатель предоставил возможность нотариусу производить допрос лиц, назначать экспертизы, осматривать документы, то есть совершать следственные и процессуальные действия, что в уголовном процессе присуще органам предварительного расследования, прокурору и суду. И если это является нормой в области гражданского и ад-

министративного права, это вовсе не означает, что подобное присуще для уголовно-процессуального законодательства, поскольку нотариус является ненадлежащим субъектом собирания доказательств.

Как указано в названных выше методических рекомендациях, предоставление доказательств, обеспеченных нотариусом, в уголовном процессе допускается в рамках требований п. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ, предусматривающих право подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать и представлять письменные документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (например, осмотр информации в сети Интернет, содержащей оскорбления, угрозы или клевету). Скорее всего, за помощью к нотариусу может обратиться сторона защиты, для того чтобы укрепить свои доводы при помощи должностного лица, обладающего властными полномочиями, с целью предоставить полученные документы лицу, ведущему расследование, и в суд. Однако маловероятно, что такие попытки «увенчаются успехом», потому что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и независимо от того, кем они были собраны, суд будет оценивать их со всех позиций. Нотариус не уполномочен осуществлять предварительное расследование, поэтому считать, что представленные документы от лица нотариуса будут бесспорными, неопровержимыми и не вызывать возражений в силу своей убедительности, нельзя.

Обеспечение доказательствами нотариусом согласно ст. 103 Основ производится в следующих формах: допрос свидетелей; осмотр письменных доказательств; осмотр вещественных доказательств; назначение экспертизы (перечень форм обеспечения доказательств, установленных нотариусом, является закрытым и не подлежит расширительному толкованию). Нотариус не вправе обеспечивать иные доказательства, кроме вышеуказанных (например, фиксировать объяснения лиц, участвующих в деле, проводить контрольную закупку, очную ставку и т. д.). Схожие названия результатов собирания доказательств могут смутить участников уголовного судопроизводства, а процессуалистов может озадачить порядок получения таких доказательств, потому что процессуальные действия, о которых шла речь выше, могут проводить лишь лица, ведущие расследование по уголовному делу.

Основным способом получения доказательств по уголовным делам является следственное действие надлежащим субъектом расследования. Для чего участники уголовно-процессуальных отношений обращаются к помощи нотариуса – не совсем понятно, ведь о допросе свидетеля, назначении экспертизы, осмотре предметов можно заявить ходатайство надлежащему субъекту, действия которых одобрены уголовно-процессуальными нормами. Более того, получение заключения специалиста может не зависеть от должностных лиц, ведущих расследование. Его можно получить

самостоятельно. Участник уголовного судопроизводства имеет возможность обратиться за помощью к специалистам, получить заключение и заявить ходатайство о его приобщении к материалам уголовного дела, легализовав его таким образом в материалы уголовного дела.

Наряду с назначением экспертизы, согласно ст. 1.7 Основ, нотариус должен лично и непосредственно осматривать письменные или вещественные доказательства, а также допрашивать свидетеля. Собираение доказательств нотариусом чуждо для уголовного процесса, в УПК РФ имеется закрепленный порядок таких действий, и места нотариусу в нем на сегодняшний день нет. В случае, если какая-либо из сторон заявит ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела обеспеченные нотариусом доказательства, они не могут быть полноценными, вызывают споры и не способны заменить привычный и узаконенный в УПК РФ порядок их собирания.

Проводить исследование и оценку доказательств нотариус возможности не имеет, также не может решать вопрос об их относимости и допустимости, поскольку это является компетенцией суда или административного органа, он также не проверяет достоверность и неизменность доказательств.

На том основании, что в процессе расследования уголовное дело находится в производстве следователя или дознавателя, именно они имеют возможность принимать меры по обеспечению уголовного дела доказательствами. Эти должностные лица выступают фильтрующим органом, через который проходят все следственные и процессуальные действия, и именно они на досудебной стадии принимают решения о включении доказательств в материалы уголовного дела.

Желание защитников уравнивать свои права наряду со стороной обвинения иногда приводит к таким казусам, которые, казалось бы, при существующей уголовно-процессуальной системе не должны были возникнуть.

Использование полученных доказательств, собранных нотариусом, приветствуются в административном и гражданском праве. Для уголовного процесса подобные приемы нарушают принципы уголовного судопроизводства и не приведут к желаемому результату.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами : утверждены решением Правления Федеральной нотариальной палаты (протокол от 26 июня 2023 г. № 10/23). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Афанасьева А. А. Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 60–65.

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утверждены Верховным Судом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Афанасьева А. А., 2024

УДК 343.1

Аширбекова М. Т. – профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия);

Шаутаева Г. Х. – начальник кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград, Россия)

УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

CONDITIONS FOR CONDUCTING TRIALS IN ABSENTIA IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: HISTORY AND PRESENT

Аннотация. В статье отмечается, что современное регулирование условий для проведения заочного судебного разбирательства по уголовным делам основывается на преемственности положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Преемственность не выражена в буквальном воспроизведении положений дореволюционного законодательства, поскольку в отличие от него современное законодательство распространило возможность заочного рассмотрения не только на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, но и на уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям. Авторы полагают, что нормы ст. 247 УПК РФ позволяют различать два порядка инициирования заочного судебного разбирательства: основанный на доминировании диспозитивного начала и основанный на публичном начале.

Abstract. The article notes that modern regulation of the conditions for conducting trials in absentia in criminal cases is based on the continuity of the

provisions of the Charter of Criminal Proceedings of 1864. Continuity is not expressed in the literal reproduction of the provisions of pre-revolutionary legislation, since, unlike it, modern legislation has extended the possibility of trial in absentia not only to criminal cases of crimes of minor and medium gravity, but also criminal cases of grave and especially grave crimes. The authors believe that the provisions of Art. 247 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation allows us to distinguish between two procedures for initiating proceedings in absentia: based on the dominance of the dispositive principle and based on the public principle.

Ключевые слова: заочный приговор, судебное разбирательство, ходатайство, устав, подсудимый, исключительные случаи.

Keywords: verdict in absentia, trial, petition, charter, defendant, exceptional cases

Современное российской уголовное судопроизводство, безусловно, восприняло многие принципы и институты, которые были выработаны в результате Великих судебных реформ второй половины XIX века и закреплены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС) [2]. Известно, что УУС воплотил начала состязательности и независимости суда в сферу уголовного правосудия. Немало норм в нем уделяют внимание и актам правосудия. Так, целая глава 9 УУС посвящена порядку постановления и объявления приговора как для судебного разбирательства с участием присяжных, так и проводимого без последних. Как видно из построения названной главы, законодатель того времени различал приговоры в зависимости от формы судебного разбирательства. Особо следует отметить, что УУС выделял и такой вид приговора, как заочный, при этом прямо использовал в своих нормах термин «заочный приговор». Глава 5 УУС так и называется: «О заочных приговорах». Обращает на себя внимание тот факт, что данная глава охватывает девять статей, что говорит о конкретизации оснований и условий постановления таких приговоров.

Здесь заметим, что в нормах УПК РФ ни термин «заочный приговор», ни термин «заочное судебное разбирательство» не используются, если не считать формулировку «приговор или определение суда, вынесенные заочно», приведенную в ч. 7 ст. 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3]. Конечно, отсутствие терминологии, свойственной УУС, не говорит о том, что современный законодатель не предусматривает проведения заочного судебного разбирательства и соответственно постановления заочного приговора. Нормы ч. 4–7 ст. 247 УПК РФ определяют условия проведения заочного судебного разбирательства. При этом данные нормы фактически регулируют основания проведения такого судебного разбирательства дифференцированно, по сути выделяя два порядка.

Первый порядок характеризуется доминированием диспозитивного начала, поскольку заочное судебное разбирательство может проводиться исключительно по ходатайству самого подсудимого и только при условии, что ему вменено обвинение в совершении преступления небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ).

Второй порядок, напротив, характеризуется доминированием публичных начал, выражаемых в направлении субъектами должностного обвинения в суд ходатайства о рассмотрении уголовного дела о тяжком или особо тяжком преступлении в отсутствие подсудимого при наличии исключительных случаев (ч. 5 ст. 247 УПК РФ). Хотя в названных нормах прямо не говорится, что заочное судебное разбирательство инициируется стороной обвинения, но такой вывод вытекает из другой статьи УПК РФ, а именно п. 4.1 ч. 2 ст. 229, конкретизирующего, что такой порядок возможен «при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном частью пятой статьи 247 настоящего Кодекса».

Если говорить о преемственности современного уголовного судопроизводства дореволюционным, то можно отметить, что первый порядок проведения заочного судебного разбирательства в режиме ч. 4 ст. 247 УПК РФ отчасти схож с тем, что имел место по нормам УУС по делам подсудным мировым судьям. В положениях ст. 133 УУС указывается: «Если обвиняемый в проступке, за которое полагается наказание не свыше ареста, не явится и не пришлет поверенного к назначенному сроку, или же хотя и пришлет поверенного, но по такому делу, по которому он сам вызвался лично, то мировой судья постановляет заочный приговор». Такой порядок допускался по тем соображениям, что не всегда обвиняемый (подсудимый) имел возможность прибыть в суд из-за отдаленности места своего жительства. Допуская заочное судебное разбирательство, нормы ст. 133 УУС указывали на обязательное участие поверенного (защитника) с целью соблюдения правила о том, что судебное разбирательство не носит письменного (инквизиционного) характера, а проводится устно с соблюдением состязательных начал. Обеспечение состязательности и права на защиту при постановлении заочного приговора видится в положениях ст. 138 УУС, согласно которым обвиняемому (именно так в УУС именуется подсудимый и осужденный) отправляется копия заочного приговора. Примечательно, что и сам заочный приговор мог быть не оставлен в силе решением самого же мирового судьи, если обвиняемый в течение двух недель явится и заявит отзыв – ходатайство о проведении нового судебного разбирательства с его непосредственным участием (ст. 140 УУС). Но если он вновь не явится на новое судебное разбирательство, то мировой судья оставляет в силе первый приговор, вынесенный заочно, а заодно и налагает на обвиняемого денежное взыскание в сумме не свыше двадцати пяти рублей, что по тем временам было совсем немало.

Модели проведения заочного судебного разбирательства по второму порядку, то есть по тяжким преступлениям в режиме, близком к современным нормам ч. 5 ст. 247 УПК РФ, дореволюционное законодательство не предусматривало. Это не значит, что разработчики УУС не рассматривали этот вариант как возможный – рассматривали, но отказались. Отказались потому, что это противоречило основным идеям гуманизации и демократизации уголовного процесса, то есть того, ради чего и проводились Великие судебные реформы 1864 года. Данные реформы сформировали русский уголовный процесс, «которого отличительное свойство состоит в замене заглазного суда по письменному производству судом устно-состязательным, представляющим подсудимому возможность судебного состязания с обвинителем» [2, с. 308].

Современный порядок заочного судебного разбирательства по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ мы выше обозначили как характеризующийся доминированием публичных начал, хотя в данных нормах нет прямого указания на то, что субъект должностного обвинения, а именно прокурор направляет соответствующее ходатайство. Но это вытекает из смысла закона: кому же еще нужно об этом ходатайствовать? При том, что в ч. 5 ст. 247 УПК РФ определены, как представляется, те самые исключительные случаи, которые не должны быть оставлены без внимания прокурора: подсудимому вменено обвинение в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления; подсудимый пребывает за границей России и (или) уклоняется от явки в суд; подсудимый не привлечен к уголовной ответственности за совершенное преступление в иностранном государстве.

Несмотря на то, что случаи проведения таких судебных разбирательств не часты, возникают проблемы с толкованием норм ч. 5 ст. 247 УПК РФ в аспекте процедуры направления субъектами должностного обвинения ходатайства в суд о проведении заочного судебного разбирательства. Так, суд первой инстанции возвратил прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ уголовное дело в отношении Д., обвиняемого в преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УК РФ. Обвиняемый Д. к моменту направления уголовного дела в суд находился на территории Великобритании. Поскольку к уголовному делу не было приложено ходатайство о проведении судебного разбирательства и рассмотрения уголовного дела без обвиняемого, суд первой инстанции расценил это как препятствие для рассмотрения дела по существу.

Прокурор, возражая против решения суда первой инстанции, в апелляционном представлении обратил внимание суда на то, что в рассматриваемом деле есть в наличии все условия для проведения заочного судебного разбирательства: обвинение в тяжком преступлении; обвиняемый находится в Великобритании; Вестминстерский магистратский суд отказал в его выдаче. Кроме этого, прокурор указал, что в действующем уголовно-процессуальном законе нет норм, однозначно предписывающих направле-

ние такого рода ходатайства одновременно с направлением уголовного дела в порядке ст. 222 УПК РФ. Соответствующее ходатайство может быть заявлено и на стадии назначения судебного заседания, то есть в порядке п. 4.1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции с этим доводом прокурора согласился [1].

Так или иначе, представляется, что есть некоторая неопределенность в этом вопросе. Потому правильно было бы дополнить ст. 222 УПК РФ новой частью 5 со следующим содержанием: «в исключительных случаях при наличии обстоятельств, указанных в части пятой статьи 247 настоящего Кодекса, прокурор направляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве без участия подсудимого с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства».

Библиографический список

1. Апелляционное постановление № 22-1436/2023 от 14 июля 2023 г. по делу № 1-128/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a7omaQPFSz6f/> (дата обращения: 01.02.2024).

2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб. : Издание Государственной Канцелярии, 1866. 504 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Аширбекова М. Т., 2024

© Шаутаева Г. Х., 2024

Барабанова А. А. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОПРОСА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

THE PROCEDURAL ORDER OF INTERROGATION ACCORDING TO THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864

Аннотация. В данной статье освещаются некоторые особенности процессуального порядка допроса свидетелей и обвиняемых по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Рассматриваются положения Устава уголовного судопроизводства, регламентирующие производство допроса свидетелей под присягой, участия переводчика в производстве допроса, обеспечение и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства при производстве следственного действия.

Abstract. This article highlights some features of the procedural procedure for the interrogation of witnesses and accused persons under the Statute of Criminal Proceedings of 1864. The provisions of the Statute of Criminal Proceedings regulating the interrogation of witnesses under oath, the participation of an interpreter in the interrogation, ensuring and respecting the rights of participants in criminal proceedings during the investigative action are considered.

Ключевые слова: допрос, следственное действие, свидетель, обвиняемый, процессуальный порядок, судебный следователь.

Keywords: interrogation, investigative action, witness, accused, procedural procedure, judicial investigator.

Теоретическое исследование и сравнительный анализ какого-либо объекта в рамках научной работы будет считаться неполным без изучения его истории, так как научное знание несет информацию о процессе формирования явления или правового института, а не только о его результате. Поэтому когда мы говорим об уголовно-процессуальном порядке допроса в российском законодательстве, необходимо обратить внимание на его регламентацию в истории уголовного процесса. В связи с этим хотелось бы осветить положения, касающиеся порядка производства допроса, которые были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года (далее – Устав). Определенный интерес данный нормативный акт представляет не только тем, что в ноябре 2024 года исполнится

160 лет со дня принятия Устава как одного из первых самостоятельных кодифицированных источников уголовно-процессуального права, но и тем, что многие доктрины уголовно-процессуальной науки, заложенные в этом документе, до сих пор актуальны и будоражат умы исследователей [2, с. 150]. Разработанный в рекордно короткие сроки, он был одним из самых прогрессивных законодательных актов своего времени, оказавшим значительное влияние на развитие не только российского, но и зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

Его разработкой занималась специальная комиссия, члены которой являлись не только специалистами в области судебного реформирования, но и светилами правовой мысли своего времени (В. П. Бутков, Н. А. Буцковский, А. П. Вилинбахов, П. Н. Даневский, С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, А. М. Плавский, К. П. Победоносцев). Большинство из них на момент нормотворческой деятельности были уже известными юристами и занимали высшие должности в государственном аппарате Российской империи.

На основе проделанного ими нелегкого труда многие советские и российские ученые уголовно-процессуальной сферы в Уставе уголовного судопроизводства смогли найти источник научных откровений. Так, Устав впервые ввел в обиход многие термины и понятия, которые до сих пор используются в современном российском уголовном процессе, такие как свидетель, эксперт, обвиняемый, подсудимый, защитник, обжалование приговора и многие другие.

Устав также закрепил ряд важных принципов уголовного судопроизводства, в том числе законность, гласность, состязательность, равенство сторон, презумпцию невиновности. Эти принципы лежат в основе и современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и являются гарантией прав и свобод граждан в уголовном процессе. Кроме того, Устав уголовного судопроизводства ввел в оборот многие состязательные процедуры, которые до сих пор используются в уголовном процессе. В частности, Устав предусматривал возможность допроса свидетелей и экспертов в суде, представление сторонами своих доказательств и возражений против доказательств противоположной стороны, а также возможность обжалования приговора в вышестоящую судебную инстанцию. Бесспорно, Устав «совершил революцию» не только в системе уголовного судопроизводства России, но и в уголовно-процессуальной науке, дав почву для новых научных изысканий и исследований.

Вернемся к вопросу о процессуальном порядке допроса. Во-первых, хотелось бы отметить, что Устав предусматривал лишь два вида допроса: допрос обвиняемого и допрос свидетеля. В этом он не опередил своего предшественника – Свод законов Российской Империи. Выделение данных участников из плеяды иных, с которыми производство допроса было регламентировано, по нашему мнению, связано с тем, что и в настоящее

время показания обвиняемого и свидетеля являются одними из основных источников доказательств в уголовном процессе.

В соответствии со ст. 398 Устава первоначальный допрос обвиняемого производился немедленно либо не позже суток после его явки или привода, «чтобы не оставлять его продолжительное время под стражей в неизвестности, за что он подвергнут задержанию, и чтобы дать ему возможность, если он задержан неправильно, разъяснить эту неправильность» [3, с. 680]. Обращаясь к нормам «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», можем увидеть, что на судебного следователя накладывались санкции за нарушения установленного в законе суточного срока допроса (вплоть до отстранения от занимаемой должности). В протоколе допроса обвиняемого, если следственное действие не было произведено в течение первых 12 часов после явки или привода, необходимо было указать причины отсрочки. По требованию обвиняемого копия протокола могла быть ему выдана. Удивляет, насколько скрупулезно законодатель прописал гарантии для соблюдения прав обвиняемого перед допросом, предусмотрев даже санкции для судебного следователя.

Интерес представляют положения ст. 411 Устава, которые закрепляли в себе правила производства допроса немых лиц или лиц, которые не могли передать в ходе следственного действия свои мысли на словах [1, с. 153]. В данном случае к проведению допроса привлекался либо переводчик, либо лицо, которое непосредственно работало в качестве наставника в заведении для глухонемых (если такое заведение присутствовало по месту производства следственных действий). По нашему мнению, закрепление данных правил способствовало в работе судебного следователя более полному пониманию специфики проведения следственных действий с допрашиваемым, имеющим определенные физические отклонения. Частично аналогичные положения сохранены и в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (ч. 6 ст. 59).

В отношении допроса свидетеля были установлены несколько правил, которые до сих пор сохранены в действующем законодательстве. Так, для явки свидетеля на производство допроса назначалось по «возможности» время, свободное от его основной профессиональной деятельности. Если свидетель без законных оснований неоднократно не являлся на допрос, то он мог быть подвергнут приводу. Свидетель имел право отказаться от дачи показаний, если они могли нанести ущерб ему или его близким родственникам.

Если допрашиваемое лицо объяснялось на языке, не понятном для судебного следователя, то к допросу приглашалось лицо, сведущее в этом языке. Оно выступало в качестве переводчика и записывало показания обвиняемого или свидетеля на русском языке.

Устав предусматривал установление особых правил и для допроса несовершеннолетних, душевнобольных лиц. Перед их допросом следова-

тель должен был удостовериться в их способности понимать значение своих показаний. Если следователь приходил к выводу, что обвиняемый или свидетель не способен понимать их значение, то он откладывал допрос и направлял соответствующее ходатайство в суд.

Кратко остановимся на процедуре допроса. Допрос по Уставу должен был быть составлен в письменной форме. Судебный следователь начинал допрос с разъяснения прав допрашиваемому лицу. После проведения допроса полученные показания записывались в протокол, который подписывался следователем и допрашиваемым лицом. В целом можно отметить, что существенных особенностей и отличий по порядку допроса по Уставу от действующего УПК РФ не имеется. Вместе с тем определенный интерес представляет такой элемент процессуального порядка допроса свидетеля, как присяга. На тот момент это был один из «старейших» элементов уголовно-процессуального права, отраженный в норме Устава уголовного судопроизводства Российской Империи (полностью исключен из российского законодательства декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). В Уставе дача показаний свидетелем под присягой была значительно урезана, в отличие от Свода законов Российской Империи. Судебный следователь перед проведением допроса мог привести свидетеля к присяге в нескольких случаях:

1. Если свидетель на длительное время уезжал за пределы города и полагал, что его приезд обратно мог затянуться.

2. Свидетель имел тяжкое заболевание.

3. Свидетель имел место жительства за пределами района суда, ведомственного делу, и его явка в суд вызвала особые затруднения. В остальных случаях судебный следователь не приводил свидетеля к присяге, а лишь разъяснял ему необходимость «добросовестно показать всю правду» [4, с. 159], что непосредственно схоже с положением, закрепленными в ст. 56 УПК РФ (об обязанности свидетеля давать правдивые показания).

Таким образом, проведя небольшой экскурс в историю становления процессуального порядка допроса по законодательству России, можем констатировать, что в целом за 160 лет с момента действия Устава уголовного судопроизводства положения, регулирующие процессуальный порядок рассматриваемого следственного действия, фактически не изменились. Основополагающие, принципиальные положения, направленные на соблюдение прав участника уголовного процесса, сохранены и действуют до сих пор, что лишний раз доказывает – Устав был новаторским нормативным правовым актом в уголовно-процессуальной сфере, а его составители – реформаторами в самом широком смысле этого слова. Безусловно, можно и нужно развивать и совершенствовать положения уголовно-процессуального закона в соответствии с потребностями правопримени-

тельной практики. Необходимо развивать и открывать новые научные доктрины в сфере уголовно-процессуальной науки. Однако нельзя отрицать того очевидного факта, что нормы Устава уже второе столетие служат для этих процессов прочным фундаментом и источником новых свершений.

Библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. В 5 ч. Ч. 2. 2-е изд., доп. и изм. СПб., 1867.

2. Макаров М. А., Смахтин Е. В. Уголовно-процессуальный кодекс и Устав уголовного судопроизводства в расследовании терроризма: учимся у прошлого // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 4. 2014. С. 148–155.

3. Семенцов В. А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 679–685.

4. Цыренова Ю. Б. Становление и развитие допроса в российском уголовном процессе // Новая наука как результат инновационного развития общества : сборник статей Международной научно-практической конференции: в 17 ч. Ч. 3. 2017. С. 158–160.

© Барабанова А. А., 2024

Богатырев Д. В. – преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия);

Ендольцева А. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

ABUSE OF RIGHTS: MORAL AND LEGAL COMPONENTS

Аннотация. В статье авторы соотносят злоупотребление правом с противоположными ему характеристиками, такими как добросовестность, разумность, нравственность. Указанные критерии являются морально-этическими, вместе с тем в контексте злоупотребления правом авторы выделяют и юридическую их составляющую. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления термина «добросовестность» в норме уголовно-процессуального закона и указания на соблюдение такого требования, установления правового запрета на злоупотребление правом. Предлагается возможная редакция таких норм.

Abstract. In the article, the authors relate the abuse of the right to the opposite characteristics, such as good faith, reason, morality. These criteria are of a moral and ethical nature, but the authors also emphasize their legal component in the context of abuse of rights. In conclusion, it is concluded that it is necessary to legislate the term «good faith» in the norm of criminal procedure law and to specify compliance with such a requirement, to establish a legal prohibition of abuse of rights. The possible wording of such rules is suggested.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовно-процессуальный закон, добросовестность, допустимость, разумность, нравственность.

Keywords: abuse of rights, criminal procedure law, integrity, admissibility, reasonableness, morality.

Злоупотребление правом является весьма спорной правовой категорией для российской науки и правоприменительной практики. Существует множество мнений ученых относительно его понятия и сущности.

Мы же для того, чтобы определить сущность такого явления, как злоупотребление правом, обратимся к категории права. Это связано с тем, что при выявлении факта злоупотребления правом в первую очередь необходимо установить наличие у лица субъективного права, которым оно злоупотребило. Именно эта точка является отправной в выявлении и установлении злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, потому как в случае отсутствия у лица предоставленного ему права мы можем констатировать, что его деятельность в таком случае будет осуществляться в отсутствие правомочий, что для уголовного процесса неприемлемо.

При этом следует отметить, что в теории права отмечаются две грани: объективное и субъективное право. Причем первичной основой является объективное право, субъективное же – это его производная, т. е. вторичное явление, поскольку субъективное право устанавливается объективным. Г. М. Вельминов отмечает, что «еще римское пандектное право различало понятия *norma agenda* (правило, эталон поведения), т. е. по сути – объективное право, и *jus agendi* (право определенного конкретного поведения), иначе – субъективное право» [1, с. 98–100].

Проводя соотношение этих категорий, считаем важным обратить внимание на то, что исторически этимология этих понятий сложилась следующим образом: субъективным правом принято считать те возможности, правомочия, в общем – юридические действия, которые регламентированы законодательством и которые лицо может реализовывать, руководствуясь личными интересами. В свою очередь, под объективным правом чаще всего понимаются те действия, которые человек обязан выполнить на основании установленного законодательством предписания, и исходя из указанного, видится, что они представляют из себя меру обязательного поведения, то есть обязанность.

Одним из первых, кто выделил формулировку понятия субъективного права, был профессор С. Н. Братусь, он рассматривал его как меру возможного поведения, закрепленную за лицом [2, с. 20]. А. А. Малиновский определяет субъективное право несколько шире, как «меру возможного поведения, предоставленную законом управомоченному лицу для удовлетворения своих интересов» [3, с. 86]. Отметим, что в целом мнения большинства авторов относительно понимания субъективного права схожи и отличаются лишь минимальными аспектами и дополнениями. В качестве примера приведем точку зрения и другого автора: С. С. Алексеев писал, что «субъективное право – это принадлежащая управомоченному лицу в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц» [4, с. 114].

Итак, субъективное право представляет из себя меру дозволенного и возможного поведения. То есть человек волен выбирать, совершать ему определенные законом действия либо нет.

Реализация субъективного права гарантируется законодательными установками обязанностей противоположной стороны. И кроме того, лицо, реализующее субъективное право, вправе требовать его исполнения, что также регламентируется законом. Причем в контексте уголовно-процессуальных правоотношений существуют и специальные процессуальные гарантии. В качестве примера приведем право участников уголовного судопроизводства на заявление ходатайств: в случае заявления ходатайства в соответствии со ст. 121 УПК РФ соответствующее должностное лицо обязано рассмотреть заявленное ходатайство, и эта обязанность гарантирует реализацию субъективного права заявителя. В случае если ходатайство не будет рассмотрено или будет рассмотрено не должным образом (например, несвоевременно), заявитель вправе обратиться с жалобой, тем самым подчеркивается его возможность требовать надлежащей реализации своего права и корреспондирующих ему обязанностей.

Нельзя не подчеркнуть, что несмотря на потенциальную диспозитивность, субъективное право имеет рамки допустимого. Ведь человек, реализуя свои права и свободы, так или иначе затрагивает интересы других людей. Именно по этой причине субъективные права поставлены в некоторые рамки, которые указывают границу дозволенного поведения для того, чтобы, реализуя право, человек не нарушал права и свободы других людей – «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». Действия, которые лицо может и желает совершить, во многих случаях ограничены законом. Однако стоит учесть, что такой признак (допустимость) присущ не всем отраслям права, но применительно к уголовно-процессуальному праву это так и есть.

Возможна и такая ситуация, когда пределы субъективного права не ограничены законодателем, а потому невозможно определить меру свободы, которой обладает управомоченный субъект. Подобного рода нормы могут весьма успешно применяться в контексте злоупотребления правом. Недобросовестные участники уголовного процесса могут использовать такую норму для реализации своих интересов, причиняя вред. При этом важно обратить внимание на то, что если закон не содержит в себе четких границ реализации правомочия, то выявить и пресечь такого рода злоупотребление правом затруднительно, к тому же такие механизмы в уголовном процессе, как правило, отсутствуют.

Именно потенциальная возможность злоупотребления правом создает необходимость обозначать рамки его реализации. Ведь в том случае, если человеку будет дана безграничная свобода в контексте реализации права, это приведет к его неадекватному и вредоносному использованию. Важно отметить, что в рамках субъективного права субъект устанавливает

свои собственные пределы, которыми он руководствуется в той или иной жизненной ситуации. По этому поводу следует привести высказывание М. В. Романенко о том, что взаимодействие объективного и субъективного прав подчинено общим объективным закономерностям взаимодействия объективных и субъективных факторов. «Являясь вторичным по отношению к объективным условиям, субъективный фактор в то же время имеет собственное содержание и, соответственно, логику развития, являясь относительно самостоятельным, в нем могут сообразно его природе по-разному реализоваться объективные условия. Реакция действующих субъектов на одни и те же объективные условия может быть неодинакова, поскольку их воздействие на человека проходит через его внутренний мир, его моральные ценности и установки, т. е. человек активно и избирательно, а не пассивно, ассимилирует окружающие его объективные условия макро и микросреды» [5, с. 23].

В связи со сказанным хотелось бы привести одно из популярных лаконичных понятий, данных рассматриваемому явлению, которое представил в своей работе В. П. Грибанов, охарактеризовав злоупотребление правом как «употребление права во зло» [6, с. 172]. Для более подробного раскрытия рассматриваемого в настоящей статье явления обратимся к смыслу термина «зло», процитировав его определение в Толковом словаре С. И. Ожегова, где «зло» обозначается как «вредное, противоположное добру; злой поступок» [7, с. 190]. Злой поступок всегда получает у людей отрицательную оценку, порицается ими, поскольку несет за собой какой-либо вред, ущерб, страдания.

Многие авторы совершенно верно говорят о том, что злоупотребление правом противоположно таким понятиям, как добросовестность, разумность, нравственность. В качестве примера приведем мнение А. А. Малиновского о том, что злоупотребление правом следует соотносить с недобросовестным, неразумным и безнравственным осуществлением права [3, с. 115–120].

Нельзя не заметить, что в настоящее время российское законодательство содержит в себе достаточно много норм, основывающихся на морально-оценочной характеристике. Так, в частности, в гражданском законодательстве неоднократно упоминается добросовестность как элемент реализации права и даже как требование к реализации права. К примеру, п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гласит, что «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Помимо требования законодателя реализовывать свои права и исполнять обязанности добросовестно п. 5 ст. 10 ГК РФ предполагает и разумность участников гражданских правоотношений, тем самым выделяя еще один элемент гражданского процесса – разумность реализации права.

Однако законодатель здесь не раскрывает такие неоднозначные термины, как добросовестность либо разумность, весьма размыто касается сущности недобросовестного поведения. И это понятно, дать четкие им пояснения в тексте закона крайне затруднительно, а потому законодатель изначально закладывает идею реализации права согласно нормам морали и нравственности. Так, в рамках гражданского законодательства по общему правилу, установленному в ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Исходя из сказанного, мы можем сделать вывод о том, что злоупотребление правом является сугубо оценочным понятием, и кроме того, законодатель изначально предполагает презумпцию добросовестности реализации права, что означает необходимость доказывания наличия факта недобросовестности. Итак, в рамках гражданского права, хотя и весьма размыто, тем не менее разъясняются некоторые аспекты недобросовестности реализации права. Применительно же к отрасли уголовно-процессуальной заметим, что законодатель никак не касается недобросовестности реализации прав участниками уголовного судопроизводства, в то время как это имеет место.

Указанными вопросами весьма активно занимаются ученые. К примеру, А. А. Малиновский считает, что «добросовестность – это внутренний предел осуществления права, который следует рассматривать как стремление субъекта отказаться от зловредного осуществления права, исходя из своих внутренних убеждений» [3, с. 183–185]. По мнению О. В. Желевой, добросовестность в контексте злоупотребления правом следует рассматривать с точки зрения субъективного и объективного. Субъективно – это невиновное заблуждение субъекта относительно правомерности своего поведения, а объективно – точное соблюдение лицом правовых предписаний, непричинение вреда в процессе осуществления субъективных прав правам и законным интересам других участников правоотношений [8, с. 75–80].

Нельзя не заметить, что указанные критерии являются морально-этическими, а потому мы можем полагать, что добросовестность тесно связана с моралью. Но здесь весьма интересной нам видится точка зрения К. И. Скловского, который указывал, что хотя понятие добросовестности сопровождает нравственный фон, он все же не составляет ее существа, добросовестность – не добродетель [9, с. 81]. Говоря о соотношении добросовестности и морали, следует привести и мнение Г. В. Вердияна, который указывал на то, что юридическое понятие добросовестности предполагает согласие с действующими нормами права, а не с предписаниями нравственности [10, с. 46–51]. Мы поддерживаем мнение этих авторов, потому как считаем мораль не «ведущей» силой соблюдения законности, хотя она и связана с правом, а скорее «условием» соблюдения некоторых отдельных норм. Однако следует признать, что добросовестность может в какой-то мере коррелировать с моралью и нравственностью. В этом

плане мы согласны с мнением О. Н. Барминой, которая говорит о том, что «право представляет собой нормативный регулятор общественной жизни, а мораль – духовный координатор человеческих поступков» [11, с. 61]. И в данном контексте весьма важно отметить, что антиподом злоупотреблению правом является добросовестность реализации права. Исходя из указанного тезиса мы можем полагать, что именно принцип добросовестности означает применение права в соответствии с назначением и целью самого права, заложенного законодателем.

Стоит обратить внимание на то, что мораль как оценочная категория зависит от тех морально-нравственных ценностей, которые присущи конкретному человеку. А потому мы можем говорить о том, что для принятия решения лицо должно обладать соответствующими представлениями о тех критериях, которые представлены в норме. Так, участник судопроизводства дает самостоятельную оценку своему деянию: считать ли его справедливым, добросовестным, разумным или наоборот.

Что касается принципа разумности реализации права, то мнения авторов по этому поводу весьма разнообразны. Так, например, В. И. Емельянов указывает на то, что критерий разумности характеризует участника опосредованно с точки зрения поведения среднестатистического человека, то есть «нормальное» поведение [12, с. 82]. При этом Д. Н. Ушаков определял термин «разумный» как оправдываемый разумом, основанный на разуме, обладающий положительным смыслом [13, с. 76]. По этой причине полагаем, что разумность практически не основывается на морали. Она проявляет себя в интеллектуальном состоянии человека, его способности сопоставлять желаемое с последствиями. Так, например, следователь или дознаватель, избирая меру пресечения подозреваемому или обвиняемому, соизмеряет поведение лица, к которому применяется такая мера, и сам вид меры пресечения. В свою очередь, такая мера должна соответствовать и быть соразмерной его поведению и процессуальному положению, а потому должностное лицо в указанном случае должно действовать разумно.

Признаки добросовестности и разумности предполагают использование субъектом предоставленного права в соответствии его назначению и здравому смыслу. Поэтому одной из главных отличительных черт злоупотребления правом является то, что лицо в этом случае реализует свои субъективные права недобросовестно, вопреки их фактическому назначению и смыслу, желая или сознательно предполагая причинить вред другим участникам правоотношений и (или) интересам правосудия. Именно в этом мы видим зло такого правового явления. Неслучайно то, что по результатам проведенного нами опроса 91 % респондентов среди научных и педагогических сотрудников образовательных организаций считают злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве недобросовестным поведением. Результат опроса респондентов-правоприменителей весьма схож и составляет 83 %.

Итак, критериями злоупотребления правом являются, с одной стороны, добросовестность как морально-этическая сторона деяния человека, а с другой – соответствие назначению субъективного права, и отрицательная их оценка будет свидетельствовать о реализации права во зло.

Юридическая же составляющая связана с законодательным закреплением термина «добросовестность» в норме закона и указанием к соблюдению такого требования, а также в установлении запрета на злоупотребление правом.

Важно сказать, что многие ученые-процессуалисты, изучавшие это правовое явление, говорят о необходимости внесения в уголовно-процессуальный закон такого запрета и предлагают его закрепить в качестве нового самостоятельного принципа [14, с. 132; 15, с. 50]. Нам же видится приемлемым иной подход. Предлагаем дополнить ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (Законность при производстве по уголовному делу) частью 5 следующего содержания: «При реализации своих прав и осуществлении обязанностей, установленных настоящим Кодексом, участники уголовного судопроизводства должны действовать добросовестно. Злоупотребление правом не допускается». А также полагаем целесообразным указать в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, что перечисленные там должностные лица обязаны, кроме сказанного в данной норме, *принимать меры к предупреждению и пресечению злоупотребления правом*, а сами такие меры необходимо регламентировать в уголовно-процессуальном законе [16].

Библиографический список

1. Вельминов Г. М. К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права // Государство и право. 2014. № 2. С. 98–100.
2. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 368 с.
3. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 404 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х томах. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1982. 360 с.
5. Диалектика объективного и субъективного в условиях развитого социализма. М. : Мысль, 1981. 120 с.
6. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М. : Рос. право, 1992. 207 с.
7. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз. Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. 907 с.

8. Желева О. В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 240 с.
9. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79–94.
10. Вердиян Г. В. Понятие, содержание и место категории «Добросовестность» в системе правовых понятий гражданского права // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 5. С. 46–51.
11. Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2015. 195 с.
12. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002. 160 с.
13. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
14. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 210 с.
15. Доника Д. А. Злоупотребление субъективным правом участника уголовного процесса в ходе предварительного расследования и уголовно-процессуальные средства его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 254 с.
16. Богатырев Д. В. Основания и механизмы преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве» : дис... канд. юрид. наук. М., 2023. 255 с.

© Богатырев Д. В., 2024

© Ендольцева А. В., 2024

Боков В. В. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (г. Уфа, Россия);

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF REASONABLE TIME IN THE CRIMINAL PROCESS

Аннотация. В статье исследуются отдельные аспекты, устанавливающие сущностную характеристику принципа разумного срока в уголовном судопроизводстве, приводятся мнения отдельных ученых процессуалистов о его понятии и соотношении с иными уголовно-процессуальными принципами, на основании чего делаются соответствующие выводы.

Abstract. The article examines certain aspects that establish the essential characteristic of the principle of reasonable time in criminal proceedings, provides the opinions of individual procedural scientists on its concept and relationship with other criminal procedural principles, on the basis of which appropriate conclusions are drawn.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, разумный срок в уголовном процессе.

Keywords: principles of criminal procedure, reasonable time in criminal proceedings.

В Конституции Российской Федерации закреплены фундаментальные демократические принципы, на которых базируются различные общественные отношения, в особенности те, в процессе которых возможно ограничение отдельных прав. Уголовно-процессуальные отношения не являются исключением. Одним из таких принципов является принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Он является межотраслевым, одновременно введенным в российскую правовую действительность в 2010 году [1, с. 34]. Его действие распространяется не только на отношения, связанные с осуществлением уголовного преследования, но и на иные,

которые возникают в гражданских, административных и иных сферах, что только подчеркивает его фундаментальную важность. Реализация данного принципа в уголовно-процессуальной деятельности также обеспечивается дополнительными нормами, которые либо определяют сам срок, либо порядок его продления.

Итак, в положениях ст. 2 Конституции Российской Федерации указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Этот постулат распространяется на все без исключения общественные отношения. Кроме того, в этой же норме закреплена обязанность государства по осуществлению признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим рассматриваемый принцип стал одним из фундаментальных начал уголовного судопроизводства. При этом он распространяет свое действие на все стадии уголовного судопроизводства, включая досудебные, в структуре которых существуют процессуальные формы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Таким образом, на основании указанных положений государство, в том числе в лице органов, реализующих функцию уголовного преследования, должно реализовывать данный принцип. Органы предварительного расследования обязаны осуществлять такую деятельность во взаимодействии с иными органами, задействованными в уголовном судопроизводстве (судом, прокуратурой) [2, с. 30].

Важными, применительно к рассматриваемому принципу, следует также считать положения, сформулированные в ст. 46 Конституции Российской Федерации. Так, каждому субъекту уголовно-процессуальных отношений гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это в полной мере касается и принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Иными словами, в случае нарушения разумного срока, исходя из обстоятельств его определения, субъект вправе обратиться в суд с жалобой (административным иском заявлением) о нарушении его права на разумный срок и потребовать компенсацию. Важным представляется то, что такие требования могут выдвигать представители обеих сторон уголовного судопроизводства.

В положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) принцип разумного срока нашел закрепление в отдельной норме, а именно в ст. 6.1. Следует заметить, что названная норма не закрепляет понятие рассматриваемого принципа, а лишь освещает его содержательную характеристику. При этом законодатель не ограничивается положениями ст. 6.1 УПК РФ. Так, к примеру, в ч. 2 ст. 123 УПК РФ отмечается, что в случае наличия нарушений рассматриваемого принципа любой участник уголовного процесса может подать соответствующую жалобу прокурору или руководителю следственного органа.

Также следует не забывать о международных нормативных правовых актах. Так, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека установлено право

каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. О необходимости соблюдения разумного срока говорится в ч. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вопросам соблюдения разумных сроков уделяется внимание Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций [3].

Закрепленные в Конституции Российской Федерации и УПК РФ положения в полной мере соответствует всем международным актам, что создает основу их эффективной реализации в отношениях, связанных с осуществлением уголовного преследования.

Таким образом, применительно к правоотношениям, связанным с деятельностью органов предварительного следствия, рассматриваемый принцип сформирован тремя законодательными элементами, среди которых Конституция Российской Федерации, УПК РФ и международные правовые акты.

Как уже отмечалось, в законодательстве отсутствует легальное определение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, что вызывает в науке уголовно-процессуального права бурные дискуссии. Так, С. Е. Малахова указывает, что рассматриваемый принцип является дополнением принципа законности, что проявляется в необходимости четкого соблюдения уголовно-процессуального законодательства применительно к срокам осуществления конкретного процессуального действия. Автор также отмечает, что обозначенный принцип имеет связь и с иными элементами системы принципов уголовного процесс, среди которых принцип языка, состязательность сторон и другие [4, с. 206].

В. А. Илюхина указывает, что рассматриваемый принцип представляет собой достаточно новую категорию для отечественного уголовно-процессуального права. Ранее обозначенный принцип существовал только как доктринальный и реализовывался лишь на уровне идей процессуалистов [5, с. 10].

Отдельные исследователи указывают, что значительное количество нарушений, связанных с разумностью сроков уголовного судопроизводства, обуславливается, в том числе вопросом отсутствия в законодательстве четкого подхода к пониманию его правовой природы [6, с. 114]. Авторы отмечают, что на сегодняшний день законодатель определяет лишь отдельные обстоятельства, которые должны учитывать при определении разумности срока уголовного судопроизводства, вместе с тем существует острая необходимость введения его понятия. В связи с этим авторы статьи предлагают понимать под категорией «разумный срок» определенный временной промежуток, включающий в себя установленные уголовно-процессуальным законодательством сроки проведения процессуальных

действий, а также сроки реализации одной из форм предварительного расследования [6, с. 116].

Отметим, что в уголовно-процессуальной науке осуществляется сравнение правовой природы различных принципов, в том числе рассматриваемый принцип сравнивается с принципом законности, неприкосновенности личности и иными.

Так, Н. Ш. Козаев придает принципу законности в уголовном судопроизводстве фундаментальность и отмечает, что принцип законности является основополагающим началом уголовно-процессуальных отношений. Указанный автор напрямую связывает процесс реализации названного принципа с конкретными негативными примерами нарушения законности со стороны следователей, которые приводили к привлечению к ответственности невиновных лиц, а также препятствовали достижению иных целей уголовного судопроизводства. Автор также отмечает, что в принцип законности необходимо включать элементы разумности срока [7, с. 105].

По нашему мнению, принцип законности имеет не менее важное значение для уголовного судопроизводства, однако в положениях уголовно-процессуального законодательства невозможно предусмотреть все возможные правила, ограничения и запреты для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в связи с чем, необходимо иметь иные механизмы, которые позволят обеспечить должное исполнение законодательных норм о сроках и позволят обеспечить оперативность уголовного судопроизводства.

Кроме того, важным представляется осуществление сравнения рассматриваемого принципа с уголовно-процессуальными положениями о смежном принципе охраны прав и свобод человека и гражданина. Так, в науке существуют мнение, в соответствии с которыми принцип охраны прав и свобод человека и гражданина необходимо считать основным положением, которое призвано систематизировать разрозненные положения УПК РФ, касающиеся прав и свобод граждан.

Отдельные авторы утверждают, что рассматриваемый принцип проявляется и в других принципах уголовного процесса, среди которых принцип разумного срока [8, с. 40]. Безусловно, неисполнение принципа разумного срока ведет к нарушению прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство в своих положениях закрепило основные принципы, являющиеся фундаментом, на котором базируется все уголовно-процессуальное производство. Среди указанной системы принципов основное место занимает принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что пренебрежение данным принципом уголовного процесса повлечет необратимые последствия, связанные с нарушением жизнедеятельности всего механизма уголовного процесса. Вместе с тем указанный принцип имеет взаимосвязь

с принципами законности, а также принципом охраны прав и законных интересов граждан. Названные, а также иные принципы, существующие в системе уголовного судопроизводства, призваны составлять единую систему, задачи которой связаны с обеспечением и возможностью реализации всех предоставленных участникам уголовного судопроизводства прав.

Сущность рассматриваемого принципа следует также ассоциировать с необходимостью обеспечения оперативности осуществления разнообразных мер принуждения и иных процессуальных действий. В частности, в уголовном процессе меры принуждения применяются государственными органами и должностными лицами в пределах их полномочий к участвующим в деле лицам, ненадлежащее поведение которых или возможность такого поведения создает или может создать препятствия для успешного хода и порядка уголовного судопроизводства; имеют конкретные цели; применяются при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующем их законность и обоснованность [1, с. 54].

Таким образом, принцип разумного срока пронизывает все уголовно-процессуальные отношения, которые ограничены временными сроками. Важным является то, что обозначенный принцип позволяет обеспечить оперативность и большую эффективность уголовного судопроизводства, а также дополнительные механизмы гарантий прав и свобод участников уголовного процесса. Важным представляется то, что рассматриваемый принцип обеспечивает уголовно-процессуальные отношения на всех стадиях, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая этапом судебного рассмотрения.

В заключение следует отметить, что уголовно-процессуальный принцип разумного срока уголовного судопроизводства базируется на конституционных положениях, а также положениях международных правовых актов. На основе положений указанных нормативных актов в ст. 6.1 УПК РФ сформулированы положения, в соответствии с которыми при осуществлении уголовного судопроизводства не допускается нарушение разумного срока, исходя из закрепленных обстоятельств. Указанный принцип является одним из основных в уголовном судопроизводстве, однако реализуется в совокупности с иными уголовно-процессуальными принципами, среди которых законность, охрана прав и свобод граждан и другие, что обеспечивает мощную защитную систему. Обозначенный принцип необходимо ассоциировать с категорией, которая позволяет обеспечить реализацию всех уголовно-процессуальных норм о сроках и не допустить возникновение противоречий между участниками уголовного судопроизводства. Механизм указанного принципа позволяет обеспечить оперативность и эффективность уголовного судопроизводства, а также права и свободы участников. Также рассматриваемый принцип реализует ряд процессуальных гарантий для участников в случае нарушения разумного срока, в том числе, право на компенсацию.

Библиографический список

1. Каац М. Э., Насыров Р. Р. К Вопросу о содержании принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2012. № 3. С. 34–39.
2. Ситникова Е. О., Судоргина Е. В. Принцип судопроизводства в разумный срок в системе принципов российского законодательства: актуальные вопросы правоприменения // Интернаука. 2020. № 1-3 (130). С. 28–31.
3. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2023) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Малахова С. Е. Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип уголовного процесса и его соотношение с другими принципами // Наука и образование в XXI веке : материалы XI Международной научно-практической конференции. Томск, 2020. С. 204–209.
5. Илюхина В. А. Принцип разумного срока судопроизводства в процессуальных отраслях российского права // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 2 (64). С. 4–14.
6. Панькина И. Ю., Сенатор В. Д. Проблема реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 4. С. 114–118.
7. Козаев Н. Ш. Принцип законности и некоторые проблемы его обеспечения и укрепления в уголовном процессе // Конституция и конституционная законность : материалы X международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 102–107.
8. Поталов С. Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в системе принципов уголовного судопроизводства // Правовая система России: история и современность : сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 40–43.
9. Назначение и принципы уголовного судопроизводства : учебное пособие / Е. В. Авдеева, В. Н. Гапонова, И. П. Попова, А. И. Цыреторов. Иркутск, 2019. 80 с.

© Боков В. В., 2024

© Каац М. Э., 2024

Васильченко А. В. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент (г. Уфа, Россия)

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

ISSUES OF THE USE OF MOLECULAR GENETIC EXAMINATIONS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF VIOLENT CRIMES

Аннотация. В статье изложены вопросы использования метода молекулярно-генетической идентификации личности при раскрытии и расследовании преступлений. Проанализированы методы молекулярно-генетической идентификации личности, применяемые в Российской Федерации. Рассмотрены перспективы совершенствования применяемых экспертных методик, расширения баз геномной регистрации.

Abstract. The article describes the issues of using the method of molecular genetic identification of a person in the detection and investigation of crimes. The methods of molecular genetic identification of personality used in the Russian Federation are analyzed. The prospects of improving the applied expert techniques and expanding the bases of genomic registration of use are considered.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, масштабное параллельное секвенирование, полимеразная цепная реакция, короткий tandemный повтор, одинарный нуклеотидный полиморфизм.

Keywords: molecular genetic examination, large-scale parallel sequencing, polymerase chain reaction, short tandem repeat, single nucleotide polymorphism.

Вопросы молекулярно-генетической идентификации являлись предметом рассмотрения ряда научных работ, посвященных совершенствованию методов отождествления личности в раскрытии и расследовании преступлений насильственного характера [3, с. 69; 4, с. 32, 5, с. 145; 6, с. 191]. Применение молекулярно-генетических экспертиз носит приоритетный характер. Ограничения их использования в Российской Федерации, связанные с недостатком финансирования, обусловленного дороговизной импортных реактивов для исследований, в последние годы нивелированы активным переходом экспертных лабораторий к использованию более деше-

вых отечественных аналогов, а также внесением изменений в законодательство Российской Федерации, позволивших расширить перечень лиц, подлежащих геномной регистрации [2].

В 2023 году в Российской Федерации произошли изменения в порядке осуществления геномной регистрации лиц. По принятым нормам процедура становится обязательной для определенной категории граждан. В частности, забор биологического материала необходим у подозреваемых и обвиняемых граждан, а также всех лиц, не только отбывающих уголовное наказание, но и подвергавшихся административному аресту. На сегодняшний день практическая часть реализуется в заборе буккального эпителия у тех лиц, которые подвергнуты обязательной геномной регистрации. В случае если забор буккального эпителия на данный момент по каким-либо причинам невозможен, сотрудники могут осуществлять забор иного генетического материала (кровь, волосы с фолликулами, ногти, иные ткани тела человека).

После взятия необходимого биологического материала специалист в данной области расшифровывает генетический код, и ДНК декодируется в двоичный вид данных. В последующем каждому геному закрепляется определенный номер, который соответствует расшифрованному ДНК. Все данные хранятся не в виде образцов, а в виде расшифрованной информации. В настоящее время отделами экспертиз биологических объектов и учетов экспертно-криминалистических центров МВД субъектов Российской Федерации ведется активная работа по формированию федеральной базы данных геномной информации (Ксенон-2). Эффективность проводимых мероприятий уже отразилась в росте числа раскрытых преступлений прошлых лет, преступлений против личности. Однако не наблюдается существенного прогресса в идентификации тел погибших, поиске лиц, пропавших без вести [1]. Это обуславливает необходимость совершенствования существующей системы методов отождествления личности.

В криминалистике идентификация трактуется как сравнительное исследование материальных объектов и их отображений с целью разрешения вопроса о тождестве и получения судебных доказательств. Для исследования специалистами широко используются молекулярно-генетический метод идентификации. Этот метод является достаточно прочной базой для установления личности. В ходе судебной экспертизы методом исследования ДНК проводится прямое сравнительное исследование генетических признаков объекта с генетическими признаками подозреваемых, их ближайших родственников, кроме того, проводится установление родства по таким уголовным делам, как детоубийства, подмена детей.

В настоящее время в Российской Федерации при производстве молекулярно-генетических исследований с целью получения достаточного для анализа количества копий определенных участков ДНК (амплификации) применяется метод полимеразной цепной реакции. Данный метод позволя-

ет осуществлять исследование на основе незначительного количества подверженного умеренному разрушению (деградации) ДНК-материала. Определение геномного профиля индивидуума (ДНК-типирование) осуществляется за счет неповторимого сочетания коротких участков цепочки ДНК, имеющих одинаковую последовательность (STR, Short Tandem Repeats).

Однако метод секвенирования первого поколения имеет недостатки и не может рассматриваться как идеальный. В частности, в случаях выраженной деградации ДНК в исследуемом материале (большой срок давности образования исследуемого материала, гниение, крайние температуры, химикаты) провести исследование методом полимеразной цепной реакции нередко не представляется возможным. Поэтому применяемая в Российской Федерации методика нуждается в дополнении и совершенствовании.

В настоящее время отмечается широкое внедрение в практику исследований методики массивного параллельного секвенирования, позволяющей при анализе STR-маркеров более точно определить принадлежность исследуемого объекта исследуемому лицу или его родственнику.

В ходе применения секвенирования второго поколения устраняются артефакты (статтер-аллели), широко представленные при применении полимеразной цепной реакции, что позволяет произвести четкую дифференциацию ДНК-профилей в образцах, имеющих генетический материал от нескольких индивидуумов, определить их процентное соотношение в представленном на исследование образце.

Метод массивного параллельного секвенирования позволяет оценить STR-маркеры, имеющие более короткую длину, что позволяет успешно осуществить исследование, когда метод полимеразной цепной реакции дал отрицательный результат (при сильной деградации ДНК в условиях большого срока давности образования материала, выраженных гнилостных изменений, воздействия крайних температур, химикатов).

Перспективным направлением в качестве дополнения к общепринятым STR-маркерам является использование однонуклеотидных полиморфизмов (SNP, Single nucleotide polymorphism), представляющих собой очень короткие участки (длиной в один нуклеотид), имеющие различия в сравниваемых последовательностях представленного генетического материала. Преимуществами их применения являются большая устойчивость к факторам деградации ДНК, возможность определения цвета кожи, глаз и волос, принадлежности к определенной этнической группе населения с определением регионарного происхождения индивида. В качестве дополнительных возможностей ДНК-профилирования следует отметить возможность определения ожирения, вредных привычек (курение, злоупотребление алкоголем и иными психоактивными веществами за счет оценки степени метилирования ДНК). Метод массивного параллельного секвенирования, в отличие от метода полимеразной цепной реакции, позволяет использовать сочетание STR и SNP-маркеров.

В настоящее время ведущими исследовательскими лабораториями ведется активная работа по модернизации молекулярно-генетических исследований, направленная на повышение точности проведенных исследований (масштабное параллельное секвенирование третьего поколения, увеличение пропускной способности оборудования, переход на полную автоматизацию – процесс исследования без участия человека).

Таким образом, секвенирование второго поколения (масштабное параллельное секвенирование) является более эффективным в сравнении с полимеразной цепной реакцией, однако переход к секвенированию следующего поколения является вопросом времени, зависящим от замены устаревшего оборудования, промышленного производства новых реагентов для исследований, подготовки (обучения) персонала лабораторий, совмещения имеющихся в базе исследований (первого поколения) с новыми исследованиями (второго поколения).

Обобщая изложенный материал, необходимо отметить, что идентификационные исследования с применением ДНК-анализа личности неопознанного трупа являются одним из наиболее перспективных методов, позволяющих повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений насильственного характера. Расследование и раскрытие такого рода преступлений невозможно без использования сравнительного материала. Значительное количество неопознанных трупов, нераскрытых насильственных преступлений прошлых лет свидетельствует о необходимости совершенствования сложившейся системы идентификации неопознанных трупов. Эффективность идентификации зависит как от степени разработанности методов идентификации, так и от степени наполненности баз для сравнительных исследований. Законодательство устанавливает исчерпывающий перечень лиц, подлежащих обязательной регистрации. Однако в базу данных внесена лишь небольшая доля всего населения России. Это обуславливает необходимость пополнения национальной базы геномных исследований за счет расширения категорий, подлежащих исследованию. В частности, целесообразным представляется внесение в базу ДНК профилей родственников лиц, пропавших без вести, и сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Культин А. Ю., Полякова А. В. Генетическое разнообразие 38 аутомсомных STR маркеров в Российской популяции // Судебная экспертиза Беларуси. 2023. № 1 (16). С. 69–73.

4. Лавелина В. В. Отдельные аспекты повышения компетентности эксперта генетика // Судебная экспертиза и исследования. 2023. № 2. С. 32–36.

5. Миролубов С. Л. Современное состояние и перспективы развития ДНК исследований в криминалистике // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 145–149.

6. Тахиятуллина Н. В. Выделение ДНК из костного мозга трубчатых костей. Случай из практики // Актуальные вопросы судебной медицины и права : сборник научно практических статей. Выпуск 14. Казань : Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы министерства здравоохранения Республики Татарстан», 2023. С. 191–194.

© Васильченко А. В., 2024

УДК 343.1

Виноградов А. С. – доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВИДЕОЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

VIDEO RECORDING OF AN INVESTIGATIVE ACTION AS AN INDEPENDENT PROVIDER OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье анализируется доказательственное значение видеозаписи, полученной при производстве следственных действий, и обосновывается необходимость придания ей статуса самостоятельного источника доказательств.

Abstract. The article analyzes the evidentiary value of a video recording obtained during investigative actions, and substantiates the need to give it the status of an independent source of evidence.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, следственное действие, видеозапись, доказывание, источник доказательств.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, investigative action, video recording, proof, source of evidence.

Главным средством процессуальной фиксации доказательств в российском уголовном судопроизводстве традиционно является протокол. В качестве такого средства протокол следственного действия закреплен в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как самостоятельный источник доказательств.

В то же время с учетом развития общественных отношений, а также науки и техники внимание законодателя должно быть обращено на дальнейшее совершенствование источников доказательств, закрепленных уголовно-процессуальным законом. Следует согласиться с Т. И. Ястребовой и А. В. Ордан в том, что уголовное судопроизводство – одна из сфер, в которой для разрешения имеющихся проблем должны быть использованы достижения научно-технического прогресса [10, с. 47]. В развитие этой мысли считаем необходимым указать, что в качестве совершенствования способов фиксации результатов следственного действия могла бы выступить видеозапись. Конечно, видеозапись активно применяется при производстве следственных действий уже давно, но она носит второстепенный характер, имея статус приложения к протоколу.

Мы поддерживаем позицию А. В. Холопова в том, что использование видеофиксации при производстве следственных действий способствует не только их эффективности, объективности, достоверности и наглядности, но и оперативности, экономичности [8, с. 26]. При этом, как пишет Л. А. Шестакова, фиксация следственного действия посредством видеозаписи дает возможность наглядно отразить как обстановку, имеющуюся на каком-либо объекте, так и последовательность выполняемых действий [9, с. 174].

Применение видеофиксации следственных действий становится позитивным еще и по причине постоянного совершенствования технических устройств, развития в них простоты использования и надежности. Видеозапись способствует лучшему восприятию информации, которая на ней зафиксирована, что дает возможность и более качественно ее оценивать, а также при помощи нее проверять иные имеющиеся в деле доказательства. Выгодная сторона видеозаписи следственного действия по сравнению с протоколом представлена и тем, что она позволяет свести к минимуму оспариваемость участниками процесса зафиксированных при помощи нее данных, что нередко наблюдается при применении протокольной формы фиксации [3, с. 109]. Таким образом, общий экскурс в научные позиции ученых-процессуалистов относительно значения видеозаписи при

производстве следственных действий позволяет заключить, что она служит эффективным способом их фиксации, а ее использование представляется обоснованным и необходимым средством, способствующим результативному решению задач уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

Вернемся к вопросу о доказательственном статусе видеозаписи следственного действия в действующем российском уголовно-процессуальном законе. В 2012 г. в УПК РФ внесены изменения, согласно которым при составлении протокола следственного действия к нему необходимо приобщать видеозапись, изготовленную в ходе этого действия [5]. Тем самым законодатель признал, что видеофиксация – это важное средство отражения хода и результатов следственного действия, способствующее защите прав участников сторон, а также повышению ответственности лиц, осуществляющих производство по делу.

Согласно нормам действующего УПК РФ видеозапись, зафиксированная на носителе любого вида, не является структурной частью протокола, а выступает в качестве приложения к нему. Такой вывод можно напрямую сделать из ч. 8 ст. 166 УПК РФ, которая начинается словами «К протоколу прилагаются...». Это означает, что все, что изготовлено при производстве следственного действия (фото-, кино-, видеозаписи), должно быть приложено к протоколу, не являясь ни его элементом, ни альтернативой ему.

С учетом этого можно заключить, что функции видеозаписи, с точки зрения законодателя, сводятся исключительно к демонстрационным. Такая ситуация представляется нелогичной, поскольку не позволяет задействовать информативный потенциал видеозаписи. Как пишет А. А. Тимошенко, любопытным является тот факт, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, часто уже рассматривают видеозапись именно как самостоятельное доказательство, либо не задумываясь о том, что это не отвечает букве закона, либо полагая, что такое нарушение не носит серьезного характера [6, с. 165].

В научной сфере давно бытует мнение о необходимости придания видеозаписи следственного действия статуса самостоятельного доказательства. В числе авторов, отстаивающих данную позицию, можно указать, например, К. Г. Бычкову [1, с. 24] и С. Б. Россинского [5, с. 91]. Особенно метким видится высказывание М. Р. Глушкова. Он пишет, что в XXI в. странно и архаично выглядит расследование, в котором ключевыми средствами фиксации доказательств по-прежнему выступают пишущая ручка и бумага [2, с. 159].

Мы поддерживаем позицию ученых о необходимости придания видеозаписи статуса самостоятельного источника доказательств. На наш взгляд, техническая реализация этой идеи проста: следует внести коррективу в виде дополнения в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, изложив его следующим

образом: «... протоколы следственных и судебных действий, *а также приложения к ним*».

Такая редакция данной нормы позволит позитивно разрешить неоднозначный вопрос о доказательственном статусе видеозаписи следственных действий и одновременно законодательно закрепить сложившуюся практику относительно анализируемого вопроса. Предлагаемое изменение уголовно-процессуального закона повлечет за собой необходимость корректировки и ст. 83 УПК РФ. Данную норму, по нашему мнению, с учетом изменений целесообразно изложить в следующем виде:

«Статья 83. Протоколы следственных действий и судебного заседания, *приложения к ним*.

Протоколы следственных действий, протоколы судебных заседаний, *а также приложения к ним* допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом».

Представляется необходимым в рамках настоящего исследования также ответить на вопрос о том, почему видеозапись следственного действия не может иметь статус самостоятельного доказательства по признакам иного документа (ст. 84 УПК РФ). В этом контексте мы поддерживаем позицию, например, М. Р. Глушкова, указывающего, что критерии иного документа не применимы к видеозаписи. В частности, посредством иных документов фиксируют данные, которые стали известны органам расследования за пределами уголовного процесса и которые не могут исходить от лиц, ведущих этот процесс [2, с. 160].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование видеозаписи в процессе производства следственных действий выступает важным средством фиксации их хода и результатов, дающим возможность компенсировать ограниченный потенциал письменной речи, применяемой для закрепления имеющих значение для дела обстоятельств. Применение видеозаписи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования позволяет в дальнейшем – в ходе судебного следствия – исследовать максимально полную и объективную информацию, полученную в процессе расследования преступления. Для повышения эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства нами предложено уравнивать видеозапись в доказательственном значении с протоколом, придав ей статус самостоятельного доказательства.

Библиографический список

1. Бычкова К. Г. Использование в процессе доказывания материалов аудио- и видеозаписи, полученных при производстве следственных действий // Молодой ученый. 2014. № 17.1 (76.1). С. 23–24.
2. Глушков М. Р. О доказательственном значении видеозаписи следственных действий // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 4. С. 157–160.

3. Муленков Д. В., Лазаренко О. В. Видеозапись как один из способов фиксации криминалистически значимой информации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 107–111.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4332.

5. Россинский С. Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–103.

6. Тимошенко А. А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. Т. 1. № 4. С. 161–169.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Холопов А. В. Инновационные средства и методы фотографической фиксации места происшествия // Законность. 2011. № 8. С. 25–29.

9. Шестакова Л. А. Процессуальные проблемы применения видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 173–176.

10. Ястребова Т. И., Ордан А. В. Особенности применения видеозаписи в доказывании по уголовным делам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. Т. 22. № 2. С. 47–51.

© Виноградов А. С., 2024

Габзалилов В. Ф. – заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, полковник полиции (г. Уфа, Россия);

Максимов К. В. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, полковник полиции (г. Уфа, Россия)

**НЕКОТОРЫЕ НЕДОСТАТКИ И НАРУШЕНИЯ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИКОВ**

**SOME DISADVANTAGES AND VIOLATIONS
WHEN USING THE RESULTS OF OPERATIVE SEARCH ACTIVITIES
IN THE FIELD OF COUNTERING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Аннотация. Статья посвящена отдельным недостаткам и нарушениям при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков.

Abstract. The article is devoted to certain shortcomings and violations when using the results of operational investigative activities in criminal proceedings for crimes related to drug trafficking.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: Illicit drug trafficking, results of operational search activities.

С учетом того, что Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») носит общенаправляющий, рамочный характер, в контексте темы статьи особое значение приобретает Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в

суд, утвержденная приказом МВД России № 776, Министерства обороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 года (далее – Инструкция).

Пункт 36.1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) гласит, что результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) – это сведения, полученные в строгом соответствии с ФЗ «Об ОРД». Соответственно, нарушения данного закона и требований Инструкции влечет за собой недопустимость использования соответствующих сведений в уголовном процессе.

Статья 89 УПК РФ подчеркивает, что результаты ОРД не допускаются к использованию в доказывании в случаях, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Корректно и законно проведенные оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), а в дальнейшем и их результаты, которые используются в ходе доказывания, являются обязательным условием результативного расследования преступлений, особенно если это касается противодействия незаконному обороту наркотиков (далее – НОН).

Однако использование результатов ОРД нередко сопровождается ошибками, допускаемыми как при производстве ОРМ, так и в ходе уголовного процесса. Данное обстоятельство обуславливает увеличение рисков исключения судами доказательств стороны обвинения.

Изучение практики правоприменения по делам о наркопреступлениях в рамках ведомственного контроля и прокурорского надзора за ОРД чаще выявляются следующие (можно назвать их типичными недостатками или нарушениями требований УПК РФ, ФЗ «Об ОРД», Инструкции):

- несоблюдение требований ФЗ «Об ОРД»;
- некорректное использование названия проводимого ОРМ (например, «контрольная закупка» вместо «проверочная закупка»);
- грамматические ошибки в документах ОРД (например, до сих пор нередко в названии Инструкции ошибочно используется словосочетание «о предоставлении» вместо «о представлении»);
- оформление документов ОРД ненадлежащим и неуполномоченным на то лицом;
- проведение ОРМ без соответствующей санкции;
- неправомерный досмотр лица;
- отсутствие в материалах дела постановления о представлении результатов ОРД;
- организация провокации наркосбыта со стороны сотрудников оперативных подразделений;
- проведение ОРМ при отсутствии необходимых и установленных соответствующими нормативными правовыми актами оснований;

– проведение ОРМ в отношении неопределенного круга лиц или лиц, заведомо не причастных к преступным деяниям (например, проведение специальных технических мероприятий по абонентскому номеру, внесенному с ошибкой в одной цифре);

– непредставление всего спектра необходимых документов, отражающих результаты ОРД (например, при первоначальной уверенности органов предварительного следствия в достаточности доказательной базы представление материалов прослушивания телефонных переговоров и других ОРМ не в полном объеме может стать решающим фактором освобождения преступника от уголовной ответственности);

– ненадлежащее оформление представляемых документов (например, в акте наблюдения не указаны дата и время проведения ОРМ, не в полном объеме подготовленное объяснение, некорректная указанная геолокация или место происшествия);

– отсутствие в постановлении о представлении результатов ОРД перечня представляемых документов;

– несоблюдение в ходе проведения ОРМ установленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина [1].

Если некоторые из вышеперечисленных недостатков возможно выявить и в ряде случаев сразу устранить на первоначальном этапе, то другие нарушения выявляются лишь в ходе проведения конкретных следственных мероприятий. Это касается, например, фактов провокации наркосбыта, фальсификации материалов ОРД.

С учетом вышеописанного следственным органам целесообразно максимально тщательно проверять предоставляемые оперативными подразделениями результаты ОРД, оценивать законность и обоснованность их проведения с целью исключения негативных последствий от принятых процессуальных решений, опирающихся на результаты ОРД. Также в рамках ведомственного контроля и прокурорского надзора за ОРД необходимость выявления нарушений при представлении результатов ОРД должна быть обусловлена прежде всего недопущением законных прав и интересов граждан.

Полагаем уместным в данной статье привести мнение профессора Ю. П. Гармаева о том, что главная проблема в сфере ОРД и вокруг нее в определенной степени связана с невысоким уровнем профессиональной квалификации представителей участвующих в уголовном процессе сторон (имеются в виду стороны обвинения и стороны защиты) [2].

Таким образом, существенное доказательственное значение полученных результатов ОРД в борьбе с НОН будет иметь только законное, обоснованное, корректное и грамотное документальное оформление всех обстоятельств обнаружения и изъятия подконтрольных веществ или задержания наркопреступника, с соблюдением всех норм действующего законодательства в указанной сфере [3].

Библиографический список

1. Валитова Ф. Ф. Типичные ошибки при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 12. С. 91–92.
2. Гармаев Ю. П., Викулов О. В. Ошибки и нарушения закона в сфере оперативно-розыскной деятельности : практическое пособие. Вып. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Курунов М. Б. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о незаконном обороте наркотических средств // Modern science. 2019. № 5-4. С. 249–252.

© Габзалилов В. Ф., 2024

© Максимов К. В., 2024

УДК 343.1

Гаджиалиева А. Т. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN RUSSIA

Аннотация. В данной статье рассмотрен исторический этап становления института приостановления предварительного расследования в России – с 1864 года с принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи до настоящего времени. Автором проведено историко-правовое исследование оснований, условий и порядка приостановления производства по уголовному делу, отражено, какими недостатками по сравнению с действующим законодательством они обладали, а также проведен анализ современного уголовно-процессуального законодательства; в результате чего предложено направление для совершенствования законодательства, которое поможет в дальнейшей работе органов, осуществляющих предварительное расследование.

Abstract. This article examines the historical stage of the establishment of the institution of suspension of preliminary investigation in Russia, from 1864 with the adoption of the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire to the present. The author conducted a historical and legal study of the grounds,

conditions and procedure for suspending criminal proceedings, reflected what shortcomings they had in comparison with the current legislation, as well as an analysis of modern Criminal procedure legislation; as a result, the author has proposed a direction for further improvement of legislation, which will help in the further work of the bodies carrying out the preliminary investigation.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, основания приостановления предварительного следствия, Устав уголовного судопроизводства Российской империи, история развития приостановления предварительного расследования, становление, развитие.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, grounds for suspending the preliminary investigation, the Statute of the criminal procedure of the Russian Empire, the history of the suspension of the preliminary investigation, formation, development.

Начальным этапом становления и развития института предварительного расследования является вторая половина XIX века – он связан с принятием в 1864 году Устава уголовного судопроизводства Российской империи [1] (далее – Устав, УУС). В Уставе, как верно отмечает М. В. Королев [2], предварительное расследование впервые возникло как правовое явление, что послужило основой для дальнейшего развития данного института. УУС не объединял в единой главе и не содержал перечня оснований и условий приостановления предварительного расследования по уголовному делу, он был отличным от того, каким мы знаем его сейчас. Приостановление предварительного расследования определялось как временный перерыв в работе следователя по уголовному делу, а принятие данного решения относилось к судебной юрисдикции – после рассмотрения данного вопроса самостоятельно, по представлению следователя или предложения прокурора.

Рассмотрим основания и порядок для приостановления предварительного расследования, проведя анализ статей УУС. Первое основание, закрепленное в главе одиннадцатой ст. 846–852 УУС, устанавливало порядок действий в случае уклонения обвиняемого от суда. Суд по представлению судебного следователя, предложению прокурора или по собственному представлению распоряжался о розыске обвиняемого, которое печаталось в форме статьи в журналах обеих столиц и местных губернских. Также данные публикации оглашались гражданам на городских собраниях, прибивались на дверях полицейских управлений и судов, которые принимали данное решение. В случае если обвиняемый бежал в Царство Польское или Великое Княжество Финляндии, давалось сообщение местным властям данных стран, и они печатали в своих ведомостях информацию о розыске. При принятии мер по розыску суд давал распоряжение о взятии его имени под опекуновское управление. Если в течении шести месяцев обвиняемый не

был найден, его дальнейшая судьба, а также вопрос с его имуществом решались судом по правилам принадлежащего неизвестно отсутствующим.

Вторым основанием являлось сумасшествие или безумие обвиняемого, установленное окружным судом или судебной палатой. Важной задачей стояло решение вопроса о том, лишает ли болезнь обвиняемого возможности отвечать перед судом. Исходя из ст. 353–356 УУС, следователь при проведении предварительного расследования, при наличии оснований полагать о сумасшествии или безумии обвиняемого, передавал все имеющиеся у него данные для дальнего решения вопроса прокурору. Далее прокурор рассматривал материалы дела с целью решить вопрос, подлежит ли дело к ведению прокурорской власти, произведено ли следствие надлежаще полно, следует ли обвиняемого предать суду, или дело о нем должно быть прекращено или приостановлено (ст. 510 УУС). При этом решение о приостановлении могло быть принято исключительно судом. Данное основание как прямое указание к приостановлению предварительного расследования в законе напрямую прописано не было, но исходя из логики его толкования, можно прийти к выводу, что таковым являлось.

Проанализировав УУС, мы можем сделать вывод, что следователь не был наделен правом самостоятельно принять решение о приостановлении производства по уголовному делу, не обладал самостоятельностью в отличие от современного лица, проводящего расследование. Устав не содержал конкретных оснований для принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу. Важным считаем отметить тот факт, что следователь, как и в настоящее время, обязан был в полном объеме провести все необходимые следственные действия для законного и обоснованного приостановления производства по уголовному делу, как для установления лица, которое скрылось от следствия, так и для определения психического состояния лица.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 года (далее – УПК РСФСР) все еще не давал самостоятельности следователю в решении вопроса о приостановлении уголовного дела, данное право принадлежало суду, но стоит отметить, что в данном кодексе появились основания для возобновления предварительного расследования. Приостановление все еще не рассматривалось законодателем как самостоятельный институт, в нем также отсутствовал конкретный перечень оснований для принятия данного решения. Порядок действий, перечень оснований, самостоятельность следователя в решении вопроса о приостановлении законодателем все еще не определялись, оставаясь «размытыми» до принятия УПК РСФСР 1960 года.

Определенные изменения рассматриваемого института произошли с принятием УПК РСФСР 1923 года [4, 5]. В главе XVII данного нормативного правового акта, в отличие от прошлой редакции, были закреплены

основания для окончания и приостановления предварительного расследования. Законодатель закрепил два основания для приостановления: в случае неизвестности пребывания подследственного и в случае его психического расстройства; регламентировал действия при вынесении данного решения, сроки и основания для возобновления предварительного расследования. Важным, на наш взгляд, является и то, что расследование подлежало приостановлению в том случае, если добыты данные для предъявления обвинения. Если же такие данные отсутствовали, дело не приостанавливалось, а прекращалось (ст. 202 УПК РСФСР).

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года глава XVII была посвящена институту приостановления и окончания предварительного следствия. Статья 195 УПК РСФСР закрепляла три основания приостановления: в случае, когда обвиняемый скрылся от следствия или суда или когда по иным причинам не установлено его местопребывание; в случае психического или иного тяжелого заболевания обвиняемого, удостоверенного медицинским врачом, работающим в медицинском учреждении; в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Также в данной главе был закреплен порядок действий следователя при принятии решения о приостановлении, порядок действий при розыске лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и основания для возобновления предварительного следствия. Несмотря на многократные изменения, которым впоследствии подвергался УПК РСФСР, институт приостановления предварительного расследования оставался без изменений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ) предусмотрены четыре основания приостановления (ст. 208 УПК РФ): лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено; отсутствует реальная возможность участия в деле; временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого.

Законодатель, в отличие от более ранних нормативных правовых актов, закрепил в отдельной главе исчерпывающий перечень оснований для принятия решения о приостановлении, сроки, алгоритм действий до и после приостановления производства по уголовному делу, а также основания и порядок возобновления расследования. Отныне следователь обладает процессуальной независимостью в принятии решений при производстве по уголовному делу.

Но действующая редакция УПК РФ все еще содержит пробелы и не охватывает все вопросы, которые возникают перед следователями при принятии законного и обоснованного решения о приостановлении предварительного расследования. Проведя опрос следователей, дознавателей, прокуроров, автором были выявлены проблемы, которые возникают как

до, так и после вынесения постановления о приостановлении предварительного расследования. В частности, указано на следующее: необходимость расширения перечня оснований для приостановления; установление в законе возможности проведения длящихся следственных действий по приостановленному уголовному делу; разработка алгоритма действий следователя до и после вынесения решения для устранения обстоятельств его приостановления.

Проведя исторический анализ института приостановления предварительного расследования в России, автор отмечает, что законодатель с самого начала определял момент, по которому должностное лицо, которое ведет производство предварительного расследования, может взять легальный перерыв в расследовании, а именно: невменяемое душевное состояние обвиняемого, а также розыск лица. Далее по мере развития российского законодательства основания для приостановления были выделены в отдельную главу (гл. 28 УПК РФ), был установлен порядок и сроки для приостановления и возобновления производства по уголовному делу. Отметим, что современное уголовно-процессуальное законодательство все еще продолжает свой путь развития, в том числе в аспекте определения существенной характеристики института приостановления расследования. Дальнейшая работа над изучением путей совершенствования данного института поможет устранить пробелы и коллизии которые возникают на практике, что благоприятным образом отразится на защите прав и интересов граждан.

Библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года // Президентская библиотека. URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 24.02.2024).
2. Королев М. В. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжелым заболеванием обвиняемого : автореф. дис. ...канд. юр. наук. М. 2000.
3. О суде : декрет Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) от 22 ноября 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гайнельзянова В. Р. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

SOME ISSUES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE DURING THE INVESTIGATION OF INTENTIONAL HARM TO HEALTH

Аннотация. В статье автором рассматриваются формы использования специальных знаний в ходе расследования умышленного причинения вреда здоровью.

Abstract. In the article, the author examines the forms of using special knowledge during the investigation of intentional harm to health.

Ключевые слова: расследование, специальные знания, следы, преступления, специалист, эксперт, судебная экспертиза.

Keywords: investigation, special knowledge, traces, crimes, specialist, expert, forensic examination.

Преступления против здоровья включают широкий спектр деяний, направленных на умышленное причинения вреда здоровью других людей. Это может включать физическую агрессию, избиение, насилие, умышленное отравление и другие действия, которые наносят вред здоровью другого человека.

Расследование умышленного причинения вреда здоровью имеет высокую актуальность как с юридической, так и с социальной точки зрения. Это область, требующая серьезного внимания правоохранительных органов для обеспечения справедливости, защиты прав потерпевших и предотвращения подобных преступлений.

На первоначальном этапе расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью важным является квалифицированное и своевременное получение следов преступления, использование специальных познаний при их исследовании, решении диагностических, идентификационных задач производства судебных экспертиз, тактически грамотное проведение неотложных следственных действий для получения криминалистически значимой информации, построения следственных версий по делу.

Практически любой процесс расследования уголовных дел в настоящее время не осуществляется без применения комплекса специальных зна-

ний. Исключением не является и расследование умышленного причинения вреда здоровью. Согласимся с мнением Р. С. Белкина, который определяет, что «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле и основанные на знании научных разработок в соответствующих областях знаний, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [1, с. 217]. В теории выделяются две формы использования специальных знаний: процессуальная и непроцессуальная, имеющие свои особенности. В частности, сущность непроцессуальной формы использования специальных знаний заключается в устной или письменной консультации специалиста; предварительном исследовании объектов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела; использовании помощи специалиста в рамках организации оперативно-розыскной деятельности; проведении ревизий, аудиторских проверок. Рассматривая процессуальную форму использования специальных знаний, отметим, что она наиболее разнообразная, в частности, к ней относятся: непосредственное участие специалиста в следственных действиях; производство различных видов экспертиз и др.

Следователь в ходе расследования применяет свои специальные знания в усеченном объеме. Они необходимы для применения технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, а также при планировании расследования, оценке следственных ситуаций, построении и отработке следственных версий. Все остальные виды процессуальной формы использования специальных знаний касаются двух процессуальных статусов: специалист и эксперт. Первый принимает участие в процессуальных действиях для оказания содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии следов; применении технических средств в процессе обнаружения, фиксации и изъятия следов; формулировании выводов по обнаруженным следам и объектам в следственном действии: корректной постановке вопросов на судебную экспертизу и др.

Рассматривая использование специальных знаний экспертов, отметим, что они их применяют в процессе экспертного исследования. Согласно ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [2]. При назначении всех видов судебных экспертиз принципиально важное значение имеет профессионально грамотное формулирование требующих своего разрешения вопросов и подготовка материалов экспертного исследования [3, с. 56].

При расследовании умышленного причинения вреда здоровью, отметим, по каждому факту назначалась судебно-медицинская экспертиза, что представляется оправданным, поскольку в данных случаях их назначение является обязательным. В соответствии со ст. 196 УПК России, назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить: причину смерти; характер и степень вреда, причиненного здоровью; психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве и др. Объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза. Исследования проводятся также в отношении живых лиц.

Дача экспертного заключения по поводу телесных повреждений может быть выполнена двумя способами, т. е. путем осмотра потерпевшего или анализа медицинской документации и любой другой информации, имеющей отношение к телесным повреждениям или путем анализа медицинской документации и любой другой информации. Так проведение экспертной оценки типа и характера повреждений чаще всего проводится в отношении потерпевшего, получившего телесные повреждения во время какого-либо инкриминируемого события (ссора, драка, изнасилование) с целью установления наличия телесных повреждений, полученных во время преступного события.

Экспертная оценка телесных повреждений при осмотре пострадавшего состоит из двух этапов. Первый этап связан с осмотром потерпевшего и включает в себя: получение общей информации (имя и фамилия, дата рождения, место жительства, семейное положение и род занятий); получение информации от пострадавшего лица, которая касается места совершения деяния, времени (точная дата и время) причинения травмы, оружия, которое было использовано, и способа, которым были нанесены травмы; дата и время проведения экспертизы; осмотр тела пострадавшего с целью установления наличия телесных повреждений и др.

Экспертиза телесных повреждений в уголовных делах всегда проводится по письменному постановлению следователя или суда. После получения и ознакомления с постановлением назначается эксперт или количество экспертов, которые будут проводить экспертизу. Также экспертиза может включать фотографирование телесных повреждений, описание травм, медицинские заключения о последствиях повреждений, исследование медицинских записей и другие методы для установления связи между причиной повреждений и предполагаемым событием.

Проведение экспертизы телесных повреждений в уголовных делах состоит из трех этапов. Первый этап состоит: из внимательного осмотра и ознакомления с вопросами, поставленными в письменном постановле-

нии; изучения медицинских документов, касающихся повреждений, а также протокол осмотра места происшествия. На втором этапе проводится обследование пострадавшего с целью предоставления дополнительной медицинской документации, которая не была приобщена к делу, и поэтому имелась необходимость к проведению дополнительного обследования. Другими словами, в этой фазе медицинская документация полностью заполняется (например, при повреждении костной ткани требуется рентгеновский снимок, для определенных потенциальных последствий необходимы медицинские справки других обследований и т. д.). На третьем этапе двух данных способов в письменной форме дается заключение и вывод.

Кроме того, следует отметить несколько важных моментов: в заключении приводятся наиболее существенные факты и детали, вытекающие из проведенной медицинской экспертизы и соответствующих актов, и дается заключение относительно степени тяжести каждого телесного повреждения и их совокупного воздействия. Более точно повреждения объясняются через квалифицирующие элементы, уточненные в медицинском критерии определения степени тяжести вреда здоровью.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что в целях фундаментального значения для решения вопроса оценки доказательств в ходе реализации первоначального этапа расследования умышленного причинения вреда здоровью важнейшей процессуальной формой использования специальных знаний является судебная экспертиза. Результаты расследования указанной категории преступлений должны быть основаны на собранных доказательствах, экспертных заключениях и анализе фактических данных, которые включают в себя оценку тяжести полученных потерпевшим повреждений, установление вида и степени причиненного вреда, выявление мотивов преступлений и определение вины подозреваемого. Оценка всех имеющихся данных поможет сформулировать выводы, которые будут служить основой для дальнейших действий правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. 342 с.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.
3. Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации : учебно-методическое пособие / Э. Д. Нугаева, С. Р. Низаева, В. Р. Гайнелзянова, З. И. Харисова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2022. 96 с.

© Гайнелзянова В. Р., 2024

Григорьев В. Н. – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

ON THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Аннотация. В условиях широкомасштабности совершаемых преступлений возникает вопрос о том, как их расследовать. Совершенно очевидно, что этим начинают заниматься штатные следственные подразделения. Однако вековой опыт подсказывает, что более или менее значительного успеха можно достичь лишь силами специализированных подразделений, специально созданных следственных комиссий. В статье обосновывается необходимость надлежащей фиксации обстоятельств военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в период специальной военной операции 2022–2024 гг. С этой целью предлагается создать специальную Государственную комиссию с предоставлением права поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные.

Abstract. Given the widespread nature of the crimes being committed, the question arises of how to investigate them. It is quite obvious that regular investigative units are starting to deal with this. However, centuries-old experience suggests that more or less significant success can only be achieved through specialized units, specially created investigative commissions. The article substantiates the need for proper recording of the circumstances of war crimes and crimes against humanity committed during the special military operation of 2022 - 2024. For this purpose, it is proposed to create a special State Commission with the right to instruct the appropriate authorities to carry out investigations, interview victims, collect testimony and other documentary data.

Ключевые слова: военные преступления, преступления против человечности, расследование преступлений, государственная комиссия по расследованию, специальная военная операция.

Keywords: war crimes, crimes against humanity, investigation of crimes, State Commission of Inquiry, Special Military Operation.

В условиях широкомасштабности совершаемых преступлений возникает вопрос о том, как их расследовать. Совершенно очевидно, что этим начинают заниматься штатные следственные подразделения. Однако вековой опыт подсказывает, что более или менее значительного успеха можно достичь лишь силами специализированных подразделений, специально созданных следственных комиссий. Так было в Первую мировую войну, в Великую Отечественную войну, в ходе массовых беспорядков в СССР, во время грузинских событий 08.08.08. Аналогичная ситуация складывается и в условиях современной специальной военной операции (далее – СВО) по демилитаризации и денацификации Украины [1].

Все совершенные в период специальной военной операции в 2022–2024 гг. военные преступления и преступления против человечности должны быть расследованы и виновные должны понести заслуженное наказание. Очевидно, что следственная деятельность по каждому делу в этом направлении должна окончиться вынесением приговора надлежащим судебным органом. Возможны два основных варианта организации судебного преследования: рассмотрение дел в рамках имеющейся судебной системы Российской Федерации или вне ее. Второе возможно путем создания *ad hoc* специального трибунала исключительно нашей стороной либо с международным участием (например, под эгидой Организации Договора о коллективной безопасности, БРИКС). Кроме того, возможна передача всех материалов в имеющийся Международный уголовный суд Организации Объединенных Наций либо в иной судебный орган, который может быть создан Организацией Объединенных Наций. Однако последнее – это вопрос более отдаленного будущего, представляющийся менее значимым на данном этапе, по крайней мере, до окончания СВО.

В настоящее время важнейшей задачей для нашего государства представляется максимально полный сбор, анализ, систематизация и сохранение доказательств с соблюдением уголовно-процессуальных требований и с учетом правил производства в международных судебных присутствиях. Таким образом будет накоплен массив систематизированной информации о преступлениях, сохраненной в необходимой форме, которую можно будет достаточно эффективно использовать в дальнейших процессуальных действиях по уголовному преследованию виновных. Этим государство обеспечит принципиальную возможность успешного уголовного преследования лиц, виновных в преступлениях, при наступлении необходимых для этого условий. Это же внесет вклад в выполнение международно-правовых требований в части гарантирования минимальных стандартов расследования преступлений, особенно убийств и похищений людей во время вооруженного конфликта.

В этой связи представляется, что назрела необходимость создания централизованного федерального органа, координирующего и организующего целенаправленную деятельность следственных подразделений в этом

направлении, с возможным названием «Государственная комиссия по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности» (далее – ГКВП). В юрисдикцию комиссии должны входить все преступления, совершенные с обеих сторон. Это послужит дополнительным подтверждением объективности и сбалансированности работы ГКВП.

Возможно создание при ГКВП специализированных подразделений по расследованию военных преступлений, готовящих материалы для передачи в судебные органы. Однако на начальном этапе деятельности достаточно будет координации Комиссией деятельности присутствующих на «новых территориях» следственных подразделений по сбору, фиксации и сохранению следов преступлений (материальных и идеальных). Для этого ГКВП должно быть предоставлено право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям противника. В случаях «делегирования» расследований ГКВП должна будет разъяснять работникам следственных органов особенности работы по сбору доказательственной информации по военным преступлениям. Представляется целесообразным также ввести в каждом следственном подразделении Следственного комитета Российской Федерации, осуществляющем свою работу в зоне проведения СВО, должности аналитика по военным преступлениям.

Особое внимание ГКВП должно быть сконцентрировано на собирании доказательственной базы в отношении организаторов преступлений. Полнота сбора доказательственной информации, в первую очередь, должна быть обусловлена безопасностью для участников следственных действий.

Местные органы государственной власти должны быть обязаны оказывать ГКВП любое необходимое содействие.

Кроме организации сбора доказательств в уголовно-процессуальных рамках, задачами ГКВП могут стать:

а) полный учет преступлений Вооруженных сил Украины и иных участников конфликта, их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, частным, общественным и государственным организациям, предприятиям и учреждениям;

б) объединение и согласование проводимой иными государственными органами работы по учету этих преступлений и причиненного ущерба;

в) определение размеров возможного возмещения за нанесенный ущерб;

г) осуществление международных контактов (розыск, выдача преступников, обеспечение возмещения ущерба и т. д.).

Создание Комиссии на законодательном уровне может быть оформлено Указом Президента о создании ГКВП, а детализация проведена в По-

ложении, как это сделано, например, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [2].

Библиографический список

1. Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 29.01.2024).

2. Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. // Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.

© Григорьев В. Н., 2024

УДК 343.1

Гулиев Р. А. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии полиции МВД Азербайджанской Республики (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO DEFENSE IN CRIMINAL PROCEDURES

Аннотация. В статье представлены актуальные современные проблемы реализации права на защиту, возникающие в ходе предварительного расследования.

Abstract. The article presents current modern problems of implementing the right to defense that arise during the preliminary investigation.

Ключевые слова: следственные действия, защита, обвинение, следователь, адвокат.

Keywords: investigative actions, defense, prosecution, investigator, lawyer.

Процессуалисты определяют право на защиту как «совокупность предоставленных подозреваемому и обвиняемому процессуальных прав, которые предоставляют им возможность опровергать обвинение или подозрение в совершении преступления, отстаивать свою непричастность к преступлению, добиваться смягчения ответственности» [1]. В содержание права на защиту входят права подозреваемого, обвиняемого, которые он может использовать лично, а также право обвиняемого иметь защитника.

Совокупность предоставляемых подозреваемому (обвиняемому) процессуальных прав и средств, позволяющих ему знать, в чем он обвиняется, давать свои объяснения, возражать против обвинения, оспаривать выдвинутые против него обвинения или подозрения в совершении преступления, доказывать свою непричастность к нему, невиновность или меньшую степень вины, опровергать обвинительные доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, приносить жалобы на действия и решения должностного лица, производящего дознание или ведущего предварительное следствие, обжаловать приговор и иные судебные решения, составляет правовую основу института права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Согласно ст. 61 Конституции Азербайджанской Республики «Право на получение правовой помощи», каждый обладает правом на получение квалифицированной правовой помощи. В предусмотренных законом случаях правовая помощь оказывается бесплатно, за счет государства. У каждого лица с момента задержания, ареста, предъявления обвинения в совершении преступления со стороны компетентных государственных органов есть право пользоваться помощью защитника [2]. Аналогичная норма предусмотрена и в Законе Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (далее – Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»). Она устанавливает, что «на территории Азербайджанской Республики каждому человеку должно быть гарантировано право обращаться к адвокату по своему выбору для защиты своих прав и охраняемых законом интересов в судебном процессе, на предварительном следствии, а также пользоваться помощью защитника с момента его ареста, заключения под стражу или обвинения в совершении преступления».

Статья 67 Конституции Азербайджанской Республики «Права задержанных, арестованных и обвиняемых в совершении преступления» гласит: каждому лицу, задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому компетентными государственными органами в совершении преступления, немедленно разъясняются его права и причины задержания, заключения под стражу, а также привлечения к уголовной ответственности [2]. В уголовном судопроизводстве защита может осуществляться как лицом,

в отношении которого осуществляется уголовное преследование, так и профессиональным адвокатом, выступающим в качестве его защитника.

Согласно ст. 20.2 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» адвокат приглашается из юридических фирм, расположенных в районе места временного содержания, и из числа адвокатов, действующих индивидуально, согласно дежурному списку, составленному Коллегией адвокатов или на основании заключенного договора согласно взаимному соглашению между сторонами. Данная статья противоречит назначению данного закона. Как было выше изложено, на территории Азербайджанской Республики каждому человеку должно быть гарантировано право обращаться к адвокату по своему выбору для защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Однако необходимо отметить, что в этом вопросе наблюдается несоответствие теории и практики. Так, в практической деятельности органов расследования Азербайджанской Республики дознаватель, следователь или прокурор должен представить подозреваемому и обвиняемому список адвокатов, о чем составляется протокол. Из данного списка назначается конкретный адвокат, выбранный самим подозреваемым или обвиняемым, далее адвокат «подключается» к делу и тем самым следователь с юридической стороны обеспечивает подозреваемому или обвиняемому право на защиту [2].

Отметим, что следователь действительно вручает подозреваемому и обвиняемому список адвокатов, работающих в адвокатских конторах в районе производства предварительного расследования. Подозреваемый или обвиняемый узнает в данном списке своего знакомого, друга и требует, чтобы его права по данному уголовному делу защищались конкретным адвокатом. Приведем другой пример. Нередко бывают случаи, когда подозреваемый или обвиняемый женского пола. Исходя из женской солидарности, она хочет, чтобы ее права защищались адвокатом женщиной, которая тоже находится в данном списке. В некоторых случаях следователь нарушая требования законодательства, придумывая различные оправдания, назначает из данного списка «дежурного адвоката» т. е. адвоката с которым он регулярно «сотрудничает». Таким образом, отсутствует объективность в назначении защитников по уголовным делам.

Эти факты известны и руководству Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики. По ним применяются меры наказания по решению дисциплинарной комиссии Коллегии адвокатов. Но есть десятки фактов, которые не фиксируются и не доходят до разбирательства в коллегии. В итоге страдает лишь подозреваемый и обвиняемый.

Ограничение права обвиняемого иметь защитника является нарушением и конституционного, и отраслевого законодательств. Если обвиняемый считает юридическую помощь защитника необходимой, он вправе ее получить. Законом устанавливается обязанность следователя разъяснить обвиняемому возможность участия защитника и обеспечить его участие по просьбе обвиняемого.

Говоря об актуальных проблемах реализации права на защиту в уголовном процессе, хотелось бы затронуть еще одну проблему.

В результате оперативных мероприятий лицо устанавливается, доставляется в отделение полиции и содержится там до назначения защитника. Однако из-за требования ст. 147.6 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики [3], которая гласит, что в протоколе задержания требуется подпись защитника, доставленное лицо не может выступать в качестве подозреваемого. Особенно право на защиту данных лиц нарушается в ночное время, так как процедура вызова адвоката затруднена. Согласно Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики задержание считается состоявшимся с момента фактического ограничения свободы лица, т. е. уже с момента фактического ограничения свободы лица в независимости от места и времени задержания сотрудники полиции должны обеспечить его защитником. Это говорит о том, что после проведения оперативно-розыскных мероприятий при задержании подозреваемого должен присутствовать защитник.

Таким образом, право подозреваемого и обвиняемого на защиту является институтом, призванным компенсировать фактическое неравенство участников со стороны обвинения, наделенных властными полномочиями, и участников уголовного процесса, обладающих процессуальным статусом подозреваемого и обвиняемого. Наиболее остро такое неравенство проявляется на стадии предварительного расследования, в связи с чем проблема реализации права на защиту имеет особую актуальность именно в указанной стадии уголовного судопроизводства [4].

Нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и может повлечь возвращение дела прокурору для восстановления нарушенных прав подозреваемого, обвиняемого и устранения препятствий рассмотрения дела судом, а также отмену или изменение судебного решения. Поэтому, несмотря на перечисленные актуальные проблемы реализации права на защиту, остается ряд других проблем которые подлежат рассмотрению для предотвращения нарушения норм законодательства.

Биографический список

1. Неретин Н. Н. К вопросу о праве обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 3. С. 93–97.

2. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 01.02.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года // Azərbaycan Respublikası Dövlət Mıqrasiya Xidməti. URL:

<https://www.migration.gov.az/content/pdf/f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской Республики / под ред. Д. Г. Мовсумова и др. Баку : Дигеста, 2007 (на азерб. языке).

© Гулиев Р. А., 2024

УДК 343.1

Джамиев М. Р. – старший прокурор отдела по обеспечению собственной безопасности, и физической защиты прокуратуры Республики Дагестан, младший советник юстиции (г. Махачкала, Россия)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК ОБЪЕКТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

REFORMING PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AS AN OBJECT OF INDEPENDENT SCIENTIFIC RESEARCH

Аннотация. В статье обосновывается идея о том, что реформирование досудебного производства по уголовным делам – это самостоятельное социально-правовое явление, имеющее объемные законопроектную, правотворческую и правоприменительную составляющие и нуждающееся в самостоятельном монографическом исследовании.

Abstract. The article substantiates the idea that reforming pre-trial proceedings in criminal cases is an independent social and legal phenomenon that has extensive legislative, law-making and law enforcement components and requires an independent monographic study.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство по уголовным делам, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование.

Keywords: criminal process, pre-trial proceedings in criminal cases, initiation of criminal proceedings, preliminary investigation.

Досудебному производству по уголовным делам, а именно стадиям возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в российском уголовном процессе в уголовно-процессуальной науке традиционно уделяется много внимания. Один перечень проблем досудебного произ-

водства и авторов, посвятивших им свои работы, мог бы занять объем целого монографического научного труда.

Среди наиболее актуальных тем в течение нескольких десятилетий были задачи предварительного расследования и их соотношение с общими задачами уголовного судопроизводства, формы предварительного расследования, подследственность уголовных дел, процессуальные функции и статусы следователей и дознавателей, производство отдельных следственных действий и развитие их системы в целом, досудебные соглашения о сотрудничестве, привлечение в качестве обвиняемого и др.

Все перечисленное и многое другое с разной степенью интенсивности и в разном масштабе подвергалось реформированию, которое в той или иной мере соответствовало научным разработкам разных авторов и их групп и было нацелено на реализацию каких-то предложений исследователей, недостатка в которых тоже не было никогда. Авторские предложения по реформированию отечественного досудебного производства по уголовным делам были, как правило, довольно надежно аргументированы с теоретических позиций и опирались на результаты изучения внушительных объемов материалов правоприменительной практики. Такие предложения обычно были и в равной степени обоснованными и в той же мере несовпадающими между собой, а то и вовсе не совместимыми друг с другом. По поводу стадии возбуждения уголовного дела, например, высказаны прямо противоположные предложения – и о ликвидации ее по примеру Республики Казахстан, и о расширении процессуальных возможностей проверки сообщения о преступлении вплоть до полного стирания границ между ней и предварительным расследованием с формальным сохранением, однако, наименований обеих стадий в уголовно-процессуальном законе [1, с. 300–304].

Сказанное дает основания утверждать, что реформирование российского досудебного производства – это самостоятельное социально-правовое явление, которое может и должно подвергаться научному исследованию с тем, чтобы анализировать имеющиеся научные разработки отдельных проблем и институтов досудебного производства и практику внедрения предложений исследователей в деятельность законотворческих и правоохранительных органов. В настоящее время такого рода системные исследования хотя и имеются, но они, как правило, нацелены не на анализ правотворческой и правоприменительной составляющих реформирования досудебного производства как объективно существующего комплексного явления, а на критику неудачных или сомнительных, с точки зрения конкретных критикующих, отдельных его составляющих с тем, чтобы обосновать собственные новые или кажущиеся новыми предложения, перспективы реализации которых тоже пока не ясны. В качестве примера можно привести настойчивые предложения по введению в России института следственных судей, особенно после апробации этого института в Республике Казахстан по ее Уголовно-процессуальному кодексу 2014 года, о со-

здании единого следственного ведомства вместо существующих следственных аппаратов в трех государственных ведомствах и т. д. [2, с. 136–147, 165–189]. Доказательств того, что реализация этих предложений приведет к желаемым результатам на современной российской почве до внедрения их в практику, нет и быть не может. Поэтому и к разбросу авторских суждений, и к остроте ведущейся в специальной литературе полемики следует относиться как неотъемлемой части самого явления реформирования досудебного производства и не торопиться с воплощением авторских пожеланий в законе, а уж тем более в практике, какими бы обоснованными эти предложения ни казались.

В рамках самостоятельного комплексного исследования реформирования досудебного производства по уголовным делам как не просто длящегося во времени, а постоянного и многопланового явления, в котором воплощены политические, финансовые, ведомственные и иные разноплановые интересы многих социальных групп, возможно создание системы мер адекватного реагирования государства на развитие ситуации в правотворческой и правоприменительной практике и на отражение этой ситуации в юридической науке. В последние годы все настойчивее звучат предложения по разделению нормативной правовой регламентации досудебного и судебного производства по уголовным делам с выделением для этого специальных обособленных кодифицированных федеральных законов [3] ввиду принципиального несовпадения задач досудебного и судебного производства по уголовным делам и общих начал осуществления в них уголовно-процессуальной деятельности [4]. К радикальным предложениям такого рода тоже нельзя сегодня не прислушаться.

Под адекватным реагированием государства в лице его органов законодательной и исполнительной власти на разработку и реализацию теоретических основ реформирования досудебного производства здесь понимается следующее: 1) анализ ведущейся в специальной научной литературе полемики с целью выявления опорных, ключевых направлений реформирования досудебного производства; 2) отбор «крайних» и «относительно нейтральных» авторских позиций и систем их аргументации по опорным направлениям реформирования досудебного производства; 3) попытка выявления «золотой середины» в имеющихся авторских позициях в сочетании с поиском аналогов в российской истории и в мировой юридической практике; 4) разработка предложений по нормативному правовому, финансовому и организационному обеспечению реализации разработанных предложений в законопроектной и правотворческой практиках; 5) разработка условий апробации разработанных предложений по совершенствованию досудебного производства по уголовным делам в малых экспериментальных масштабах (отдельная территориальная единица, отдельное подразделение правоохранительного органа, ограниченный период времени); 6) диагностика результатов проведенного эксперимента, выявление и оценка как «выигрышных» моментов реализации эксперимента, так и

негативных; 7) разработка предложений для «серийной» реализации апробированных результатов эксперимента.

Библиографический список

1. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

2. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013.

3. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : монография. М. : Проспект, 2023.

4. Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17.

© Джамиев М. Р., 2024

УДК 343.1

Емельянова Н. Ю. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия);

Ильяшевич Т. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассмотрен исторический экскурс становления института следственных действий с целью систематизации его настоящего состояния и совершенствования такового в дальнейшем.

Abstract. The article examines a historical excursion into the formation of the institution of investigative actions with the aim of systematizing its current state and improving it in the future.

Ключевые слова: понятие, следственные действия, уголовный процесс, судопроизводство, доказательства.

Keywords: concept, investigative actions, criminal process, legal proceedings, evidence.

Становление и развитие системы следственных действий в отечественном уголовном судопроизводстве прошло достаточно длительный исторический путь. Исследование ключевых отличительных черт в формировании его особенностей способствует более эффективной оценке сложившегося опыта, а также существующих подходов, равно как и заложению основы для прогнозирования дальнейшего развития.

Изучение тенденций в данной сфере представляет научный и практический интерес. Общественное внимание к действиям, которые приводят к соблюдению общественного порядка и безопасности, началось еще в Древней Руси и прослеживается до настоящего времени. Текст Русской Правды содержал положение о том, что каждый человек несет ответственность за свои поступки, кроме «холопов», за которых отвечали их хозяева. В тот период преступления носили название «обида» и включали такие серьезные преступления, как братоубийство, убийство родителей, грабеж и кража. Нарушители общественного порядка изгонялись из общины, лишались имущества и подвергались штрафам (вирам). Данный факт представляет научный и практический интерес в контексте истории нарушений общественного порядка и правонарушений.

Отмечается возникновение предвестников следственных действий в современном смысле, таких как свод, гонение следа и допросы, а также получение признаний, поиск физических доказательств, таких как «знамения» и «поличное», испытание водой и железом и принятие «присяги».

Следует согласиться с Т. Н. Ковалевой: «на Руси вплоть до начала XI в. была распространена концепция мести; отсутствовала какая-либо классификация преступлений; в связи с чем, отсутствовал процессуальный порядок привлечения к мерам ответственности» [1, с. 99].

Соответственно о существовании оформленной системы следственных действий в то время говорить затруднительно. Существовали и другие нормативные документы, например, Новгородская, Псковская грамоты. В указанный период происходило становление понятия преступления, появление первых нормативных актов в данном направлении. Более оформленное становление расследования можно увидеть в поздний период. В статье 55 Судебника 1497 г. рассматриваются обязанности купца, использующего в торговых оборотах как чужие деньги, так и чужой товар, при растрате его претерпевать те или иные юридические последствия, обусловленные наличием или отсутствием умысла. Соответственно проводилось расследование, на основании которого купец нес или же не нес ответственность [2]. Подобное положение свидетельствует о формировании именно уголовно-процессуальных норм, когда осуществляется расследование, появляются определенные нормативы в части его процесса и др.

Далее следует принятие Судебника 1550 г. [3]. Происходит централизация государственной власти и уход от кровной мести за преступления, пока понятие «хулиганство» отсутствует, но существует понятие «лихоимство» (действия, нарушающие установленный порядок правосудия). Создаются предпосылки для проведения расследования в определенной форме.

В Судебниках 1447 г. и 1550 г. уточняются категории уголовного права, что влияет на процессуальное оформление расследования. В них же закладываются важные основы для расследования преступлений. Как отмечает М. А. Куликов, в этот период большим значением начинает обладать применение доказательств [4, с. 305].

В целом на Руси лихие дела (преступления) получают определенный регламент расследования в период конца XV – начала XVI в. Изначально расследование уголовных дел и проведение следствия осуществлялись князьями или их наместниками. Позднее эти полномочия были переданы Расправной палате, которая подчинялась Боярской Думе. Согласно Судебнику 1550 года Расправная палата занималась расследованием, проведением судебных разбирательств и назначением наказания.

В целом в данный период появляется прообраз системы следственных действий, возникает курс на применение единообразных правил.

В 1649 г. принято Соборное уложение [5], согласно которому преступление заключается в нарушении предписаний, игнорировании царской воли. В качестве наказаний используются казнь, телесные наказания, заключение в темницу, ссылка, конфискация имущества, штрафы и пр. Даже несмотря на то, что отмечаются положительные изменения, по-прежнему мало внимания уделяется соблюдению и охране прав и свобод человека в процессе применения мер наказания.

Предварительное следствие сводилось преимущественно к производству неотложных действий (задержание подозреваемого, арест и др.). При розыске широко применялись обыск (общий, повальный), пытка. Наиболее строгая система следственных действий имела место по отношению к преступлениям против государя и государства.

С развитием взглядов о преступлении, его квалификации и совершенствовании правовых норм в данном направлении происходит и развитие уголовно-процессуального законодательства. В целом в данный период происходит усиление процесса осуществления влияния государства на различные сферы жизнедеятельности общества, что находит отражение в становлении и системы принудительных мер.

В Артикуле воинском от 1715 г. выделяют умышленную и неосторожную вину (по отношению к отдельным видам преступлений). Там применяется понятие «внезапный случай» [6]. Так, становление уголовного законодательства постепенно предопределяло и меры пресечения, которые могли применяться к субъектам. В данный период система следственных действий включает: получение признания обвиняемого, допрос свидетелей,

пытка. Доказательства начинают восприниматься как возможность ограничить произвол судейского усмотрения. Петром I введено новое следственное действие – судебно-медицинская экспертиза, что находит отражение в Артикуле воинском 1716 г.

Во времена правления Екатерины II утверждается «Устав благочиния, или полицейский» [7]. В пункте 4 ст. 261 Устава указано на проявление хулиганских действий в виде обиды, придирки, брани, драки и др. в процессе проведения общенародных игр, забав в процессе театрального представления, рядом со зрителями. Данные лица брались под стражу и в последующем представляли перед судом.

Важным достижением периода правления Екатерины II становится принятие в 1787 г. Общего тюремного устава, где установлены основополагающие нормы о раздельном содержании: обвиняемых и осужденных; лиц разного пола.

Кроме того, были точно определены перечень и порядок осуществления первоначальных действий при обнаружении признаков совершения преступления. (ст. 101, 103, 104).

Введение в действие Свода законов Российской империи 1832 г. создало предпосылки для того, чтобы в XIX в. следственные действия стали более систематизированными. В сравнении с ранее действовавшими подходами можно отметить появление некоторой упорядоченности и комплексного подхода, что нашло отражение в правовой позиции [8].

Указанное положение представляет исключительную значимость для науки и практики. Прежде всего появляются концептуальные предпосылки для отграничения схожих понятий, а также появляется конкретный перечень допустимых для применения на практике следственных действий. Однако к процессу оценки доказательств преобладал формальный подход.

В первой половине XX в. важным документом выступает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором конкретизированы многие базовые понятия относительно преступлений, вины, смягчающих обстоятельств и пр.

В процессе проведения судебной реформы в 1860 гг., имело место определенное перераспределение полномочий в сфере назначения мер пресечения. Значительно большие полномочия относительно применения мер пресечения появились у судебных следователей. Как правило, полицейское ведомство было вольным в применении задержания на непродолжительные, короткие сроки.

Так, в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (главы 4, 5, 7) были предусмотрены важные изменения в системе предварительного расследования. Таким образом, был составлен упорядоченный перечень следственных действий, и впервые все эти действия были систематизированы и обобщены (включая осмотр, освидетельствование, обыск, выемку, допросы свидетелей и обвиняемых) [9].

По результатам проведения Судебной реформы 1864 г. формируются новые подходы к использованию доказательств. Происходит отказ от пыток, следственные действия весьма близки к современным в данный период. Например, при проведении предварительного внешнего осмотра составлялся протокол. Несомненно, в сравнении с современными подходами к следственным действиям имеют место и отличия. Так, экспертиза входила в осмотр и освидетельствование, не выступая в качестве самостоятельного следственного действия. Практически не было различия между обыском и выемкой и др. Были закреплены определенные следственные действия, систему которых определяли некоторые факторы, среди которых: тяжесть предъявляемого обвинения; социальный статус обвиняемого; возраст; пол и др.

Использование термина «следственные действия» является положительным моментом. Среди средств доказывания, упоминаются допросы свидетелей и потерпевших, очная ставка, экспертиза, осмотр, освидетельствование, обыск и выемка. Также упоминаются вещественные и письменные доказательства, а также дознание через окружение обвиняемого, включающее допросы о его образе жизни, поведении и связях. Соответственно, можно говорить о наличии определенной системы следственных действий. Фактически, можно увидеть прообраз современного подхода к особенностям использования следственных действий.

Следует отметить, что на дореволюционном этапе происходит тесное взаимодействие уголовных и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности и обеспечения правопорядка. В процессе формирования законодательства, нормы пересекаются и создают основы для применения различных институтов. Дореволюционный этап трудно назвать упорядоченным в части процесса формирования следственных действий. Однако были заложены многие важные предпосылки.

Соответственно, далее следует этап развития уголовного законодательства, связанный с образованием СССР. С началом советского периода, все то законодательство, которое было в дореволюционный период, фактически было отменено. В период 1918–1922 годов был принят ряд временных актов, согласно которым в процессе реализации уголовного судопроизводства действовать были вправе следующие субъекты: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР; суды, в т. ч. чрезвычайные судебные органы (революционные трибуналы).

Далее следует отметить отмену временных норм и формирование устойчивой системы законодательства. В 1922 г. произошло принятие первого УПК РСФСР. Соответственно, были заложены правовые основы для формирования новых подходов. Общая тенденция между тем свидетельствует об использовании сформированных ранее концепций и идей. Дан-

ный акт был первой попыткой упорядочить уголовно-процессуальные нормы, в том числе и в части регламентации следственных действий.

УПК РСФСР 1923 года не внес кардинальных изменений в части регламентации следственных действий, однако внес целый ряд нововведений в положения, регламентирующие производство следственных действий. Так, значительным шагом стало определение порядка назначения и проведения экспертизы (в т. ч. комиссионная, повторная) в нормах ст. 169–174 УПК РСФСР 1923 г. Хотя само следственное действие выделено не было и нормы отражены в гл. 13 «Допрос свидетелей и экспертов» [10, с.106].

Новые подходы, выразившиеся во введении изменений, можно увидеть в УПК РСФСР 1960 г., формируются новые подходы к совершению процессуальных действий в целом.

Произошло значительное расширение перечня следственных действий. Так, законодательное оформление в УПК РСФСР получают ряд следственных действий: задержание (ст. 119); очная ставка, предъявление для опознания (гл. 13); следственный эксперимент (ст. 183); производство экспертизы (гл. 16) [11, с.613].

УПК РСФСР 1960 г. оказался наиболее «стабильным» и долговечным нормативным правовым актом, регламентирующим сферу уголовно-процессуальных отношений, просуществовал долгое время, вплоть до введения в действие законодательства Российской Федерации.

В число характерных признаков следует отнести отсутствие разделения функции между обвинением и судом. Согласно ст. 3 УПК РСФСР следователь, прокурор и суд в равной мере несли обязанность раскрытия преступлений, изобличения и наказания совершившего преступление.

Термин «возбуждение уголовного дела» в тексте УПК РСФСР 1960 г. применяется в контексте: начальной стадии уголовного процесса; начало предварительного расследования.

Перечисленные в пунктах 1–5 части 1 статьи 108 УПК РСФСР 1960 г. основания для возбуждения уголовного дела включают информацию, полученную следователем, прокурором, органом дознания, судом или судьей, содержащую первичные данные о признаках совершения или готовности к совершению преступления.

Следователи возбуждают уголовные дела в соответствии со своей подследственностью. При наличии оснований для производства неотложных следственных действий следователь вправе возбудить уголовное дело, подследственное следователю другого ведомства или органу дознания.

Единовременно с возбуждением уголовного дела принимались меры к предотвращению или пресечению преступления, закрепления следов преступления. Согласно ч. 2 ст. 126 УПК РСФСР производство предварительного следствия было обязательно по всем уголовным делам о преступ-

лениях несовершеннолетних; расследование проводилось следователями органов внутренних дел.

Существенное значение имеет установление подробного порядка производства следственных действий. Например, довольно детально регламентируется осмотр, появляется его классификация, определен круг участвующих субъектов и пр. (ст. 123, 178–181 УПК РСФСР 1960 г.).

Выделяется такое следственное действие, как очная ставка (ст. 162, 163 УПК РСФСР 1960 г.), более четко регламентируется опознание (ст. 164, 165). В УПК РСФСР 1960 г. новое развитие получает экспертиза (гл. 16), данные которой начинают применяться на всех этапах уголовного судопроизводства, в случае необходимости применения специальных знаний. Возросло и количество случаев, когда производство экспертизы стало обязательным.

Более подробно начинает регламентироваться порядок производства обыска и выемки (ст. 167–169, 172 УПК РСФСР 1960 г.), ареста на имущество (ст. 175 УПК). Следует сделать вывод о том, что ранее существовавшие следственные действия были расширены в части определения порядка их проведения, а с учетом достижений науки криминалистики, появились и новые разновидности следственных действий. Появляется следственный эксперимент (ст. 183 УПК РСФСР 1960 г.) и как уже ранее было отмечено – предъявления для опознания. Стали самостоятельными следственные действия, ранее входившие в состав способов получения доказательств (выемка, очная ставка).

Современный этап развития следственных действий связан с введением в действие УПК РФ в 2001 г. [12], появляется направленность на подробную регламентацию следственных действий, оснований их применения, порядка и др. Отмечаются определенные изменения, связанные во многом с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г. и иными факторами.

Очевидно, что с течением времени происходит серьезное развитие системы уголовно-процессуального законодательства, что распространяет свое действие и систему следственных действий, особенности их правового регулирования.

Подводя итоги в рассмотрении становления и развития системы следственных действий в уголовном процессе, необходимо сделать ряд выводов. В историческом разрезе их становление и развитие прошло длительный период и включает в себя несколько этапов: дореволюционный; советский; современный. Развитие уголовно-процессуальных норм в целом, и оформление системы следственных действий в частности, происходило на основании конкретных особенностей, характерных определенным временным этапам, зависело от уровня развития общества и государства, было тесно переплетено (в особенности, на дореволюционном этапе), с формированием системы уголовно-правовых норм.

На сегодняшний день продолжается динамичное развитие сферы уголовно-процессуальных отношений, происходит внесение изменений в структуру УПК РФ, отмечается появление новых норм, регламентирующих данную сферу, что затрагивает в полной мере и следственные действия.

Библиографический список

1. Ковалева Т. Н. Убийство в состоянии аффекта в истории уголовного права // Молодой ученый. 2019. № 36 (274). С. 99.
2. Судебник 1497 г. URL: <https://istoriarusi.ru/udel/sudebnik-1497.html> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Судебник 1550 г. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm (дата обращения: 28.02.2024).
4. Куликов М. А. История развития мер пресечения в период становления российской государственности // Уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. № 1 (1). С. 305.
5. Соборное уложение от 29 января 1649 г. URL: <https://base.garant.ru/57791500/> (дата обращения: 28.02.2024).
6. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 28.02.2024).
7. Устав Благодичиния или Полицейский 1782 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=11381> (дата обращения: 27.02.2024).
8. Свод Законов Российской Империи. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 27.02.2024).
9. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/1918/3137/> (дата обращения: 19.02.2024).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Емельянова Н. Ю., 2024

© Ильяшевич Т. А., 2024

Есина А. С. – профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия);

Жамкова О. Е. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

ЕЩЕ РАЗ ПРО СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ONCE AGAIN ABOUT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о совершенствовании проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств. На основании проведенного анализа правоприменительной практики авторы сформулировали и аргументировали предложения законодательного характера о дополнении ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Abstract. The article discusses issues of improving verification actions at the stage of initiating a criminal case for crimes in the field of illicit drug trafficking; based on the analysis of law enforcement practice, the author's proposals of a legislative nature on the addition of Art. 144 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, незаконный оборот наркотических средств, изъятие.

Keywords: initiation of a criminal case, verification of a crime report, illegal drug trafficking, seizure.

На страницах специальной юридической печати на протяжении нескольких лет велась активная дискуссия о необходимости исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела. Коротко напомним, что отдельные исследователи высказывались за исключение данного этапа из досудебного уголовного процесса [1; 4]. Сторонники другой позиции, наоборот, предлагали сохранить, но существенно усовершенствовать стадию возбуждения уголовного дела [2; 3].

Стоит отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривал этап «к начатию дел» и обязывал мировых судей поручать местной полиции собирать все необходимые по делу сведения (гл. 2, ст. 47). Сохраняя отечественную правовую модель досудебного производства, но развивая и совершенствуя ее, российский законодатель высказался за сохранение стадии возбуждения уголовного дела. Однако, принимая во внимание критические замечания по поводу несовершенства правового регулирования процессуальной деятельности на первом этапе уголовного судопроизводства, был предпринят ряд значимых шагов, направленных на устранение имеющихся недостатков в этом вопросе. В данном случае мы имеем в виду дополнения, которые были внесены в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), определяющую порядок рассмотрения сообщения о преступлении в 2013 и в 2015 годах [5; 6].

Целесообразность сохранения стадии возбуждения уголовного дела, казалось бы, не должна вызывать сомнений, и данная статья – это попытка авторов добавить еще один аргумент в пользу высказанного тезиса.

Правовая ситуация такова, что законодательство Российской Федерации должно оперативно, фактически в круглосуточном режиме, реагировать на новые виды преступлений, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, действуя в целях защиты интересов и прав граждан от преступных посягательств. 4 декабря 2023 года состоялось заседание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, на котором В. В. Путиным были поставлены конкретные задачи о принятии эффективных мер в сфере контроля за оборотом наркотических средств (п. 8 перечня поручений Президента Российской Федерации № Пр-64 от 14 января 2024 года.)

Рассматривая вопросы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела применительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, хотелось бы отметить следующее. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что возбуждение уголовных дел по ст. 228–234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, невозможно без предварительной проверки, то есть без стадии возбуждения уголовного дела. Как правило, поступившая информация о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств должна тщательнейшим образом проверяться, поскольку для принятия законного процессуального решения имеет огромное значение и вид (наименование) обнаруженного вещества, и его вес. Все это требует проверки и уточнения до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Не менее существенное значение имеют действия, которые осуществляют должностные лица на первоначальном этапе уголовного процесса, проверяя поступившую информацию. Неправомерное задержание (удержание) лица, незаконный личный досмотр вещей задержанного, изъятие предметов

и объектов, нарушение установленного порядка – все это уничтожает юридическую значимость полученной информации, а доказательства теряют свойство допустимости. Именно с этой точки зрения определяющее значение имеет оптимальность, эффективность и действенность норм, регулирующих деятельность на рассматриваемой стадии.

При задержании лиц с поличным в сфере незаконного оборота наркотических средств проблематичным остается вопрос об оформлении факта изъятия объектов или предметов, относящихся к преступлению. Процессуальные (проверочные) действия, которые можно совершать в период проверки сообщения о преступлении, четко перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Расширенному толкованию данный перечень не подлежит. Указывается, что должностные лица вправе «...истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом...». Однако изъятие как самостоятельное следственное действие не предусмотрено законодательно в УПК РФ. Какими правилами следует руководствоваться при производстве подобного «изъятия» остается не ясным для правоприменителя, поскольку само изъятие как физическое действие может осуществляться в рамках нескольких следственных действий (осмотр места происшествия, выемка, обыск). Таким образом, законодатель указал на возможность проводить действие, процессуальный порядок которого фактически не урегулирован в тексте УПК РФ.

Следует отметить, что оформить изъятие искомых предметов и объектов у лица протоколом личного обыска нельзя, поскольку данное процессуальное действие возможно производить только в рамках процессуального задержания и только в отношении лица, которое имеет процессуальный статус подозреваемого (ст. 93 УПК РФ). Как известно, подобный статус можно получить только в рамках уголовного дела, как и факт процессуального задержания, оформленный протоколом, может иметь место только при наличии возбужденного уголовного дела.

Возникает вопрос: каким образом следует оформить изъятие искомых объектов или предметов у лица, если есть основания полагать, что вещество находится, например, в одежде лица и по наименованию, а также по количеству запрещено уголовным законом к обращению? Вопрос имеет принципиальное значение. Дело в том, что документ, оформленный по факту изъятия вещества, которое впоследствии будет отнесено по заключению судебной экспертизы к наркотическим средствам и в количестве, достаточном для привлечения к уголовной ответственности, может стать камнем преткновения, основанием к спору между стороной защиты и обвинением о законности факта обнаружения и изъятия наркотического средства. Если юридическая сила документа, в котором зафиксирован факт изъятия запрещенного к обороту вещества будет уязвим с точки зрения закона, то и все последующие действия (и заключение экспертизы, и признание этого вещества вещественным доказательством, и допросы свидете-

лей) потеряют свойство допустимости доказательств (будет действовать известное в теории доказательств правило о «плодах отравленного дерева»).

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что должностные лица в рассматриваемой ситуации производят действия, которые предусмотрены ст. 27.7, 27.9 КоАП РФ, то есть производят личный досмотр и досмотр автотранспортного средства, составляя соответствующий протокол. Однако в указанных нормах закона указывается, что подобные действия можно производить только по административным правонарушениям. Обратим внимание, что наличие подобного документа в материалах доследственной проверки по сообщению о преступлении становится небезупречным с точки зрения его законности, особенно в ситуации, когда проверка проводится по сообщению о преступлении, зарегистрированному в Книге учета сообщений о преступлениях, и речь идет о установлении признаков преступления, а не административного правонарушения.

Полагаем, что проблема могла бы быть разрешена на законодательном уровне. Следует расширить перечень процессуальных действий, возможных производством при проверке сообщения о преступлении и дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ последним предложением: «а также производить личный досмотр вещей, находящихся при физическом лице, без нарушения их конструктивной целостности, а также досмотр автотранспортного средства в целях обнаружения орудий, объектов либо предметов, которые запрещены к обороту законодательством Российской Федерации, о чем составляется протокол». Подобная редакция закона могла бы быть востребована в ситуациях, когда при лице могут быть обнаружены патроны или оружие.

Можно предложить и иное решение проблемы, например, разрешить в сфере уголовного судопроизводства производить личный досмотр, а также досмотр автотранспортного средства в порядке и по правилам, предусмотренным ст. 27.7, 27.9 КоАП РФ. Бланкетные нормы имеют место в тексте УПК РФ (например, ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Законодатель достаточно подробно и полно регламентировал порядок производства данных действий (в том числе предусмотрев правила использования понятий, фото- и киносъемки), что исключает необходимость дублировать эти правила в тексте УПК РФ. Следовательно, необходимо законодательно закрепить право должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, на производство подобных действий по аналогии с административным законодательством.

В данном случае авторы не претендуют на единственно верный вариант разрешения рассматриваемой проблемы. Но поскольку законодатель не отрицает процесс совершенствования правового регулирования деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в зависимости от различных категорий преступлений (ч. 7, 8, 9 ст. 144 УПК РФ), то остается целесообразным формулировать отдельные предложения законодательно-

го характера применительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Полагаем, что реализация высказанных предложений позитивно отразится на правоприменительной практике, а совершенствование правового регулирования деятельности на самом начальном этапе уголовного судопроизводства обеспечит качество всего хода производства по уголовному делу, полное расследование, получение законных доказательств и будет способствовать вынесению справедливого судебного решения.

Библиографический список

1. Гаврилов Б. Я. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 65–72.

2. Дознание в органах внутренних дел : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под общ. ред. А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и. доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2023.

3. Жамкова О. Е. Некоторые проблемы реализации правовых норм при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь. № 9. 2014.

4. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–22.

5. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Есина А. С., 2024

© Жамкова О. Е., 2024

Зуев С. В. – профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ЭЛЕКТРОННАЯ «ЗАВИСИМОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ELECTRONIC «ADDICTION» IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEM STATEMENT

Аннотация. В статье автором рассматривается проблема, связанная с возможными последствиями развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации. Раскрывается определенная «зависимость» уголовно-процессуального доказывания от использования современных цифровых технологий. Отмечается, что виновность (невиновность) лиц в совершении преступлений все чаще устанавливается с помощью электронных доказательств. Автор считает, что применение технологий искусственного интеллекта позволит сохранить независимость следователя и суда в принятии решений по уголовным делам.

Abstract. In the article, the author considers the problem associated with the possible consequences of the development of criminal proceedings in the conditions of digitalisation. The article reveals a certain "dependence" of criminal procedural evidence on the use of modern digital technologies. It is noted that the guilt (innocence) of persons in committing offences is increasingly established with the help of electronic evidence. The author believes that the use of artificial intelligence technologies will preserve the independence of the investigator and the court in making decisions in criminal cases.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, электронная информация, электронные доказательства.

Keywords: criminal procedure, digitalisation of criminal proceedings, electronic information, electronic evidence.

Во времена действия Устава уголовного судопроизводства (документ принят в 1864 году) повсеместно применялось письменное производство по всем делам. До недавнего времени бумага считалась основным средством фиксации сведений, гарантом их сохранности, основой делопроизводства. Бумага стала привычным средством передачи данных в любой

сфере. В определенной степени человек по многим вопросам стал зависим от представления документов в бумажном виде. Цифровизация внесла существенные коррективы. Появились электронные документы. Уголовный процесс, как и другие социальные сферы, становится более технологичным, а значит, все больше зависимым от электронных средств доказывания.

Доказывание виновности или невиновности лиц в совершении преступлений буквально «пронизывает» производство каждого уголовного дела и является, по сути, «стержнем всего процесса судопроизводства» [2, с. 136]. Без уголовно-процессуального доказывания уголовное судопроизводство перестает быть правовым средством обеспечения отправления правосудия.

Электронная «зависимость» – это условное обозначение такого феномена, который дает осознание того, что результат расследования преступлений, а также рассмотрения уголовных дел в суде с каждым годом все больше будет напрямую зависеть от электронно-технических средств, используемых в производстве по уголовным делам.

В литературе можно встретить схожие понятия, такие как «электронные средства», «научно-технические средства», «технические средства», «информационно-технологические устройства», «информационные технологии» и т. д. Относительно уголовного судопроизводства смысл один – использование электронной информации с помощью технических средств.

И. И. Литвин в своем исследовании выделяет электронные средства и считает их разновидностью технических средств, результатом применения которых является информация в электронном виде [1, с. 10].

Применительно к досудебному производству В. С. Черкасов полагает, что электронные средства, используемые в доказывании, представляют собой совокупность уголовно-процессуальных и аппаратно-программных средств, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, выраженных в электронном виде, а также обеспечивающих производство следственных действий [3, с. 11].

Таким образом, результатом применения электронных средств (или информационно-технологических устройств), а также основным источником доказательств в электронном виде в уголовном судопроизводстве является электронная информация, под которой следует понимать информацию, передаваемую, обрабатываемую, воспроизводимую посредством электронных аппаратно-программных средств.

К электронно-техническим средствам в данном случае можно отнести саму электронную информацию; следственные и судебные действия, направленные на собирание и проверку такой информации; электронные носители информации; дистанционные формы связи; программное компьютерное обеспечение; сеть Интернет; так называемое само «железо», то

есть материал, из которого изготовлены компьютеры, видеокамеры, смартфоны, сканеры (оборудование) и пр.

В настоящее время впору говорить об электронных доказательствах, к которым при определенных условиях можно отнести: электронные документы и иные документы в электронной форме; цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение; информацию интернет-порталов публичных органов и организаций; информацию в СМИ; электронные копии (образ) документа; электронные сообщения; SMS-сообщения, бизнес-мессенджеры и социальные сети, цифровой отпечаток сайта (веб-архивы) и др.

Электрическая «зависимость» связана с определенными рисками, проблемами организационного и технического характера, например:

- электронная информация может быть уничтожена, модифицирована, изменена, искажена, заражена вирусом, уничтожена;
- технические средства могут выйти из рабочего состояния, претерпеть значительные конструктивные изменения;
- привлеченный специалист может не обладать необходимыми компьютерными и техническими знаниями;
- электричество может иметь перебои, отключаться и вызывать скачки напряжения.

В обозримом будущем наблюдается возможность использования технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе, что само таит в себе угрозу еще одной зависимости электронного характера: принятие программных решений, которые могут подменить человека, его внутреннее убеждение. Представляется, что это все же не случится. Человечество не раз сталкивалось с угрозами потери управления над теми или иными процессами, но успешно справлялось с этим. Хочется надеяться, что и в уголовном судопроизводстве ситуация останется под контролем человека.

Вместе с тем в случае перехода на электронное производство по уголовным делам риски, а значит, и зависимость от электронно-технических средств будут только возрастать. Необходим комплексный подход и работа, как законодательная, так и организационно-техническая, как говорится, на опережение. То есть следует прогнозировать возможные проблемные ситуации, моделировать пути решения и быть готовым к своевременному их принятию для поддержания надлежащего уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Литвин И. И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 33 с.
2. Попов К. И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 136–139.

3. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. 34 с.

© Зуев С. В., 2024

УДК 343.985.5(470)

Игуменов А. С. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

**ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ
РОЗЫСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ
ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**

**ISSUES OF LEGAL REGULATION OF OPERATIVE SEARCH
ACTIVITIES AND SELECTED CRIMINAL PROCEDURE ASPECTS
OF SEARCHING FOR MISSING PERSONS MISSING IN CRIMINAL
CIRCUMSTANCES**

Аннотация. В представленной статье проведен анализ положений федерального законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность и отдельные уголовно-процессуальные аспекты, научных источников, а также опыта практической работы. Рассмотрены проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по розыску лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах. На основе проведенного анализа предложено внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Abstract. The presented article analyzes the provisions of federal legislation regulating operational investigative activities and certain criminal procedural aspects, scientific sources, as well as practical experience, during which the problems of legal regulation of operational investigative activities of criminal investigation units in the search for missing persons are considered. under criminal circumstances. Based on the analysis, it is proposed to introduce amendments and additions to the current regulatory legal acts.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск, лицо пропавшее без вести, криминальные обстоятельства, нормативное правовое регулирование, нормативный правовой акт, уголовный розыск.

Keywords: operational search activity, search, missing person, criminal circumstances, regulatory legal regulation, regulatory legal act, criminal investigation.

Проведенный нами анализ нормативных правовых актов по вопросам организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) по розыску лиц, пропавших без вести, в том числе при криминальных обстоятельствах, показал, что резкое повышение уровня научной разработанности основных положений организации ОРД органов внутренних дел (далее – ОВД), включая розыскную работу, потребовало, на наш взгляд, их нормативного закрепления. Кроме того, результаты анализа нормативного правового регулирования по рассматриваемому направлению свидетельствуют о наличии ряда правовых пробелов.

Вопросы организации розыска без вести пропавших лиц, идентификации неопознанных трупов и установления личности лиц, которые не могут сообщить данные о себе, с учетом их значимости для общества и государства находятся на постоянном контроле у руководства правоохранительных органов и иных заинтересованных ведомств Российской Федерации. Так, 13 марта 2020 г. данный вопрос рассматривался на заседании Совета Безопасности Российской Федерации. Предварительно 12 февраля 2020 г. он обсуждался на заседании межведомственной комиссии по общественной безопасности, в ходе которого с докладом выступил начальник Главного управления уголовного розыска МВД России генерал-лейтенант полиции В. В. Голованов, помимо прочего отметивший, что в целях повышения эффективности работы по рассматриваемому направлению имеется необходимость внесения дополнений и изменений в ряд нормативных правовых актов [1, с. 32]. В данной статье мы не будем рассматривать исчерпывающий перечень нормативных правовых актов, регулирующих изучаемые правоотношения, а остановимся на заслуживающем, по нашему мнению, особого внимания Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»).

По результатам проведенного исследования нами установлено, что вследствие различного толкования норм указанного выше федерального закона, и наличия в нем определенных правовых пробелов в судах, оперативных подразделениях ОВД и надзорных органах возникают разногласия в части, касающейся проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права человека и гражданина, при отсутствии возбужденного уголовного дела по факту неизвестного исчезновения лиц, а также обстоятельств, прямо или косвенно указыва-

ющих на совершение преступления в отношении пропавшего. Следует отметить, что Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 252-ФЗ [2] посредством внесения изменений в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» в некоторой мере упростил порядок проведения одного ОРМ – снятие информации с технических каналов связи (далее – СИТКС) в случае получения сообщения о без вести пропавшем лице, и только в отношении самого пропавшего. Однако при этом указанная норма не решила всех проблем. Во-первых, она действует лишь в случае если мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, вынесено не позднее 24 часов с момента поступления сообщения о пропавшем без вести; во-вторых, возможно проведение только одного ОРМ – СИТКС и только в отношении самого пропавшего.

Наше исследование показало, что в ряде случаев имеют место отказы судами в санкционировании проведения ОРМ по указанным выше причинам, в том числе прослушивания телефонных переговоров и СИТКС в целях розыска лиц, пропавших без вести. Так, в ходе опроса сотрудников установлено, что 27,8 % респондентов так или иначе сталкивались с указанной ситуацией¹. Исследуемая нами проблема заключается в том, что в имеющихся в распоряжении ОВД сведениях об обстоятельствах безвестного исчезновения не всегда содержится достаточно данных, свидетельствующих о совершенном в отношении исчезнувшего лица преступлении. В свою очередь, отсутствие информации о признаках преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно (в случаях, предусмотренных ст. 105 или 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), предполагает невозможность соблюдения условия, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», а значит, и вероятный отказ суда в выдаче разрешения на проведение соответствующих ОРМ. В связи с поправками в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» от 2021 г. указанная проблема возникает в случае подачи ходатайства в суд по истечении 24 часов с момента подачи заявления. В свою очередь, объективные обстоятельства не всегда позволяют провести данную работу в указанный срок.

На данную проблему прямо указано в Протоколе заседания межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности от 12 февраля 2020 г. № 1, в котором Правительству Российской Федерации предписано рассмотреть вопрос о внесении в законодательство изменений, предусматривающих проведение ОРМ,

¹ В содержании данной статьи рассмотрены результаты анкетирования 109 сотрудников подразделений уголовного розыска, а также руководителей, правомочных на осуществление ОРД, территориальных ОВД из 4 субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Оренбургская область, Челябинская область, Пермский край), в том числе проходивших обучение в Уфимском ЮИ МВД России по дополнительным программам повышения квалификации, проводимого в период с 2019 по 2023 год.

затрагивающих конституционные права граждан, во всех случаях безвестного исчезновения лиц. При этом рассмотренные поправки в закон в полном объеме проблему не устранили. Кроме того, ч. 7 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» предусматривает возможность проведения ОРМ только в отношении самого пропавшего, не охватывая круг лиц, которые так или иначе могут иметь отношение к такому исчезновению.

Близкие по содержанию результаты исследований, проводимых в области ОРД, получены и другими авторами. Так, судьями в некоторых регионах по-разному разграничивается срок проведения СИТКС и период, в течение которого можно запрашивать информацию. В частности, Московским городским судом шестимесячный срок действия судебного решения на проведение ОРМ трактуется и как срок, в течение которого может запрашиваться информация [3, с. 76].

Кроме того, в ряде субъектов Российской Федерации есть прецеденты, когда ОРМ, ограничивающие конституционные права, не могут проводиться при наличии сведений о лицах, пропавших без вести, и при обнаружении неопознанных трупов, несмотря на то, что основания, содержащиеся в ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», не только позволяют проведение ОРМ, но и (во взаимосвязи со ст. 10 «Информационное обеспечение и документирование ОРД») предусматривают заведение дела оперативного учета [1, с. 35].

Хотелось бы отметить выявленный в ходе проведенного исследования положительный опыт ряда оперативных подразделений, направленный на решение рассматриваемой проблемы. Интервьюирование сотрудников подразделений уголовного розыска показало, что при предоставлении в суд материалов об ограничении конституционных прав граждан в мотивированном постановлении, отражающем основания проведения ОРМ, одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, указывается необходимость отработки версии безвестного исчезновения человека, связанной с совершением в отношении него преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Необходимо отметить, что даже при отсутствии решения о возбуждении уголовного дела по факту безвестного исчезновения человека, а также обстоятельств, прямо или косвенно указывающих на криминальный характер исчезновения, никогда нельзя исключать версии о совершенном в отношении него преступлении. При этом, опираясь на п. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», проведение ОРМ осуществляется как в отношении самого пропавшего, так и в отношении лиц, подлежащих проверке на причастность к безвестному исчезновению. Также необходимо дополнить, что в соответствии с п. 10 Инструкции, утвержденной приказом МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5 [4] о признаках совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица могут

свидетельствовать весьма косвенные, на наш взгляд, основания, например, отсутствие объективных данных, указывающих на намерение без вести пропавшего лица беспричинно и на длительное время убыть в неизвестном направлении или сменить место проживания или пребывания, а также отсутствие в течение не менее трех суток сведений о судьбе и местонахождении без вести пропавшего лица (в том числе пропавшего со средствами мобильной связи). Согласно п. 11 приведенный перечень не является исчерпывающим. Для выдвижения обоснованных версий безвестного исчезновения лица и вывода о наличии признаков преступления необходимо учитывать совокупность обстоятельств и их логическую взаимосвязь. Указанные положения данной инструкции дополнительно укрепляют наше мнение и мнение субъектов ОРД в части того, что значительную долю заявлений (сообщений) о лицах, пропавших без вести, можно рассматривать как заявления (сообщения) о вероятно совершенных преступлениях. Опрос сотрудников показал, что 77,4 % респондентов успешно используют описанный выше опыт в своей практической деятельности. Оставшиеся 22,6 % не отразили этого, на наш взгляд, в связи с тем, что имеют непродолжительный срок службы либо являются сотрудниками из других субъектов России.

Полагаем, что решение указанных проблем возможно благодаря внесению изменений в ФЗ «Об ОРД». Прежде всего, корректировки требует ст. 8 «Условия проведения ОРМ», поскольку именно положения данной статьи создают предпосылки для двойных трактовок. По нашему мнению, внесение дополнений в ч. 2 указанной статьи позволит снять большинство проблемных вопросов при проведении соответствующих ОРМ как в отношении самого пропавшего, так и в отношении лиц, возможно причастных к совершению в отношении него преступления.

В связи с изложенным в целях совершенствования правового регулирования организации ОРД по рассматриваемому направлению считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» п. 4 и изложить его в следующей редакции: «О лицах, пропавших без вести, в случаях вероятности совершения в отношении них противоправного деяния, при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

С учетом вышеизложенного полагаем, что предложенные меры позволят повысить эффективность организации розыскной и идентификационной деятельности в целом и раскрытия преступлений, связанных с безвестным исчезновением лиц в частности.

Библиографический список

1. Маслов А. А., Черныш М. Н., Бабушкин А. А. Актуальные вопросы организации розыска без вести пропавших лиц и

идентификационной деятельности // Оперативно-розыскная работа. 2020. № 3/4. С. 32–36.

2. О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 252-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

3. Коноплин А. Б., Артюшенко А. Б. О некоторых проблемах проведения подразделениями уголовного розыска оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии убийств // Оперативно-розыскная работа. 2020. № 2. С. 76–81.

4. Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : приказ МВД России Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

© Игуменов А. С., 2024

УДК 343.1

Имаева Ю. Б. – заведующая кафедрой гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия);
Файрушина Р. Д. – доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL PROCEEDINGS CASE STUDY OF CHINA

Аннотация. В статье авторами рассматривается то, что к осуществлению судопроизводства современное общество ставит повышенные требования, и, как следствие, правосудие должно развиваться не

только в законодательном, но и в техническом аспекте. Об ускорении цифровизации как одной из основных тенденций развития судопроизводства свидетельствуют влияние информационных технологий и внедрение электронных систем правосудия на примере Китая.

Abstract. In the article, the authors consider that modern society places increased demands on the implementation of legal proceedings, and as a result, justice must develop not only in the legislative, but also in the technical aspect. The acceleration of digitalization as one of the main trends in the development of legal proceedings is evidenced by the influence of information technology and the introduction of electronic justice systems case study of China.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, цифровизация, технологии, блокчейн, правосудие, судебная система.

Keywords: artificial intelligence, legal proceedings, digitalization, technology, blockchain, justice, judicial system.

Перспективными направлениями цифровизации судопроизводства на сегодняшний день стали технологии искусственного интеллекта и блокчейн.

Понятие искусственного интеллекта в российском правовом поле появилось с принятием Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации в городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»». Данный законодательный акт регламентировал условия создания искусственного интеллекта и параметров его внедрения в социум. Понятие искусственного интеллекта в правовом смысле было сформулировано Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» с одновременным утверждением стратегии национального развития данной технологии. Согласно положениям «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1].

Поскольку процесс внедрения технологий искусственного интеллекта в российское правосудие только предстоит, мы должны обратиться опыту зарубежных стран, в первую очередь, Китая (КНР).

КНР активно продвигается по пути, ведущему к широкому использованию цифровых технологий в судах. Главные цели цифровизации правосудия можно представить следующим образом: «цифровизация, с одной стороны, позволит сделать работу судов более эффективной и прозрачной, снизив нагрузку на сотрудников за счет оптимизации рутинных «канцелярских» задач; с другой стороны, поможет решить одну из проблем китайских судов – не всегда единообразное толкование и применение норм права» [2].

Первоначально целью цифровизации судопроизводства Китая являлось решение проблемы увеличения числа рассматриваемых в суде дел. По аналогии с государственной автоматизированной системой «Правосудие» в 2010–2014 годах были созданы информационные банки данных и средства интерактивного подключения к судебным заседаниям, благодаря которым судопроизводство трансформировалось в онлайн-формат. Помимо этого, граждане имеют возможность в онлайн-формате взаимодействовать с экспертами в области права, чтобы получать юридические консультации. Среди платформ, предоставляющих рекомендации по возможным методам разрешения споров, можно отметить «Онлайн-платформу для разрешения споров», действующую при Высочайшем народном суде Шанхая [2].

Новый этап третий цифровизации судебной системы КНР ознаменовался внедрением технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных, облачных вычислений и блокчейна непосредственно в процессе судопроизводства. Он стартовал с запуском двух проектов так называемых «электронных судов» («интернет-судов») в провинциях Гири и Чжэцзян (восток Китая), в 2018 году были созданы интернет-суды Пекина и Гуанчжоу. В гражданском процессе интернет-суды применяют принцип «онлайн-процесс для онлайн-споров», когда все этапы судебной процедуры (подача иска, принятие дела к рассмотрению, проверка допустимости доказательств и их исследование, слушания и вынесение решения) проводятся в онлайн-формате.

В 2017–2018 годах в КНР появились «мобильные суды», ориентированные на цифровое правосудие. «Киберсуды» или «мобильные микросуды», в Китае работают на специальной платформе в мессенджере WeChat, а решения в них помогает выносить искусственный интеллект. Они позволяют гражданам и судам выполнять различные действия с помощью смартфона с применением технологий распознавания лиц и других систем электронной идентификации. Таким образом, возникла возможность проведения удаленных слушаний, предъявления доказательства онлайн и др.

Искусственный интеллект в судах Китая в судопроизводстве выполняет широкие функции. Технология рекомендует судьям законы, нормативные документы и другие подобные судебные решения по делу. Искусственный интеллект анализирует все решения, которые принимали судьи,

законодательную базу, учится и в результате дает советы по подобным делам.

Искусственный интеллект помогает судье-человеку оперативно найти аналогичные дела прошлых лет, подсказывает пункты закона, создает тексты решений и сопутствующих судебных документов.

Система «умного суда» использует Big Data и машинное обучение и, помимо ведения баз данных автоматически, проверяет судебные дела на наличие ссылок, рекомендует законы и правила, составляет проекты юридических документов и изменяет человеческие ошибки в приговоре [3]. Отдельные роботизированные технологии искусственного интеллекта имеют специализацию, например, коммерческое право или трудовые споры.

В современный период 120 000 судей в КНР рассматривают 19 миллионов дел в год, поэтому правовая система обращается к помощи искусственного интеллекта. На сегодняшний день система Smart Court SoS (технология искусственного интеллекта) присутствует в рабочем столе каждого судьи КНР.

Верховный суд КНР обязал всех судей консультироваться с искусственным интеллектом по каждому делу. И если вердикт отличается от рекомендации машины, судья должен предоставить подробное письменное объяснение. Согласно отчету Верховного суда КНР, Smart Court SoS ежедневно читает, анализирует и выносит рекомендации по почти 100 000 делам по всей стране, ведя мониторинг каждого процесса и действий, направленных на злоупотребление служебными полномочиями или коррупцию [4].

Этапы перехода правосудия в интерактивный формат мы можем наблюдать и на примере российского судопроизводства. По данным Верховного суда Российской Федерации, «запросы пользователей к государственной автоматизированной системе «Правосудие» превысили 4 млрд, с использованием видеоконференц-связи проведено 146 тысяч судебных заседаний, а на основе веб-конференций – 250 тысяч процессов» [5].

В то же время на сервисе «Правосудие онлайн», который планируют ввести в 2024 году, использование искусственного интеллекта предполагает обращение к отдельным компонентам технологии, среди которых определение подсудности дела, расчет и оплата госпошлины, предложение стандартных форм и справочников исковых заявлений.

Инновационной технологией цифровой трансформации судопроизводства сегодня является программное решение на основе блокчейн. В юридической литературе блокчейн определяют как «разновидность распределенного реестра, предназначенного только для добавления информации, данные в который записываются блоками с использованием криптографических алгоритмов таким образом, что каждый новый блок включает информацию о предыдущем блоке» [6]. Ключевая характеристика блок-

чейн-технологий – децентрализация управления, согласно которому информация может храниться во многих экземплярах и не испытывать влияния какого-либо процесса. Технология консенсуса в блокчейне позволяет восстановить любую информацию. Вторая особенность – это использование криптографических алгоритмов, когда каждый блок информации кодируется, при этом следующий блок содержит закодированную запись (хэш) о предыдущем. Так образуется неразрывная цепь, когда каждую последовательность информации можно восстановить на основе истории и нельзя удалить какой-либо компонент. Как следствие, взлом информации в блокчейн практически невозможен ввиду необходимости огромной вычислительной мощности.

Зарубежные страны как КНР и ОАЭ по состоянию на 2023 год приступают к интеграции технологий блокчейн в гражданско-процессуальные отношения в сфере хранения и оцифровки доказательств, автоматизации судебного документооборота. Далекая перспектива внедрения технологии блокчейн в гражданском судопроизводстве Российской Федерации позволит перейти к следующему этапу цифровизации с учетом трансформации следующих сторон гражданского процесса:

1. Безопасное и неизменное хранение доказательств. В основе любого гражданского процесса лежат доказательства – ключевой компонент, на основании которого часто выносятся решения. Традиционные способы хранения подвергают доказательства риску подделки, потери или несанкционированного доступа. Технология блокчейн обеспечивает защиту от таких уязвимостей. Как только доказательства записываются в блокчейн, их становится практически невозможно изменить, тем самым обеспечивается сохранение их целостности на протяжении всего судебного процесса.

2. Прозрачное рассмотрение дела с помощью децентрализованных реестров информации. Прозрачность является краеугольным камнем правосудия. В контексте «умных судов» децентрализованные реестры блокчейна предлагают прозрачную и хронологическую запись всех судебных разбирательств. Каждая добавленная запись в блоки информации имеет отметку времени и проверяется несколькими узлами, что обеспечивает надежную и прозрачную запись. Это обеспечивает прозрачность судебного процесса, способствуя повышению подотчетности и проверяемости.

3. Оптимизация и автоматизация административных процессов. Гражданско-процессуальные процедуры, часто уязвимые в работе с документами и ручной проверкой, могут значительно выиграть от возможностей автоматизации блокчейна. С помощью самоисполняющихся алгоритмов, с условиями, непосредственно записанными в коде блока информации, можно автоматизировать многочисленные административные задачи. Самоисполняющиеся алгоритмы могут выполнять задачи без вмешательства человека, уменьшая количество ошибок и ускоряя процессы: от регистрации случаев до уведомлений.

Таким образом, обзор перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта и блокчейн свидетельствует об огромном потенциале данных программных решений в цифровизации гражданского правосудия. Несмотря на это, прежде чем данные технологии будут интегрироваться в сферу судопроизводства как в технологическом, так и в правовом поле нарастает необходимость их стандартизации и нормативного регулирования.

Библиографический список

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Представительная власть – XXI век. 2019. № 5-6. С. 8–18.
2. Драгилев Е. В., Драгилева Л. С. Информатизация судебной системы Китая // Юридические науки. 2022. № 8. С. 54–59.
3. Андреев Д. Е. Цифровизация судопроизводства как способ рационального использования судебных ресурсов // Современная юриспруденция: правовая мысль и правоприменительная практика. Материалы всероссийской студенческой научной конференции, посвященной 30-летию конституции Российской Федерации. Иркутск, 2023. С. 312–316.
4. Умные суды в Китае // Процесс. 2022. № 6. С. 20–26.
5. Куликов В. Е. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета. 2023. 25 мая.
6. Былинкина Е. В. Блокчейн : правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. 2020. № 9. С. 143–154.

© Имаева Ю. Б., 2024

© Файрушина Р. Д., 2024

Исанбаев И. С. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА,
УЧАСТВУЮЩЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**SOME ISSUES THAT ARISE IN THE ACTIVITIES
OF A LAWYER INVOLVED IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Аннотация. В статье автором предлагается рассмотреть вопросы, связанные с деятельностью адвоката в части собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Важность исследуемой темы заключается в том, что именно на досудебных стадиях уголовного судопроизводства происходят значительные ограничения свобод, интересов и прав человека, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. В соответствии с этим именно данный этап крайне остро нуждается во вмешательстве квалифицированного адвоката, который будет не просто следить за тем, чтобы права подзащитного не были нарушены, но и принимать активную роль в защите его интересов. Автором предлагается внести в уголовно-процессуальный закон изменения в части, касающейся собирания доказательств защитником.

Abstract. In the article, the author proposes to consider issues related to the activities of a lawyer in terms of collecting evidence during criminal proceedings. The importance of the topic under study lies in the fact that it is at the pre-trial stages of criminal proceedings that significant restrictions on freedoms, interests and human rights provided for by the Constitution of the Russian Federation occur. In accordance with this, it is this stage that urgently needs the intervention of a qualified lawyer who will not just ensure that the rights of the defendant are not violated, but take an active role in protecting his interests. The author proposes to amend the criminal procedure law, in part concerning the collection of evidence by the defender.

Ключевые слова: защитник, собирание доказательств, уголовное судопроизводство, следователь, подозреваемый, доверитель.

Keywords: defender, evidence gathering, criminal proceedings, investigator, suspect, the principal.

Без соблюдения интересов и прав участвующих лиц в уголовном деле нельзя говорить о справедливости. Соблюдение этих прав гарантирова-

но предоставлением квалифицированной правовой помощи. Юридическая помощь заключается в толковании и осмыслении нормативных правовых установлений и совершении действий с целью защиты и восстановления свобод, прав и интересов каждого. Квалифицированной является юридическая помощь лица, обладающего правовым статусом адвоката, на основе профессиональных стандартов квалифицированной юридической помощи и норм этики. Роль адвоката по уголовному делу велика. Несмотря на то, с чьей стороны он участвует в деле, адвокат гораздо профессиональнее и грамотнее, чем иной доверитель. Без квалифицированной помощи доверители могут неправильно дать оценку доказательствам. Так, информация, которая, по мнению доверителя, подтверждает его позицию, в действительности может оказаться в дальнейшем доказательством другой стороны, и, представляя ее на предварительном следствии и в суде, доверитель не всегда может понимать сущность и значение для него представленной им информации. Доверители могут быть не осведомлены о своих правах в вопросе собирания и представления документов и предметов, которые могут иметь доказательственное значение по уголовному делу и, как следствие этого, доверители не реализуют их должным образом. Защитник определяет, на какой стадии рассмотрения дела необходимо предъявить те или иные сведения.

Уголовный процесс является состязательным на любой его стадии. Самое ведущее проявление этой состязательности есть право стороны защиты независимо собирать информацию и прочие сведения по своему усмотрению [1].

Кроме этого, адвокат, основываясь на своем профессиональном опыте и знаниях законов, имеет возможность более четко и детально проконтролировать соблюдение процессуального порядка отображения доказательств в документах, приобщения их к материалам дела.

Под представлением доказательств понимается добровольная передача лицом предметов или документов, имеющих значение для дела. В данном случае нет оснований говорить о принуждении лица к определенному поведению, напротив, в основе его поступков лежит осознанная необходимость [2].

Так, одним из способов собирания доказательств является не только производство следственных действий дознавателем, следователем, прокурором и судом в ходе уголовного судопроизводства, но и представление их другими субъектами уголовно-процессуальной деятельности или их представителями, в том числе защитником (ст. 86 УПК РФ).

Итак, защитник на предварительном следствии обладает возможностью сбора доказательств, данная деятельность граничит с проблемой «параллельного расследования». Под последним подразумевается совокупность мероприятий защитника, которые условно можно назвать «след-

ственными», направленными на выявление и определение смягчающих или оправдывающих ответственность обстоятельств.

Защитник имеет право опрашивать лиц, которым могут быть известны факты, оправдывающие его подзащитного. Подобные опросы должны проходить согласно норме УПК РФ (ст. 86) исключительно с согласия этого лица.

Все мероприятия, производимые адвокатом, должны быть направлены на защиту интересов клиента, которого он защищает. На данный принцип защитник должен опираться в случае, когда в ходе опроса ему стала известна информация, отягчающая ответственность его клиента, то есть в подобной ситуации полученные сведения он не вправе передавать должностному лицу, которое ведет расследование.

При реализации «параллельного расследования» возникает вопрос, должен ли адвокат-защитник при общении с опрашиваемым лицом представиться защитником обвиняемого или подозреваемого либо же вполне достаточно наличие согласия данного лица. Предполагается, что защитник в ходе беседы должен оповестить опрашиваемого о цели опроса и назначения информации, получаемой от опрашиваемого лица. При этом понуждения опрашиваемого лица к даче выгодных для адвоката показаний не должно быть.

Работая над доказательственной базой, очень важно выяснить источники ее получения, поэтому считаем важным приобщать к уголовному делу запросы адвоката, сопроводительные документы организаций и органов, объяснения лиц, а также ходатайствовать в письменной форме о проведении допроса соответствующих лиц. При заявлении адвокатом ходатайства о допросе свидетеля показания последнего не должны основываться на догадках. Обязательна конкретизация источника информации. И чтобы информация, предоставленная адвокатом, не была «голословной», а достигла своего результата, то есть стала доказательством, необходимо признание ее таковой уполномоченным должностным лицом, ведущим расследование по уголовному делу.

Таким образом, опрос лица, проводимый адвокатом, является доказательством по делу только тогда, когда следователь получит показания от данного лица и закрепит их в соответствующем протоколе допроса. С другими процессуальными полномочиями адвоката по сбору доказательственной базы в соответствии со ст. 86 УПК РФ дело обстоит также.

Уголовно-процессуальное законодательство предоставляет адвокату полномочия по истребованию информации у объединений, местных властей и организаций, обладающих обязательством предоставления запрашиваемых документов или их копий. При этом следует учитывать существование сведений, составляющих коммерческую или иную тайну. В данном случае запрашиваемая информация, скорее всего, не будет предостав-

лена защитнику только на основании его запроса, то есть в этой части право защитника по сбору доказательств является ограниченным.

В подобных случаях лицо, занимающееся адвокатской деятельностью, вынуждено заявить соответствующее ходатайство об изъятии необходимых ему документов в рамках действий, относящихся к процессуальным. Полномочиями по реализации данных действий обладают сотрудники предварительного следствия. В этом случае не всегда по ходатайствам защитника принимаются процессуальные решения об их удовлетворении.

Кроме этого, запросы органов, ведущих расследование по уголовному делу, направленные в пределах их полномочий, в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ обязательны для исполнения организациями. Обязанность предоставления организациями и учреждениями запрашиваемой защитником информации также закреплена в ст. 86 УПК РФ. Такое закрепление также нашло свое отражение в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» с конкретизацией срока, согласно которому ответ на адвокатский запрос должен быть дан в тридцатидневный срок, что с учетом ограниченного срока расследования и тем более срока принятия решения по материалу доследственной проверки ограничивает возможности адвоката. В связи с чем не в полной мере реализуется право защитника по сбору доказательств по уголовному делу. Поэтому мы предлагаем пересмотреть и законодательно закрепить обязанность организаций и учреждений по предоставлению информации по адвокатскому запросу с сокращением срока его исполнения.

Как и в случае с адвокатским опросом, до признания лицом, ведущим предварительное расследование, информации, предоставленной защитником, доказательством, статуса она не имеет. На основании этого позиция закона о том, что защитник имеет право получать доказательства, пока лицо, ведущее предварительное расследование, не признает предоставленную защитником информацию доказательством, она не будет иметь статуса, представляется спорной. По этому поводу А. В. Пилюк высказывал схожее мнение [3].

Таким образом, считаем целесообразным внести изменения в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, предусмотрев в ней защитника как субъекта собирания доказательств. В свою очередь, ч. 3 данной нормы изложить в следующей редакции: «Защитник вправе собирать информацию для приобщения ее к уголовному делу в качестве доказательств путем...», а п. 3 указанной части дополнить указанием десятидневного срока предоставления запрашиваемой информации.

Несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, участие защитника в уголовно-процессуальном доказывании является важной и сложной проблемой. Защитник, будучи субъектом процесса доказывания, обладая свойствами активности и самостоятельности, должен реализовы-

вать свои права и предотвращать обвинительный уклон в расследовании преступлений.

Библиографический список

1. Латыпов В. С. Размышления о законодательной классификации участников уголовного судопроизводства // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 103–111.

2. Россинский С. Б. Представление и истребование как способы собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 218–222.

3. Пиюк А. В. Роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2020.

© Исанбаев И. С., 2024

УДК 343.1

Исетова Ж. М. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова (г. Караганда, Республика Казахстан)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

THE CURRENT STATE OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация. Республика Казахстан, приобретя независимость, предпринимает самостоятельные шаги, направленные на защиту прав и свобод человека. Сферы уголовного и уголовно-процессуального законодательства являются наиболее актуальными в этом направлении, так как именно в этой области появляются такие фигуры, как участники уголовного процесса и собственно субъект правоотношений, наделенный правами и обязанностями.

Abstract. Having gained independence, the Republic of Kazakhstan is taking independent steps aimed at protecting human rights and freedoms. The spheres of criminal and criminal procedure legislation are the most relevant in this direction, since it is in this area that such figures as participants in the

criminal process and the actual subject of legal relations, endowed with rights and duties, appear.

Ключевые слова: досудебное производство, краткий протокол, личность, общество, правовая система, эффективность.

Keywords: pre-trial proceedings, short protocol, personality, society, legal system, efficiency.

Важнейшим показателем развитого государства является стремление к общепринятым международным стандартам, где защита конституционных прав и свобод граждан, а также прозрачное правосудие выносятся на первое место.

«Конституция Республики Казахстан представляет собой основной документ, является стержнем всей правовой системы государства. В ней содержатся нормы, регламентирующие отношения к свободе и личной неприкосновенности» [1]. В условиях всеобщей цифровизации процессов происходит трансформация правоохранительной деятельности, в частности, стадии досудебного производства.

Глобальные преобразования не могли обойти стороной и Республику Казахстан. Государство уделяет большое внимание внедрению инновационных технологий в работу правоохранительных органов. В системе запущен процесс дебюрократизации, преследующий цели повышения эффективности и оперативности принятия решений, исключения излишней законодательной регламентации деятельности исполнительной власти, сокращения документооборота и отчетности [2].

Примером такого подхода может служить внесение дополнения в ч. 3 ст. 199 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК Республики Казахстан), регламентирующую протокол следственного действия, абзацем третьим следующего содержания: «В случае полного фиксирования хода и результатов следственного действия с помощью средств звуко-, видеозаписи лицо, производящее следственное действие, вправе ограничиться кратким изложением полученных фактических данных и установленных обстоятельств, имеющих значение для дела» [3].

На основе анализа ст. 199 УПК Республики Казахстан, отметим, что обязательным способом фиксации хода и результатов любого следственного действия является его протоколирование, однако по полноте и точности никакое словесное описание не может сравниться с хорошо выполненной звуко-, видеозаписью. Применение звуко-, видеозаписи является одним из самых современных способов фиксации информации и имеет ряд преимуществ.

К позитивным аспектам указанного нововведения можно отнести:

– сокращение физического документооборота уголовных дел и сроков как проводимого расследования, так и времени производства отдельных процессуальных и следственных действий;

– контроль и надзор за производством досудебного расследования по уголовным делам приобрел характер непосредственного восприятия (без физического контакта) со стороны властных субъектов за действиями и решениями следственных органов, мгновенного реагирования средствами прокурорского надзора и судебного контроля на любые допускаемые нарушения как процессуального, так и организационного характера;

– возможность виртуального (дистанционного) общения с несколькими субъектами путем применения специальных компьютерных программ (веб-конференций, видео-конференц-связи и т. д.) с одновременной записью происходящего;

– доступность ознакомления с результатами расследования и их исследование (в силу закона или в силу заявленного ходатайства) заинтересованными участниками на соответствующих сайтах (информационных порталах) либо на электронных носителях без ограничения во времени и контроля со стороны надзирающих или контролирующих органов;

– учет и контроль за доступом к материалам уголовного дела посредством его автоматической фиксации в соответствующих документах и электронных базах данных;

– соблюдение тайны следствия посредством возможности шифрования полученных данных, доступ к которым ограничен и определен законом [4].

Данный формат позволяет оптимизировать производство досудебного расследования, сократить сроки расследования, уголовно-процессуальные процедуры, фактически полностью исключается бюрократическая волокита, расширяется значимость принципа доступности к отправлению правосудия, обеспечение прозрачности в рамках расследования уголовных дел, минимизируются коррупционные риски, а также обеспечивается необходимый уровень защищенности должностных лиц, защита прав и законных интересов участников досудебного расследования [5].

Библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // Юрист. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.02.2024).

2. О мерах по дебюрократизации деятельности государственного аппарата // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000872> (дата обращения: 01.02.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2024 г.) // Юрист. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.02.2024).

4. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. Быть или не быть предварительному следствию (к 60-летию образования подразделений предварительного следствия органов внутренних дел (6 апреля 1963 года) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34373392 (дата обращения: 01.02.2024).

5. Центр по исследованию проблем следственной деятельности ОВД Научно-исследовательского института Карагандинской академии им. Баримбека Бейсенова : методические рекомендации по производству следственных действий с применением звуко-, видеозаписи. Караганда. 2023.

© Исетова Ж. М., 2024

УДК 343.13

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия);

Кашапова Ф. М. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (г. Уфа, Россия)

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ON THE ISSUE OF REGULATION OF CERTAIN GENERAL PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCESS THE REPUBLIC OF TURKEY

Аннотация. В статье анализируются отдельные вводные положения общей части теории уголовного процесса Турецкой Республики в сопоставлении их с аналогичными позициями российского уголовного судопроизводства, исследуется содержательная составляющая уголовно-

процессуального закона Турецкой Республики, на основании чего делаются соответствующие выводы.

Abstract. The article analyzes some introductory provisions of the general part of the theory of criminal procedure of the Turkish Republic in comparison with similar positions of the Russian criminal procedure, examines the substantive component of the criminal procedure law of the Turkish Republic, on the basis of which the relevant conclusions are drawn.

Ключевые слова: уголовный процесс Турции, источники уголовного процесса Турции, уголовно-процессуальный закон Турции, основные понятия уголовного судопроизводства Турецкой Республики.

Keywords: the criminal procedure of Turkey, the sources of the criminal procedure of Turkey, the criminal procedure law of Turkey, the basic concepts of the criminal procedure of the Republic of Turkey.

Более ста лет Российская Федерация (далее – РФ) сотрудничает с Турецкой Республикой в геополитическом пространстве, активизация взаимоотношений с которой наблюдается в последние годы. Так, в подп. 1 п. 56 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в марте 2023 года, Турция наряду с другими государствами дружественной исламской цивилизации обозначена в качестве страны, с которой Россия намерена развивать углубленное многоплановое обоюдоевыгодное партнерство [1]. Турецкая Республика была активно представлена на форуме «Россия – Исламский мир», прошедшем в мае 2023 года [2].

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость анализа различных сфер жизнедеятельности турецкого общества, включая ее правовую составляющую, одним из сегментов которого является уголовное судопроизводство.

В первую очередь отметим, что турецкое законодательство, как и российское, принадлежит к романо-германской правовой системе [3, с. 20], а уголовное судопроизводство обеих стран основано на французском Кодексе уголовного расследования 1808 года. Так, данный «наполеоновский уголовно-процессуальный закон» явился проектом Устава уголовного судопроизводства 1864 года Российской империи [4, с. 78] и первого турецкого уголовно-процессуального кодекса 1879 года Османской империи [5, с. 9]. При этом, как и в других государствах исламской правовой семьи [6, с. 36], в Турции, в отличие от России, никогда не функционировал институт присяжных как противоречащий исламским представлениям об осуществлении правосудия.

Источниками уголовно-процессуального права Турции являются следующие: Конституция Турецкой Республики 1982 года, общепризнанные принципы и нормы международного права, Закон об уголовной процедуре 2004 года (Ceza Muhakemesi Kanunu), Уголовный кодекс Турции

2005 года, иные законы Турецкой Республики (Закон об обязанностях и полномочиях полиции 1934 года; Закон об организации органов безопасности 1934 года; Закон об учреждении, обязанностях и полномочиях совета суда первой инстанции и окружного суда 2004 года и др.), Указы Президента Турции, постановления Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) – турецкого парламента (меджлиса), постановления Министерства юстиции Турции.

Отдельные авторы не рассматривают подзаконные нормативные правовые акты в качестве источников уголовного судопроизводства, «поскольку они регулируют лишь организационные аспекты деятельности государственных органов и должностных лиц, участвующих в уголовном процессе» [5, с. 16]. Мы полагаем, что любой нормативный документ, принятый на уровне органа государственной власти, устанавливающий те или иные правила уголовно-процессуальной деятельности, можно полноценно включать в систему источников уголовного судопроизводства, как это и делают некоторые исследователи [7].

В литературе встречается также мнение о принадлежности к источникам уголовно-процессуального права Турции так называемых не прямых источников, к которым относятся научные толкования правовых норм [5, с. 16].

В Основном законе Турецкой Республики предусмотрены многочисленные нормы, касающиеся сферы уголовного судопроизводства. В статье 10 закреплено равенство всех перед законом, в ст. 11 и 13 – принцип законности при приоритете конституционных норм и возможности ограничения прав и свобод только на основании закона «в соответствии с буквой и духом Конституции». Статья 19 устанавливает принцип свободы и личной неприкосновенности (возможность задержания до 48 часов, а в случае совершения группового преступления – до 15 суток); в ст. 20, 21, 22 предусмотрены права на тайну личной жизни, неприкосновенности жилища и свободу сообщений, ограничение которых, как и в РФ, возможно только по судебному решению; в ст. 35, 36 – принцип осуществления правосудия только судом. В целом в ч. 2 Конституции «Основные права и обязанности» содержится большой массив законодательных предписаний уголовно-процессуального характера, вплоть до детальных нормативных установлений, касающихся необходимости уведомления близких родственников о положении арестованного или задержанного (ст. 19), возможности подачи регрессного иска к ответственному должностному лицу в случае возмещения государством ущерба, понесенного лицом из-за его неправомерных действий (ст. 40). Следует сказать, что Конституция Турции является достаточно объемным и насыщенным нормативным правовым актом. Так, в ней содержатся: Закон об уголовной процедуре (kanun), который состоит из пяти книг (kitap), включающих соответствующие части (kisim), подразделенные на главы (bölüm) и статьи (madde). Уголовный ко-

декс Турции, состоящий из двух книг, разбитых также на части, главы и статьи. Заметим, что технико-юридическое построение законодательства Турецкой Республики имеет однотипную самобытность, выражающуюся в наличии в каждом нормативном акте многочисленных дифференцированных компонентов. В свою очередь, уголовно-процессуальный закон отличается от УПК РФ тем, что в нем отсутствуют, во-первых, стадийная последовательность нормативной регламентации хода «движения» уголовного дела, во-вторых, конкретно обозначенные, обобщенные в отдельном сегменте (главе, разделе) традиционные институты уголовного судопроизводства (принципы, участники, доказательства и доказывание, общие условия предварительного расследования и т. д.). Последнее обстоятельство вызывает обоснованную критику представителей юридической общности [8, с. 124].

Так, книга первая Закона об уголовной процедуре состоит из шести частей. Первая часть содержит пять глав, в которых раскрываются понятия, используемые в законе и некоторые вопросы судебной деятельности (правила определения подсудности, заявления отвода судьям и т. д.)

В часть вторую включены общие вопросы принятия судебных решений, а также прогрессивная норма, освещающая особенности использования при производстве по уголовным делам электронного документооборота Национальной судебной сетевой информационной системы Турции (UYABS). В данной статье указано, что «процедуры и принципы ведения уголовного процесса в UYABS регулируются постановлением, которое издается Министерством юстиции Турции». Это подтверждает высказанную нами ранее позицию относительно целесообразности отнесения подзаконных нормативных правовых актов к источникам уголовного судопроизводства Турецкой Республики.

В части третьей предусмотрено процессуальное положение свидетеля и эксперта, а также порядок их участия в доказательственном процессе.

В части четвертой раскрыт порядок применения отдельных мер процессуального принуждения (задержания, заключения под стражу и т. д.), а также производства некоторых действий, направленных на собирание доказательств (обыск, изъятие, контроль сообщений, осуществляемых посредством телекоммуникаций).

В свою очередь, в части пятой содержатся положения о деятельности «тайного следователя» и реализации им соответствующих негласных процедурных мероприятий в процессе уголовного преследования.

В книге второй регулируются вопросы производства и окончания предварительного расследования, в книге третьей – поступления уголовного дела в суд и вынесения приговора. Казалось бы, следующая четвертая книга должна регламентировать последующую процедуру судебного производства по делу, однако в ней предусматривается правовой статус заявителя, потерпевшего (жертвы) и их представителей [5, с. 14]. Вероятно, по-

мещаая в середину Закона об уголовной процедуре нормы, устанавливающие статус данных субъектов уголовного судопроизводства, турецкий законодатель хотел подчеркнуть особое охранительное действие данного закона, касающееся обеспечения прав потерпевших от преступления.

Пятая книга предусматривает порядок реализации следующих процессуальных механизмов: специальных судебных процедур в отношении подсудимых, скрывшихся от уголовного преследования, находящихся за пределами государства; примирительной процедуры; процедуры возвращения имущества, на которое был наложен арест в процессе судебного преследования [5, с. 14].

Еще одной особенностью турецкого уголовно-процессуального закона является то, что он не предусматривает регламентацию стадии исполнения приговора, как это сделано в разделе XIV УПК РФ. В этом видится определенная разумность, так как данный этап уголовного судопроизводства является достаточно специфическим, отчасти выходящим за рамки общепринятых представлений о стадиях уголовного процесса по следующим причинам:

- во-первых, это единственный этап в котором отсутствует познавательный компонент (доказательственная деятельность);
- во-вторых, исполнение приговора как стадия не является контрольной по отношению в предыдущим стадиям;
- в-третьих, представляется проблемным вопрос определения его временного периода по причине возможности вынесения оправдательного приговора или приговора с назначением наказания в виде пожизненного лишения свободы.

В Турецкой Республике вопросы исполнения приговора регулируются Законом об исполнении наказаний и мер безопасности 2004 года и Законом о тюремном уголовном праве 2006 года.

Говоря о назначении уголовного судопроизводства, следует сказать, что оно скромно зафиксировано в ст. 1 Закона об уголовной процедуре, поименованной «Сфера действия (применения) настоящего закона». В указанной норме установлено, что данный закон «регулирует правила ведения уголовного процесса, а также права, полномочия и обязанности лиц, участвующих в этом процессе». В статье 2 перечислены отдельные, немногочисленные понятия, используемые в уголовно-процессуальном законе. Всего 12 позиций, в отличие от аналогичной ст. 5 УПК РФ, в которой представлено 73 понятия.

Так, подозреваемым (*süpheli*) в уголовном процессе Турции буквально считается лицо, подозреваемое в совершении преступления (п. а ст. 2 Закона об уголовной процедуре); подсудимым (*sanık*) – лицо, которое подозревается в совершении преступления с начала судебного преследования до вынесения окончательного решения (п. б ст. 2); защитником (*müdafi*) – адвокат, который защищает подозреваемого или обвиняемого в уголовном

процессе (п. с ст. 2); адвокатом (vekil) – адвокат, представляющий лицо, которое принимает участие, пострадало от преступления или несет материальную ответственность в уголовном процессе (п. d ст. 2). Под расследованием (soruşturma) понимается этап от изучения подозрения в преступлении компетентными органами в соответствии с законом до принятия обвинительного заключения (п. е ст. 2); уголовное преследование (kovuşturma) интерпретируется как фаза, начинающаяся с принятия обвинительного заключения и заканчивающаяся до завершения судебного решения (п. f ст. 2)¹.

В этой связи мы согласны с мнением Р. А. Оруджовой, указывающей, что российское законодательство, в большей степени ориентированное на профессионального правоприменителя, «стремится сконструировать определение через указание основных возможных элементов механизма признания тем или иным субъектом, а турецкий законодатель ориентирован на донесение основной идеи, одной черты, которая определяет отличие одного участника уголовного судопроизводства от другого» [8, с. 125]. По этой причине глоссарий, обозначенный в Законе об уголовной процедуре Турции, является более доступным для понимания рядовому участнику процесса.

Говоря о таких общих положениях, как принципы, напомним, что данный институт наряду с другими не обособлен в отдельной части Закона об уголовной процедуре Турции. В литературе выделяют такие схожие с российскими принципы, как публичность, независимость судей, презумпция невиновности, разумный срок уголовного процесса. Также обозначают принципы, зафиксированные в УПК РФ в качестве общих условий (правил) судебного разбирательства. К ним относят непосредственность, устность и гласность. Отмечается, что в связи с ратификацией Турецкой Республикой Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в уголовном судопроизводстве данной страны определяются принципы, непосредственно зафиксированные в данном международном документе (право на жизнь, свободы и личную неприкосновенность, уважения частной и семейной жизни, запрещение пыток, право подсудимого на справедливое судебное разбирательство) [5, с. 18–19].

На основании нашего анализа общих положений уголовного судопроизводства Турецкой Республики отметим еще одну немаловажную деталь, в прошлом соединяющую турецкое и российское уголовно-процессуальное законодательство. Речь идет о категории истины, вошедшей в судопроизводство обеих стран во второй половине XIX века, когда Российская и Османская империи решили строить свое законодательство на европейский манер, о чем было сказано в начале статьи. В турецком За-

¹ В этом абзаце статьи представлен перевод ст. 2 Закона об уголовной процедуре, осуществленный турецким адвокатом Саимом Инджекаш. URL: <https://av-saimincekas.com/ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

коне об уголовной процедуре понятие материальной истины как цели осуществления доказательственной деятельности сохранено до сих пор (п. 6 ч. 3 ст. 52, ч. 1 ст. 129, ч. 1 ст. 160 Закона об уголовной процедуре).

Таким образом, мы попытались рассмотреть отдельные вводные положения уголовного процесса Турции, на основании чего можно отметить наличие в них схожих компонентов с российским уголовно-процессуальным законодательством, обусловленных историческими и геополитическими обстоятельствами. Полагаем целесообразным продолжать исследования в заданном векторе компаративистской направленности, считая его вполне перспективным.

Библиографический список

1. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. XV Международный экономический форум «Россия – Исламский мир», 14–19 мая 2023 г. // KazanForum. URL: <https://kazanforum.ru/press-center/analytics/10112/> (дата обращения: 12.01.2024).

3. Никитенко И. В. Уголовное законодательство Турецкой Республики о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности: компаративный анализ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1(58). С. 18–22.

4. Мазюк Р. В. О влиянии французского Кодекса уголовного расследования 1808 года на Российский Устав уголовного судопроизводства 1864 года (к 150-летию Устава) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сборник научных трудов. Вып. 1 (5). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 77–86.

5. Григорьев В. Н., Сумин А. А. Введение в уголовный процесс Турции: монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 192 с.

6. Каац М. Э. Отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Сирийской Арабской Республике // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 35–40.

7. Бурмистров В. А., Савонюк Р. Е. Особенности расследования и производства следственных действий по законодательству Турции. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94243/24-Burmistrov.Pdf?sequence=1> (дата обращения: 12.01.2024).

8. Оруджова Р. А. Процессуальный статус участников судебного разбирательства в Российской Федерации и Турецкой Республике // Сибирский юридический вестник. 2017. № 1(76). С. 124–129.

© Каац М. Э., 2024

© Кашапова Ф. М., 2024

Киселев Н. Н. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Abstract. The article discusses some problematic aspects of the use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings.

Ключевые слова: документирование оперативно-розыскной деятельности, результаты оперативно-розыскной деятельности, использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: documentation of operational investigative activities, results of operational investigative activities, use of results of operational investigative activities.

Сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) для раскрытия преступлений, отнесенных к их компетенции, осуществляют комплекс оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и широко используют имеющиеся в их распоряжении силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Результаты, полученные в ходе проведения ОРМ, оперуполномоченными оформляются соответствующими оперативно-служебными документами, которые составляются как на этапе их организации, например, план проверочной закупки и другие, так и при проведении ОРМ (акт проверочной закупки), а также документы, составляемые в ходе реализации результатов ОРД.

В процессе организации и проведения ОРМ может осуществляться аудио- и видеофиксация, аудио- и видеодокументирование подготовительных действий, а также документирование правильности и законности осуществления самого ОРМ (его тактики), полученных результатов, действий, связанных с их представлением следователю, в производстве которого

находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении.

Результаты ОРД представляют собой оперативно-розыскную информацию, являющуюся информационным продуктом, основанным на комплексе данных, полученных в сфере преступности, и инфраструктуре с применением оперативно-розыскных мероприятий из различных источников, подвергнутых проверке оперативным путем.

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой фиксированные сведения, полученные:

- 1) от субъектов оперативно-розыскной деятельности;
- 2) в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, составляющих основу данной деятельности.

Полученные при осуществлении ОРМ результаты в виде фактических данных, зафиксированных в соответствующих оперативно-служебных документах, на аудио-видео-носителях, на начальном этапе документирования помещаются в дела оперативного учета, которые заводят оперуполномоченные для собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД, на основе которых принимаются соответствующие управленческие, организационно-тактические и иные решения по борьбе с преступностью.

Сбор доказательств является ключевым компонентом работы дознавателя, следователя, прокурора и суда. Они сотрудничают с другими участниками процесса с целью поиска и обнаружения источников информации, а также получения сведений об обстоятельствах, которые имеют значение для дела. Полученная информация закрепляется в соответствии с законом.

Процесс сбора доказательств начинается с поиска и обнаружения носителей информации, так как без обнаружения источников невозможно получить необходимую информацию. Роль ОРД здесь состоит в обнаружении источников и/или носителей информации: будь то предмет, который сохраняет следы преступления, либо человек, у которого в сознании запечатлены обстоятельства, имеющие значение для дела, и другие аспекты.

Документирование ОРД, осуществляемое в рамках дел оперативного учета, должно быть направлено, прежде всего, на решение таких задач, как выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Документирование оперативно-розыскных мероприятий обязано включать в себя сбор и проверку информации о фактах, которые требуют подтверждения в уголовном деле. При этом необходимо уделять основное внимание записи аудио- и видеоматериалов, а также составлению оперативно-служебных документов на основе проведенных ОРМ. Особое внимание следует уделять фиксации на аудио- и видеоносителях самых важ-

ных и трудно доказуемых фактов совершенного преступления. Для этого необходимо использовать специальную технику и записывать действия злоумышленников, связанные как с подготовкой к совершению преступления и покушением на оконченное преступление, так и с их субъективной стороной, то есть фиксировать намерение его совершения.

В специальной литературе с определенной периодичностью с различных точек зрения обсуждаются сложные вопросы, касающиеся использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

По мнению некоторых авторов, законодательные нормы об использовании результатов ОРД не регламентируются достаточно всесторонне и детально. Существующие пробелы в законодательстве по данному вопросу могут привести к неблагоприятным последствиям для граждан. Очевидно, что необходимо уделить больше внимания этой проблеме и разработать более полные и четкие правила использования результатов ОРД на законодательном уровне. Только таким образом будет обеспечена защита прав граждан и сохранен баланс между необходимостью борьбы с преступностью и гарантированием конфиденциальности личной информации.

Оперативно-розыскная информация играет важнейшую роль в оперативно-розыскной деятельности, поскольку она позволяет выявить конкретные объекты оперативно-розыскной деятельности в определенных условиях места и времени. Благодаря этой информации можно определить реальные потребности и цели оперативно-розыскного воздействия, прогнозировать результаты такого воздействия и выбирать соответствующие меры, средства, формы и методы деятельности.

На сегодняшний день идея активного использования оперативно-розыскной информации в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, вплоть до ее признания в суде как судебных доказательств, активно развивается и находит свое воплощение на практике. Однако полная реализация этой идеи возможна только при наличии правового механизма использования итогов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе.

Таким образом, оперативные материалы (результаты оперативно-розыскных действий), представляемые в качестве доказательств по уголовным делам, должны способствовать формированию доказательств, соответствующих требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Они должны содержать информацию, необходимую для установления фактов, подлежащих доказыванию по уголовному делу, включая указание на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может служить доказательством,

а также данные, которые можно проверить в рамках судебного процесса на основе собранных доказательств.

Уголовно-процессуальный закон требует наличия доказательств в уголовном деле. Доказательства могут быть представлены в виде различной информации, которая позволяет суду, прокурору, следователю и дознавателю установить наличие или отсутствие обстоятельств, которые подлежат доказыванию в рамках проведения уголовного дела. Важно отметить, что такая информация может относиться не только к основным фактам, но и к другим обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела.

На основании изученных положений уголовно-процессуального закона становится ясно, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми и не обладают юридической силой. Такие доказательства не могут быть использованы в качестве основы для обвинений и не могут служить для подтверждения каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию. Важно учитывать этот факт при рассмотрении и решении уголовных дел, поскольку допустимость доказательств является одним из основных принципов справедливого судопроизводства. Лишь соблюдение уголовно-процессуальных требований и принципов позволяет создать законный и обоснованный фундамент для обвинительного акта и выводов суда.

Из сказанного следует, что доказательства могут быть получены только процессуальным путем, т. е. в ходе проведения следственных и судебных действий.

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно указать, что понимается под результатами ОРД. Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законом под результатами ОРД понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда [1; 2].

Из сказанного можно сделать вывод, что в ходе ОРД оперуполномоченные ОВД получают сведения (фактические данные), которые после их надлежащего уголовно-процессуального закрепления могут стать доказательствами, например, после составления протокола допроса.

В этой связи в определении Конституционного Суда Российской Федерации справедливо было указано, что результаты ОРД, осуществляемой путем проведения ОРМ, не являются доказательствами, а представляют собой лишь сведения о фактах, которые могут стать доказательствами.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает, что для подтверждения вины допускается ряд различных видов доказательств. Среди них следует выделить: показания самого подозреваемого или обвиняемого; по-

казания потерпевшего и свидетелей; выводы и показания экспертов и специалистов; материальные, или вещественные, доказательства; протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы, имеющие отношение к делу. Поэтому результаты проведения ОРМ, зафиксированные в соответствующих оперативно-служебных документах, должны найти отражение в процессуальных документах. Так, например, результаты проведенного оперуполномоченным оперативно-розыскного мероприятия «Опрос», оформленные оперативно-служебным документом «Объяснение», могут стать доказательствами после проведения следственного действия «Допрос» и оформления «Протокола допроса».

При проведении данного следственного действия должна быть проведена всесторонняя и полная проверка, а также оценка ранее полученных сотрудником оперативного подразделения фактических данных об обстоятельствах совершенного преступления. Полученные сведения должны подтверждать и конкретизировать, могут дополнять и развивать ранее полученные оперуполномоченным фактические данные.

В случае обнаружения противоречий между предоставленными ранее объяснениями и показаниями во время проведения допроса следователь обязан тщательно разобраться в сути этих разногласий и выявить причины, отразив это в протоколе следственного действия. Если имеются расхождения и противоречия, следователь должен незамедлительно установить их источник и истину по делу.

По мнению отдельных авторов, противоречащие Конституции Российской Федерации результаты негласного проведения ОРМ с использованием аудио- и видеозаписи не могут быть признаны доказательствами, если они проводились без судебного решения и без рассекречивания сведений о характеристиках использованных при этом технических средствах.

При осуществлении ОРМ «Наблюдение с использованием технических средств за подозреваемыми или обвиняемыми» законодательством не регламентируется получение судебного решения, так как в ходе его проведения не ограничиваются конституционные права человека и гражданина. Следовательно, и сведения о характеристиках технических средств использованных при проведении данного ОРМ не должны предоставляться третьим лицам.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации справедливо указывал, что применение специальных технических средств фиксации наблюдаемых событий не требует получения судебного решения, а проведение таких ОРМ в условиях негласности и конспирации не нарушает прав граждан [3]. Конституционный суд Российской Федерации правильно отметил, что получение судебного решения необходимо лишь в случаях проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Сведения, зафиксированные в ходе аудио- и видеозаписи на цифровом накопителе при проведении ОРМ с использованием специальных технических средств, в том числе и при проведении ОРМ «Наблюдение», станут доказательствами по уголовному делу после проведения в присутствии понятых следственного действия по осмотру цифрового накопителя и вынесения постановления о его признании в качестве вещественного доказательства.

По мнению отдельных авторов, которое мы разделяем, данные правовые коллизии на протяжении многих лет так и не способствовали устранению одного из главных противоречий современного доказательственного права, связанного с отсутствием четкой определенности важнейших условий и форм легализации результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу.

Несмотря на то, что результаты ОРД должны применяться для различных целей, таких как подготовка и осуществление следственных и судебных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, связанных с совершением этих преступлений, для розыска скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от наказания и без вести пропавших, сами по себе они доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются, но их необходимо рассматривать в качестве основы, благодаря которой в уголовном судопроизводстве могут быть сформированы доказательства.

Научное исследование вопросов использования результатов ОРД в качестве доказательств при расследовании уголовных дел должно иметь перспективное направление и должно развиваться не только в теоретическом смысле, но и в практическом.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паука Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2898-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кривошеков Н. В. – начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень, Россия)

ИЗБРАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ

SELECTION AND APPLICATION OF PRESTRUCTIVE MEASURES: DISADVANTAGES OF LEGAL DESIGN

Аннотация. В статье на основе материалов практики обозначена проблема противоречия между публичным и частным интересом, возникающая ввиду недостатков правовой регламентации отдельных мер пресечения, указаны возможные пути совершенствования института мер пресечения.

Abstract. The article, based on practice materials, identifies the problem of contradiction between public and private interests that arises due to shortcomings in the legal regulation of individual preventive measures, and indicates possible ways to improve the institution of preventive measures.

Ключевые слова: избрание меры пресечения, применение меры пресечения, подписка о невыезде и надлежащем поведении, исполнение меры пресечения.

Keywords: selection of a preventive measure, application of a preventive measure, undertaking not to leave the place and proper behavior, execution of a preventive measure.

Вопросы, связанные с практической реализацией мер пресечения, традиционно находятся в центре внимания как ученых-процессуалистов, так и сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. На протяжении всей истории отечественного уголовного судопроизводства сущность мер пресечения, их место в системе уголовного судопроизводства, реализация предусмотренных при применении мер пресечения правоограничений и обеспечение прав граждан и юридических лиц, не теряют своей актуальности. Меры пресечения выступают элементом механизма уголовно-процессуального регулирования, предназначенным обеспечить надлежащий порядок производства по уголовному делу и предупредить возможные противоправные или препятствующие движению уго-

ловного дела действия обвиняемого, подозреваемого. При этом, как неоднократно отмечалось в научной литературе, меры пресечения носят ярко выраженный публичный характер, направлены на реализацию назначения уголовного судопроизводства и обеспечены аппаратом государственного принуждения [1; 2]. В многочисленных научных изысканиях по вопросам мер пресечения отмечаются недостатки их правовой регламентации, предлагаются различные способы преодоления пробелов и противоречий уголовно-процессуального законодательства, однако, как сама система мер пресечения, так и подходы законодателя к конструкции уголовно-процессуальных норм, регламентирующих связанные с мерами пресечения отношения, в течение длительного времени остаются практически неизменными.

Основы правовой регламентации мер пресечения были закреплены еще в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. В отделении третьем главе 6 Устава указывались отдельные меры к пресечению способов уклонения обвиняемого от следствия и суда. В начале советского периода Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1923 года также предусматривал возможность применения отдельных мер пресекательного характера. УПК РСФСР 1960 года фактически без серьезных изменений был «повторен» законодателем в положениях главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Анализ указанных положений позволяет утверждать, что основополагающие начала мер пресечения на законодательном уровне считаются неизменными. Так, положения ст. 97 УПК РФ (основания избрания мер пресечения) практически дословно повторяют содержание ч. 1 ст. 89 УПК РСФСР; весьма близки указанные в УПК РСФСР и УПК РФ обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения; система мер пресечения лишь пополнилась отдельными мерами (ст. 107 УПК РФ – домашний арест, ст. 105.1 УПК РФ – запрет определенных действий), однако в своей основе осталась прежней. Несущественные изменения коснулись порядка избрания мер пресечения – законодатель здесь совершенствует ранее предусмотренные положения, не проводя революционных преобразований. В этой связи не теряют актуальность научные изыскания, основанные еще на положениях дореволюционного законодательства, а также УПК РСФСР [3; 4; 5].

В сравнении с УПК РСФСР в ныне действующем УПК РФ предпринята небезуспешная попытка легального закрепления ключевых понятий, используемых в уголовно-процессуальном законе (ст. 5 УПК РФ). В отношении мер пресечения законодатель выделяет «избрание меры пресечения» – принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого (п. 13 ст. 5 УПК РФ), и «применение меры пресечения» – процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения

до ее отмены или изменения (п. 29 ст. 5 УПК РФ). Различия между избранием и применением меры пресечения подчеркнуты и в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 66-О-О [6]. В части 3 ст. 104, ч. 7 ст. 105.1, ч. 9 ст. 107 также предусмотрено «исполнение меры пресечения». Данная дефиниция не раскрывается в УПК РФ, в научной литературе под исполнением меры пресечения понимают непроцессуальные действия уполномоченных должностных лиц по реализации ее требований [2, с. 34].

Теоретическая модель «избрание – применение – исполнение» меры пресечения представляется вполне достаточной, весь процесс «существования» меры пресечения нашел в ней свое отражение. С учетом требований принципа законности при производстве по уголовному делу (обоснованность и мотивированность процессуальных решений – ч. 4 ст. 7 УПК РФ) этот процесс, с известной долей условности, проходит следующие этапы:

- установление следователем, дознавателем, судом целесообразности избрания и применения меры пресечения, наличия предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований и их доказывание;
- определение значимых для выбора подлежащей применению меры пресечения обстоятельств, их доказывание и выбор меры пресечения;
- вынесение процессуального решения;
- осуществление следователем, дознавателем, судом комплекса процессуальных действий, направленных на обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства, и применение избранной меры пресечения;
- реализация предписаний, установленных применяемой мерой пресечения, компетентными государственными органами и должностными лицами.

Еще раз подчеркнем, что ввиду принудительного и правоограничительного характера деятельность по избранию и применению мер пресечения носит публичный характер. На объективность (независимость мер принуждения от волеизъявления невластного субъекта) неоднократно указывалось еще в работах ученых-процессуалистов советского периода [1; 5; 8].

Вместе с тем на практике в процессе избрания и применения отдельных мер пресечения встречаются серьезные сложности.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, возникшую в процессе расследования уголовного дела № 2020/110***4. Данное уголовное дело было возбуждено следователем СО ОП № 4 УМВД России по г. Тюмени в отношении М. по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. В дальнейшем выяснилось, что М. причастен к совершению еще 6 эпизодов мошенничества. Уголовные дела были соединены в одно производство, вынесено постановление о привлечении М. в качестве обвиняемого. Следователем были установлены данные о личности М. Ранее М. дважды привлекался к уголовной ответствен-

ности по ст. 159 УК РФ, после освобождения в 2019 году из мест лишения свободы не работал, по месту постоянной регистрации в г. Омске не проживал, имел в собственности квартиру в г. Тюмень. С учетом указанных обстоятельств следователем было принято решение об избрании в отношении М. в качестве меры пресечения заключения под стражу, в суд направлено соответствующее ходатайство. По результатам рассмотрения ходатайства суд не считал возможным применить заключение под стражу, в удовлетворении ходатайства следователя было отказано. Следователем было вынесено решение об избрании в отношении М. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Решение следователь объявил обвиняемому в присутствии защитника, обвиняемый ознакомился с постановлением, подписал его, однако по совету защитника отказался дать подписку о невыезде (заполнить предложенный следователем бланк). В бланк подписки о невыезде следователь внес соответствующую запись об отказе обвиняемого, запись была удостоверена незаинтересованными лицами. После завершения приведенных выше процессуальных действий М. уехал из города, со слов защитника связь с ним он осуществлял посредством социальных мессенджеров или с использованием сети Интернет. В последующем выяснилось, что М. устроился на работу в один из районов Крайнего Севера вахтовым методом. Грамотное оформление действий обвиняемого позволило следователю вновь обратиться в суд с ходатайством об избрании в отношении М. в качестве меры пресечения заключение под стражу. Ходатайство следователя было мотивировано (в том числе) положениями Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 года № 27-О, в котором, в частности, разъяснено, что отказ подозреваемого, обвиняемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении свидетельствует о том, что цели данной меры пресечения здесь не могут быть достигнуты, что означает возможность избрания другой меры пресечения [7]; в соответствии с ч. 9 ст. 108 УПК РФ в данной ситуации возникли новые обстоятельства (отказ обвиняемого от подписки о невыезде, отсутствие по месту регистрации и временного нахождения и невозможность связаться с ним). Руководствуясь этими соображениями, суд удовлетворил ходатайство следователя, М. был заключен под стражу. В последующем предварительное следствие было завершено, и уголовное дело направлено в суд с обвинительным заключением.

В рассмотренной ситуации с позиции буквального толкования закона мера пресечения – подписка о невыезде и надлежащем поведении – избрана, так как решение следователем было вынесено. Однако, поскольку все предусмотренные законом для требования не были выполнены, установленные ст. 102 УПК РФ запреты и ограничения прав обвиняемого не могли быть реализованы, и после избрания меры пресечения не была применена. Ситуация, несмотря на сложность, была разрешена, хотя в связи с необходимостью повторного обращения в суд с ходатайством об избрании заклю-

чения под стражу можно говорить о нарушении принципа процессуальной экономии, увеличился срок предварительного следствия.

Случай, очень схожий с рассмотренным выше, к сожалению, не нашел положительного решения. Уголовное дело № 2021/658**09 было возбуждено следователем СО ОП № 3 УМВД России по г. Тюмени по факту кражи чужого имущества (ч. 3 ст. 158 УК РФ). В течение предварительного следствия были собраны доказательства, указывающие на причастность к указанному преступлению гражданина Н., ранее неоднократно судимого за совершение корыстных преступлений (ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 161 УК РФ). По данным следствия, Н. – уроженец г. Тюмени, был зарегистрирован в г. Тюмени, однако по месту регистрации не проживал, хотя находился в пределах г. Тюмени. Имеющиеся доказательства также свидетельствовали о наличии оснований для избрания меры пресечения, при этом в силу тяжести содеянного и состояния здоровья Н. избрать в отношении последнего меру пресечения, связанную с лишением или ограничением свободы, не представлялось возможным. В этой связи следователь принял решение об избрании в отношении Н. в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Решение следователя было объявлено Н. после предъявления обвинения в присутствии защитника. После ознакомления с постановлением об избрании меры пресечения Н. отказался поставить его подписывать, также отказался заполнять текст подписки о невыезде и надлежащем поведении. Об отказе обвиняемого подписать постановление был составлен протокол, в бланк подписки внесена запись о том, что обвиняемый отказался давать подписку, данные факты удостоверили приглашенные понятые. По прошествию нескольких дней Н. уехал из г. Тюмени; по адресу, где был зарегистрирован, не появлялся; повестки о вызове для участия в процессуальных и следственных действиях, таким образом, не получал; на связь с защитником выходил через мессенджер Viber или посредством сети Интернет. В дальнейшем в связи с отсутствием Н. уголовное дело было приостановлено на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам).

Представленные примеры (далеко не единичные) заставляют пересмотреть приведенную выше структуру избрания и применения меры пресечения, в частности, в отношении подписки о невыезде и надлежащем поведении: теоретическую модель после этапа вынесения процессуального решения следует дополнить этапом «одобрения» избранной меры пресечения лицом, в отношении которого она применяется. Абсурдность такого конструкта очевидна. В анализируемой ситуации частного интереса лица, в отношении которого ведется уголовный процесс и избирается мера пресечения, противопоставляется публичному характеру мер пресечения, направленному на решение задач производства по уголовному делу и со-

пряженному с ограничениями прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого). Причем налицо явный приоритет частного начала, когда мнение невластного участника уголовного процесса нивелирует решение следователя, дознавателя об избрании меры пресечения.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в отношении ряда других мер пресечения: личное поручительство и залог полностью зависят от волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) и/или иных лиц – поручителя, залогодателя; при избрании в качестве меры пресечения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым ч. 1 ст. 105 УПК РФ предусматривает письменное обязательство лиц, которым несовершеннолетний передается под присмотр. Заметим, что аналогичные требования УПК РФ в отношении обязательства о явке в ситуации ее применения также создают неразрешимые проблемы в случае противодействия со стороны обвиняемого, подозреваемого. Фактически при необходимости обеспечить явку обвиняемого (подозреваемого) к следователю, дознавателю или его (обвиняемого, подозреваемого) надлежащее поведение, у властного субъекта остается не так много инструментов: это одна из оставшихся мер пресечения – заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, наблюдение командования воинской части. Каждая из перечисленных мер имеет свои специфичные условия избрания и применения. Как результат – в последнем из приведенных выше примеров (уголовное дело № 2021/658**09) мера пресечения следователем фактически не может быть избрана.

Рассматриваемая проблема может быть решена несколькими способами. Один из них, ориентированный на дальнейшее развитие института мер пресечения, – это расширение арсенала принудительных средств, закрепленных в главе 13 УПК РФ. В последние годы перечень мер пресечения уже был расширен, запрет определенных действий в качестве меры пресечения получил серьезное научное обоснование и активно применяется на практике.

С другой стороны, учитывая принудительный, государственно-властный, объективный характер мер пресечения, видится необходимым совершенствование конструкции норм УПК РФ, закрепляющих необходимость согласия обвиняемого (подозреваемого) на избрание ряда мер пресечения. Безусловно, речь не идет о тотальном исключении частных начал из института мер пресечения, значение морального обязательства надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) весьма велико [2, с. 37], однако, как представляется, такие меры пресечения, как, например, поручительство или залог, должны существовать в качестве альтернативных возможностей, применяемых властным субъектом в ситуациях отсутствия противодействия со стороны обвиняемого (подозреваемого) нормальному течению уголовного дела. Здесь волеизъявление обвиняемого (подозреваемого), выраженное в форме согласия или ходатайства о применении залого-

га, выступает подтверждением добросовестного отношения этого участника уголовного процесса к своим обязанностям и применяемым правоограничениям. Подписку о невыезде и надлежащем поведении целесообразно изменить, исключив обязательство обвиняемого (подозреваемого) из числа условий применения этой меры пресечения (соответственно, необходимо и ее переименование).

Наиболее продуктивным видится сочетание приведенных выше возможностей, при котором не только увеличивается перечень предусмотренных УПК РФ мер пресечения, но и совершенствуется правовая регламентация уже существующих мер пресечения путем акцентирования их публичного, государственно значимого и принудительного характера.

Библиографический список

1. Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения. М. : Институт защиты предпринимателя, 1997.

2. Куценко С. М. Применение мер процессуального принуждения в ходе предварительного расследования : учебно-практическое пособие / С. М. Куценко, А. Ю. Терехов, Р. М. Исаева. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2020.

3. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб., 1906.

4. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975.

5. Еникеев З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 66-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 27-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.

© Кривошеков Н. В., 2024

Кузнецова Е. В. – адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург, Россия)

ОБ «ИТОГОВОМ РЕШЕНИИ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ»

ABOUT THE «FINAL DECISION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE»

Аннотация. В статье рассматриваются разновидности итоговых решений различных форм окончания предварительного расследования. С целью дальнейшей попытки унификации процедур завершающего этапа предварительного расследования при любой форме его окончания автор предлагает закрепить в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации такое понятие как «итоговое решение предварительного расследования».

Abstract. The article discusses the types of final decisions of various forms of ending the preliminary investigation. In order to further attempt to unify the procedures for the final stage of the preliminary investigation in any form of its completion, the author proposes to consolidate in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation such a concept as «the final decision of the preliminary investigation».

Ключевые слова: стадия, предварительное расследование, итоговое решение, обвинительное заключение, обвинительный акт, постановление.

Keywords: stage, preliminary investigation, final decision, indictment, indictment, resolution.

Наиболее удачное определение предварительного расследования, на наш взгляд, было дано В. М. Лебедевым, согласно которому оно представляет собой самостоятельную стадию досудебной части уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная деятельность в которой осуществляется специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами, по установлению обстоятельств совершенного преступления, обнаружению и закреплению следов преступления, раскрытию и изобличению виновных и привлечению их в качестве обвиняемых при строгом соблюдении прав, свобод и законных интересов граждан и организаций [1, с. 234].

Как и для любой другой стадии уголовного судопроизводства для стадии предварительного расследования характерно наличие собственных

задач, участников, сроков и решений. Именно итоговые решения данной стадии и будут являться предметом исследования данной статьи.

Перечень итоговых решений стадии предварительного расследования регламентирован положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и является исчерпывающим. Большое разнообразие таких решений указывает на проблему унификации процедур завершающего этапа предварительного расследования при любой форме его окончания. Анализ научных трудов, следственной и судебной практик также дает возможность сделать вывод, что на сегодняшний день необходима определенная унификация правового регулирования рассматриваемого этапа – завершающего этапа предварительного расследования [2]. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации также полагает, что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом [3]. Наличие нескольких форм окончания предварительного расследования, а также различная правовая регламентация их завершающего этапа предварительного расследования не позволяет в достаточной мере обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина на данном этапе.

С целью решения сложившейся проблемы предлагается ввести в ст. 5 УПК РФ такое понятие, как «итоговое решение стадии предварительного расследования». По нашему мнению, объединение всех итоговых решений предварительного расследования при любой форме его окончания в рамках одного понятия облегчит и законодательную регламентацию, и практическую реализацию такого правового института, как утверждение и согласование итоговых решений на завершающем этапе предварительного расследования с надлежащим осуществлением прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля.

В статье 5 УПК РФ есть определения только итогового и промежуточного судебного решения. Под итоговым судебным решением следует понимать приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу.

Н. С. Ершова в диссертационном исследовании также использует понятие «итоговое судебное уголовно-процессуальное решение» и понимает под ним те решения, которые разрешают уголовное дело по существу и отвечают на основные вопросы уголовного дела, которые отличаются в зависимости от дифференциации уголовного судопроизводства. Данные решения, как считает автор, должны приниматься в установленном законе процессуальном порядке, быть облечены в процессуальную форму [4, с. 7].

Промежуточное судебное решение – это все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения. Анализ норм УПК РФ говорит нам о том, что на судебных стадиях не возникает вопросов, какие из решений к какой группе относятся и что понимается под каждым из них.

Что касается досудебного производства, то УПК РФ дает только понятие процессуального решения – это решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ. Следовательно, данное понятие охватывает все процессуальные решения, которые могут быть приняты, указанными выше должностными лицами как на досудебных, так и на судебных стадиях.

Искомое определение можно встретить и в п. 15 ст. 10 Модельного УПК для государств-участников Содружества Независимых Государств. Кодекс определяет итоговое решение как всякое решение органа, ведущего уголовный процесс, исключающее начало и продолжение производства по делу, а также разрешающее, хотя бы и не окончательно, дело по существу. Анализ содержания данного определения позволяет сделать вывод, что в данном случае под такими решениями понимаются именно итоговые решения предварительного расследования, выносимые дознавателем (следователем) на завершающем этапе предварительного расследования.

И. С. Дикарев любые итоговые акты предварительного расследования относит к процессуальным обращениям, адресованным суду, ввиду того, что они содержат в себе обвинение, которое в ходе судебного разбирательства приобретает значение подлежащего разрешению требования о применении к лицу соответствующих норм уголовного закона. Под итоговыми актами предварительного расследования автор понимает просьбу лица, осуществляющего предварительное расследование к суду о привлечении лица к уголовной ответственности либо о применении к нему иных мер уголовно-правового характера. Необходимость выделения итоговых актов предварительного расследования в отдельную группу И. С. Дикарев аргументирует тем, что данные обращения отличаются их гибридной природой, так как одновременно они являются и обращениями, и актами применения права [5, с. 21].

Сказанное позволяет сформулировать следующее предложение по закреплению в тексте УПК РФ понятия «итоговое решение стадии предварительного расследования». Итоговое решение стадии предварительного расследования – обвинительное заключение (акт, постановление), иное решение, вынесенное следователем (дознавателем) в установленном УПК РФ порядке на основе совокупности собранных по делу доказательств, которое предусматривает направление уголовного дела в суд для решения вопроса о признании лица виновным в совершении преступления либо применения к нему иных мер уголовно-правового характера или прекращение дела по существу.

На основании данного определения можно выделить его следующие признаки:

- 1) это итоговое решение стадии предварительного расследования, принятое в установленном законом порядке;

2) это решение, которое содержит итоговую оценку уголовно-процессуальной деятельности следователя (дознавателя) на досудебном производстве;

3) это решение, которое определяет дальнейшее движение уголовного дела или влечет прекращение всей уголовно-процессуальной деятельности.

Полагаем, что данное определение охватывает все возможные виды завершающих расследование решений следователя (дознавателя).

Библиографический список

1. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М. : Издательство «Юрайт», 2012. 1016 с.

2. Гирько С. И. Унификация и дифференциация процессуальной формы как основные признаки ускоренного дознания // Труды академии управления МВД России. 2019. № 4 (52) С. 40–45.

3. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 5.

4. Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2014.

5. Дикарев И. С. Итоговые акты предварительного расследования как разновидность процессуальных обращений // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 17–22.

© Кузнецова Е. В., 2024

УДК 343.1

Латыпов В. С. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

РЕВИЗОР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

THE AUDITOR IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Аннотация. Автором в статье проанализировано участие ревизора в осуществлении деятельности, именуемой «содействие правосудию».

Указанный субъект уголовно-процессуальных правоотношений рассмотрен в контексте существования нейтральной по отношению к основным уголовно-процессуальной функции содействия правосудию. В работе проведена аналогия между ревизионным актом и заключением эксперта. В качестве вывода отмечается факт недопустимости их отождествления по ряду причин.

Abstract. The author reviewed the auditor's involvement in activities referred to as "promoting justice". This subject of criminal procedure legal relations is considered in the context of the existence of a criminal procedure function neutral in relation to the main criminal procedure. The work drew an analogy between the audit report and the expert's conclusion. As a conclusion, the fact of the inadmissibility of their identification for a number of reasons is noted.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, содействие правосудию, ревизия, уголовно-процессуальная функция, доказательство.

Keywords: criminal proceedings, assistance to justice, audit, criminal procedure function, evidence.

Часто за оказанием содействия уголовному правосудию [1] прибегают к помощи лиц, обладающих специальными знаниями, но не имеющих самостоятельного процессуального статуса. Традиционно всех их объединяет емкое понятие «специалист», однако процессуальные функции, которые выполняют эти лица, не тождественны функциям специалиста как участника уголовного процесса. К такой категории субъектов следует относить, например, ревизора, вовлекаемого в уголовный процесс для оказания содействия в сборе первоначального материала по исследуемому вопросу. Очевидно, что он не является экспертом, но можем ли мы считать его специалистом в рамках ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)?

В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист может быть привлечен в уголовный процесс для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов (не входит в задачи ревизора); применении технических средств и исследовании материалов уголовного дела (не относится к деятельности ревизора); для постановки вопросов эксперту (не является основной задачей ревизора); разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (то есть вызванное для дачи показаний по поводу применения его специальных знаний).

В теории уголовного процесса выделяют две формы использования специальных знаний: процессуальную и непроцессуальную. К категории процессуального использования специальных знаний относятся те формы, которые прямо регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, в том числе участие специалиста в производстве следственных

действий, судебных экспертиз, вовлечение и участие переводчика для оказания содействия участникам, не владеющим языком уголовного судопроизводства.

Непроцессуальные формы использования специальных знаний не нашли отражения в УПК РФ, но могут быть закреплены в федеральном законодательстве. Как правило, результаты использования специальных знаний в такой форме в доказательственной теории рассматриваются как «иные доказательства» (ст. 84 УПК РФ) и подтверждаются результатами других процессуальных действий (допрос, судебная экспертиза).

Возможность производства ревизий была предусмотрена еще в УПК РСФСР 1960 г., а с 2003 г. она нашла отражение в норме УПК РФ, посвященной способам проверки сообщения о готовящемся или совершенном преступлении (ч. 1 ст. 144). При этом наличие возможности «требовать производства документальных проверок, ревизий» со стороны властных субъектов не предполагало оплаты такого содействия. Сохранялось данное положение вплоть до 2013 г.

Вопрос о необходимости определения процедуры оплаты оказываемых ревизорами предварительному следствию услуг и недопущении ущемления имущественных прав данной категории лиц поднимался в трудах Е. В. Селиной [2, с. 76–77]. Лишь в 2013 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации пояснил, что сбор и исследование доказательств способами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством России (например, расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий)» [3], следует относить к иным видам процессуальных издержек, которые входят в перечень, предусмотренный ст. 131 УПК РФ. Учитывая предусмотренную возможность вовлечения в уголовный процесс сведущих лиц для проведения ревизий, полагаем, что их деятельность также подлежит оплате как иной вид понесенных процессуальных издержек.

Изучению роли и значения ревизионных исследований для уголовного судопроизводства, определению процессуального статуса ревизора посвятили свои труды Е. А. Доля [4], З. П. Климова [5], А. Я. Палиашвили [6], П. К. Понюшас [7] и др. Однако до сих пор нет единого подхода к пониманию данной категории использования специальных знаний в правоприменительной практике.

Для определения возможности признания результатов ревизии самостоятельным видом доказательств необходимо проанализировать процессуальный порядок ее назначения.

Возможность производства ревизий предусмотрена ч. 1 ст. 144 УПК РФ, порядок их назначения и проведения определен совместным ведомственным приказом, в котором раскрывается также порядок взаимодействия контрольно-ревизионных органов. Следует отметить, что в качестве ревизора могут быть привлечены и иные лица, обладающие необходимыми

специальными знаниями. Между тем следует отметить, что указанный ведомственный приказ в настоящее время фактически утратил силу, поскольку Указом Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» [9] рассмотрен вопрос о перераспределении полномочий Минфина России и передаче функций по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере Федеральному казначейству.

Ревизия назначается при необходимости определения обоснованности совершенных организацией хозяйственных и финансовых операций в конкретный период или достигнутых результатов ее финансово-хозяйственной деятельности. В случае необходимости для закрепления показаний ревизора допустимо допросить его в рамках уголовного дела в качестве свидетеля. Е. Р. Россинская считает, что ревизор должен быть допрошен в качестве специалиста [10]. Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что допрос специалиста не урегулирован на законодательном уровне.

Также следует отметить, что гражданское и уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность привлечения в последующем лица, проводящего ревизию, в качестве эксперта, а в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации этот факт является основанием для отвода эксперта (ч. 1 ст. 23).

Учитывая, что процессуальный статус ревизора в уголовном процессе не определен, за ним не закреплены ни права, ни обязанности, и, что самое опасное, ревизор не может быть привлечен к уголовной ответственности за заведомо ложный акт ревизии, поскольку норма ст. 307 УК РФ не содержит упоминания об этом субъекте¹.

К отличительным признакам статуса ревизора следует также отнести отсутствие возможности его отвода и невозможность истребования им дополнительных документов для производства ревизии. Полагаем, что существенным ограничением прав заинтересованных участников процесса является отсутствие возможности ознакомляться с постановлением о назначении ревизии и самим результатом ревизии (актом).

По нашему мнению, можно провести определенную аналогию между ревизионным актом и заключением эксперта. Оба документа имеют схо-

¹ Так, гр. С., главный бухгалтер ООО «Молсбыттранс», осужденная за хищение путем присвоения с использованием своего служебного положения, в кассационной жалобе выражает несогласие с приговором, считает его несправедливым, чрезмерно суровым. Автор жалобы ссылается на то, что ревизор не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Судебная коллегия определила, что согласно действующему законодательству предупреждать специалиста-ревизора об уголовной ответственности за составление заведомо ложного акта не требуется (см.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 15 марта 2011 г. по делу № 22-612 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»).

жую структуру: вводная, описательная и резолютивная части. Последняя часть представляет собой аргументированные ответы на поставленные вопросы лица, назначившего ревизию, или обоснование причины, в силу которых невозможно дать на них ответ.

Таким образом, во-первых, недопустима подмена экспертного заключения актом ревизии, а содействие, оказываемое ревизором, позволяет сформировать необходимое представление правоохранительных органов о предмете уголовно-правового спора, определить наличие противоправных действий и часто установить размер причиненного ущерба. Во-вторых, результат ревизии доказательством по делу не является, как и сам ревизор не является участником уголовного судопроизводства; это лицо не подлежит уголовной ответственности за заведомо ложный акт ревизии. В-третьих, недопустимо полагать, что ревизор в уголовном процессе является свидетелем или специалистом, поскольку круг задач и выполняемых этими участниками функций различны.

Библиографический список

1. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : дис. ... д-ра юридических наук. 2023. 507 с.

2. Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. 356 с.

3. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 // Российская газета. 2013. № 294.

4. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Спарк, 1996. 111 с.

5. Климова З. П. Процессуальная сущность требования производства ревизий и ее проведение при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 16 с.

6. Палиашвили А. Я. Правовые проблемы экспертизы в советском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1968.

7. Понюшас П. К. Применение бухгалтерских познаний при расследовании и предупреждении преступлений. Вильнюс, 1977. 197 с.

8. Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок) : приказ Минфина России, МВД России, ФСБ России от 7 декабря 1999 г. № 89н/1033/717. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

9. О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере : указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 6. Ст. 831.

10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2006. 656 с.

© Латыпов В. С., 2024

УДК 343.13

Левченкова А. Ю. – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

**ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**CHECKING TESTIMONY ON SPOT:
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В тексте статьи автор проводит сравнение законодательной регламентации такого следственного действия, как проверка показаний на месте на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, определяя схожие черты и выделяя различающиеся аспекты, и подчеркивает актуальность исследуемой темы, определяемой значением следственных действий в уголовном процессе.

Abstract. In the text of this article the author compares legislative regulation of such an investigative action as checking testimony on spot using the example of legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation, identifying similar features and highlighting different aspects, emphasizes the relevance of the topic, determined by the significance of investigative actions in the criminal process.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, следственные действия, показания, проверка показаний на месте.

Keywords: criminal process, criminal case, investigative actions, testimony, checking testimony on spot.

Следственные действия – это один из важнейших инструментов собирания доказательств в уголовном процессе. В настоящий момент система следственных действий в уголовном процессе Республики Беларусь представлена четырнадцатью процессуальными действиями, каждое из которых отличается определенной формой, составом участников или требованиями к оформлению его результатов. Некоторые из указанных действий выделяются значительней остальных, что обусловлено их особой природой. К ним можно отнести и проверку показаний на месте в силу одновременного наличия сходств с другими следственными действиями и особого характера, цели и порядка его проведения, выделяющих данное следственное действие.

В научных кругах данное следственное действие исследовано достаточно широко. Отдельные аспекты отражены в публикациях А. В. Варданяна, М. В. Давыдова, В. Н. Карагодина, Е. Е. Колбасиной, Л. И. Кукреш, О.А. Лученко, А. С. Мельниковой, П. В. Мытника, Е. А. Новиковой, С. В. Пилявец, И. Н. Порубова, Е. Р. Российской, В. Ю. Стельмаха, Н. Т. Тришиной, А. Г. Филиппова, Е. Е. Центрова, М. А. Шостака, М. М. Якубель и др.

Приступая к сравнительному анализу, необходимо сразу же отметить, что законодательно ни в Республике Беларусь, ни в Российской Федерации понятие «проверка показаний на месте» не закреплено. В связи с чем следует обратиться к трудам ученых-процессуалистов, исследовавших правовую природу и отдельные аспекты рассматриваемого следственного действия.

Так, П. В. Мытник определяет проверку показаний на месте как следственное действие, проводимое с ранее допрошенным лицом на месте происшествия или в ином месте с целью проверки, уточнения или получения новых фактических данных, уточнения маршрута и места, где совершались проверяемые действия, а также для выявления достоверности показаний путем их сопоставления с обстановкой исследуемого события [1, с. 109].

Позиция В. Н. Карагодина выражается в определении проверки показаний на месте как самостоятельного следственного действия, направленного на выяснение действительной осведомленности ранее допрошенного лица о произошедшем событии, отдельных обстоятельствах и получение новых сведений путем воспроизведения этим лицом обстановки конкретного места, его сопоставление и уточнение с содержанием данных им показаний, а также демонстрацией определенных действий [2].

По мнению А. С. Мельниковой и Е. Е. Колбасиной, указанное следственное действие является самостоятельным, и в ходе него осуществляется проверка и уточняются ранее данные показания подозреваемого (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), а обязательным условием представля-

ется выезд на место преступления или иное место, где произошло исследуемое событие, имеющее значение для уголовного дела [3].

Возвращаясь к законодательной регламентации проверки показаний на месте, следует отметить, что статья 225 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ), являясь правовой основой указанного следственного действия, в первой части содержит цель его проведения [4]. Его целью определено установление новых фактических данных, уточнение маршрута и места, где совершались проверяемые действия, а также выявление достоверности показаний путем их сопоставления с обстановкой события. При этом необходимо особо подчеркнуть, что проведение данного следственного действия является правом, а не обязанностью органа, ведущего уголовный процесс, что позволяет правоприменителю самостоятельно принимать решение о целесообразности его проведения исходя из материалов конкретного уголовного дела.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части первой статьи 194 также содержит указание на цель проведения проверки показаний на месте. При этом российский законодатель сформулировал это положение более широко: «в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела», хотя также отметил, что проведение данного следственного действия является именно правом, а не обязанностью правоприменителя [5].

Видится важным отметить наличие в УПК части 1¹, содержащей, по аналогии со следственным действием «осмотр» указание на обязательное процессуальное обоснование при проведении проверки показаний на месте в жилище. Оно выражается в наличии согласия собственника или совершеннолетнего лица, проживающего в этом жилище, на проведение указанного следственного действия либо в наличии постановления следователя, санкционированного прокурором. Следует подчеркнуть, что данное положение имеет большое значение и вытекает из конституционного принципа неприкосновенности жилища.

В УПК РФ подобная прямая регламентация для проверки показаний на месте отсутствует.

Дальнейшее правовое закрепление указанного следственного действия в УПК РБ и УПК РФ имеет ряд схожих положений, определяющих алгоритм его начала и хода проведения, а также запрет на одновременную проверку показаний нескольких лиц.

Вместе с тем белорусский законодатель счел необходимым расширить перечень урегулированных аспектов проведения проверки показаний на месте, что выразилось в наличии дополнительных частей вышеупомянутой статьи.

Среди них следует отдельно отметить прямое требование, закрепленное в части третьей статьи 225 УПК, о проведении указанного след-

ственного действия либо с участием понятых, либо с применением звуко- и видеофиксации.

Анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод, что хоть в статье 194 отсутствует аналогичное прямое требование, однако с учетом специфики рассматриваемого следственного действия, а также характера получаемых в результате доказательств данный аспект все же законодательно урегулирован, хотя и несколько иначе. В статье 170 УПК РФ вышеупомянутая статья указана в ряде статей, регламентирующих перечень следственных действий, при проведении которых понятые принимают участие по усмотрению следователя. При этом отмечено, что если принято решение об отсутствии данных участников уголовного процесса, то обязательным становится применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, а в случае невозможности выполняется соответствующая отметка в протоколе следственного действия.

Исходя из личного практического опыта, следует констатировать, что в свете глобальной компьютеризации и цифровизации, в том числе коснувшейся и уголовного процесса, при проведении отдельных следственных действий участие понятых становится все менее востребованным. Однако это не относится к такому следственному действию, как проверка показаний на месте в силу достаточно сложной подготовки к ее проведению с использованием видеозаписи. При этом в отдельных случаях целесообразным становится даже проведение указанного следственного действия одновременно и с участием понятых, и с фиксацией на видео.

Помимо вышеизложенного, статья 225 УПК содержит законодательное закрепление права участников проверки показаний на месте требовать дополнительного допроса в связи с ее проведением, а также возможность проведения измерений, составления планов и схем, осуществления изъятий объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Немаловажным аспектом сравнения является и документальная фиксация хода и результатов проверки показаний на месте. В статье 225 УПК РФ прямо регламентирована необходимость составления протокола, в котором должны быть подробно отражены условия, ход и результаты проверки показаний на месте.

В статье 194 УПК РФ подобная регламентация отсутствует. При этом по аналогии с ранее описанным законодательным закреплением участия понятых следует опираться на статьи, содержащие общие правила проведения следственных действий и процессуального их закрепления, а именно на статьи 166 и 167 УПК РФ. В данных статьях содержатся общие положения, регламентирующие форму, порядок составления и подписания, содержание и особенности протокола следственного действия в уголовном процессе Российской Федерации, которые распространяются и на проверку показаний на месте.

Проведенный сравнительный анализ правовой регламентации следственного действия «проверка показаний на месте» в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать вывод, что подход законодателей обоих государств весьма схож, хоть и имеются некоторые отличия в регламентации и формулировке отдельных его аспектов. Видится возможным в условиях все большей интеграции указанных государств в рамках Союзного государства рассмотреть вопрос о дальнейшей унификации уголовно-процессуального законодательства обоих государств, в том числе регламентирующего указанное следственное действие.

Библиографический список

1. Следственные действия : лекция / П. В. Мытник; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск, 2010. 135 с.
2. Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2011. URL: <https://academia.edu/38132855.html> (дата обращения: 17.02.2024).
3. Мельникова А. С., Колбасина Е. Е. Проверка показаний на месте: значение, особенности, пробелы законодательства // Юрист–Правоведь. 2020. № 4 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/n/proverka-pokazaniy-na-meste-znachenie-osobennosti-probely-zakonodatelstva> (дата обращения: 17.02.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 9 марта 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст по состоянию на 4 августа 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Левченкова А. Ю., 2024

Лихова А. А. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SOME ASPECTS OF PARTICIPATION OF A MINOR WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В настоящей статье внимание уделяется некоторым правам детей как той категории населения, которая требует особой защиты и внимания со стороны государства. Рассматриваются некоторые актуальные вопросы участия несовершеннолетнего в статусе свидетеля в уголовном судопроизводстве, а также обеспечение его прав, в частности, посредством привлечения законного представителя, который помогает не только в полной мере реализовать права несовершеннолетнему в уголовном судопроизводстве, но и обеспечить психологическую безопасность ребенку и устранить возможность психологического воздействия и, как следствие, психологических травм.

Abstract. This article focuses on some of the rights of children, as a category of the population that requires special protection and attention from the state. Some topical issues of the participation of a minor in the status of a witness in criminal proceedings are considered, as well as ensuring his rights, in particular, through the involvement of a legal representative. That representative helps not only to fully realize the rights of a minor in criminal proceedings, but also to ensure the psychological safety of the child and eliminate the possibility psychological impact, and as a consequence of psychological trauma.

Ключевые слова: дети, обеспечение прав, защита прав, несовершеннолетние свидетели, уголовное судопроизводство, законный представитель.

Keywords: children, ensuring rights, protection of rights, minor witnesses, criminal proceedings, legal representative.

Говоря в целом о правах несовершеннолетних, обозначим, что в настоящей статье такие понятия, как «несовершеннолетние», «ребенок», «дети» употребляются как синонимы и обозначают лицо, не достигшее совершеннолетия (18 лет). Обращаясь к международному и национальному

законодательству, можем дать следующее определение: ребенок – это любое лицо в возрасте до 18 лет.

Справедливым будет отметить, что современное движение за права детей возникло в 1960-х годах вместе с движением за гражданские права и феминистским движением [2]. На протяжении всей истории и в наши дни в движении за права детей прослеживается некий парадокс. Под эгидой «прав ребенка», с одной стороны, поддерживается точка зрения о том, что дети – это самостоятельные люди, которым необходимо дать больше возможностей, с другой стороны, дети – это та категория населения, которая нуждается в повышенной защите в силу своей уязвимости и неопытности. Обращаясь к зарубежным трудам, скажем, что «молодые люди заслуживают такого же обращения, как и взрослые», однако «молодые люди заслуживают особой правовой защиты, отличной от права взрослых» [3].

Считаем, что дети – это особая категория населения каждой страны и в целом мирового общества, которая нуждается в особой правовой защите и правовом обеспечении прав и законных интересов в силу своей физической несформированности, хрупкости внутреннего мира, импульсивности, эмоциональности, повышенной восприимчивости к влиянию как со стороны взрослых, так и со стороны сверстников [1, с 1024–1030].

Обращая внимание на положения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), можем сказать о том, что законодатель признает необходимость особой защиты прав ребенка и стремится к минимизации негативного воздействия на психику несовершеннолетнего.

Однако актуальными остаются вопросы, которые касаются сферы защиты прав несовершеннолетнего как участника уголовного судопроизводства, в частности, в качестве свидетеля, который, как правило, привлекается к участию в допросе.

УПК РФ определяет круг лиц, которые должны присутствовать во время допроса ребенка (например, законный представитель, педагог, психолог), однако возникают некоторые вопросы, которые не урегулированы на законодательном уровне. Один из таких вопросов следующего содержания: кто может быть законным представителем ребенка?

Полагается, что законными представителями несовершеннолетних свидетелей могут быть родители (усыновители); если они отсутствуют, то опекуны, попечители и иные близкие родственники, достигшие совершеннолетия, а также представители органов опеки и попечительства, учреждений и организаций, под опекой или попечительством которых находится несовершеннолетний.

УПК РФ наделяет законного представителя некоторыми процессуальными правами несовершеннолетнего, интересы которого он представляет, что помогает компенсировать психофизиологическую незрелость несовершеннолетнего свидетеля. При участии законного представителя

несовершеннолетний чувствует себя в состоянии безопасности, как психологической, так и физической, что, соответственно, влияет на результаты следственных действий и в целом на ход уголовного судопроизводства.

Однако не всегда участие законного представителя носит позитивный характер, иногда поведение законного представителя в уголовном производстве может сказываться отрицательно на несовершеннолетнем в силу того, что на него оказывается психологическое давление со стороны законного представителя. Считается, что если законный представитель негативно влияет на ребенка, оказывает давление, то необходимо удалить законного представителя, но обеспечить его наблюдение за ребенком с целью ненарушения прав несовершеннолетнего. Такое решение в подобной ситуации, с одной стороны, позволит обеспечить права ребенка и не допустить их нарушения при производстве следственного действия, а с другой стороны, исключит влияние и давление законного представителя на ребенка и его показания, что обеспечит объективность и правдивость показаний несовершеннолетнего свидетеля.

Так, обращаясь к зарубежному опыту участия несовершеннолетних свидетелей в уголовном судопроизводстве, скажем, что, например, уголовное преследование в Южной Африке осуществляется Национальной прокуратурой, которая имеет в своем арсенале полномочия по возбуждению уголовных дел от имени государства [4]. Прокуратура вправе сама определять, каких свидетелей вызывать для установления доказательств, в частности, это касается и детей, которые привлекаются к участию в качестве свидетелей. Исследования показывают, что дети-свидетели сталкиваются с различными трудностями в процессе уголовного судопроизводства, что объясняется их недостаточной зрелостью и недостатками развития. Участие детей в системе уголовного правосудия, особенно когда они дают показания в суде, является сложным для восприятия и понимания ребенка в силу сложности процедур, терминологии уголовного судопроизводства. Осознавая уязвимость детей, дающих показания в уголовном процессе, законодатель внес поправки, призванные учесть интересы детей-свидетелей и обеспечить их полноценное участие [5]. В результате было введено положение о проведении судебных заседаний «in camera» [6] по делам с участием детей. Кроме того, поправки вводят понятие «услуги посредника». Таким образом, если суду кажется, что ребенок-свидетель подвергнется чрезмерному психическому стрессу или страданиям, если ему или ей необходимо давать показания на таком процессе, суд уполномочен назначить посредника. Положения, позволяющие ребенку давать показания через посредника, распространяются на всех детей, выступающих свидетелями в уголовном процессе [7], за исключением детей-правонарушителей, обвиняемых в совершении преступления.

Приведем следующий пример защиты и обеспечения прав несовершеннолетнего свидетеля как участника уголовного судопроизводства. Так,

в Шотландии действует законодательный акт «Закон об уязвимых свидетелях Шотландии» [8], основной целью которого является защита уязвимых свидетелей как взрослых, так и детей. Закон об уязвимых свидетелях ввел ряд мер, призванных помочь уязвимым свидетелям, взрослым и детям, дать объективные, правдивые показания в суде. Многие из специальных мер, предусмотренных в указанном законе, уже были доступны для свидетелей путем подачи заявления в суд наряду с такими нестандартными мерами, как уборка помещения суда и снятие париков и платьев. Однако принятие закона было необходимым для обеспечения мер поддержки и защиты уязвимых свидетелей, которые не всегда предоставлялись во время судебных слушаний.

Сфера применения подразумевает признание уязвимости детей-свидетелей в возрасте до 16 лет. Это позволяет им получить доступ к праву давать показания с использованием специальных мер, включающих использование систем видеонаблюдения, экрана и сопровождающего лица. Применение этих специальных мер зависит от конкретного случая и может применяться независимо друг от друга или в сочетании с другими.

Термин «посредник», «законный представитель» в указанном законе не упоминается, однако используется термин «социальный работник», который и оказывает психологическую поддержку уязвимым свидетелям. Отсутствие конкретного термина не отменяет и не снижает той роли, которую играет лицо, оказывающее поддержку, и другие специалисты, целью работы которых является не только психологическая помощь свидетелям, но и оказание помощи в обеспечении и защите прав участников уголовного судопроизводства.

Не менее интересная система сложилась и в Израиле. В результате свободы действий, предоставленной следователю по делам несовершеннолетних, дети редко дают показания, однако в тех случаях, когда несовершеннолетние участвуют в процессе, то используются специальные меры, такие как экраны или системы видеонаблюдения. Помимо того, что посредник (законный представитель) оказывает поддержку и обеспечивает защиту прав ребенка в уголовном судопроизводстве, он также вправе давать показания вместо ребенка, помогая ему изложить свою версию истории. Таким образом, в рамках этой системы уделяется первостепенное внимание защите детей-свидетелей с помощью посредников. Допрос несовершеннолетнего свидетеля проводится через посредника. Система использует специалистов-посредников в уголовном процессе для консультирования, контроля и перевода вопросов, задаваемых ребенку. Этот подход имеет общие черты с южноафриканским: все обращения к ребенку с использованием системы видеонаблюдения осуществляются через посредника. Таким образом, процедура призвана защитить ребенка-свидетеля от прямого, перекрестного или повторного допросов. Использование посред-

нических услуг призвано обеспечить тот факт, чтобы ребенок смог активно участвовать в процессе и давать правдивые показания.

Рассмотрев в настоящей статье некоторые аспекты обеспечения и защиты прав несовершеннолетних свидетелей в уголовном судопроизводстве, отметим, что во многих государствах уделяется большое внимание защите прав ребенка, и это направление постоянно развивается, так как от подрастающего поколения, их психофизиологической зрелости, их жизненных установок и ценностей зависит будущее как страны, так и мирового пространства в целом. Институт законного представителя несовершеннолетнего является повсеместно распространенным и оправдывает свое существование.

Библиографический список

1. Кужевская Е. Б., Смык Е. И. О возможностях применения лингвистических и прагмалингвистических теорий в юридической практике // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 1022–1035.
2. Guggenheim Martin. What's wrong with children's rights 2 (2005).
3. Minow M. What Ever Happened to Children's Rights? 80 Minn. L. Rev, 267 (1995).
4. National Prosecuting Authority Act 32, 1998.
5. Van Der Merwe. A new role for crime victims? An evaluation of restorative justice procedures in the Child Justice Act 2008, 2013.
6. Criminal Procedure Act 51 of 1977, s 153 (1), and Child Justice Act 75 of 2008, s 63 (5).
7. Director of Public Prosecutions, Transvaal v Minister for Justice and Constitutional Development and Others (CCT 36/08) [2009] ZACC 8, Retrieved from. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2009/8.html> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Vulnerable Witnesses Act of Scotland 2004 entered into force in 2005.

© Лихова А. А., 2024

Луганская Е. В. – преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск, Россия)

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ
В ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

**ON THE ISSUE OF THE NEED TO AMEND
THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF INQUIRY
IN AN ABBREVIATED FORM**

Аннотация. В статье произведен анализ норм, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме, выделены основные проблемные вопросы, возникающие при применении указанных норм в практической деятельности. Рассматривается необходимость внесения изменения в действующее процессуальное законодательство.

Abstract. The article analyzes the norms regulating the production of an inquiry in an abbreviated form, highlights the main problematic issues that arise when applying these norms in practice. The need to amend the current procedural legislation is being considered.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, дознание, дознание в сокращенной форме, дознаватель, органы предварительного расследования.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, inquiry, inquiry in abbreviated form, the investigator, the preliminary investigation bodies.

Деятельность по осуществлению предварительного расследования является одним из наиболее сложных, многоэтапных видов правоохранительной деятельности. Кроме того, эта деятельность со временем несколько не теряет своей актуальности и нуждается в постоянном развитии и адаптации к изменениям внешнего мира, поскольку преступность также адаптируется к новым жизненным реалиям.

С целью рационального использования сил и средств правоохранительных органов предварительное расследование в системе МВД России осуществляется в двух формах – дознание и предварительное следствие. Порядок определения формы предварительного расследования регламентирован ст. 150–151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и связана со степенью тяжести совершенного деяния, субъекта преступления и других факторов.

Важной новеллой в истории развития российского уголовного процесса является введение новой упрощенной формы предварительного расследования, а именно – сокращенной формы дознания, путем принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и внедрения в УПК РФ главы 32.1, регламентирующей основания, условия и порядок применения вновь введенной формы предварительного расследования. Такое нововведение оценивается процессуалистами как возвращение к протокольной форме досудебной подготовки материалов, ранее закрепленной в главе 34 УПК РСФСР [1, с. 240].

Представляется, что производство дознания в сокращенной форме было предусмотрено с целью упрощения работы и минимизирования формализации в работе сотрудников правоохранительных органов при расследовании уголовных дел небольшой тяжести в тех случаях, когда расследование не представляет сложности и на него может быть затрачено меньшее количество времени, сил и средств для принятия законного и обоснованного решения. Кроме того, цели такого нововведения полностью отвечают назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, поскольку сокращение сроков расследования и упрощение некоторых процессуальных действий позволяет в короткие сроки восстановить нарушенные права лиц, потерпевших от преступлений, и свести к минимуму срок, в течении которого подозреваемое или обвиняемое лицо подвергается уголовному преследованию. Безусловно, воспользоваться нормами, регламентирующими данный институт права, возможно только при наличии установленных законом оснований и определенных условий.

Поскольку данная форма предварительного расследования действует в УПК РФ уже немного более десяти лет и правоприменительная практика в данной области уже сформировалась, целесообразно рассмотреть проблемы ее применения на практике. В первую очередь, производство дознания в сокращенной форме сложно назвать самостоятельной формой предварительного расследования. Дело в том, что при возбуждении уголовного дела, в отношении конкретного лица или нет, дознаватель в постановлении не указывает форму предварительного расследования. С момента возбуждения уголовного дела расследование производится в общем порядке дознания, поскольку до возбуждения лицо, которое будет подвергнуто уголовному преследованию, еще не имеет процессуального статуса. Соответственно, вопрос о том, будет производиться дознание и дальше в общей форме или же будет изменен на сокращенную форму, решится только в дальнейшем, после разъяснения права, предусмотренного ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ, подозреваемому.

Схожего мнения придерживается и И. Г. Хисматуллин. Отмечая смешанный характер данной формы предварительного расследования, он предлагает выделить ее как «упрощенную форму дознания» [2, с. 138].

Во-вторых, как было отмечено ранее, наличие возможности у правоприменителя производства дознания в сокращенной форме продиктовано потребностью экономии процессуальных сил и средств сотрудников правоохранительных органов.

Толкование ст. 226.4 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что, дознаватель при установлении обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, до начала первого допроса разъясняет подозреваемому право на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. Таким образом, возникает два закономерных вопроса. Кто все-таки определяет форму, в которой будет произведено предварительное расследование – дознаватель или подозреваемый, если без ходатайства последнего такая деятельность не имеет своего начала? Установление в дальнейшем такой формы предварительного расследования, как дознание в сокращенной форме, относится к обязанности дознавателя или к праву подозреваемого? Очевидно, что дознаватель и подозреваемый в данной ситуации находятся во взаимной зависимости друг от друга.

Стоит заметить, что нередко случаи, когда дознаватель до первого допроса подозреваемого из тактических соображений производит следственные действия с потерпевшим, свидетелями, получает заключения экспертиз и т. д., в результате чего складывается ситуация, когда доказательства по уголовному делу практически собраны, дознаватель разъясняет подозреваемому право на заявление вышеуказанного ходатайства, и последний такое ходатайство заявляет. В таком случае у дознавателя формально нет оснований для отказа в удовлетворении данного ходатайства. Однако цели, для которых был введен институт сокращенного дознания, не реализуются, поскольку дознаватель уже произвел большинство следственных и процессуальных действий, а соответственно, утратил свои права, предусмотренные ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

Кроме того, спорным среди правоприменителей в юридической литературе является вопрос о полномочиях потерпевшего при решении вопроса о производстве дознания в сокращенной форме. Так, согласно п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, для производства дознания в сокращенной форме необходимо отсутствие возражения на то потерпевшего. При этом дознаватель не обязан заранее выяснять позицию потерпевшего по данному вопросу, а последний может возразить против производства дознания в сокращенной форме вплоть до момента удаления суда в совещательную комнату, даже если ранее он дал свое согласие. В результате чего возникает противоречие между публичными интересами, которые выражает правоприменитель при удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дальнейшего дознания в сокращенной форме, и интересами и волей частного лица (потерпевшего).

Обращаясь к правоприменительной практике, курирующий прокурор, как правило, требует от дознавателя письменного отражения согласия потерпевшего на производство дознания по уголовному делу в сокращен-

ной форме. Данное обстоятельство хотя не лишает потерпевшего права поменять свое мнение по данному факту, но и не снижает количество формальных процедур, осуществляемых дознавателем.

Третьим проблемным вопросом отметим складывающееся на местах неформальное усмотрение надзирающего прокурора. Так, в некоторых регионах в тех случаях, когда лицо является ранее судимым, надзирающий прокурор возражает против производства дознания в сокращенной форме. Хотя ч. 2 ст. 226.1 и ст. 226.2 УПК РФ прямо не закрепляют судимость подозреваемого как условие, исключающее производство дознания в сокращенной форме, на практике такой факт может быть учтен прокурором как препятствующее условие и служить основанием для направления уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Однако такая ситуация не только наблюдается на практике в территориальных органах, но и находит свое отражение в юридической литературе. Например, В. Н. Перекрестов отмечает, что одним из условий, без которых невозможно производство дознания в сокращенной форме, является отсутствие судимости у подозреваемого [3, с. 83].

В то же время не оставим без внимания и то, что судами при рассмотрении уголовных дел, предварительное расследование по которым было произведено в форме сокращенного дознания, наличие судимости или рецидива у подозреваемого не расценивается как препятствующее обстоятельство.

Например, уголовное дело, возбужденное в отношении М. по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, было расследовано с применением положений главы 32.1 УПК РФ. Несмотря на то, что действия М. образовывали рецидив преступлений, суд вынес М. обвинительный приговор, поскольку действия дознавателя на стадии предварительного расследования соответствовали закону, в части соблюдения норм главы 32.1 УПК РФ [4].

Еще одним существенным проблемным вопросом отметим возможность самооговора подозреваемого. После того, как дознаватель разъяснил подозреваемому перед первым допросом порядок производства дознания в сокращенной форме и право последнего об этом заявить ходатайство, у подозреваемого, отметившего для себя положительные последствия применения данной формы расследования, может возникнуть умысел на самооговор и признание вины в совершении преступления из личной заинтересованности. Таким образом, подозреваемый не только может взять на себя ответственность за преступление, совершенное другим лицом, но и скрыть от правоохранительных органов другое лицо, с которым преступление могло быть совершено в соучастии.

Полагаем, к факторам, которые могут побудить подозреваемого на такое поведение, можно отнести следующее: 1) при постановлении обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание

не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление; 2) процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета, в том числе в случаях рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном ст. 226.9 УПК РФ. Поэтому необходимо наличие достаточного объема доказательств, указывающих на виновность конкретного подозреваемого лица [5, с. 169].

Из изложенного следует, что дознание в сокращенной форме – это относительно молодой институт, содержащий достаточно противоречивые по своей природе нормы права, которые являются поводом для дискуссий среди процессуалистов. Полагаем, что для разрешения указанных противоречий, необходимо внесение изменений в главу 32.1 УПК РФ, которые позволили бы однозначно определить полномочия и роль дознавателя при определении формы предварительного расследования по конкретному уголовному делу, что действительно бы способствовало оптимизации работы подразделений дознания. Также необходимо внесение изменений, которые бы выделили сокращенную форму дознания как самостоятельную форму предварительного расследования, исключая ее смешанный характер.

Библиографический список

1. Зотова М. В. О необходимости дифференциации уголовно-процессуальных форм и создания сокращенной формы дознания // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 238–242.
2. Хисматуллин И. Г. Дознание в сокращенной форме как «смешанная» форма расследования: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2015. № 11 (131). С. 137–139.
3. Перекрестов В. Н. Признание вины как условие сокращенного порядка дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общ. ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2013.
4. Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-132/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hcjDDS_DSeVv/ (дата обращения: 13.02.2024).
5. Матинян Э. А. Дознание в сокращенной форме: сущность и проблемы // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 167–169.

© Луганская Е. В., 2024

Маликова Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия);

Кашапова Ф. М. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (г. Уфа, Россия)

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ЗАВЕРШАЮЩИЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

**PROCEDURAL DOCUMENTS COMPLETING THE PRELIMINARY
INVESTIGATION: PROBLEMATIC ASPECTS**

Аннотация. В статье раскрывается правовая природа процессуальных документов, завершающих предварительное расследование с последующей передачей дела в суд, делается попытка объяснить различия в их терминологии. Авторы аргументируют предложение о передаче обвинительного акта и обвинительного постановления для согласования начальнику подразделения дознания, предлагая отозвать у начальника органа дознания полномочия на их утверждения.

Abstract. The article reveals the legal nature of the procedural documents concluding the preliminary investigation with the subsequent transfer of the case to the court, an attempt is made to explain the differences in their terminology. The proposal to transfer the indictment and the indictment resolution for approval to the head of the investigation unit is argued, removing the authority for their approval from the head of the inquiry body.

Ключевые слова: предварительное расследование, предварительное следствие, дознание в общем порядке, дознание в сокращенной форме, обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление.

Keywords: preliminary investigation, preliminary investigation, general inquiry, inquiry in abbreviated form, indictment, indictment, indictment.

Производство по уголовным делам в зависимости от форм предварительного расследования может завершаться вынесением следователем (дознавателем) одного из следующих решений: обвинительного заключения,

обвинительного акта, обвинительного постановления, постановления о прекращении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждения перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия, постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

В 2022 году в судах первой инстанции рассмотрено 770 851 уголовных дел [1]; в первом полугодии 2023 г. их количество составило 377 357 [2].

В 2023 году (в период с января по декабрь) раскрыто 997,7 тыс. преступлений (–3,7 %), из которых 458,5 тыс. – в форме предварительного следствия (–1,3 %) и 539,2 тыс. – в форме дознания (–5,5 %) [3].

В своем докладе начальник Следственного департамента МВД России генерал-полковник юстиции С. Лебедев в ходе подведения итогов за 2023 год сообщил, что органы предварительного следствия в системе МВД России направили прокурору с обвинительным заключением 254 тысячи уголовных дел в отношении 278 тысячи обвиняемых [4].

По итогам 2023 г. в Республике Башкортостан расследование в форме дознания окончено по 7 955 уголовным делам, из них 7 418 – с обвинительным актом, 537 – с обвинительным постановлением [5].

В статье предпринята попытка исследовать правовую природу и различия таких процессуальных актов, как обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление.

Обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление – это процессуальные документы досудебного производства, в которых представлены результаты расследования с целью дальнейшего направления вместе с материалами уголовного дела для утверждения прокурору с последующей передачей в суд.

Правовая природа всех трех анализируемых процессуальных документа, можно сказать, идентичная, поскольку во всех них содержатся окончательная формулировка обвинения в досудебном производстве. Но все же обвинительный акт и обвинительное постановление, в отличие от обвинительного заключения, несет двойную нагрузку. Эти документы придают лицу статус обвиняемого.

Легальных понятий анализируемых документов в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержится. В пункте 22 ст. 5 лишь приводится понятие «обвинение». Данное слово присутствует во всех трех процессуальных документах.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под заключением понимается «утверждение, являющееся выводом из чего-нибудь», под актом – «документ, удостоверяющий чего-нибудь», под постановлением – «коллективное решение, официальное распоряжение» [6].

Заслуживают внимания предложенные А. М. Долговым толкования терминов: «постановление», «акт» и «заключение» [7].

Проанализировав семантическое и научное толкования исследуемых дефиниций, мы попробуем предположить, что законодатель при выборе названий руководствовался их назначениями. Так, основная задача обвинительного заключения состоит в подведении итога предварительного следствия. Оно составляется после ознакомления потерпевшего (по его желанию), далее обвиняемого, его защитника, законного представителя (если таковые имеются) с материалами уголовного дела.

Обвинительный акт и обвинительное постановление – это процессуальные документы, как было уже сказано выше, придающие впервые по материалам уголовного дела лицу статус обвиняемого и являющиеся также итоговыми процессуальными документами в форме общего и сокращенного дознания. В следствие этого обвиняемый, его защитник, законный представитель (если таковые имеются) знакомятся с ними и с материалами уголовного дела после их составления, также при желании может ознакомиться и потерпевший.

Почему же при общей правовой природе и одинаковому назначению законодатель все же посчитал необходимым дать разное название процессуальным документам в формах общего и сокращенного дознания? Нам видится объяснение в том, что сокращенная форма дознания в любой момент предварительного расследования может быть переведена в общую форму, и даже из суда дело может быть возвращено прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке, которое по итогу расследования будет завершено путем составления обвинительного акта. К тому же объем доказательств, изложенных в обвинительном постановлении, меньше, чем в обвинительном акте. Поэтому считаем, законодатель счел целесообразным дать разные названия этим документам.

Также важным отличием обвинительного акта и обвинительного постановления от обвинительного заключения состоит в том, что они имеют двойное утверждение (начальником органа дознания и прокурором). На наш взгляд, было бы правильнее данные процессуальные документы по аналогии с предварительным следствием согласовывать с непосредственным начальником – начальником подразделения дознания, поскольку именно он знает особенности этого дела и осуществляет непосредственный контроль за ходом его предварительного расследования. О качественном контроле со стороны начальника органа дознания говорить не приходится в силу загруженности последнего административными и другими обязанностями.

Таким образом, предлагается внести соответствующие поправки в УПК РФ, а именно:

– часть 1 ст. 40.1 дополнить п. 5: «согласовывать обвинительный акт и обвинительное постановление перед направлением его прокурору»;

– часть 1 ст. 39 дополнить п. 9.1: «согласовывать обвинительный заключение перед направлением его прокурору»;

– часть 4 ст. 225 изложить в следующей редакции: «После подписания обвинительного акта дознавателем, согласования его с начальником подразделения дознания, а также осуществления ознакомления необходимых участников с его содержанием и материалами уголовного дела, обвинительный акт немедленно направляется прокурору».

Библиографический список

1. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/> (дата обращения: 12.02.2024).

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.02.2024).

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 12.02.2024).

4. Сергей Лебедев подвел итоги деятельности предварительного следствия в системе МВД России в 2023 году. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/46714975> (дата обращения: 12.02.2024).

5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан. URL: <https://02.мвд.рф/> (дата обращения: 12.02.2024).

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка //

7. Долгов А. М. Обвинительный акт, обвинительное постановление и обвинительное заключение как итоговые документы предварительного расследования // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnyy-akt-obvinitelnoe-postanovlenie-i-obvinitelnoe-zaklyuchenie-kak-itogovye-dokumen ty-predvaritelnogo-rassledo](https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnyy-akt-obvinitelnoe-postanovlenie-i-obvinitelnoe-zaklyuchenie-kak-itogovye-dokumen-ty-predvaritelnogo-rassledo) (дата обращения: 12.02.2024).

© Маликова Н. В., 2024

Мельникова А. С. – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России (г. Волгодонск, Россия);

Сардак Д. Б. – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России (г. Волгодонск, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

USE OF POLYGRAPH IN THE INVESTIGATION OF OFFICIAL CRIMES

Аннотация. В статье авторами рассматривается вопрос использования полиграфа в расследовании и раскрытии должностных преступлений. Отмечаются две наиболее часто встречаемые формы применения данного технического устройства: опрос (как оперативно-розыскное мероприятие) и экспертиза (как следственное действие). Делается вывод о том, что в связи с отсутствием единого научно-методического подхода к проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа, полученные с его помощью данные играют значительную роль только при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, выступая в качестве ориентира и вспомогательных средств, но они не имеют какую-либо доказательную ценность.

Abstract. In the article, the authors discuss the issue of using a polygraph in the investigation and detection of official crimes. The two most common forms of application of this technical device are noted: interrogation (as an operational investigative activity) and examination (as an investigative action). It is concluded that due to the lack of a unified scientific and methodological approach to conducting psychophysiological research using a polygraph, the data obtained with its help play a significant role only when conducting operational search activities and investigative actions, acting as a guideline and auxiliary means, but they do not have any evidentiary value.

Ключевые слова: преступления, органы расследования, полиграф, экспертиза, доказательства.

Keywords: crimes, investigative bodies, polygraph, examination, evidence.

Достижения науки и техники могут значительно улучшить эффективность деятельности по раскрытию и расследованию уголовных дел. На сегодняшний день проблема использования возможностей полиграфа в расследовании преступлений остается открытой и дискуссионной. Как показывает судебная практика, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, одним из способов проверки следственных версий, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ [1].

По нашему мнению, особенно актуален вопрос о необходимости применения полиграфа в расследовании преступлений, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленных против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (далее – должностные преступления), поскольку доказательств такой неправомерной деятельности обычно не очень много, лица тщательно маскируют свои действия, отказываясь от дачи показаний, и создают ряд факторов, противодействующих расследованию.

Проблемными вопросами использования полиграфа в расследовании преступлений занимались ученые в разные периоды развития нашего государства. В частности, следует назвать таких авторов, как Р. С. Белкин, О. В. Белюшина, С. В. Игнатова, Ю. К. Орлов, Г. К. Кравцова, Е. В. Комиссарова и другие. Однако особенности использования полиграфа на наш взгляд на сегодняшний день остаются недостаточно изученными.

В нашей стране длительное время возможности полиграфа в основном используются для подбора кадрового обеспечения как на частных, так и на государственных предприятиях, учреждениях, организациях. Вместе с тем в настоящее время полиграф получил широкое распространение в правоохранительных органах, поскольку психофизиологические реакции человека с целью установления его причастности к преступлению дают возможность направить расследование в нужном направлении.

Однако до сих пор ведутся дискуссии о целесообразности и эффективности такого метода исследования доказательств. Считаем, что обязательное использование полиграфа в процессе расследования – это вопрос времени, поскольку такая практика активно и эффективно используется в развитых странах. Международная практика показывает, что проверка на полиграфе преимущественно направляется на оперативно-розыскную деятельность, способствующую официальному расследованию преступлений, а не на получение доказательств.

Итак, рассмотрим сущность и возможности полиграфа, тактические особенности его использования в процессе расследования должностных преступлений.

В 2010 году рядом депутатов предпринималась попытка провести закон «О применении полиграфа»¹. Так, согласно проекту закона «О применении полиграфа», полиграф – это техническое средство, предназначенное для регистрации в процессе опроса человека физиологических параметров (в том числе параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, кожного сопротивления) и позволяющее представить результаты регистрации в аналоговом и (или) цифровом виде.

В основе применения полиграфа лежат концептуальные положения, сущность которых состоит в том, что любое действие и информация о нем отражаются в степени нервно-эмоционального напряжения человека. И чем более значима для подозреваемого скрываемая информация, тем больше выражается психофизиологическая реакция, отражаемая на полиграфе [2, с. 46]. Действительно, применимо к делам о взяточничестве должностное лицо, принимая взятку, делает это сознательно, зная, что такие действия являются уголовно-наказуемыми и несут в себе общественную опасность. В случае проверки этого должностного лица на полиграфе вопросы о коррупционных деяниях могут вызвать у него определенные психофизиологические реакции организма, которыми лицо не в состоянии управлять или сдерживать. Конечно, во многом все зависит от отношения должностного лица к получению взятки. Так, если оно безоговорочно считает свои действия правомерными, у него не появляются чувства стыда или другие, связанные с противоправной деятельностью, то психофизиологические качества будут слабо выраженными, соответственно, возможность установления причастности конкретного должностного лица к совершению коррупционных действий значительно снизится. Однако в большинстве случаев управление собственными эмоциями невозможно полностью, к тому же общество еще с детства воспитывает у лица определенные критерии признания хорошего и плохого, правильности поступков, поведения, добросовестного отношения к выполнению определенных обязанностей и т. д. Именно такое воспитание формирует у лица определенные страхи перед совершением коррупционных действий, которые отражаются в его психофизиологическом состоянии.

Так, целью опроса с использованием полиграфа является получение вероятной и ориентировочной информации, которую другим путем получить невозможно, для ее использования в деятельности по предупреждению и выявлению коррупционных и других противоправных действий со

¹ Речь идет о проекте Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа», выдвинутом депутатами Государственной Думы А. Н. Волковым, М. И. Гришанковым, А. И. Гуровым, В. И. Илюхиным, А. Д. Куликовым, Э. В. Кульмухаметовым и А. М. Розуван, который однако не был принят.

стороны должностных лиц, обеспечению их безопасности и защиты от незаконных посягательств, связанных с исполнением служебных обязанностей, снятия с них безосновательных обвинений или подозрений.

При этом, хотим отметить, что на наш взгляд возможна проверка на полиграфе не только должностных лиц, которым объявлено подозрение в совершении получения взятки, но и лиц, предлагавших либо давших взятку, а также свидетелей, которые слышали, возможно, видели факт передачи взятки или саму договоренность о таких действиях. После проведенного опроса должностного лица с помощью полиграфа происходит анализ полученной информации, который в дальнейшем позволяет сделать выводы о причастности этого лица к коррупционным действиям, выявить информацию, которую должностное лицо скрывает. Такие возможности открываются в связи с тем, что полиграф позволяет объективно отразить субъективную значимость конкретного факта для проходящего проверку лица.

Однако выводы по результатам использования полиграфа носят лишь вероятный и ориентировочный характер, не влекут правовые последствия, не могут являться основанием для принятия каких-либо решений относительно личности, а используются исключительно как сведения вероятного характера для возможного формирования убеждения в целях осуществления мероприятий в сфере служебной деятельности.

Из вышесказанного следует, что результаты опроса должностных лиц, которым объявлено подозрение в получении взятки, не имеют какой-либо доказательной силы, а лишь ориентируют на получение материальных и других доказательств в порядке, предусмотренном действующим законодательством. По нашему убеждению, чтобы изменить такое положение, следует внести изменения в УПК РФ, урегулировав порядок, основания и условия использования полиграфа как доказательной информации. Определение использования выводов по результатам применения опроса на полиграфе как ориентировочной информации является значительным вкладом в развитие методов и способов получения информации. В расследовании должностных преступлений получение доказательной информации часто проблематично, а использование возможностей полиграфического исследования психофизических свойств личности позволит выявить и в дальнейшем проверить важную информацию, и уже благодаря этому уголовно-процессуальными методами приобщить ее к уголовному делу.

Рассматривая тактические особенности использования полиграфа для предотвращения и противодействия должностных преступлений, следует продумать также и порядок привлечения полиграфолога, когда основанием для применения полиграфа являются документально подтвержденные сомнения в правдивости информации, предоставляемой должностным лицом относительно обстоятельств, являющихся предметом расследования

должностного преступления, или проверяются в установленном законодательством порядке лицами, уполномоченными вести расследование.

На сегодняшний день, согласно действующему законодательству, поскольку опрос с применением полиграфа представляет собой комплексную процедуру, имеющую свои особенности в зависимости от направленности и задач, ее проведение предполагает соблюдение следующих общих принципов: добровольного письменного согласия; правомерности; комплексности (т. е. обеспечение психологического комфорта личности во время опроса и всех возможностей полиграфа); всестороннего обеспечения прав человека (невмешательство в частную и семейную жизнь, отсутствие посягательств на свободу мысли, совести и религии).

Наверное, именно принцип добровольного согласия усложняет проведение психофизиологического исследования должностных лиц на предмет совершения ими должностных преступлений. Это связано с тем, что лицо, совершившее должностное преступление, вряд ли согласится пройти полиграф. Однако для подтверждения своей невиновности или опровержения выдвинутых обвинений или подозрения лицо не только может согласиться на такое исследование, но и стать инициатором его проведения.

Результаты применения полиграфа при расследовании должностных преступлений позволят установить оперативную информацию, которую другими техническими средствами получить невозможно или крайне сложно. Благодаря получению такой информации происходит своеобразное влияние на эффективность расследования, в частности, в части получения вещественных доказательств, указывающих на преступления, предусмотренные главой 30 УК РФ. Следователь смог бы получить следующие возможности:

- оценить достоверность данных, сообщаемых подозреваемыми лицами;
- получить информацию ориентировочного характера о механизме и способе должностных преступлений;
- выдвинуть соответствующие версии для дальнейшей проверки и получения вещественных доказательств;
- сузить круг подозреваемых и вероятно причастных к произошедшему преступлению лиц;
- установить причастность конкретных лиц к подготовке, совершению и сокрытию должностного преступления (на примере взятки: лицо, которое предлагало, обещало взятку; лицо, получившее взятку; соучастники, помогавшие замаскировать преступление; возможные свидетели и т. п.);
- определить последовательность и необходимость проведения первоочередных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, раскрытию и пресечению коррупционных правонарушений;

– спланировать дальнейший ход расследования и определить перечень первоочередных, последующих следственных (розыскных) действий;

Несмотря на широкие дискуссии по поводу достоверности, целесообразности и эффективности использования результатов проверки личности на полиграфе в процессе расследования, по нашему мнению, следует выделить две его формы: получение консультаций по опросу подозреваемого специалистом-полиграфологом и назначение и проведение психофизической экспертизы. Первую форму мы уже достаточно основательно рассмотрели, зато вторая форма применения полиграфа требует изучения. Как мы видим из вышеизложенного, такая форма использования полиграфа не всегда может выступать в качестве доказательства. Однако обе эти формы носят ориентировочный, вероятный характер и способствуют поиску и получению новых доказательств в процессе расследования.

Таким образом, на сегодняшний день психофизиологическая экспертиза применяется в основном с целью профилактики должностных преступлений (например, при принятии на должность государственного служащего, поскольку уже на стадии действия отбора кадров можно отграничить лиц, склонных к коррупционным действиям). Вопрос применения ее во время предварительного расследования должностных преступлений остается открытым и неурегулированным. Одной из первых сомнительных причин использования как доказательств результатов опроса лица с помощью полиграфа является наличие активных дискуссий о надежности и достоверности методик психофизиологического исследования.

Библиографический список

1. Постановление № 44У-75/2019 4У-707/2019 от 28 марта 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NR67MbZAdyZW/> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Скрипников А. И., Зубрилова И. С., Зерин С. Н. Методика и тактика применения полиграфа при раскрытии преступлений. М. : ВНИИ МВД России, 1997. 110 с.
3. Иванов Л. Н. Актуальные вопросы применения полиграфа при расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2. С. 65–69.
4. Полякова Д. В. Использование полиграфа в расследовании и раскрытии преступлений // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71-6. С. 103–106.

© Мельникова А. С., 2024

© Сардак Д. Б., 2024

Миняшева Г. И. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия)

**ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА,
СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND DISCLOSURE
OF COUNTERFEITING COMMITTED USING INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Аннотация. Опасность фальшивомонетничества в основном обусловлена подрывом устойчивости государственной валюты. В настоящее время правоохранительные органы противодействуют преступникам, которые используют современные технологии, обеспечивающие массовый выпуск поддельных денег и конспиративность их сбыта. Новые способы распространения фальшивых денежных знаков с использованием современных информационно-коммуникационных технологий повышают общественную опасность данного вида преступлений и затрудняют их раскрытие. Сложность в раскрытии фальшивомонетничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий, состоит в том, что у сотрудников оперативных подразделений недостаточно опыта, знаний, умений и навыков, необходимых для выявления и раскрытия подобных преступлений.

Abstract. The danger of counterfeiting is mainly due to the undermining of the stability of the state currency. Currently, law enforcement agencies are countering criminals who use modern technologies that ensure the mass production of counterfeit money and the secrecy of their sales. New ways of distributing counterfeit banknotes using modern information and communication technologies increase the public danger of this type of crime and complicate their detection. The difficulty in uncovering counterfeiting committed using information and communication technologies is that the employees of the operational units do not have enough experience, knowledge, skills and abilities necessary to identify and solve such crimes.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, экономическая безопасность, информационно-коммуникационные технологии, интернет-ресурсы, криптовалюта.

Keywords: counterfeiting, economic security, information and communication technologies, internet resources, cryptocurrency.

В 2023 году в Российской Федерации было зарегистрировано 6983 (–46,3 %) преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг, в том числе 12 (+71,4 %), совершенных в крупном и особо крупном размере [2]. Несмотря на то, что наблюдается общее снижение зарегистрированных преступлений данного вида, на сегодняшний день фальшивомонетничество остается одной из острых проблем в борьбе с преступностью. Такая преступная деятельность обусловлена подрывом устойчивости государственной валюты, создает потенциальную угрозу денежному обращению и является одним из факторов, дестабилизирующих финансовую систему государства.

В своем выступлении на заседании коллегии МВД России в 2023 году Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что один из безусловных приоритетов нашей работы – это борьба с преступлениями с использованием информационных технологий [3].

Согласно информации, представленной территориальными подразделениями МВД России, подавляющее большинство зарегистрированных преступлений о сбыте поддельных денежных купюр через интернет-ресурсы за период 2017–2023 годов остается нераскрытым. Так, процент раскрываемости таких преступлений в 2022 г. составил лишь 15 % [2].

Новые способы распространения фальшивых денежных знаков с использованием современных информационно-коммуникационных технологий повышают общественную опасность данного вида преступлений и затрудняют их раскрытие [1].

Современные технологии способствуют латентному характеру данного вида криминальной активности, обеспечивают высокую степень конспирации и защищенности преступных элементов от правоохранительных органов. Сведения и рекомендации по изготовлению поддельных денег, а также руководство по организации и производству их сбыта открыто распространяются с использованием сети Интернет и являются доступными для каждого. Развитие информационно-коммуникационных технологий не только упрощает процессы работы с информацией для осуществления нормальной жизнедеятельности, но и с помощью них преступники создают новые схемы противоправных действий, которые остаются в тени от правоохранительных органов.

Большая часть мира цифровой преступности знает и активно применяет методы сокрытия цифровых следов преступной деятельности. Значительная часть торговли незаконными товарами, включая фальшивые банкноты, компьютеризирована и укоренилась в тени Интернета, что делает практически невозможным выявление фактов правоохранительными органами. В результате продажа и покупка фальшивых банкнот часто раскры-

ваются, оставляя безнаказанными изготовителей и организаторов этой преступной деятельности.

Начиная с 2017 года, участились случаи сбыта фальшивых банкнот бесконтактным способом с использованием интернет-ресурсов. До 4 апреля 2022 года более 80 % сбытов поддельных денежных билетов осуществлялось через интернет-ресурс «Гидра». Через виртуальные магазины поддельные купюры реализовались на всей территории через закладки, а также путем пересылки через службы доставки. Согласно средствам массовой информации в апреле 2022 года в Германии сотрудниками полиции изъят сервер интернет-ресурса «Гидра», после чего доступ к сайту <http://hydraruzxpnew4af.onion> и другим его «зеркальным» адресам стал недоступен.

В настоящее время существует множество других сайтов, которые могут предоставлять возможности неограниченному кругу лиц заниматься реализацией нелегальных товаров, чья деятельность является запрещенной на территории Российской Федерации. Так, например: BlackSprut (подпольная торговая площадка, включена в список Единого реестра запрещенных доменных имен, что доказывает нелегальную деятельность его владельцев); Mega SB (является крупным маркетплейсом, который рекламирует свои товары в телеграмм-каналах, а также через различных видеоблогеров и распространяет запрещенные товары, имеет схожий с «Гидрой» дизайн сайта, функционал, рекламу, похожие способы совершения покупки; Kraken (даркнет-маркетплейс, на котором можно купить и продать товары и услуги, используя криптовалюту. После закрытия «Гидры» является одним из крупнейших магазинов. Проводит агрессивную рекламную кампанию (размещалась даже на одном из рекламных кубов в Москва-сити).

Бесконтактный способ реализации товаров исключает личное общение продавца с покупателем. Покупатель забирает товар после оплаты в условленном месте, который указывает продавец. Оплата товара осуществляется, как правило, криптовалютой со счета покупателя на счет продавца либо через «QIWI Кошелек»¹. Это значительно затрудняет возможность отследить движение денежных средств. В целях выявления и раскрытия подобных преступлений следует в рамках дел оперативного учета проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) (проверочная закупка, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, исследование предметов и документов и т. п.).

¹ 21 февраля 2024 года была отозвана лицензия на осуществление банковских операций у кредитной организации «КИВИ Банк» (акционерное общество) (г. Москва) (приказ Центрального банка Российской Федерации (Банк России) от 21 февраля 2024 г. № ОД-266).

Осуществлять взаимодействие со службой безопасности служб доставки (Почта России, СДЭК, Pony Express и др.), через которые осуществляется поставка поддельных денег. В рамках ОРМ «проверочная закупка» сделать заказ небольшой партии поддельных купюр. После заключения сделки, внесения предоплаты и получения трек-номера посылки провести мероприятия по установлению лица, отправившего посылку, путем изучения документов, представленных отправителем. При этом следует учитывать, что отправка посылок осуществляется от вымышленных лиц, которые могут предоставить поддельный паспорт либо справку, выданную ФМС взамен якобы утраченного паспорта. Также изучаются данные с видеокамер, которые установлены в пунктах отправки. В целях установления используемых средств связи осуществляется ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи».

При получении заказов путем «закладок» в установленных местах следует провести обследование участков местности в целях обнаружения, изъятия и последующего исследования следов, оставленных «закладчиками» (биологических, дактилоскопических, следов обуви, протектора автомобиля и др.). Кроме того, в местах «закладок» провести ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» в полученных координатах мест «закладок» с целью установления мобильных телефонов, находящихся в данном месте. Также анализируются записи с видеокамер, находящихся возле мест размещения закладок. Вся полученная информация анализируется с целью установления совпадений по абонентским номерам, сим-картам, IMEI-коду и т. д.

При задержании лица, подозреваемого в сбыте фальшивых денег следует изъять мобильный телефон и проверить его на наличие TOR-браузера, киви-кошелька, биткоин-кошелька, скриншотов интернет-сайтов, фотографий мест закладок и т. п.

Для получения значимой информации бывает достаточно либо адреса крипто-кошелька сбытчика или уникального номера, который присваивается каждой операции. Информацию о движении денежных средств от лица, которое приобретало фальшивые деньги на интернет-сайте, к магазину можно получить через интернет-сервисы, позволяющие просматривать блокчейн (например, «Биткоин Экспловер»). После чего просмотреть все финансовые потоки магазина, которые могут указать на других покупателей и, соответственно, на «закладчиков» и изготовителей.

Кроме того, также следует анализировать информацию, находящуюся в открытом доступе сети Интернет, потому что фигуранты могли разместить свой крипто-кошелек на открытых форумах, что позволит установить его владельца.

Используя веб-сайт cryptocurrencyalerting.com, возможно установить постоянный мониторинг любого криптокошелька. Таким образом, сведения о движении криптовалюты по определенному адресу криптокошелька будут

приходить на указанный инициатором адрес электронной почты или в мессенджер. Веб-сайт learnmeabitcoin.com позволит выяснить, имеются ли связи между двумя криптокошельками, при этом данные связи могут быть не прямыми, а через множество других криптокошельков. Множество веб-сайтов аккумулируют информацию, содержащую отзывы владельцев криптовалюты об отдельных криптокошельках, например, причастных к сбыту незаконных товаров или мошенничеству. К таким сайтам, например, относятся checkbitcoinaddress.com, bitcoinaddressreport.com, bitcoinabuse.com.

Кроме того, возможно установить принадлежность определенных криптокошельков к организациям, через которые криптовалюта может быть конвертирована в традиционные деньги. К таким организациям относятся, например, криптовалютные биржи или онлайн-казино. Эти обстоятельства можно выяснить через веб-сайты bitcoinwhoiswho.com или walletexplorer.com. В случае установления в цепочке транзакций криптокошелька, принадлежащего криптовалютной бирже, необходимо обратиться с запросом в данную организацию о предоставлении информации, имеющей значение для уголовного дела.

Еще одним важным источником информации могут выступать сами веб-сайты, которые насчитывают множество аккаунтов. Здесь следует провести осмотр учетной записи покупателя, закладчика или интернет-магазина. Получить логин и пароль от самих владельцев будет проблематично. Обычно пароли представляют собой набор различных символов (буквы и цифры), которые сложно запомнить, поэтому при проведении осмотров изъятых компьютеров, смартфонов, записных книжек следует внимательно изучить информацию, находящуюся в них.

Кроме того, еще одним источником доказательств является изучение предмета преступления и упаковка. В ходе дактилоскопической и технико-криминалистической экспертизы поддельных денежных купюр и упаковки выясняется способ изготовления и устанавливается принадлежность следов пальцев рук и возможных биологических следов. Также следует провести почерковедческую экспертизу, если имеются рукописные записи на упаковке посылки [4, с. 117].

В службах доставки (Почта России, СДЭК, Pony Express и др.), через которые осуществляется поставка поддельных денег, необходимо выяснить информацию о фактах получения лицом посылок. В заключение отметим, что противодействие фальшивомонетничеству является одной из основных задач оперативных подразделений ЭБиПК. В свою очередь, выработка соответствующих решений по обозначенным направлениям будет способствовать повышению эффективности оперативно-розыскной деятельности в данной сфере. В настоящее время выявление фальшивомонетчиков, использующих новые информационные технологии в преступной деятельности, традиционными способами затруднено и требует достаточно

высокой квалификации оперативных сотрудников, наличия у них специальных познаний в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Библиографический список

1. Борьба с фальшивомонетничеством в современных условиях // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

3. Текст официального выступления В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.rf/document/3172398> (дата обращения: 18.02.2024).

4. Поздышев Р. С. Особенности производства следственных действий при расследовании сбыта поддельных денежных купюр через интернет-ресурсы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 114–118.

© Миняшева Г. И., 2024

УДК 343.13

Мирзохофизиен М. М. – начальник кафедры уголовного права и процесса 4-го факультета Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

LEGAL STATUS UNDERSTOOD IN THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Аннотация. В статье рассматривается процессуальное положение понятых, действующее в Республике Таджикистан, приводятся аргументы в пользу его совершенствования согласно современным реалиям правоприменительной практики.

Abstract. The article examines the procedural status of witnesses in force in the Republic of Tajikistan, and provides arguments in favor of its improvement in accordance with modern realities of law enforcement practice.

Ключевые слова: уголовный процесс, участники уголовного судопроизводства, понятой, преступление.

Keywords: criminal process, participants of criminal legal proceedings, witness, crime.

Один из вопросов уголовного судопроизводства касается определения круга участников уголовного процесса. В ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ, Кодекс) участником процесса признается понятой. Следует отметить, что термин «понятой» имеет арабское происхождение. Он ассоциируется с такими понятиями, как «прозрачный», «чистый», «честный», «искренний», «единственный», и в переносном смысле может означать «бескорыстный» и «чистосердечный». Думается, в целях уточнения законодательства необходимо более ясно определить данный термин и его применение в контексте уголовного процесса. [1, с. 2].

В Уголовно-процессуальном кодексе Таджикской ССР 1961 года в статье 131 было установлено понятие «понятой» в единственном числе, а также его множественная форма «понятые», из которого вытекало правовое положение понятого.

В том же Уголовно-процессуальном кодексе Таджикской ССР 1961 года в статье 131 были определены следственные действия, такие как осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, а также другие следственные действия, при проведении которых должны были привлекаться понятые. Для осуществления вышеуказанных следственных действий требовалось участие не менее двух понятых. Права и обязанности, понятых были ограничены, при этом определялось, что в качестве понятых могли быть вызваны любые незаинтересованные в деле граждане [2, с. 64].

В статье 60 УПК РТ, принятого 3 декабря 2009 года и вступившего в силу с 1 апреля 2010 года, понятие «понятых» предусмотрено детально. Согласно закону «понятым является лицо, лично не заинтересованное в уголовном деле, привлеченное дознавателем, следователем, прокурором, судом или судьей к участию в производстве следственного или другого процессуального действия с целью подтверждения факта его проведения, содержания, хода и результатов».

Нововведение в действующем Кодексе в отношении понятых заключается в определении понятия «понятой» с установлением его процессуальных функций. Термин «понятой», аналогично другим участникам уголовного судопроизводства, употребляется в 22 статьях УПК РТ и используется 40 раз.

Следует отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено, какие лица не могут быть привлечены в качестве понятых, это несовершеннолетние, лица находящиеся в состоя-

нии невменяемости, участники судебного процесса и их родственники, а также сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие оперативно-розыскные действия, дознание и предварительное расследование.

При этом отдельно не определен круг следственных действий, в которых должны участвовать понятые. Из содержания отдельных норм действующего Кодекса следует, что они участвуют в следующих следственных действиях: осмотре места происшествия, местности, зданий, предметов, документов, осмотре трупов, эксгумации, освидетельствовании, следственном эксперименте, обыске, выемке, личном обыске, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте происшествия, получении образцов для сравнительного исследования.

В других процессуальных действиях, таких как задержание, применение меры пресечения, временном отстранении от должности и других, участие понятого не требуется. Практика показывает, что в некоторых процессуальных действиях необходимо участие понятого. Например, при допросе подозреваемого или обвиняемого в случаях, когда кроме признания в совершении преступления нет других доказательств, в том числе свидетелей. В таких случаях следователи для «поддержания» чистосердечных признательных показаний подозреваемого или обвиняемого обеспечивают участие понятых, которые впоследствии могут быть допрошены в качестве свидетелей. Подобные действия не запрещены УПК РТ.

Подобная практика применяется в нужное время при допросе потерпевшего или свидетеля, а также при очной ставке.

Согласно ч. 4 ст. 60 Кодекса предусмотрены права и обязанности понятых. В частности, понятой вправе участвовать в производстве следственного действия, выражать по поводу следственного действия мнение и делать замечания, подлежащие занесению в протокол, знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, приносить жалобы на действия дознавателя, следователя, прокурора.

Кроме того, частью 5 данной статьи предусмотрены обязанности понятого, а именно – являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи, принимать участие в производстве следственного действия, удостоверить своей подписью в протоколе следственного действия факт производства этого действия, его ход и результаты, не разглашать сведения следственных материалов, соблюдать порядок при производстве следственных действий.

С нашей точки зрения, 4 и 5 части рассматриваемой статьи УПК РТ требуют разработки и совершенствования. Участие понятых в производстве следственных действий является их обязанностью, а не правом. Они, участвуя в следственных действиях и выполняя свои обязанности, имеют право выражать свое мнение и замечание по поводу проведенного следственного действия. Кроме того, в данной норме закона в случае уклонения понятого от явки или от выполнения своих обязанностей предусматри-

вается уголовная ответственность в соответствии со ст. 352 Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

За 14 лет существования нового Уголовного кодекса данная статья не нашла своего применения. Имеются случаи, когда понятые уклоняются от выполнения своих обязанностей по разным причинам. Например, они могут не желать участвовать в осмотре трупа или эксгумации из-за ухудшения своего настроения или уклоняются от участия по другим причинам.

В ст. 138 УПК РТ установлено, что понятые имеют право на компенсацию расходов по явке к месту проведения процессуальных действий и обратно, а также на выплату денежных средств (суточных). Однако в этой части не предусмотрены другие материальные вознаграждения за участие понятых в неблагоприятных для них ситуациях и потери времени.

В ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 года была предусмотрена выплата вознаграждения понятому «за отвлечение их от обычных занятий». Следует иметь в виду, что если понятой не будет материально заинтересован в участии, предусмотренными законом мерами, вовлечение его в следственные действия станет трудной задачей. Например, в ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации за участие понятых предусмотрено денежное вознаграждение.

Другим новшеством, предусмотренным в ст. 183 УПК РТ, является возможность проведения осмотра без участия понятых в исключительных случаях, – в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств связи или опасности для жизни и здоровья людей. Однако, по нашему мнению, данное положение требует совершенствования. Законодатель в данной статье учел лишь интересы понятых, не учитывая потенциальную опасность для жизни и здоровья сотрудников органов дознания, предварительного следствия и лиц, ответственных за ведение предварительного расследования.

Исходя из анализа, следует дополнить данное нормативное предписание следующим образом: «В исключительных ситуациях, когда выполнение осмотра связано со сложными условиями, отсутствием средств связи или реальной угрозой для жизни и здоровья людей, целесообразно завершить процессуальное действие без его проведения, принимая во внимание категорию преступления».

Понятые, безусловно, представляют интересы общества, осуществляя контроль за законностью проведения ряда следственных действий. Имеющаяся следственная практика подтверждает необходимость участия понятых в различных следственных мероприятиях, таких как проверка показаний на месте происшествия, выемка, обыск, предъявление предметов для опознания и другие. Следовательно, участие понятых в следственных процедурах усиливает ответственность следователей, а понятые могут привлечь внимание к обстоятельствам, которые могли остаться незамеченными.

Библиографический список

1. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. 3-е издание исп. и доп. М. : Спарк, 2002.
2. Рахматджанов А., Окилова М. Уголовный процесс : курс лекций. Худжанд : Хуросон, 2008.

© Мирзохофизиен М. М., 2024

УДК 343.1

Мичурина О. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия);
Мичурин В. С. – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

ELECTRONIC DOCUMENTS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION, SCIENTIFIC VIEWS AND PRACTICAL APPROACHES

Аннотация. В статье показаны проблемы использования электронных документов в досудебном производстве, сделан анализ развития их правовой регламентации, представлен срез научных взглядов и практика правоприменения. Авторы приходят к выводу, что решение проблем использования электронных документов напрямую связано с внедрением в отечественное уголовное судопроизводство электронного уголовного дела.

Abstract. The article shows the problems of using electronic documents in pre-trial proceedings, analyzes the development of their legal regulation, and presents a cross-section of scientific views and law enforcement practice. The authors come to the conclusion that solving the problems of using electronic

documents is directly related to the introduction of electronic criminal proceedings into domestic criminal proceedings.

Ключевые слова: электронные документы, электронный документооборот, электронное уголовное дело, информационные технологии, информационные системы, дистанционный порядок.

Keywords: electronic documents, electronic document management, electronic criminal case, information technology, information systems, remote order.

Учитывая последние изменения в уголовно-процессуальном законе, в ходе досудебного производства по уголовному делу появилась возможность использования электронных документов. Часть 2 ст. 474 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) изначально устанавливает, что процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. Однако некоторое время применение именно в досудебном производстве процессуальных документов в электронной форме оставалось нормативно неурегулированным, в отличие от судебного производства. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ [1] нормативно уравнил их в таких возможностях, предусмотрев для каждого из производств схожие процедурные моменты. В статье 474.1 УПК РФ раскрывается порядок использования электронных документов в ходе судебного производства, а в ст. 474.2 УПК РФ – порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства. Теперь можно направлять ходатайство, жалобу, заявление (за исключением заявления о преступлении), представление, требование, повестки или уведомления в электронном виде с усиленной квалифицированной электронной подписью. Через цифровую систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», а также через единую систему межведомственного электронного взаимодействия в электронном виде можно отправлять копии постановления, обвинительного заключения и иных процессуальных документов, изготовленных в электронной форме и подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью.

Кроме того, в уголовно-процессуальном законе определены условия направления и получения таких документов в виде наличия технической возможности и права выбора (согласия) участника воспользоваться электронным форматом. Отдельно выделен запрет на использование электронных документов, если они содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающую безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведения о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Уголовно-процессуальный закон предъявляет особые требования ко всем процессуальным документам, независимо от способа их изготовления. Чтобы иметь юридическую силу, процессуальный документ должен быть надлежащим образом оформлен и заверен подписями. В связи с этим и электронный документ приобретает юридическую силу только с помощью электронной подписи в двух видах: простой или усиленной (неквалифицированной и квалифицированной). Однако не все участники уголовного судопроизводства имеют возможность подписать процессуальный документ с помощью простой и тем более усиленной квалифицированной электронной подписи. Если для следователей, дознавателей и иных должностных лиц данная проблема неактуальна, то граждане еще недостаточно оснащены не только усиленной квалифицированной электронной подписью, но даже простой. На сегодняшний день это одна из серьезных проблем, сопряженных с использованием электронных документов в досудебном производстве, да и в целом в уголовном судопроизводстве. В попытках ее разрешения считаем, что о полноценной процедуре подписания процессуальных документов электронной подписью можно вести речь тогда, когда уголовное дело изменит свой бумажный формат на электронный. Применение электронной подписи при бумажном документообороте совершенно бессмысленно. Ведь при распечатке документа с электронной подписью он перестает быть оригиналом и вряд ли применим в доказывании по причине его недопустимости, поэтому имеющая место подобная практика уязвима и небезобидна. Кроме того, следователь (дознаватель) производя, к примеру, допрос путем использования систем видео-конференц-связи в порядке ст. 189.1 УПК РФ не может сразу использовать полноценный протокол допроса по причине сложности его подписания допрашиваемым лицом, находящимся вне места предварительного расследования. Ввиду этого следователь (дознаватель) составляет протокол в электронном формате, направляет его с помощью информационных систем, а потом дожидается бумажный вариант протокола по почте от должностного лица, выполняющего поручение по месту нахождения допрашиваемого лица с собственной ручной подписью последнего. В рамках электронного уголовного дела не было бы подобных затруднений. Ведь на электронном документе усиленная квалифицированная электронная подпись может ставиться дистанционно без физического присутствия ее обладателя. Соответствие электронных документов требованиям уголовно-процессуального законодательства в части обязательного заверения электронной подписью обеспечивает их юридическую значимость.

Чтобы портативный компьютер не оставался суперсовременной версией пишущей машинки лишь для изготовления процессуальных документов или инновационным местом их хранения, должен быть налажен действенный механизм обмена процессуальными документами, включающий их направление и получение (документооборот). В связи с этим другая

проблема использования электронных документов в досудебном производстве обусловлена созданием необходимых условий для обмена процессуальными документами в электронной форме. Согласно приказу МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» [2], электронный документооборот представляет собой документооборот с применением информационной системы. С 2014 г. в МВД России эффективно действует единая информационно-аналитическая система обеспечения деятельности (ИСОД МВД России). Одним из основных принципов ее функционирования является широкое использование современных разработок в сфере информационных технологий, связи и защиты информации.

Нет сомнений, что электронный документооборот в досудебном производстве делает более эффективным процессуальное взаимодействие следователя (дознателя) с другими участниками уголовного судопроизводства, разрешает целый комплекс процедурных проблем, в том числе упрощает и ускоряет процессуальную деятельность. Однако и он тоже упирается в необходимость функционирования в рамках электронного уголовного дела. С одной стороны, отечественный законодатель совершил существенный рывок, предусмотрев в уголовном судопроизводстве за последние три года новые процедуры с применением информационных технологий, в том числе использование электронных документов; с другой стороны, полноценная их реализация невозможна при бумажном формате уголовного дела, который требует обязательного распечатывания процессуальных документов, даже изначально имеющих электронную форму. Последние при распечатывании трансформируются из оригинала в копию, о чем мы уже указывали выше, и поэтому не допустимы к использованию в доказывании по уголовному делу.

Совершенно очевидно и то, что трудности бумажных носителей информации обусловлены также тем, что они чаще теряются, вид их может со временем портиться, их можно украсть и уничтожить бесчисленными разновидностями способов. Перевод уголовных дел в цифровую среду даст возможность воспользоваться большим объемом информации, дублировать данные в любом количестве, упростить процедуру ознакомления с ним и прочее. Преимуществом электронного уголовного дела являются еще и гарантия сохранности процессуальных документов, исключение возможности их исправлений, а также легкость восстановления утраченного варианта.

Внимания также заслуживает существенная экономия на расходных материалах по оформлению уголовного дела, месте его хранения и транспортировки, что наиболее актуально для многотомных уголовных дел. Проиллюстрируем это примерами из практической деятельности, когда много участников и эпизодов способствуют увеличению количества бумажных материалов уголовного дела. Так, объем одного уголовного дела,

по которому проводилось предварительное следствие в Волгоградской области по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 и ч. 4, 5 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), составил порядка тысячи томов. В общей сложности это более 250000 страниц с постановлениями, результатами допросов, экспертиз и другими процессуальными документами. Если принять во внимание, что вес одной бумажной страницы составляет примерно пять граммов, то совокупный вес всех томов данного уголовного дела был более одной тонны [3]. Отдельные исследователи приводят ситуации, когда для вручения копий обвинительного заключения сразу нескольким десяткам обвиняемых, проходящим по одному многоэпизодному уголовному делу, пришлось организовать перевозку этих копий грузовыми автомобилями [4, с. 111]. Поэтому даже до введения ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ и ст. 474.2 УПК РФ практиковалось вручение электронных копий обвинительного заключения. В научной статье Ю. Г. Овчинникова описывается случай, когда в 2018 г. в Следственном департаменте МВД России по окончании предварительного следствия в отношении 22 обвиняемых по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159.6, ч. 1, 2 ст. 210, ст. 272, 273 УК РФ, следователь с использованием электронной книги вручил им копии обвинительного заключения в электронной форме [5, с. 230]. Современная возможность изготовления обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной подписью, более чем оправдана как экономической составляющей, так и удобством для всех участников уголовного судопроизводства.

Электронное уголовное дело рассматривается нами не только как совокупность собранных доказательств, но также в качестве механизма их исследования (предоставления в удобной, наглядной, систематизированной и доступной форме). По этой причине вряд ли правильно понимать под уголовным делом нечто статичное. С одной стороны, уголовное дело видится нам как совокупность процессуальных документов, но с другой – оно напрямую связано с уголовно-процессуальной деятельностью, удостоверяя ее ход и результаты, порождая возникновение новых юридических фактов. Следует согласиться с И. Н. Гимазетдиновой, что уголовное дело необходимо для фиксации, хранения и удостоверения хода, процедуры и результатов проводимого расследования, а также систематизации собранной в ходе уголовного судопроизводства информации, имеющей значение для дела [6, с. 10].

От момента возбуждения до окончания производства по уголовному делу оно меняется в количественном и качественном аспектах. Это происходит независимо от бумажного или электронного варианта. Таким образом, электронное уголовное дело представляет собой не только комплекс документов в цифровом формате, составляющих его содержание и разме-

щенных на технических устройствах, но также отображение хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой до/для его возбуждения и на весь период производства по нему.

Сегодня можно спрогнозировать, каким должно быть электронное уголовное дело в отечественном уголовном судопроизводстве. Во-первых, ему нужна структура, соответствующая стадиям уголовного процесса и содержащая все необходимые данные, которые имеются у бумажного уголовного дела с описанием следственных, судебных и иных процессуальных действий. Во-вторых, участники уголовного судопроизводства должны иметь возможность не только дистанционно знакомиться с материалами уголовного дела, подписывать его электронные документы, но и реализовывать контрольно-надзорные функции, а также дистанционное взаимодействие. Развитие информационных систем для уголовного дела не должно идти по пути отдельно взятого правоохранительного органа, включая и суд. Необходима единая (межведомственная) информационная платформа. В-третьих, в электронном уголовном деле должен быть решен вопрос о месте нахождения и хранения вещественных доказательств и иных документов (особенно тех, что не имеют электронной формы). В-четвертых, переход на электронное уголовное дело должен исключить дублирование его материалов одновременно еще и в бумажном формате.

Правоприменитель, который часто без энтузиазма реагирует на все нововведения, именно аспект дублирования считает наиболее проблемным. Так, 67 % опрошенных нами респондентов подтвердили, что при переходе на электронную форму уголовного дела, они ожидают двойной работы (одновременно по электронному и бумажному уголовному делу). В нынешней ситуации на практике, обусловленной нехваткой кадров, это еще больше осложнит работу с оформлением процессуальных действий и решений по уголовному делу.

Поэтому для любых глобальных изменений необходим взвешенный подход, особенно, если речь идет о внедрении новых технологий в традиционное производство по уголовному делу. Нельзя не согласиться О. В. Химичевой, что цифровая трансформация уголовного процесса вряд ли приведет к мгновенному решению процессуальных проблем, стоит лишь оцифровать материалы уголовного дела и перевести уголовное производство в электронный вид [7, с. 171].

Подводя итог рассмотрению проблем использования электронных документов в досудебном производстве, хотелось бы сделать вывод, что несмотря на то, что их решение упирается в идею внедрения в отечественное уголовное судопроизводство электронного уголовного дела, сделать это сразу и одномоментно не получится. Несмотря на удобство электронных документов, бумажные носители какое-то время еще останутся в процессуальном документообороте. Главное, чтобы использование электронных документов не противоречило традиционному порядку производства,

не приводило к их уязвимости в доказывании по уголовному делу. Особенно остро этот вопрос стоит при оценке доказательств с точки зрения допустимости. Кроме того, обмен электронными документами между следователем, дознавателем и другими должностными лицами, а также государственными органами должен быть обеспечен комплексом технических и организационных мер, который гарантировал бы надежный и предсказуемый результат такого взаимодействия, иначе – доверенную среду уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 (с изм. от 20 сентября 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Самое большое уголовное дело весит тонну // Сетевое издание «Вечерний Волгоград.ру». URL: <http://vv-34.ru/samoe-bolshoe-ugolovnoe-delo-vesit-tonnu.html> (дата обращения: 04.02.2024).

4. Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1. С. 110–115.

5. Овчинников Ю. Г. Процессуальные проблемы, возникающие при окончании предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 229–233.

6. Гимазетдинова И. Н. Уголовное дело как комплексная документальная форма представления результатов уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

7. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170–174.

© Мичурина О. В., 2024

© Мичурин В. С., 2024

Моругина Н. А. – доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук (г. Воронеж, Россия);

Кузьмина О. Л. – начальник кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Калининград, Россия)

**ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

**ASSESSMENT OF THE PERMISSIBILITY
OF THE DISSEMINATION OF EXPERIENCE DIGITALIZATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA**

Аннотация. Авторы статьи оценивают допустимость распространения опыта цифровизации уголовного дела в судопроизводстве России, выделяя при этом наиболее перспективные направления и алгоритмы создания системы формирования статистической информации из материалов электронных образов уголовных дел.

Abstract. The authors of the article assess the permissibility of spreading the experience of digitalization of criminal cases in Russian judicial proceedings, while highlighting the most promising areas and algorithms for creating a system for generating statistical information from electronic images of criminal cases.

Ключевые слова: цифровизация уголовного дела, электронный документ, электронное уголовное дело, следователь.

Keywords: digitalization of a criminal case, electronic document, electronic criminal case, investigator.

В связи с постоянно возрастающей в мире тенденцией перехода на электронный формат расследования электронных уголовных дел представляется целесообразным рассмотреть возможности создания в России системы формирования статистической информации из материалов электронных образов уголовных дел.

Следует отметить, что в последние годы в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве возникли предпосылки для постепенной цифровизации уголовного судопроизводства и возможного внедрения в процесс системы электронного уголовного дела. Так, например, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) была введена ч. 7 ст. 185, которая предусматривает осмотр и выемку электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ ввел в УПК РФ новую статью 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ внес изменения в УПК РФ в части регламентации производства следственных действий в отношении электронных носителей информации, дополнив его ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий».

Ввиду того, что статья 474 УПК РФ «Оформление процессуальных действий и решений на бланках процессуальных документов» закрепляет возможность оформления электронным способом процессуальных документов в уголовном процессе, а также ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ наделяет суд правом изготавливать судебное решение в форме электронного документа, мы полагаем, что назрела необходимость в закреплении данного понятия в УПК РФ. Различное понимание трактовок понятия «электронный документ» будет порождать множество проблем в практической деятельности, так как при расследовании уголовного дела, его разрешении необходимо использовать аутентичную, единую терминологию, ведь речь идет о юридической силе электронного документа и о его месте в институте доказательственного права.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 28.1, изложив его в следующей редакции: «28.1). Электронный документ – зафиксированная на материальном носителе в электронно-цифровой форме информация, предназначенная для передачи во времени и пространстве с использованием средств вычислительной техники, отвечающая требованиям аутентичности, достоверности, целостности и пригодности для использования с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать».

Оценивая допустимость распространения опыта цифровизации в уголовном судопроизводстве России при создании электронных уголовных дел, следует выделить наиболее перспективные направления создания системы формирования статистической информации из материалов электронных образов уголовных дел:

1. Модуль «Электронное уголовное дело» в рамках реализации сервиса единой информационно-аналитической системы обеспечения деятельности подразделений МВД России по субъекту.

2. Модуль региональной информационной системы на уровне субъекта Российской Федерации, включающей в свой состав модуль «Электронное уголовное дело».

Представляется целесообразным рассмотреть указанные выше предложения более подробно.

При реализации первого предложения будут задействованы современные облачные технологии и фактически реализован еще один сервис информационно-аналитической системы обеспечения деятельности подразделений МВД России, в рамках функционирования последнего соответствующие должностные категории (следователи и дознаватели) со всех субъектов России будут формировать массивы электронных уголовных дел.

С точки зрения защиты информации в данном случае, т. к. построение модуля «Электронное уголовное дело» будет осуществляться на уже действующей системе, способы реализации защиты информации, обрабатываемой в данном модуле, необходимо просто распространить на новый созданный сервис, без необходимости построения всей системы защиты, или предусмотреть введение новых мер защиты информации под степень конфиденциальности информации, содержащейся в уголовном деле.

Достаточно важно заметить, что функционал рассматриваемого сервиса должен предусматривать возможность автоматического формирования актуальной статистической информации из материалов электронных уголовных дел. При этом возможно создание различных стандартных статистических отчетов, в том числе с возможностью их визуализации. Для формирования нестандартной статистической информации могут быть использованы технологии SQL-запросов. К основным достоинствам рассматриваемого варианта можно отнести:

- возможность интеграции с множеством баз данных МВД России в целях повышения уровня автоматизации получения информации;
- концентрация массива электронных уголовных дел в одном хорошо защищенном месте;
- создание организации каналов связи и функционирующая интегрированная мультисервисная телекоммуникационная сеть;
- возможность организации высокой степени защиты информации, содержащейся в электронных уголовных делах, в том числе с использованием биометрических технологий (3-х уровневая идентификация);
- интеграция с модулями сервиса СОДЧ (сервис обеспечения деятельности дежурных частей) «Уголовное дело. Дознаватель-следователь».

Второй вариант предполагает создание региональной информационной системы на уровне субъекта Российской Федерации, включающей в свой состав модуль «Электронное уголовное дело». При этом территориально данная система должна располагаться в информационном центре главного управления по субъекту Федерации. Данное обстоятельство обу-

словлено тем, что возникает потребность в организации эффективной защиты информации на всех уровнях и этапах функционирования системы, а также удобством интеграции с базами данных правоохранительных органов.

В данном случае будет необходимо построение системы защиты информации, которая будет основываться на нескольких этапах:

- анализ возможных угроз безопасности инфокоммуникационной системы (из множества вероятных воздействий выбирают воздействия, которые могут реально произойти);
- планирование системы защиты (описание единой совокупности мер противодействия угрозам различной природы);
- реализация данной системы защиты (установка и настройка средств защиты);
- сопровождение системы защиты (контроль работы, регистрация событий, анализ и коррекция системы защиты).

На этапе планирования необходимо определить средства защиты, реализующие следующие мероприятия по защите информации:

- идентификация и аутентификация субъектов (пользователей, процессов) инфокоммуникационной системы;
- разграничение доступа к ресурсам;
- контроль целостности данных;
- обеспечение конфиденциальности информации;
- регистрация и анализ событий;
- резервирование ресурсов и компонентов и др.

Кроме того, в целях повышения уровня автоматизации процесса целесообразно интегрировать модуль «Электронное уголовное дело» с базами данных различных государственных органов. С учетом практического опыта правоохранительных органов необходима интеграция с базами данных следующих государственных структур:

- МФЦ;
- администрация субъекта Российской Федерации;
- структуры министерства образования в субъекте Российской Федерации;
- наркологический диспансер;
- психоневрологический диспансер;
- пенсионный фонд;
- медицинские учреждения (поликлиники по месту жительства);
- финансовые учреждения (банки).

Так, следователь при выполнении своих функциональных обязанностей получает за достаточно короткое время необходимую информацию (в том числе и персональные сведения) из различных источников (базы данных госорганов и подразделений МВД), используя функционал модуля

«Электронное уголовное дело». Кроме того, фактически в режиме реального времени возможно взаимодействие следователя (дознателя), прокурора и судьи.

Для организации взаимодействия следователя (дознателя) с адвокатами и участниками процесса целесообразно использовать информационный портал, который может быть реализован с использованием веб-технологий. Данный информационный портал будет представлять открытый публичный сектор, в котором участники процесса могут получать процессуальные документы в режиме онлайн, подавать ходатайства, жалобы на действия (бездействия) следователя (дознателя) и прокурора, а также ознакомиться с материалами уголовного дела дистанционно при его окончании.

Для создания автоматизированной системы формирования статистической информации из материалов электронных образов уголовных дел необходимо разработать следующие алгоритмы, например, на языке Python:

1. Осуществления нормализации и масштабирования всех электронных документов единого образца для унификации параметров детекции с помощью методов библиотеки OpenCV. Для работы данного алгоритма необходимо определить, какие формы статистических карточек и другие документы из электронного образа уголовного дела будут использованы для формирования статистической информации о преступлениях.

2. Извлечения текста и цифровой информации из распознанных ключевых полей с использованием технологии оптического распознавания символов pyTesseract. Данный алгоритм направлен на получение статистической информации из исследуемых документов.

3. Сохранения извлеченной информации по каждой обрабатываемой форме в структурированный формат данных. После извлечения необходимой информации из электронного образа документа реализуется алгоритм, позволяющий сохранить статистическую информацию в структурном виде, например, в формате Excel или другом структурированном формате данных. Таким образом осуществляется накопление массива статистической информации о преступлениях из материалов электронных образов уголовных дел в структурированном виде.

© Моругина Н. А., 2024

© Кузьмина О. Л., 2024

Мухаметшин А. Ф. – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия);

Мухаметшин Ф. Б. – профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ON THE ISSUE OF ENSURING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS
AND A CITIZEN IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL
INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы и нормативные правовые акты ограничения определенных прав и свобод человека и гражданина при организации проведения различных оперативно-розыскных мероприятий. Также в статье приведены аргументы, обосновывающие ограничение некоторых прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Abstract. The article discusses the issues and regulatory legal acts of restriction of certain human and civil rights and freedoms in the organization of various operational search activities. The article also provides arguments justifying the restriction of certain rights and freedoms of citizens in the implementation of operational investigative activities.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод человека и гражданина, соблюдение законности.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, human and civil rights and freedoms, restriction of human and civil rights and freedoms, observance of legality.

Одним из важных аспектов работы органов правопорядка является соблюдение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Современное российское законодательство

имеет сильную правовую систему прав и свобод человека и гражданина. Защита этих прав – это одна из главнейших задач государства. Основные права и свободы человека указаны в главе 2 Конституции Российской Федерации [1]. Статьи настоящей главы являются отправной точкой для всех других правовых актов. Малейшее нарушение прав человека и гражданина строго наказывается законом и влечет правовые последствия. Это является актуальной проблемой, которая требует внимательного рассмотрения с учетом соблюдения действующего законодательства, соблюдения прав российских граждан. Органы внутренних дел (далее – ОВД) играют существенную роль в обеспечении защиты прав граждан и их законных интересов.

Статья 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») раскрывает главное назначение полиции, которое состоит именно в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан для борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, собственности и общественной безопасности [2].

Однако ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривает ограничение прав и свобод, указанных в Основном законе, в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Целью и задачей ограничения конституционных прав и свобод является создание разумного баланса между интересами разных людей, общества и государства [3]. Этот баланс достигается в том числе с помощью ОРД. Важное значение имеет не только официальное законодательное закрепление прав и свобод человека, но и практика применения данных ограничений, чтобы обеспечить баланс между интересами государства в рамках борьбы с преступностью и соблюдения конституционных прав и свобод.

В настоящее время регулирование ОРД в ОВД представлено рядом взаимосвязанных нормативных правовых актов, из которых приоритетным считается Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Однако положения данного закона очень лаконичны, границы размыты, поэтому деятельность оперативных подразделений часто обсуждается не только юристами, но и практиками. Основная трудность заключается в установлении легитимности и пределов, в которых возможно ограничение прав и свобод гражданина. Изучая статистику обращений граждан, поступивших в Конституционный Суд Российской Федерации, можно обнаружить, что около 22 % обращений относятся к вопросам ОРД.

Каждый случай ограничения прав и свобод крайне индивидуален, так как здесь важную роль играет и человеческий фактор. Сотрудник полиции не может осуществлять их «шаблонно» при проведении тех же оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Отсюда следует, что законодательно урегулировать каждую ситуацию невозможно, так как российская правовая система не использует прецедент как основу для законо-

дательства. Однако иногда ограничение законных свобод граждан является необходимой мерой, чтобы раскрыть преступления, без которой нельзя добиться ожидаемого общественно полезного результата. Высокий профессионализм и нравственная культура сотрудника полиции также являются одними из основных условий обоснованного ограничения вышеуказанных прав и свобод. Ограничения, связанные с проведением ОРМ и затрагивающие конституционные права граждан, рассматриваются в ст. 5 ФЗ «Об ОРД», среди них можно выделить следующие:

- воспрещается проводить ОРМ в интересах любых партий или организаций;
- нельзя принимать участие в деятельности государственных органов и организаций, муниципалитетов, в том числе осуществлять ОРД в интересах вышеуказанных органов;
- запрещено разглашать и распространять сведения, которые стали известны в ходе проведения ОРД, без согласия граждан;
- запрещено оказывать любое воздействие на лиц, направленное на совершение противоправных действий;
- запрещено фальсифицировать результаты ОРД.

Без соответствующего контроля со стороны трудно представить осуществление ОРД, сопряженной с ограничением базовых прав граждан. Органы прокуратуры и суды при выявлении фактов нарушения законодательства в данной области принимают необходимые меры по восстановлению нарушенных прав и свобод.

В научном сообществе обсуждается необходимость совершенствования контроля органов прокуратуры за оперативно-розыскной деятельностью и рекомендуется при утверждении меры переориентировать ее на профилактический характер деятельности. В отношении совершенствования прокурорского надзора за ОРД автор полагает необходимым установление надлежащего контроля на стадии подготовки ОРМ, что выливается в равную ответственность организации ОРД и надзорного органа.

Ограничения конституционных прав гражданина при осуществлении ОРД допускается только санкционированно, то есть при разрешении суда. Законом об ОРД предусмотрено проведения ОРМ, которые ограничивают права и свободы лиц без соответствующего разрешения суда, но с последующим обязательным уведомлением в течение 24-х часов в случаях, не терпящих отлагательств, при совершении преступлений, относящихся к категории тяжких или особо тяжких.

Еще одной любопытной особенностью ограничения прав граждан при проведении ОРД является то, что человек не знает, что его законные права и интересы нарушаются. При этом применяется один из основных принципов ОРД – принцип конфиденциальности. Это принцип позволяет сохранять в тайне данные о работе оперативных подразделений от иссле-

дуемого объекта. Если человек узнает о том, что в отношении него приняты меры, связанные с ограничением его конституционных прав, это означает, что должностные лица, ответственные за реализацию мер, допустили в своей деятельности существенное нарушение закона. Таким образом, особенности ОРМ, которые связаны с возможными ограничениями прав граждан, требуют своевременного правового регулирования и реагирования в целях надлежащего обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных широким спектром действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

2. О полиции : федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

3. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

© Мухаметшин А. Ф., 2024

© Мухаметшин Ф. Б., 2024

УДК 343.1

Насыров Р. Р. – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

CERTAIN ISSUES OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION WITH THE USE OF COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

Аннотация. В статье подвергаются анализу некоторые проблемы прекращения уголовного преследования с применением принудительных

мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния, на основании чего делаются выводы о несовершенстве действующего законодательства в этой области и предлагаются пути его совершенствования.

Abstract. The article analyzes some problems of termination of criminal prosecution with the use of coercive measures of educational influence on minors who have committed criminally punishable acts, on the basis of which conclusions are drawn about the imperfection of current legislation in this area and suggests ways to improve it.

Ключевые слова: несовершеннолетние подозреваемые, несовершеннолетние обвиняемые, принудительные меры воспитательного воздействия, прекращение уголовного преследования.

Keywords: juvenile suspects, juvenile accused, compulsory measures of educational influence, termination of criminal prosecution.

В настоящее время одной из приоритетных задач государства является создание условий для становления личности несовершеннолетнего как полноправного участника общественных отношений. Об этом свидетельствуют положения нормативных правовых актов, устанавливающие гарантии прав и законных интересов подрастающего поколения, а также утверждение Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [1] и объявление 2024 года – Годом семьи [2].

Несмотря на принимаемые государством меры, позволившие снизить криминальную активность несовершеннолетних [3], сохраняются значительные качественные изменения в структуре преступлений, совершаемых несовершеннолетними либо с их участием. Преступления, совершаемые ими, особенно в группах, отличаются организованностью, сплоченным характером, а также установлением устойчивых связей с лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях. В процессе общения несовершеннолетних с указанными лицами, в особенности с авторитетами уголовно-преступной среды, формируется специфическая противоправная субкультура и создаются неформальные подростково-молодежные группировки, которые вовлекаются в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, участием в экстремисткой деятельности и действиях террористического характера; похищением людей; вымогательством, мошенническими действиями с ценными бумагами, валютой, с использованием платежных карт; а также в сфере компьютерной информации и др.

В этой связи представляется необходимым направить основные усилия правоохранительных органов и судебского корпуса в максимальной степени на предупреждение преступлений несовершеннолетних с исполь-

зованием «мягких» мер государственного воздействия, вплоть до освобождения от уголовной ответственности подростков, не нуждающихся в строгой изоляции от общества [4]. Таким образом мы создадим условия для становления личности несовершеннолетнего как полноправного участника общественных отношений. Любые девиации, и тем более делинквентности, в поведении подрастающего поколения обуславливают создание условий для развития криминальной среды в будущем.

В свете рассматриваемых вопросов следует акцентировать внимание на институте освобождения несовершеннолетних лиц, которые совершили преступления от уголовного преследования в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Следует заметить, что в структуре отношений, связанных с названным институтом, существуют различные проблемы, в том числе на этапе определения следователем возможности исправления несовершеннолетнего без применения к нему уголовного наказания. Без сомнения, нормы, которые закрепляют порядок применения названных мер, демонстрируют гуманистическую направленность уголовно-процессуального и уголовного законодательства России. Однако в целях исключения различного рода негативных практик правоприменения названных норм, а также выяснения детального алгоритма участия следователя в названных отношениях следует комплексно их исследовать.

Анализ специальной литературы, а также правоприменительной деятельности показывает, что в рассматриваемых отношениях существуют определенные проблемы, среди которых отсутствие четкой законодательной регламентации выработанных механизмов осуществления применения, выбора рассматриваемых мер, а также контроля со стороны заинтересованных субъектов. Все это отражается на их эффективности и должной возможности реализации в деятельности следователя.

Существующая сегодня практика применения принудительных мер воспитательного воздействия не составляет конкуренции общему порядку применения к несовершеннолетним уголовных наказаний, что было подтверждено статистическими данными.

Так, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают, что из всего массива преступлений с участием несовершеннолетних лиц принудительные меры воспитательного воздействия применяются только не более чем в 25 % случаев (из расчета преступлений небольшой и средней тяжести). Если учитывать все совершенные преступления, то такой процент будет стремиться к 7–8 % [5].

Указанную низкую эффективность применения рассматриваемых мер следует объяснять определенными причинами.

Одной из причин является казуистическая формулировка нормы, регулирующей порядок применения таких мер (ч. 1 ст. 90 Уголовного кодек-

са Российской Федерации (далее – УК РФ), в соответствии с которой «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия». Приведенная норма является оценочной, в действующем законодательстве для следователя, дознавателя и суда не установлено никаких ориентиров и четких критериев, позволяющих признать, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто посредством применения данных мер. Кроме того, само содержание принудительных мер воспитательного воздействия вызывает множество вопросов об их эффективности и целесообразности использования [6, с. 77].

Следует также отметить, что основной субъект реализации названного института – это следователь (дознаватель), и именно он является первичным звеном, которое должно и может инициировать процесс прекращения уголовного преследования и назначения несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. Вместе с тем, как показывает практика, в силу законодательного регулирования следователи не понимают всей сути и глубины предусмотренных законодательством принудительных мер воспитательного характера, а также полного процесса и порядка их реализации. Так, названные меры устанавливаются уголовным законодательством, что также, по нашему мнению, должно дублироваться в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации с разъяснением процессуального порядка применения каждой избираемой меры.

Так, в уголовном законодательстве не указано, кто является субъектом реализации той или иной меры. К примеру, предупреждение представляет собой меру, заключающуюся в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений (ч. 1 ст. 91 УК РФ). Превентивный потенциал, сущность и содержание данной меры наукой справедливо оценивается отрицательно. Фактически эта мера сводится к краткому порицанию несовершеннолетнего, что не сопоставимо с характером и степенью общественной опасности преступления, относящегося даже к категории небольшой и средней тяжести [7, с. 285]. Более того, законодатель не возлагает такую обязанность на следователя, дознавателя или суд.

Мера в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации назначается в случае, если данные лица имеют положительное влияние на несовершеннолетнего, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним [8, с. 46]. Рассматриваемая мера также не ограничивает несовершеннолетнего в каких-либо правах, не возлагает на него каких-либо

обязанностей, а, напротив, наделяет обязанностями тех лиц, на которых возлагается контроль за его поведением.

С учетом приведенных высоких показателей наличия отрицательных социально-демографических характеристик подавляющего большинства семей несовершеннолетних преступников применение рассматриваемой меры в ряде случаев теряет смысл. В связи с этим отдельные исследователи также предлагают исключить рассмотренную меру из числа принудительных мер воспитательного воздействия [9, с. 92].

Мера в виде обязанности загладить причиненный вред назначается «с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков» (ч. 3 ст. 91 УК РФ). Низкий процент несовершеннолетних, занятых трудовой деятельностью, подтверждает, что эта мера в современных экономических условиях не может широко применяться к данным лицам. Однако ее назначение той категории несовершеннолетних, которая указана в ч. 3 ст. 91 УК РФ, является оправданным и логичным. Меры, связанные с финансовыми потерями, наиболее эффективны в отношении любой категории правонарушителей.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего считаем весьма эффективной мерой. В соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ при ее назначении суд может установить запрет на посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть также предъявлено требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.

Однако существующий порядок контроля за лицами, к которым данная мера применена, существенно снижает ее потенциал, сводя к фикции. Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних не могут контролировать ее исполнение по вечерам, в выходные дни, а методы сбора информации о поведении несовершеннолетнего (проверки по месту жительства, учебы, опросы родных и соседей, запросы в образовательную организацию) не обеспечивают оперативность получения информации и ее достоверность.

Исходя из изложенного, следует, что являясь достаточно интересным и прогрессивным уголовно-правовым институтом, в существующем виде эти меры не могут создать значимую альтернативу уголовным наказаниям. Их совершенствование и развитие мы считаем весьма перспективным направлением для современной политики в отношении несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Глушков А. И. Проблемы прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия (на основе отечественного и зарубежного законодательства) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prekrascheniya-ugolovnogopresledovaniya-v-otnoshenii-nesovershennoletnego-s-primeneniem-prinuditelnoymery-vospitatelnogo/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Статистические данные Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Федотова Е. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы эффективности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 78–83.
7. Земцова Е. С. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия в Российской Федерации // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова. 2017. С. 283–286.
8. Ламинцева С. А. Уголовно-правовые принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы применения // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 44–56.
9. Михайлова Т. Н. Условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 4 (95). С. 90–103.

Низаева С. Р. – заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ**

**ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES
OF INVESTIGATIVE ACTIONS WHEN INVESTIGATING
THE RECEIPT OF A BRIBE**

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности задержания лица, подозреваемого в получении взятки, проведения следственного осмотра в целях отыскания и изъятия следов, которые помогут получить криминалистически значимую информацию о механизме совершенного преступления.

Abstract. In the article, the author examines the features of detaining a person suspected of receiving a bribe, conducting an investigative examination in order to find and remove traces that will help to obtain criminally significant information about the mechanism of the crime committed.

Ключевые слова: получение взятки, следственные действия, осмотр места происшествия, средства компьютерной техники, следы преступления, задержание подозреваемого.

Keywords: receiving a bribe, investigative actions, inspection of the scene, computer equipment, traces of a crime, detention of a suspect.

Тактически грамотный алгоритм выявления, раскрытия и расследования факта получения взятки формируется на этапе доследственной проверки заявления (сообщения) о совершенном или готовящемся преступлении. Важным этапом расследования уголовного дела является планирование. Учитывая возможность назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), планирование расследования на этапе доследственной проверки также включает определение перечня судебных экспертиз и исследований, которые могут помочь выявить коррупционную схему. Например, проведение бухгалтерской экспертизы позволит установить движение денежных средств, полученных преступным путем, а судебная компьютерная экспертиза –

выявить информацию о механизме совершения взяточничества и т. д. Планирование хода расследования в целом и подготовка проведения отдельных следственных действий (для оперативных сотрудников – оперативно-розыскных мероприятий) позволяют значительно оптимизировать данный процесс [3, с. 89–91].

Базой получения криминалистически значимой информации являются результаты проведения следующих следственных действий: осмотр, освидетельствование, обыск, допросы подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, назначение судебных экспертиз, предъявление для опoznания, следственный эксперимент и т. д. [4, с. 78–79]. Перечисленный спектр следственных действий целесообразно проводить с учетом рекомендаций по применению технико-криминалистических и тактико-криминалистических средств и методов. Соблюдение рекомендаций по своевременному производству, сочетанию тактических приемов, комбинаций и операций; использованию специальных знаний и технико-криминалистических средств позволит четко и структурировано подходить к расследованию уголовного дела. Их грамотная организация и своевременное проведение с учетом данных о личности подозреваемого во взяточничестве определяют успешный ход дальнейшего расследования.

Производству следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого) лица предшествует его задержание, представляющее собой заранее продуманную тактическую операцию, реализуемую по материалам, полученным ранее в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Целесообразно проводить задержание с поличным, акцентируя внимание на факторе внезапности. Необходимо также учитывать возможность сбора дополнительной информации при задержании, которая может быть использована в дальнейшем расследовании. Важно обеспечить безопасность и конфиденциальность информации, связанной с расследованием.

Сообщение, содержащее информацию о готовящемся преступлении коррупционной направленности, например, получении взятки, необходимо сразу же зафиксировать и заняться решением вопроса об использовании звукозаписывающих устройств и оборудования, а также помеченных специальным химическим веществом денежных купюр. Процесс осмотра и пометки денежных купюр рекомендуем фиксировать при помощи проведения видеосъемки либо фотосъемки с приложением фототаблиц, оптического носителя информации в бумажном конверте, снабженном пояснительными надписями [6, с. 160–161]. Для удобства хранения материалов при уголовном деле также не запрещается использование USB-носителей и микро-флеш-карт вместо CD- и DVD-дисков [5, с. 112–114].

Кроме того, тщательно должно быть организовано процессуальное оформление результатов проведенной тактической операции, будь это процессуальное задержание, личный обыск подозреваемого, изъятие предмета взятки или его осмотр [7, с. 216–219].

По окончании задержания, регламентированного главой 12 УПК РФ, следует зафиксировать первоначальные показания подозреваемого относительно предмета совершенного преступления, его целей и мотивов. Следует также провести личный досмотр одежды, осмотр места происшествия в целях обнаружения предмета взятки. Досмотр задержанного, а также его рук необходим для обнаружения следов люминесцирующего химического вещества. Фиксация и изъятие этих следов для проведения в последующем судебной экспертизы, имеющей доказательственное значение, в том числе при показаниях подозреваемого о том, что взятку ему, например, подбросили.

Осмотр места происшествия является важным этапом расследования преступлений коррупционной направленности, который позволяет собрать доказательства, определить обстоятельства преступления и выявить возможных соучастников. После осмотра места происшествия все изъятые следы и объекты должны быть зафиксированы в протоколе, который может быть использован в суде в качестве доказательства. В ходе осмотра, помимо предмета совершения коррупционного преступления, изучаются записные книжки, личная переписка задержанного, осматриваются (при наличии) средства компьютерной техники на предмет переписки в социальных сетях, содержащей интересующую следствие информацию. Даже если устройство заблокировано или его данные находятся в «облачном» хранилище, есть большая вероятность того, что эксперты с использованием программного обеспечения «Мобильный криминалист» сумеют извлечь цифровые следы, способствующие установлению истинных намерений подозреваемого, установить наличие коррупционных связей и иные необходимые следствию данные. Следы, изъятые в ходе осмотра места происшествия, обладающие криминалистически значимой информацией, могут служить вектором, определяющим направление дальнейшего расследования, выдвижения и проверки версий.

Не менее важным неотложным следственным действием, требующим тщательной подготовки, является обыск. Одной из основных его задач являются обнаружение и изъятие предметов и документов, связанных с совершенным преступлением. При этом необходимо соблюдать правила хранения и транспортировки изъятых материалов [1, с. 41]. Наиболее часто обыск проводится в учреждении, организации и по месту работы лица, подозреваемого в получении взятки, а также по месту его жительства. Источники получения доказательственной информации, которая подлежит изъятию, могут располагаться как по месту работы подозреваемого, так и по месту жительства. Фиксация хода и результатов обыска осуществляется посредством протоколирования. Во избежание противодействия расследованию, выражающегося в форме конфликта с органами предварительного расследования, воспрепятствования обыску, попытках сокрыть или уничтожить доказательственную информацию, скомпрометировать сотрудни-

ков полиции, целесообразно применять видеозапись на протяжении всего следственного действия [2, с. 71]. В независимости от места проведения обыска в сфере интереса сотрудников правоохранительных органов должна находиться информация, характеризующая личность подозреваемого, его взаимоотношения с другими участниками преступления, третьими лицами (близкими родственниками, друзьями, знакомыми, партнерами по работе).

Качественное расследование преступлений коррупционной направленности напрямую зависит от грамотного и целесообразного использования как следователем, так и оперативными сотрудниками тактико-криминалистических рекомендаций, выражающихся в алгоритмах расследования преступлений в данной сфере, внедрения и использования определенных комбинаций, состоящих из отдельных конкретных тактических приемов. Каждое следственное действие и оперативно-розыскное мероприятие необходимо заранее планировать и ответственно подходить к его проведению. Доказательственная база, собранная в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, на этапе доследственной проверки значительно облегчит дальнейшее расследование уголовного дела.

Библиографический список

1. Белокобыльская О. И. Специфика производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества // Таврический научный обозреватель. 2019. № 2. С. 39–45.
2. Егоров Н. Н. Криминалистическая техника. М. : Юрайт, 2020.
3. Журавлев С. И. Государственная и муниципальная служба. М. : Юрайт, 2020.
4. Колдин И. В. Криминалистика : в 5 т. Том 2. Методология криминалистики и криминалистический анализ. М. : Юрайт, 2021.
5. Назин Л. Ф. Криминалистическая экспертиза видеозаписей. М. : Юрайт, 2020.
6. Низаева С. Р. Организационно-тактические особенности задержания подозреваемого в получении взятки // Закон и право. 2019. № 12. С. 160–161.
7. Эксархопуло А. А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел. М. : Юрайт, 2022.

© Низаева С. Р., 2024

Нуркаева М. К. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

**ЗНАЧЕНИЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
1864 ГОДА И ДРУГИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ
СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ**

**THE IMPORTANCE OF THE CHARTER OF CRIMINAL
PROCEEDINGS OF 1864 AND OTHER HISTORICAL MONUMENTS
FOR THE FORMATION OF A MODERN MODEL
OF THE ADVERSARY CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA**

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения, становления, развития принципа состязательности и приводятся источники влияния на его дальнейшее формирование.

Abstract. The article examines the history of the emergence, formation, and development of the principle of competition and shows the sources of influence on its further formation.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, принцип состязательности, общепринятое явление.

Keywords: The statute of criminal proceedings, the principle of adversarialism, a generally accepted phenomenon.

Уголовное судопроизводство в истории отечественного права прошло трудный путь, немаловажную роль в становлении которого сыграл принцип состязательности. Анализ данного принципа как многосложного социально-правового понятия предполагает исследование не только действующего законодательства, но и анализ законодательства, регулирующего его возникновение, становление и развитие. В ходе изучения истории возникновения и развития принципа состязательности можно распознать его значение и ключевые функции в конкретный исторический период, а также выявить некоторые тенденции его дальнейшего развития.

Принцип состязательности сторон известен судопроизводству русского государства с древних времен. Если обратиться к статьям Русской правды – основному сборнику правовых норм Киевской Руси – то можно заметить, что прямого упоминания о состязательности сторон данный источник права не содержит. Однако имеется ряд положений, изу-

чив которые, можно сделать вывод о том, что судебный процесс в Древней Руси, бесспорно, носил состязательный характер. Первый период становления этого принципа длится с 1029 по 1917 г., с момента возникновения в Киевской Руси первого официального законодательного источника права – Русской правды [1], в котором закрепляются элементы уголовного судопроизводства. Особенности этого периода являлись формализм судебного разбирательства и наличие сторон правового конфликта [2, с. 106].

Одной из форм начала процесса являлся «заклич» – публичное объявление о пропаже имущества и начале поиска похитителя (ст. 32). Существовал «свод» (ст. 14). Его суть – сведение участников процесса на очную встречу и присяги. Поиск доказательств и преступника назывался, согласно ст. 77 Пространной редакции Русской Правды, «гонение следа».

Таким образом, в древности начало судебного процесса включало не только сбор доказательств, но и активное участие общества. Похищенное имущество объявлялось публичным, а начало поисков сообщалось всем местным жителям. Во время суда участники встречались очно и складывали присяги. Кроме того, использовался метод «гонения следа» – поиск преступника и доказательств на месте преступления.

Памятники отечественного права, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о непростом и переменчивом пути развития принципа состязательности. В ходе анализа правовых актов наших исследователей можно проследить, что принцип состязательности признавался еще на заре отечественной государственности. Результатом расслоения в первобытном обществе стала имущественная дифференциация, увеличившая число конфликтов между членами общины. Данное обстоятельство поставило необходимость разработки новых методов разрешения споров, которые вытеснили старые и неэффективные [3, с. 77].

«Всякий процесс в нашем древнем праве до Судебников был состязательным процессом», – утверждает профессор С. В. Юшков [4, с. 566]. По уголовным делам применялся состязательный процесс, именуемый также обвинительным. В нем стороны наделялись равными правами и сами совершали все процессуальные действия (даже обе стороны в процессе назывались истцами) [5, с. 198]. При этом состязание было полностью устным.

В Древнерусском государстве основным нормативным правовым актом являлась Русская Правда. Она не разделяла уголовный и гражданский процесс, возлагала ведение процесса по большей части на потерпевшего. В ней наблюдалась состязательность, оказывавшая существенное влияние на достижение истинных выводов в уголовном судопроизводстве.

Система доказательств, описанная Русской Правдой, была крайне проста. Основное значение имело, прежде всего, признание обвиняемого в совершении преступления, оно считалось лучшим доказательством и предрешало исход дела. Кроме этого, в качестве доказательств призна-

вались судебный поединок, присяга, ордалии (ст. 21, 22) и показания свидетелей (ст. 18, 38), целование креста (ст. 48–49), знамение – вещественные доказательства (ст. 67–68).

Следовательно, в Русской Правде наблюдалась состязательность. Она выражалась в праве сторон доказать свою правоту любыми способами, предусмотренными законом, а также непосредственно направлять ход расследования. Следует обратить внимание на Пространную редакцию Русской правды. В ней, согласно ст. 21–23, обвиняемый должен был доказать свою невиновность путем опасных испытаний железом или водой [6, с. 258]. Вся сущность конечного разрешения правового конфликта находилась во власти бога, судье же отводилась обязанность фиксировать результаты проведенных испытаний [7, с. 25].

Судебный процесс по Русской Правде состоял из нескольких последовательных стадий. Первая стадия – «заклич», объявление о случившемся преступлении – являлась основанием для поиска виновного лица – похитителя. Вторая стадия – «свод» – заключалась в том, что лицо, у которого обнаружили пропавшую вещь, должно было указать, у кого она приобретена.

Таким образом, судебное разбирательство начиналось по инициативе одной из сторон (истца), которой необходимо было мотивировать заявленные требования, при этом другая сторона (ответчик) должна была представить контраргументы, подтверждающие его невиновность. Вместе с тем суд придерживался идеи беспристрастности и справедливости, он лишь оценивал доказательства, представленные сторонами, а после выносил соответствующее решение.

Состязательная форма судебного процесса нашла свое отражение и в других исторических нормативных правовых актах. Так, в ст. 58 Псковской судной грамоты вводится институт «пособничества» в судебном поединке, некий институт представительства. Основной целью его создания является уравнивание сил в судебном поединке, например, в спорах сильных здоровых людей с пожилыми или женщинами. Данное нововведение, на наш взгляд, позволило сохранить принцип состязательности сторон, а также обеспечивало их равноправие. Вместе с тем состязательная форма процесса в XV в. уходит на второй план, начинает развиваться розыскная (инквизиционная, следственная) форма процесса. Состязательная форма применялась крайне редко, как правило, при рассмотрении уголовных дел по менее тяжким преступлениям. Роль Псковской судной грамоты в развитии принципа состязательности сторон сложно переоценить [8, с. 5]. Она во многом опережала время и превосходила Русскую Правду по регламентации особенностей судопроизводства, отчетливо воспроизводила идею состязательности. Хотя судная грамота города Пскова также не различала гражданский и уголовный процесс, она развивала принцип состязательности и уделяла ему большое внимание. Так, например, был регламентирован

правовой статус сторон и описаны их права в части представления доказательств. Само же рассмотрение дела было устным.

Следующий этап развития отечественного судопроизводства можно связывать с принятием Судебников 1497 и 1550 гг. [9, с. 27]. Данные нормативные правовые акты не переняли опыта Русской Правды и Псковской судной грамоты, более того, они продолжили развитие судопроизводства прямо диаметрально, то есть по пути розыскного процесса. В Судебнике 1497 г. содержались две формы судопроизводства: одна (восходящая ко временам Русской правды) – состязательная, а другая (новая форма) – следственная [10, с. 139]. В средневековых Судебниках, таких как те, что были изданы в 1497 и 1550 гг., была установлена соперническая форма судопроизводства для гражданских и небольших уголовных дел. Сторона, возбуждавшая дело, именовалась «истец» (ст. 18 Судебника 1497 г.), «жалобник» (ст. 2), «ищеа» (ст. 8 Судебника 1550 г.), сторона обвиняемая – «ответчик» (ст. 8). Дело начиналось с жалобы истца на спорный объект, которая обычно записывалась устно.

В средневековой России, когда челобитные считались прямым путем к судебному разбирательству, простые люди обращались к приставам. Они получали приставную грамоту, которую передавали должнику. В этом документе указывалось имя судьи, назначенного для решения вопроса между сторонами. Должник также получал срочную грамоту, которая предписывала явиться на суд в указанный день и время. Чтобы обеспечить явку сторон, уже при получении челобитной привлекались поручители со стороны истца и обвиняемого. Они подписывали бумагу, обязывающую стороны явиться на суд в назначенный день. Приступив к процедуре рассмотрения дела, судья осуществлял назначение новых допросов и дополнительных судебных заседаний.

Несоблюдение судебного порядка каралось штрафом или арестом стороны, которая не явилась на суд, либо не явилась вовремя, без уважительной причины. Волшебные формулы оставались на заднем плане, важную роль играли поручители и приставы – именно они выполняли неформальную процедуру доставки сторон в суд [6, с. 122].

В 1497 г. в судебной практике существовали правила отсрочки срока (ст. 26), а также штрафные пошлины за неявку ответчика. Если ответчик не являлся в суд, то его вина автоматически признавалась без рассмотрения дела и выдачи «бессудной грамоты» (ст. 27). Право Московского государства отдавало предпочтение признанию в совершении преступления. Поведение обвиняемого оценивалось не только при даче им показаний, но также при его молчании. Судебники расценивали молчание обвиняемого как признание в совершении им преступления [11, с. 186]. Кроме того, в Судебниках большую роль стали играть свидетельские показания. Оценивались они в зависимости от того, какая сторона вызвала свидетелей в процесс. Если показания свидетеля стороны обвинения расходились

с показаниями обвиняемого или были направлены против него, то они приобретали решающее значение [12, с. 241]. Обвиняемый признавался виновным, раз сослался на такие показания.

Уголовный процесс указанной эпохи не подразумевал никаких прав обвиняемого. Функции суда и обвинения смешались, а приговор выносился и исполнялся одновременно. Лучшими доказательствами, по Судебникам, были признание обвиняемого, отказ от признания вины и судебный поединок, не утрачивающий свое значение. Что касается уголовного процесса, то в нем появились новые виды доказательств: повальный обыск и пытка. Итогом такого развития права Московского государства стало приобретение розыскной формой уголовного процесса решающей роли в судопроизводстве [13, с. 19].

Очевидно, все указанные обстоятельства не могли послужить отправной точкой для возвращения к идеям принципа состязательности. Уголовный процесс тех времен не признавал сторону защиты, соответственно, не наделял ее правами. Обвиняемые не имели никаких гарантий справедливого рассмотрения дела. Результатом такого пути развития уголовного судопроизводства стало формирование системы формальных доказательств, которая нашла свое отражение и признание в нормативных правовых актах Петра Великого.

Возвращаясь к характеристике реформаторской деятельности Петра I, отметим, что она не могла не затронуть уголовное судопроизводство. В этот период уголовно-процессуальное законодательство сделало большой шаг вперед. Впервые в истории были разработаны процессуальные кодексы. Ими являлись «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» и «Артикул воинский». Их новшество заключалось в том, что они были первыми кодифицированными актами в российском законодательстве. В начале своего царствования Петр I принял меры по полному переходу к розыскному процессу. В 1697 г. Петр I издал Указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», которым по сути упразднил состязательный процесс и установил инквизиционный для всех дел, как гражданских, так и уголовных. Это было сделано с той целью, чтобы ведущую роль в рассмотрении уголовных дел передать судьям [14, с. 108]. Продолжением данного указа стало «Краткое изображение процессов или судебных тяжб». Этот нормативный правовой акт, основывающийся на заложенных Петром I принципах, развивает их применительно к судопроизводству по уголовным делам, совершенным военными. По словам профессора М. Ф. Владимирского-Буданова, в «Кратком изображении...» «нашло себе место полное применение понятия следственного процесса...» [15, с. 327].

Таким образом, в XVII в. вплотную укрепилась розыскная (инквизиционная, следственная) форма процесса, которая просуществовала вплоть до 1864 г.

Знаковым событием в истории России стали реформы Александра II, затронувшие все сферы жизни общества. Опыт буржуазных революций в Европе, ликвидировавших устаревшее судопроизводство, привел к формированию нового процесса и в Российской Империи. Источником процессуального законодательства стали Судебные уставы 1864 г. [16, с. 41]. Уголовно-процессуальные отношения регулировались Уставом уголовного судопроизводства, к основным чертам которого можно отнести либерализацию розыскной формы уголовного процесса и переход к смешанному типу процесса. Александром II были отменены пытки, более не считавшиеся источником доказательств, и ликвидирована теория формальных доказательств, которая теперь была заменена оценкой доказательств на основе внутреннего убеждения судьи.

Судебная реформа Александра II существенно изменила принципы и процедуру уголовного судопроизводства. Одним из основных нововведений стало появление смешанного типа процесса, который существует и в настоящее время. Вместе с этим в России возобновилось применение состязательной формы процесса. Так, согласно нормам Устава уголовного судопроизводства (1864 г.), основным назначением состязательности становилось установление истины (ст. 630, 878, 909). Сторонам уголовного судопроизводства были предоставлены новые права: они имели возможность присутствовать на допросе свидетеля, давать объяснение суду, а также оспаривать доводы друг друга.

Таким образом, в 1864 г. в России была введена новая система уголовного процесса. В рамках этой системы следственным органам были расширены полномочия. Обязанности обвинения и защиты были разделены. Сторонам давалось право представлять свои доказательства и возражать против доказательств другой стороны. Однако, несмотря на то, что новая система вводила больше справедливости в уголовный процесс, она не была полностью реализована. Участие адвокатов было ограничено только в судебных заседаниях и не было доступно во время предварительного расследования.

Новая система уголовного процесса была одним из важнейших реформаторских шагов России в XIX в., но ее полное воплощение и признание адвокатов в качестве защитников прав подозреваемых и обвиняемых правительством было признано только много позже. После принятия реформы уголовного процесса в 1864 г., он стал более смешанным. Предварительное следствие имело розыскный характер, а судебный процесс был состязательным. Очень важным элементом стали равенство прав сторон и свободная оценка доказательств судом, что гарантировало справедливость рассмотрения дел. Судьи оставались независимыми, стоя в защите

прав граждан, что способствовало дальнейшему развитию российской правовой системы.

Направленностью задачи, стоящей перед судом при отправлении правосудия, стало выявление истины по делу. Исходя из этого, суд в различных ситуациях рассмотрения дела по существу, может предпринять меры по обеспечению представления доказательств в судебное разбирательство, и доказательства должны быть представлены сторонами, сохраняя характер состязательности [17, с. 295]. Суд в новом состязательном процессе становится активной стороной, в отличие от состязательного процесса Древней Руси, где суд играл пассивную роль, наблюдал за состязанием сторон и лишь выносил вердикт. Данное обстоятельство поднимает новый вопрос в науке уголовного процесса, а именно: вопрос о соотношении активной роли суда и состязательности процесса. Нельзя не упомянуть и о появлении в указанный период адвокатуры. Что, если не формирование института защиты, может говорить о рассвете принципа состязательности? Законодательно устанавливались требования к адвокатам: достижение возраста 25 лет, высшее юридическое образование, пятилетний стаж судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного [18, с. 7].

Следующий период уголовного судопроизводства длится с 1917 по 1991 г. Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала прежний суд и уголовное судопроизводство в целом, а на их место закрепился строящийся на принципах народовластия и диктатуры пролетариата советский уголовный процесс. Октябрьская революция 1917 г. уничтожила все порядки, существовавшие в Российской Империи, поскольку новая власть считала, что они противоречили установившейся идеологии. Однако Декрет № 2 «О суде» в ст. 8 указывает, что «судопроизводство должно происходить по правилам судебных Уставов 1864 г., поскольку таковые не отменены декретами ЦИК и СНК» [19, с. 184]. Начальным этапом развития советского уголовно-процессуального законодательства стало принятие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. В нем закрепились следующие принципы уголовного процесса: устность и гласность судебного разбирательства, право на защитника в судебном разбирательстве, свободную оценку доказательств и публичность. Также скажем и о том, что в главе 3 УК РСФСР 1922 г. и в главе 22 УПК РСФСР 1923 г. не единожды упоминается о таких участниках уголовного процесса, как его стороны, однако их правовая сущность не была раскрыта.

Кроме того, отметим, что в УПК РСФСР 1923 г. было установлено несколько порядков ведения процесса, в частности через народный суд и революционные трибуналы. Значимым критерием отнесения дела к рассмотрению определенным судом являлась принадлежность обвиняемого к определенному классу. Также скажем и о том, что реализация принципа состязательности была несколько ограничена в губернском су-

де. В частности, в ст. 38 УПК РСФСР прямо предусматривалась факультативность участия сторон [20]. В советском уголовном судопроизводстве сложилась такая практика, что признание обвиняемым своей вины считалось «царицей доказательств». Профессор А. Я. Вышинский отрицал главенствующую роль признания обвиняемого в советском уголовном процессе. Однако позднее он отметил, что объяснения, данные обвиняемым по такой категории преступлений, как политические, имеют характер основных доказательств [21, с. 177]. В этом свете усматривается противоречие. Чем политические преступления отличаются от неполитических, что для раскрытия таких преступлений признание обвиняемым своей вины приобретает решающий характер? В советское время представители правоохранительных органов считали, что раз человек не совершил преступление, то собственно и признаваться ему не в чем. Именно это и давало установление о том, что нет нужды искать новые доказательства, если обвиняемый признал свою вину. В связи с этим основным усилием следователей было непосредственно добывтие признания вины обвиняемым. Данное обстоятельство четко отражает розыскной характер советского уголовного процесса.

Заметим, что УПК РСФСР 1923 г. позволял суду при определенных условиях: устранять из судебного разбирательства стороны; не подвергать прямому и перекрестному допросу свидетелей, показания которых не вызывают у суда сомнений; прекращать допросы и судебное следствие в целом в любой момент разбирательства дела; учитывать при вынесении приговора не исследовавшиеся с участием сторон доказательства; обходиться без прений.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. обновил и гуманизировал уголовно-процессуальное законодательство. Так, обновленный советский уголовный процесс получил черты состязательности, например, ст. 245 УПК РСФСР устанавливала равенство сторон в судебном заседании по предоставлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлении ходатайств [22]. Представляется, что несмотря на то, что термин «состязательность» в законодательстве того времени не был сформулирован и закреплён, он все же нашел распространение в вышеуказанных законах.

Впервые термин «состязательность» был употреблен в официальном, имеющем обязательную силу для судов РСФСР документе 5 декабря 1986 г., когда Пленум Верховного Суда СССР издал постановление № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия». В пункте 1 этого акта Пленум указал нижестоящим судам разрешать любое дело в точном соответствии с требованиями закона в условиях гласности, непосредственности, состязательности. Распад государства советов повлек за собой новый виток развития уголовного процесса. Принятие Конституции Российской Федерации поставило наше государство на

рельсы демократии, частной собственности и приоритета прав личности. Начались глобальные реформы, затронувшие все аспекты общественной жизни. Сменились и вектора развития уголовного процесса. Возвращение к состязательному процессу стало одним из таких векторов. Значительный шаг в закреплении принципа состязательности сделан в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Многолетний опыт построения судебного процесса на основе принципа состязательности сторон не оставляет места для сомнения в его эффективности», – отмечает Р. С. Абдрахманов [23, с. 10]. Судебная реформа, начавшаяся в 1922 г., ознаменовалась созданием первого УПК РСФСР, учреждением адвокатуры и прокурорского надзора.

В ходе изучения истории возникновения и развития принципа состязательности, можно распознать его значение и ключевые функции в конкретный исторический период, а также выявить некоторые тенденции его дальнейшего развития [24]. В советском уголовном процессе целый комплекс органов, в том числе и суд, противопоставлялся обвиняемому, который, даже если и был невиновен, не мог состязаться с государственной машиной. Анализ исторического опыта крайне полезен и информативен, ведь понимая развитие процессов прошлого, можно предугадать развитие этих же процессов в будущем. В 2001 г. вступил в силу новый УПК РФ, который законодательно закрепил основополагающий конституционный принцип состязательности.

Таким образом, в современной России потребность в состязательном правосудии в его общедемократическом понимании возникла в начале 1990-х гг., после значительных социальных потрясений. В настоящее время принцип состязательности закреплён не только в ст. 15 УПК РФ, но и в других нормативных правовых актах, например, в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, в ст. 35 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и др. Тем самым законодатель стремился сделать данный принцип системным, усилить его роль в правовой системе России.

В заключение можно сделать вывод о том, что принцип состязательности стал в России общепринятым явлением.

Библиографический список

1. Русская Правда (пространная редакция) : перевод // Древнерусская литература. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravdaprostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 28.02.2024).
2. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 842 с.
3. Трякин К. Ю. Исторические аспекты развития принципа состязательности в судебном заседании // Инновации в экономике, науке и обра-

зовании : материалы международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов / под ред. Е. В. Конеевой. Калининград, 2019. С. 77–81.

4. Юшков С. В. История государства и права России : в 2-х ч. Ч. 1. Ростов н/Д, 2011. 736 с.

5. Радин И. М. Учебник истории русского права. Петроград, 1915. 362 с.

6. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. В 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юрид. лит., 1984.

7. Никитина Е. В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы Российского права. 2014. № 11. С. 25–30.

8. Василев И. И., Кирпичников Н. В. Псковская судная грамота : монография. Псков : Типография Губернского Правления, 1896. 96 с.

9. Татищев В. Н. Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича. Издание второе. М. : В Университетской Типографии Н. Новикова, 1786 г. 326 с.

10. Абдулазизова П. Г. Судебник 1497 года – как основной источник общерусского права в XV в // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7. С. 139–142.

11. Тельберг Д. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века : монография. М. : Типография Московского императорского университета, 1912. 495 с.

12. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. М. : Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1899. 562 с.

13. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М. : ЛексЭст, 2001. 362 с.

14. Томсинов В. А. Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М. : Зерцало, 2014. 536 с.

15. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростовн/Д : Феникс, 1995. 841 с.

16. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. Ч. 2. СПб., 1867.

17. Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / под ред. И. В. Смольковой. М. : Юрлитинформ, 2015. 862 с.

18. Савицкий В. М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М. : Серил, 1995. 512 с.

19. Николотов Е. А. История становления института защиты в российском государстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2007. № 1. С. 184–193.

20. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

21. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 462 с.

22. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

23. Абдрахманов Р. С. Эффективность принципа состязательности // Российский судья. 2003. № 6. С. 10–14.

24. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (ред. от 29 декабря 2001 г., с изм. от 26 ноября 2002 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

© Нуркаева М. К., 2024

УДК 343.1

Нуров М. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

DETENTION AS A MEASURE OF PREVENTION: PROBLEMS OF ELECTION AND IMPLEMENTATION

Аннотация. В статье автором рассматриваются понятие меры пресечения в виде заключения под стражу, основания, условия и сроки содержания лица под стражей.

Abstract. In the article, the author examines the concept of a preventive measure in the form of detention, the grounds, conditions, terms of detention.

Ключевые слова: следователь, прокурор, подозреваемый, обвиняемый, заключение под стражу.

Keywords: suspect, accused, investigator, prosecutor, court, detention, grounds for election, election procedure.

Каждый гражданин нашей страны наделен правом на личную неприкосновенность, то есть свободой совершать любые действия, не противоречащие законодательству. Жизнь, неприкосновенность, здоровье, честь и достоинство, напрямую связаны с правом на свободу. Ограничение прав применяется только в соответствии действующим законом для защиты

различных правоотношений и обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Одной из мер пресечения, самым существенным образом ограничивающей права человека, является заключение под стражу. В пункте 3 ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) сказано, что время, проведенное лицом в условиях изоляции от общества, зачитывается в общий срок ограничения его свободы, что свидетельствует о близости меры пресечения с уголовным наказанием. Следователь, проводящий предварительное следствие несет ответственность за незаконное избрание меры процессуального принуждения.

Главной целью указанной меры является обеспечение нормального хода расследования уголовного дела, соблюдение его разумных сроков предварительного расследования, соответственно, отсутствие со стороны обвинения периодов «бездеятельности». Рассматриваемая мера пресечения является самой строгой, применяемой к подозреваемым или обвиняемым, в отличие от иных мер процессуального принуждения. При избрании следователем указанной меры в первую очередь необходимо учитывать соблюдение срока содержания лица под стражей, его законные права, не допуская при том нарушений действующего законодательства.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу следователем является исключительным случаем, когда у лица, ведущего предварительного следствие, не имеется возможности избрания альтернативных, более мягких, мер процессуального принуждения, не связанных с лишением свободы. Несомненно, данное решение должно быть законным и обоснованным. Также и решение о задержании подозреваемого или обвиняемого должно опираться на соответствующие факты, указывающие на необходимость изоляции преступника от общества. К примеру, 4 марта 2020 г. следователем возбуждено уголовное дело № 120*****15 по ч. 2 ст. 228 УК РФ в отношении уроженца Иранской Республики Х., прибывшего на территорию Российской Федерации 26 января 2020 г., срок пребывания которого на территории нашего государства истекал 23 апреля 2020 г. Ввиду чего суд счел невозможным избрание меры пресечения, не связанной с лишением его свободы [1].

Рассматривая вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, судья не решает вопрос о его виновности в совершении преступления, хотя и проверяет изобличающие данные, представленные стороной обвинения, содержащиеся в протоколах следственных действий, которые оглашают в ходе судебного заседания [2; 3].

Если привлекаемое к уголовной ответственности лицо нарушит условия ранее избранной меры пресечения, то следователь (дознатель) имеет возможность в соответствии с ч. 14 ст. 107 УПК РФ изменить ранее избранную меру пресечения на более тяжкую, в том числе связанную с лишением свободы.

Так, 5 февраля 2020 г. следователем возбуждено уголовное дело № 120*****297 по п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ в отношении К. и Т. 6 февраля 2020 г. районным судом в отношении К. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста сроком до 05.04.2020, установлены соответствующие ограничения, самое основное из которых – запрет покидать место его проживания без разрешения лица, ведущего расследование. Однако, несмотря на введенный запрет, указанное лицо в период с 7 февраля по 2 марта 2020 г. систематически отсутствовало по месту жительства, то есть К. пренебрег ст. 107 УПК РФ. Следователем было принято решение об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу [4].

Сам процесс избрания меры пресечения на предварительном расследовании и продление срока содержания под стражей определяются законом. Следователь либо дознаватель, занимающийся расследованием уголовного дела, заявляет в суд ходатайство, в котором излагает и описывает причины, ссылаясь на нормы законодательства, в связи с которыми у лица, ведущего расследование, нет возможности выбрать иную меру процессуального принуждения. В обосновании необходимости избрания меры пресечения в суд предоставляются заверенные надлежащим образом копии процессуальных документов, содержащие данные о лице, совершившем преступление, характеризующий материал на него, документы свидетельствующие о том, что подозреваемый (обвиняемый) может содержаться в условиях изоляции, справки информационного центра МВД России о наличии (отсутствии) судимости и т. д.

Как правило, дежурный судья после соблюдения учета (регистрации) материала рассматривает его вместе с ходатайством на открытом судебном заседании в присутствии лица, в отношении которого подано ходатайство, прокурора и защитника, бывают случаи и с участием потерпевшего. Далее судья оглашает само ходатайство следователя, разъясняет присутствующим лицам права и обязанности. Затем представитель обвинения излагает его мотивы, после чего выступают другие участники процесса. Процедура судебного разбирательства предполагает тщательное исследование фактических и юридических аспектов дела, опирающееся на независимую оценку судом существенных обстоятельств дела. При рассмотрении вопроса об избрании или продлении такой меры пресечения, как заключение под стражу, суд учитывает мнение лица, в отношении которого избирается мера пресечения, в целях обеспечения справедливости и недопущения произвола при принятии решения о заключении под стражу. Принимаются во внимание также новые обстоятельства, позволяющие изменить меру пресечения, и другие доказательства, свидетельствующие о невозможности содержания лица в условиях следственного изолятора, которые должны предоставляться суду.

Решение судьи должно быть подтверждено достаточными данными о необходимости применения данной меры. При этом суд учитывает аргументы всех сторон и опирается на свои собственную оценку обстоятельств дела, не полагаясь исключительно на мнение обвинения или стороны защиты.

В УПК РФ имеются два типа оснований для принятия указанной меры: общие и специальные. К первому типу оснований будут относиться наличие возбужденного уголовного дела и предъявление обвинения. Ко второму типу относят: предположения о возможности повлиять на ход расследования уголовного дела, например, скрыться от следствия или уничтожить доказательства.

Помимо указанных выше оснований, решение о мере пресечения также учитывает условия, перечисленные в ст. 99 УПК РФ. Они дополняют основания, мотивируя выбор меры пресечения, и включают данные о других обстоятельствах, учитываемых при этом [5]. Эти основания должны опираться на фактическую информацию – доказательства, полученные в ходе расследования уголовного дела, включая оперативные данные или предыдущее поведение обвиняемого.

Такие данные могут свидетельствовать о непосредственном намерении обвиняемого скрыться (например, покупка им билетов или получение заграничного паспорта), так и быть косвенными (например, наличие судимости или отсутствие постоянного места жительства).

Таким образом, при принятии решения о мере пресечения компетентные должностные лица должны учитывать различные аспекты и обстоятельства, связанные с каждым конкретным случаем.

При рассмотрении вопроса о мере пресечения судебные органы учитывают общие и специальные основания, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Общие основания вытекают из уголовно-процессуального закона в целом, тогда как специальные основания определены конкретными статьями УПК РФ, касающимися мер пресечения.

При выборе меры пресечения суд учитывает несколько ключевых факторов. Важно знать семейное положение обвиняемого, включая наличие семьи и обязанность обеспечивать несовершеннолетних детей или престарелых родителей. Если лицо является единственным источником дохода в семье, заключение под стражу рассматривается как крайний вариант.

Также рассматриваются род занятий обвиняемого и связь с преступлением. Отсутствие работы, особенно если преступление связано с трудовой деятельностью, может свидетельствовать о намерении укрыться от уголовного преследования. Однако выбор меры пресечения не должен зависеть от профессии, чтобы не нарушать принцип равенства перед законом.

Подозреваемый становится объектом уголовного преследования при установлении его процессуального статуса. Заключение под стражу к нему

может быть применено после возбуждения уголовного дела, задержания по подозрению на десять суток до предъявления обвинения. Для применения рассматриваемой меры пресечения должны быть достаточные основания, включая информацию о преступлении, или ходатайство о заключении под стражу. В противном случае подозреваемый подлежит освобождению.

Обязанности по защите прав и свобод человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации, требуют точного соблюдения законом установленных сроков содержания обвиняемых (подозреваемых) под стражей, что является основой для эффективного уголовного судопроизводства. Согласно ч. 2 ст. 10 и ч. 1 ст. 109 УПК РФ, подозреваемые не могут быть содержаны под стражей более 2 месяцев в ходе расследования преступлений.

Однако, если следствие не завершено в этот срок и нет оснований для изменения меры пресечения, судья районного или военного суда соответствующего уровня, в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ, может продлить этот срок до шести месяцев. Это допустимо только в отсутствие оснований для изменения меры пресечения (ч. 2 ст. 109 УПК РФ).

Если производство по делу не может быть завершено, продление срока содержания под стражей допускается только для лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в случаях особой сложности дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя. Это должно быть согласовано с руководителем соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации. Продление срока содержания под стражей в этом случае возможно до 12 месяцев.

К примеру, 22 августа 2023 г. следователем возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 158, п. «б» ч. 4 ст. 228 УК РФ в отношении К. 11 сентября 2023 г. в отношении последнего судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая в последующем продлевалась. 21 февраля 2024 г. следователь обратился в суд с ходатайством о продлении срока содержания на один месяц, а всего до шести месяцев одиннадцати суток, указав фактические данные, связанные с непосредственным ходом предварительного следствия, приведя основания и мотивы необходимости продления срока содержания К. под стражей (необходимость проведения большого объема следственных действий, направленных на сбор доказательств преступного умысла в инкриминируемых преступлениях). Срок следствия по делу продлен в соответствии с УПК РФ, суд счел это обоснованным и продлил срок содержания [6].

В заключение хотелось бы отметить, что применение заключения под стражу в уголовном процессе связано с ограничением личной свободы, поэтому является исключительной мерой, ограничивающей конституционные права граждан. Исходя из этого, решение об избрании данной меры пресе-

чения всегда должно носить законный, обоснованный и справедливый характер.

Библиографический список

1. Уголовное дело № 120*****15 // Архив Кировского районного суда г. Уфы.
2. Постановление Кировского районного суда г. Уфы от 5 марта 2021 г. № 3/1-29/2021 // Архив Кировского районного суда г. Уфы.
2. Уголовное дело № 122*****81 // Архив Демского районного суда г. Уфы.
4. Постановление от 13 марта 2020 г. № 3/11-2/2020 // Архив Кировского районного суда г. Уфы.
5. Алексеева В. И. Проблемы рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. № 39 (173).
6. Постановление от 21 февраля 2024 г. № 3/2-23/24 // Архив Кировского районного суда г. Уфы.

© Нуоров М. А., 2024

УДК 343.1

Осипова Н. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ – ВСЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF CIVIL ACTION IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA IS STILL JUST BEGINNING

Аннотация. Статья посвящена возникновению института гражданского иска в уголовном процессе России, проблемам возмещения потерпевшему ущерба, причиненного в результате совершения преступления, особенностям отмены ареста, наложенного для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска на имущество лица, не являющегося подсудимым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия подсудимого.

Abstract. The article is devoted to the emergence of the institution of civil action in the criminal process of Russia, the problems of compensation to the victim for damage caused as a result of the commission of a crime, the peculiarities of the lifting of the arrest imposed to ensure the execution of a sentence in part of a civil action against the property of a person who is not a defendant or a person legally liable for the actions of the defendant.

Ключевые слова: защита прав лиц, подвергшихся противоправным посягательствам; передача вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства; арест на имущество лица, не являющегося подсудимым или лицом, несущим по закону материальную ответственность.

Keywords: protection of the rights of persons subjected to unlawful attacks; transfer of the issue of the amount of compensation for consideration in civil proceedings; seizure of the property of a person who is not a defendant or a person legally liable.

Проблема возмещения потерпевшему ущерба, причиненного в результате совершения преступления, сохраняется, несмотря на продолжающиеся попытки ее урегулировать. Потерпевший представляет сторону обвинения, в связи с чем законодатель наделяет его обширными правами по изобличению виновного, однако механизм восстановления прав самих потерпевших, особенно их имущественных прав в рамках заявленного гражданского иска, до сих пор недостаточно проработан.

Институт гражданского иска сформировался в отечественной доктрине уголовного процесса благодаря Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и был унаследован всеми советскими уголовно-процессуальными кодексами. Причем объем процессуальных прав потерпевшего не исчерпывался лишь подачей самого иска – в соответствии со статьями 304–308 Устава потерпевший обладал правом выставлять собственных свидетелей, задавать им вопросы, с целью поддержания заявленного иска представлять доказательства, допрашивать обвиняемого, знакомиться с процессуальными документами, приносить жалобы устно и письменно, настаивать на принятии мер к обеспечению разыскиваемого имущества.

Указанная модель гражданского иска зародилась под влиянием Кодекса Наполеона и основывалась на важном постулате, согласно которому «преступное деяние является юридическим фактом, причиняющим вред государству и одновременно нарушающим субъективные права других лиц. Для защиты своих нарушенных интересов государство в лице соответствующих органов обладает возможностью предъявления публичного иска, а пострадавшее от преступления лицо может заявить иск гражданский. Единство оснований наступления негативных последствий создает основу для рассмотрения и разрешения частноправовых требований совместно с уголовным делом» [1, с. 12–14].

Любопытно, что страны англо-саксонской правовой системы не восприняли подобный «совмещенный процесс», оставаясь верными традиции рассмотрения искового требования о возмещении причиненного преступлением ущерба исключительно в рамках судопроизводства гражданского.

Традиционно гражданский иск в уголовном судопроизводстве считается производным от обвинения, являясь категорией, полностью обусловленной доказанностью последнего. При этом существует и обратный процесс перехода гражданско-правовых споров в уголовно-процессуальную плоскость, где процесс доказывания строится иначе. Проблема в том, что критерии неисполнения договорных обязательств, позволяющие разграничить гражданско-правовые и уголовные отношения, недостаточно четкие, особенно по преступлениям экономической направленности, большинству налоговых преступлений, где более уместным для определения природы правоотношений представляется цивилистический, состязательный, а не уголовный (розыскной) процесс.

Стандарты защиты и восстановления прав лиц, подвергшихся различного рода противоправным посягательствам закреплены в международных правовых актах, в числе которых Всеобщая декларация прав человека, гарантирующая в статье 8 каждому пострадавшему эффективные способы защиты в национальных судах, созданных на основании закона, его нарушенных прав. Как справедливо отмечает О. А. Зайцев, эти общественные ценности определяют «нижшую планку, необходимую для развития цивилизованных государств» [3, с. 24].

Одним из элементов такой защиты выступает четкая регламентация в законе предмета доказывания по каждому уголовному делу. В частности, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением, а установив, что содеянным причинен имущественный вред, следовательно, дознаватель обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, стоимость которого обеспечивает возмещение такого вреда, а также меры по наложению ареста на это имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части 1 статьи 14.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, наложение ареста на имущество вышеуказанных лиц является не только иной мерой процессуального принуждения, обеспечивая исполнение судебного решения в части имущественных притязаний потерпевшего, но и обязательным элементом процесса доказывания. При этом установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, продолжает вызывать вопросы у правоприменителей на всех стадиях производства по уголовному делу.

Согласно части 2 статьи 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (в редакции от 13 июня 2023 г. № 213-ФЗ) при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В этом случае арест, наложенный для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска на имущество лица, не являющегося подсудимым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия подсудимого, прекращается.

Подобная отмена ареста, применяемая для защиты права собственности, абсолютного субъективного права одного лица, в ряде случаев может иметь губительные последствия для восстановления аналогичного права другого лица, если имущество является спорным. Легализуя похищенное или предвидя возможность его изъятия, виновный не редко регистрирует его на родственников или иных лиц, которые в случае отмены ареста получают законное право распорядиться им, что безусловно затруднит его возврат действительному собственнику, у которого оно незаконным путем было изъято.

С одной стороны, сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, после вступления приговора в законную силу означало бы несоразмерное и необоснованное умаление права собственности и не отвечало бы конституционным критериям справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод, и не могло бы обеспечить гарантии охраны собственности законом, вытекающих из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты. Однако с другой – отмена ареста с большой вероятностью означает его отчуждение и невозможность обеспечения исполнения наказания в соответствующей части.

Казалось бы, закон создает паритет, защищая права потерпевших наравне с обвиняемыми, осужденными и иными лицами, права которых могут быть ограничены в уголовном судопроизводстве (статья 6 УПК РФ). Однако возможность передачи вопроса о возмещении вреда для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства не способна гарантировать реальное взыскание в пользу лица, предъявившего соответствующее требование в уголовном процессе.

Исходя из пункта 17 части 1 статьи 299 УПК РФ, при постановлении приговора суд в том числе разрешает вопрос о том, как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации. Однако поскольку закон не обязывает суд делать это в каждом

случае, страдают как интересы собственника – потерпевшего по уголовному делу, так и государства, которое обеспечивает защиту частных и публичных интересов, прибегая к изъятию имущества в качестве меры уголовного наказания и средства погашения издержек уголовного судопроизводства.

Даже если подлежащее изъятию на основании приговора суда имущество сохранилось, сама по себе передача гражданского иска для дальнейшего его рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства неоправданно затягивает процессуальный промежуток времени между предъявлением иска, его удовлетворением и фактическим взысканием. Часто судьи уголовной специализации недостаточно внимания уделяют нормам гражданского законодательства, рассматривая же гражданские дела, судьи не всегда руководствуются преюдициальными выводами, положенными в основу приговора.

В такой ситуации гражданский истец рискует оказаться в ситуации, когда его требования остаются без внимания в уголовном судопроизводстве и перестают быть исполнимы в рамках гражданского. Более того, часть 2 статьи 309 УПК РФ гарантирует лишь право на удовлетворение гражданского иска – к принятию мер к реальному возмещению вреда не призывает ни названная, ни другие статьи закона.

Рассматривая уголовное дело по существу, суд, как правило, не выясняет природу сделки, ограничиваясь установлением титульного собственника, которому подлежащее взысканию имущество могло быть передано осужденным или третьими лицами по фиктивному договору.

Произвольное, не регламентированное прекращение приговором суда ареста, наложенного на имущество лица, не являющегося подсудимым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия подсудимого, без учета всех обстоятельств дела может нанести вред законным интересам потерпевшего и дает виновному шанс уйти от уголовной ответственности в части соответствующего возмещения. Не исключено, что к моменту, когда имущественное требование потерпевшего поступит для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, соответствующее имущество побывает в собственности нескольких поколений «добросовестных приобретателей» и возвращать гражданскому истцу будет уже нечего. В связи с этим допущение двухступенчатых неповоротливых процедур будет не только усложнять и затягивать судебное разбирательство, но и обесценивать правоохранительную деятельность в части принятия мер по сохранности похищенного имущества и возвращению его законному владельцу.

Остроту проблемы частично устранила судебная практика, однако право потерпевшего на получение возмещения в результате совершенного против него противоправного деяния нередко продолжает оставаться декларативным, номинальным.

В определении от 26 октября 2023 г. по делу № 18-УД23-33-К4 Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что в совещательной комнате при постановлении приговора суд должен определить судьбу имущества, на которое наложены обеспечительные меры для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа или гражданского иска, или возможной конфискации [4]. Поводом для вынесения данного определения стала жалоба защитника осужденного, в которой он среди других доводов указал о незаконности приговора суда, постановившего не отменять обеспечительные меры в виде ареста имущества осужденного. В данном случае суд лишь ограничился указанием о сохранении ареста, не разрешив судьбу арестованного транспортного средства, что стало поводом для отмены приговора и последующих судебных решений в соответствующей части.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 30 января 2024 г. по делу № 200-О/2024 [5], рассматривая жалобы заявителей на отдельные положения УПК РФ, позволяющие, по их мнению, «произвольно соединять исковые требования, подсудные разным судам, а также рассматривать исковые требования, не вытекающие из предъявленного обвинения», пришел к выводу, что производство по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве ведется по уголовно-процессуальным правилам, которые создают для потерпевшего повышенный уровень гарантий защиты его прав, что не может расцениваться в качестве ограничения процессуальных прав гражданского ответчика.

Тем самым высший судебный орган конституционного контроля разрешил давний спор о судьбе гражданского иска в уголовном деле, о целесообразности его существования, переведя дискуссии из плоскости его выживания в уголовном процессе в плоскость как ему «уживаться» с другими процессуальными институтами. В связи с этим полагаем, что норма части 2 статьи 309 УПК РФ нуждается в дальнейшей доработке, а случаи передачи гражданского иска для его разрешения в порядке гражданского судопроизводства должны быть действительно исключительными, строго предусмотренными законом.

Лицо, не являющееся подсудимым и не призванное отвечать по его обязательствам, может оказаться номинальным собственником имущества, добытого преступным путем, но это не означает, что такое имущество не подлежит возврату законному собственнику.

Если при вынесении обвинительного приговора суд придет к выводу о необходимости удовлетворения гражданского иска и при этом выяснит, что арестованное имущество подсудимому не принадлежит, он не вправе передавать требование потерпевшего о размере возмещения для его рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Данное положение должно быть зафиксировано законодательно, иначе оно так и продолжит носить характер рекомендации. Так как на самом высшем уровне признано, что производство по гражданскому иску в уголовном процессе создает

для потерпевшего оптимальный уровень гарантий защиты его прав, то этот механизм должен реально действовать. Только в этом случае прекращение ареста на имущество третьих лиц, которое впоследствии может оказаться законным имуществом фигуранта уголовного дела, не нанесет непоправимый ущерб интересам гражданского истца и будет способствовать достижению целей уголовного наказания.

Библиографический список

1. Севостьянова А. В. Особенности рассмотрения и разрешения гражданского иска в уголовном процессе стран романо-германской правовой семьи // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1.
2. Левенштейн Ю. Опыт разграничения подсудности гражданской и уголовной. М., 1875.
3. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.02.2024).
5. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.02.2024).

© Осипова Н. В., 2024

Панфилов П. О. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

**О РОЛИ РЕШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ
ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
И УПК РФ**

**ON THE ROLE OF DECISIONS OF ADMINISTRATIVE BODIES
IN THE INITIATION OF CRIMINAL CASES IN THE FIELD
OF ECONOMICS UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL
PROCEDURE OF 1864 AND THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности возбуждения уголовных дел против имущества и доходов казны на основе решений административных органов по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. Проведен сравнительный анализ правовых моделей, использованных в Уставе, с теми решениями законодателя, которые реализованы в УПК РФ, выявлены их сходства и отличия. Автором делается вывод о необходимости учета исторического опыта использования решений административных органов при возбуждении уголовных дел. В статье предлагается унифицировать действующую процедуру возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, отказавшись от формализации определяющего значения материалов, полученных от налогового органа, в пользу их фактической необходимости для установления значимых для принятия соответствующего решения обстоятельств.

Abstract. The article examines the specifics of initiating criminal proceedings against property and income from the treasury based on decisions of administrative authorities under the Criminal Procedure Statute of 1864. A comparative analysis is conducted between the legal models used in the charter and those decisions of the legislature that are implemented in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, revealing their similarities and differences. The author concludes that it is essential to consider the historical experience in using administrative decisions in initiating criminal cases. They propose to unify the current process for initiating tax-related criminal cases, abandoning formalization of determining factors of materials received from tax authorities in favor of actual need to establish significant circumstances for making an appropriate decision.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, Устав уголовного судопроизводства, налоговые преступления, процессуальные решения, возмещение ущерба, уголовное преследование, административный орган.

Keywords: initiation of a criminal case, the Statute of criminal proceedings, tax crimes, procedural decisions, compensation for damages, criminal prosecution, an administrative body.

Роль и значение Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) для развития отечественного уголовно-процессуального закона невозможно переоценить, до настоящего времени правовые модели, реализованные в Уставе, находят свое продолжение в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 года в книге третьей раздела четыре определял порядок судопроизводства по преступлениям и проступкам, относящимся к разным частям административного управления. В обозначенном разделе глава первая регулировала производство по преступлениям и проступкам против имущества и доходов казны. В рассуждениях к Судебным уставам [1] приводится обоснование включения особенностей производства по делам против имущества и доходов казны в Устав. Так, уклонение от взносов, сборов, которые взыскивались в пользу казны, воспринималось как имущественный ущерб, который наносится казне. При этом всякий ущерб имуществу (частного лица или государства) в доктрине того периода воспринимался как предмет иска гражданского, между тем «для большего ограждения казны от ущерба» [1, с. 427] дела о нарушениях, связанных с неуплатой взносов и сборов в казну, признавались преступлениями и за них предусматривалось наказание вплоть до лишения свободы.

Таким образом, нарушения порядка уплаты взносов и сборов в казну относились к преступлениям лишь в силу больших стимулирующих возможностей уголовного закона по обеспечению необходимых поступлений в казну государства, чем иные отрасли законодательства. Уголовному судопроизводству оставалось лишь обеспечить этот стимулирующий эффект. При этом признавалось, что наказание в виде штрафа и возмещение ущерба казны отделить друг от друга по такого рода преступлениям не представляется возможным. Изложенное означает, что денежное взыскание носило двойную функцию: уголовного наказания и гражданского вознаграждения.

Такой подход законодателя, реализованный в Уставе, в настоящее время находит свое отражение и в УПК РФ. Так, п. 7 ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 28.1, а также ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ напрямую связывают возмещение ущерба по налоговым преступлениям не только с освобождением от уголовной ответственности, но и началом уголовного преследования как та-

кового. Возмещение ущерба (а именно эта формулировка используется в названии ст. 28.1 УПК РФ) включает в себя как уплату в полном объеме сумм недоимок, так и соответствующих пеней, штрафов. Такой подход законодателя позволяет найти правильный ответ на вопрос, который возникает в правоприменительной практике при возмещении в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа обвиняемым путем внесения денежных средств на единый налоговый счет, но при сохранении на едином налоговом счете задолженностей, образованной с учетом более ранних нарушений [2, с. 50–51].

Как представляется, необходимо в каждом конкретном случае устанавливать принадлежность денежных средств, поступивших на индивидуальный налоговый счет, и в случае погашения всех недоимок, пеней, штрафов, вменяемых в пределах конкретного налогового преступления, принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в зависимости от стадии уголовного процесса. Такой подход обусловлен тем, что фактически после перечисления денежных средств на единый налоговый счет дальнейшие действия с ними являются распоряжением ими со стороны налогового органа (хоть и осуществляемыми в автоматическом порядке исходя из правил п. 8 ст. 45 Налогового кодекса Российской Федерации). Как представляется, в русле этой логики было бы юридически неверно не признать возмещение ущерба в полном объеме по краже, поскольку потерпевший часть денежных средств, полученных в счет возмещения вреда, учел в счет прежних задолженностей обвиняемого перед ним, образованных в рамках иных, например, гражданско-правовых обязательств.

Таким образом, возмещение ущерба по делам о налогах и сборах как в УПК РФ, так и в Уставе носит санкционно-восстановительное значение, а угроза привлечения к уголовной ответственности выступает действенным механизмом стимулирования возмещения вреда, что подтверждают данные статистики. Так, около трети всех уголовных дел по налоговым преступлениям прекращается по нереабилитирующим основаниям (в 2021 году прекращено налоговых преступлений по нереабилитирующим основаниям 1235 из 3321 предварительно расследованных, а в порядке ст. 28.1 УПК РФ – 405; в 2022 году – 1058 из 3546, при этом 358 в порядке ст. 28.1 УПК РФ; в 2023 году – 1167 из 3400 предварительно расследованных, а 262 преступления прекращены в порядке ст. 28.1 УПК РФ, при этом в условиях появления п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ выросло количество постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по налоговым преступлениям после спада в 2022 году: 357 в 2021 году, 297 в 2022 году, 321 в 2023 году [3]).

Еще одной особенностью правового регулирования производства о преступлениях против доходов казны по Уставу является то, что дела

по некоторым преступлениям и проступкам разбирались административными органами, но по правилам Устава.

Исследовательский интерес представляют аргументы, которые приводились в обосновании такого регулирования.

Судебная реформа имела целью отделить власть административную от судебной, что должно было снять избыточную непрофильную нагрузку с административных органов и обеспечить полное и всестороннее рассмотрение дела судом. При этом разработчиками Устава особое значение придавалось процессуальной форме судопроизводства, направленной на полное и всестороннее рассмотрение дела судом, установление им обстоятельств преступления и виновности подсудимого по всем уголовным делам какими бы малозначительными они не казались [1].

Между тем, нарушения казенных уставов, связанные с неуплатами различных взносов и сборов, признавались нарушениями сугубо фискальными, по которым сам факт нарушения и необходимости уплаты взноса не подлежит никакому «оспориванию» [1], в связи с чем правильное решение дела не требовало исключительных полномочий суда по обеспечению состоятельности защиты и обвинения, оценки доказательств, толкованию закона. Такие дела по логике законодателя относились к уголовным лишь потому, что «закон в большей части случаев, сверх вознаграждения казны за убыток, подвергает виновного взысканию». Более того, как справедливо отмечали авторы разъяснений к Уставу, сами обвиняемые не имели интереса в рассмотрении таких дел в судебном порядке, обставленном различными формальностями, затягивающими производство, что в условиях готовности обвиняемого возместить всякий вред, вело бы к излишнему «стеснению обвиняемого без всякой пользы для правосудия» [1].

Для исследуемых категорий преступлений вводился специальный порядок возбуждения дела, который заключался в том, что мировые судьи, судебные следователи и прокуроры не могли начинать дела по «непосредственному своему усмотрению» [1, с. 427] (ст. 1129 Устава). Это объяснялось как уже изложенной выше спецификой нарушений, так и необходимостью дополнительной проверки тех сведений, которые могли бы поступить соответствующим должностным лицам, что привело бы к возложению на них дополнительных обязанностей чиновников казенного управления, им несвойственных, а также привело бы к длительной переписке между ведомствами. Кроме того, не допускалось начало производства по обращению частных лиц о нарушении уставов казенного управления, поскольку частные лица по незнанию некоторых особенностей деятельности, регулируемой уставами, могли бы добросовестно заблуждаясь сообщить о ложных сведениях, а следователи потратить время и ресурсы на производство по таким обращениям.

При этом важная особенность производства по делам против имущества и доходов казны состояла в средствах доказывания факта нарушения.

Устав предусматривал составление уполномоченным должностным лицом административного органа особого протокола, который в большей части случаев служил основанием для решения по делу (ст. 1130 Устава). Как отмечается в исследованиях, значение такого протокола было велико, поскольку отсутствие его в деле препятствовало дальнейшему производству по нему [4, с. 38–39].

Некоторые черты обозначенного выше порядка находим в настоящее время в особенностях производства по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), для которых в ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ предусмотрен специальный повод для возбуждения уголовного дела, а именно только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. При этом материалы, направленные налоговым органом, являются необходимыми условием как для принятия решения о возбуждении уголовного дела (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ), так и для решения вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела, если содержат информацию об уплате в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа (п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Как справедливо отмечают исследователи, такие материалы являются основными доказательствами по налоговым преступлениям, что теми же исследователями и критикуется (вполне обосновано), поскольку приводит к переносу бремени доказывания на налоговые органы [5, с. 70–71; 4, с. 118–119].

Между тем, фискальный характер налоговых нарушений, а также их исключительно административно-правовая природа (п. 3 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации), значимость развития предпринимательской деятельности для экономической безопасности государства в условиях санкционного давления [6], риски и обременения для реализации права на предпринимательскую деятельность, создаваемые самой уголовно-процессуальной деятельностью, позволяют говорить о допустимости постановки решения вопроса о возбуждении уголовного дела в зависимость от позиции административного органа, что и обосновывалось разработчиками Устава. Одновременно с этим в настоящее время перевод преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, в разряд административных невозможен ввиду необходимости «большого ограждения казны от ущерба», на что обращалось внимание еще авторами разъяснений к Уставу. Следует отметить, что и в настоящее время проектом федерального закона «Об уголовном проступке» [7] налоговые преступления переносить в разряд уголовного проступка не предлагается.

Таким образом, в действующей правовой модели начала уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях реализованы элементы, заложенные Уставом, для административных органов по делам о преступлениях против имущества и доходов казны. Вряд ли отечественный

законодатель планирует повторить опыт 160-летней давности, который и авторами Устава признавался как скорее негативный и вынужденный: «особые правила судопроизводства по вышеозначенным делам ... с усовершенствованием общего порядка судопроизводства, устранены будут и поводы к тем изъятиям из него, которые вызваны были его недостатками, а новое судопроизводство внушит больше доверия к судам и даст возможность устранить административные власти от участия в постановлении судебных приговоров» [1, с. 426]. В приведенном тексте разъяснений к Уставу было обозначено движение в направлении унификации порядка судопроизводства, а не его дифференциации в направлении усиления роли решений административных органов в уголовном судопроизводстве.

Направленность уголовно-процессуальной политики в настоящее время на обеспечение экономической безопасности [8], защиту конституционных прав и свобод личности в экономической сфере (ст. 34, 35 Конституции Российской Федерации) понятна [9], однако при ее проведении следует учитывать исторический опыт развития отечественного уголовно-процессуального закона, особенно в условия, когда «налоговая преступность приобретает новые формы» [10] и требует адекватной реакции со стороны правоохранительных органов. В связи с этим роль административных органов (в частности налоговых) при принятии решения о возбуждении уголовного дела в рамках общего процессуального порядка не должна быть выше, чем любые иные формы использования специальных познаний на обозначенной стадии уголовного судопроизводства, и должна определяться не формальными требованиями, а фактической необходимостью для установления значимых для принятия соответствующего решения обстоятельств.

Библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866.
2. Цветков Ю. А. По тому, как следователи умеют составлять фабулу обвинения, мы оцениваем их профессионализм // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 50–51.
3. Сводный отчет «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2021–2023 годы / ГИАЦ МВД России.
4. Жаренов А. А. Особенности уголовного судопроизводства по делам об экономических преступлениях : дис. канд. ... юрид. наук. М., 2023. С. 3839.
5. Воронин М. И. Актуальные вопросы доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 70–71.
6. Стенограмма расширенного заседания коллегии МВД России 20 марта 2023 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 20.02.2024).

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : проект федерального закона № 1112019-7 (ред., внесенная Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, текст по состоянию на 15 февраля 2021 г.). Доступ справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

8. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

9. Панфилов П. О., Бастрыкин А. А. О целесообразности и эффективности уголовно-процессуальной политики в экономической сфере (в свете научных идей профессора Г. М. Миньковского) // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г. М. Миньковского) : сборник материалов Международной научной конференции / редкол. А. В. Победин, Е. Ю. Титушкина, М. В. Лелетова, Я. Г. Ищук, Д. О. Моргун, Г. Г. Саркисян. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 213–223.

10. Леоненко Е. Интервью «РИА Новости» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1485519/> (дата обращения: 20.02.2024).

© Панфилов П. О., 2024

УДК 343.140.03:343.36(470)

Поезжалов В. Б. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

CRIMINAL LAW NORMS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает отдельные положения уголовно-процессуального законодательства, которые, по его мнению, дублируют уголовно-правовые предписания либо существуют вопреки

имеющимся материальным нормам. Автор отмечает, что данное положение дел требует своего разрешения, поскольку наличие в законодательстве подобного рода конструкций противоречит предъявляемым требованиям к технике построения правовых норм и создает правовые коллизии.

Abstract. In this article, the author examines certain provisions of the criminal procedure legislation, which, in his opinion, duplicate criminal law regulations or exist contrary to existing material norms. The author notes that this state of affairs requires its resolution, since the presence of such structures in the legislation contradicts the requirements for the technique of building legal norms and creates legal conflicts.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовно-процессуальный закон, правовые коллизии, наказание, отсрочка исполнения приговора, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: criminal law, criminal procedure law, legal conflicts, punishment, postponement of execution, exemption from criminal liability.

Уголовный и уголовно-процессуальный закон взаимосвязаны и традиционно определяют правовое соотношение норм материального и процессуального права. Нормы уголовного законодательства представлены в целом положениями о преступлении и наказании, тогда как нормы уголовно-процессуального законодательства призваны регулировать порядок организации и осуществления уголовного судопроизводства.

Думается, что вполне справедливым было бы сказать, что уголовный закон продолжает «жить» в уголовно-процессуальном законе. Но, полагая, что эта «жизнь» должна быть построена на основе взаимосвязи и взаимообусловленности, но не в дублировании и противоречии. В противном случае это нарушает требования, предъявляемые к юридическим конструкциям [1], и может привести к правовым коллизиям.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) дает «жизнь» отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УК РФ), связанным с назначением наказания и освобождением от него.

В частности, в ч. 1 ст. 398 УПК РФ «Отсрочка исполнения приговора» законодателем указывается, что «Исполнение приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам, аресту или лишению свободы может быть отсрочено судом на определенный срок». При этом в качестве оснований применения названных положений выступают: 1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания; 2) беременность осужденной, наличие у нее малолетнего ребенка, наличие у осужденного, являющегося единственным родителем, малолетнего ребенка; 3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких род-

ственников; 4) добровольное желание осужденного, признанного больным наркоманией, пройти курс лечения от наркомании.

В тексте УК РФ возможность применения отсрочки отбывания наказания регламентирована только в ст. 82 и 82¹ и в первом случае связана с наказаниями в виде ограничения свободы и лишения свободы, а во втором – только с лишением свободы. Эти основания для отсрочки отбывания наказания согласуются с п. 2 и 4 ч. 1 ст. 398 УК РФ и соответствуют положениям ч. 1 ст. 82 УК РФ и ч. 1 ст. 82¹ УК РФ.

Что же касается наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и ареста, то аналогичных пояснений ни в ст. 49, 50, 53, 54 УК РФ, ни в каких-либо иных нормах уголовного закона, в том числе связанных с освобождением от наказания (глава 12), не имеется.

Применительно к названным в п. 1 и 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ основаниям отсрочки исполнения приговора, которые ориентированы на заболевание осужденного и «тяжкие последствия» для него или его близких, то таких видов освобождения от наказания уголовный закон не предусматривает, значит, принятие судом решения об отсрочке исполнения приговора по названным основаниям, выступающего процедурной формой освобождения от наказания, является противоречащей нормам материального права.

2. В части 3 ст. 46 УК РФ законодателем суду предоставляется право «назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет». В ч. 2 ст. 398 УПК РФ указывается, что уплата штрафа может быть не только рассрочена на срок до пяти лет, но и отсрочена, *если немедленная уплата его является для осужденного невозможной*. Предоставляя возможность суду отсрочить наказание в виде штрафа, законодатель и здесь выходит за пределы требований материального права.

3. В статье 349 УПК РФ законодателем названы правовые последствия признания подсудимого заслуживающим снисхождения. При этом, как представляется, отдельные положения названной нормы носят материальный, а не процессуальный характер. В частности, указание на то, что «председательствующий ... вправе назначить подсудимому наказание не только в пределах, установленных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но и с применением положений ст. 64 УК РФ», должно быть предусмотрено ст. 65 УК РФ, поскольку характеризует правила назначения наказания, а не его процедурный порядок.

4. Некоторые положения УПК РФ дублируют уже имеющиеся предписания уголовного закона.

Так, в частности, нормы о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» и ст. 25¹ УПК РФ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования

в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа») не только отсылают правоприменителя к тексту соответственно ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» и ст. 76² УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», но и перечисляют все основания и условия данных видов освобождения, что, как полагаем, является излишним.

Излишнее описание признаков освобождения от уголовной ответственности в ст. 25 и 25¹ УПК РФ не только дублирует положения уголовного закона, но и перегружает и без того объемные конструкции приведенных норм. В данной ситуации в тексте названных норм УПК РФ достаточно было предусмотреть указание на соответствующие им нормы УК РФ, как это сделано, например, применительно к вопросам о правилах применения прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, перечисленным в ст. 28 уголовно-процессуального закона. Здесь законодатель вполне справедливо отсылает правоприменителя к положениям ч. 1 ст. 75 УК РФ без детализированного описания всех уголовно-правовых элементов и признаков деятельного раскаяния.

Полагаем, что высказанные нами замечания и рекомендации, направленные на устранение противоречий, дублирования и расхождений положений уголовного и уголовно-процессуального законов, создадут условия не только для устранения коллизий между названными законами, но и будут способствовать единообразию в подходах к конструированию смежных правовых предписаний.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Поезжалов В. Б., 2024

Рябчиков С. А. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

ЭЛЕКТРОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ELECTRONIC CRIME REPORT: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Аннотация. В статье автором рассматриваются современные проблемы, возможности и перспективы подачи и регистрации заявления о преступлении в электронном виде и форме электронного документа. Приводятся примеры зарубежного опыта, а также концептуальных исследований для решения этого вопроса в российском уголовном процессе. Отмечается возможность подачи заявления о преступлении посредством цифровых платформ и сделан вывод о том, что их использование способствует решению положения ст. 52 Конституции Российской Федерации на доступ к правосудию.

Abstract. In the article, the author examines modern problems, opportunities and prospects for filing and registering a crime statement in electronic form in the form of an electronic document. Examples of foreign experience are given, as well as conceptual studies to address this issue in the Russian criminal process. The author notes the possibility of filing an application for a crime through digital platforms and concludes that their use will contribute to solving the provision of Article 52 of the Constitution of the Russian Federation on access to justice.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, расследование уголовных дел, электронное заявление, преступление, электронное уголовное дело, электронные доказательства.

Keywords: criminal procedure, digitalization of criminal proceedings, investigation of criminal cases, electronic statement, crime, electronic criminal case, electronic evidence.

Цифровые технологии являются важным фактором развития современного общества, государства, а также для науки уголовного процесса. В настоящее время учеными уголовный процесс рассматривается с точки зрения его высокотехнологичности как «процесс связанный с использованием современных (передовых) сложных технологий» [1, с. 6].

По определению А. В. Мартыненко, высокие технологии – это важнейшие современные технологии, содержащиеся в научных разработках и уникальных технологических процессах, оборудовании, приборах и материалах, обладающие высокой степенью наукоемкости [2, с. 64]. На современном этапе под ними понимается электроника и робототехника. Уголовный процесс должен стремиться к развитию и внедрению высоких технологий в свою деятельность. Верно отмечают ученые, что «стремиться надо к инновационному уголовному процессу, понимая под инновациями или нововведениями такие новшества, которые обеспечили бы качественный рост эффективности уголовного процесса» [1, с. 102].

Мы рассматриваем подачу заявления о преступлении в электронной форме как новшество, которое окажет существенное значение для эффективности уголовного процесса, упрощения приема, регистрации, разрешения, а также полноценной реализации доступа к правосудию граждан.

В настоящее время, согласно п. 10 приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736, подать заявление о преступлении в электронной форме возможно [3]. Однако нормативным актом рассматривается лишь форма подачи такого заявления – «электронная» – направляемая через официальные сайты (МВД России), но не в форме электронного документа, который заверяется электронной подписью.

В части 1 ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено, что «заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде» [4]. На основании этого заявления в электронном формате преобразуются в физическую (бумажную) форму путем распечатывания, и «дальнейшая работа ведется с ними как с письменными заявлениями о преступлениях» (п. 11 приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736). Однако ч. 6 ст. 141 УПК РФ предусматривает предупреждение заявителя об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), в связи с чем делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ заявление о преступлении является поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, поэтому законодательно предусмотрена лишь письменная (бумажная) форма подачи заявления о преступлении в правоохранительные органы.

П. А. Самойлов выражает сомнение относительно возможности электронного заявления о преступлении выступать поводом для возбуждения уголовного дела [5, с. 47]. Во-первых, отмечается отсутствие в ст. 141 УПК РФ электронной формы заявления, что также подчеркивает С. В. Зубев – и указывает, что «возможность подачи заявления в электронном виде закон прямо не предусматривает, но и не запрещает». [6, с. 3]. Во-вторых, распечатанная версия не может являться электронным заявлением, если она не содержит личной подписи заявителя. В-третьих, заявитель предупреждается об уголовной ответственности.

Таким образом, локальные нормативные акты МВД России, регламентирующие порядок приема, регистрации, разрешения заявлений о преступлении, а также обращений граждан, формально содержат признаки заявления о преступлении, в том числе поданного в электронной форме, как повода к возбуждению уголовного дела (п. 2.1.1 приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736). Однако для принятия процессуального решения необходимо опираться на процессуальный закон, который указывает на письменный характер такого заявления и присутствие заявителя.

Изучая вопрос о подачи заявления в электронном виде, считаем необходимым решить ряд задач. Прежде всего, стоят вопросы о том, где будет располагаться такой сервис и как подтвердить личность лица, который подает заявление (идентификация и аутентификация). Также напомним, что важным является предупреждение лица об уголовной ответственности (ст. 306 УК РФ).

При разрешении поставленных проблем представляет большой интерес зарубежный опыт. Из 40 стран-лидеров в 32 предусмотрена возможность подать сообщение о преступлении через сайт полиции или через портал государственных услуг, а в остальных 8, включая Россию, это не предусмотрено [1, с. 105].

Предполагаем, что в России приоритет подачи заявления о преступлении должен быть отдан официальному сайту МВД России, а также Единому portalу государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ) по единой унифицированной форме. Именно такая форма реализуется, например, в Дании, где заявление о преступлении подается как через официальный сайт, так и через платформу Borger, которая является аналогом ЕПГУ.

Подача заявления о преступлении должна быть максимально доступна, в связи с чем необходимо предусмотреть возможность использования мобильного приложения, что реализовано в Австралии как на сайте полиции, так и через мобильное приложение SAPOL [1, с. 106–107]. В настоящее время в России ЕПГУ, а также сайт МВД России представлены в виде мобильных приложений и, соответственно, имеются необходимые платформы для реализации вопроса заявленной темы статьи. Однако предоставление возможности подачи заявления о преступлении именно в форме документа, а не обращения, так же как и в случае с бумажным, предполагает получение достоверной информации о заявителе.

Идентификации и аутентификации заявителя является важной составляющей при подаче заявления о преступлении в форме электронного документа. Так, в 15 странах, разрешающих подачу онлайн-заявления, не предусмотрено обязательной идентификации и аутентификации заявителя. Необходимо сообщить: фамилию, имя, адрес проживания, номер телефона и электронную почту. В остальных 17 странах при подаче заявления о преступлении предусмотрена обязательная идентификация и аутен-

тификация. В зарубежных государствах по-разному решается вопрос подтверждения личности заявителя. Например, в Республике Эстония – через ID-kaart (обязательный документ для удостоверения личности), sim-карту (Mobiil-ID) или специальное приложение (Smart-ID); в Финляндии – через карту социального или медицинского работника, номер телефона, банк; в Сингапуре – через учетную запись SingPass (аналог ЕПГУ) [1, с. 107–108]. Предполагаем, что опыт последней страны может иметь место и в России, так как такая возможность предусмотрена в ЕПГУ – через авторизацию в Единой системе идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), после чего подать заявление о преступлении станет возможно, но только при наличии подтвержденной учетной записи, усиленной квалифицированной электронной подписью.

Следующим является вопрос о необходимости предупреждения лица об уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение о преступлении в форме электронного документа. В случае личного обращения заявителя в правоохранительные органы лицо, принимающее заявление, разъясняет ст. 306 УК РФ, и заявитель ставит подпись, тем самым подтверждая правдивость сведений в заявлении. Однако в электронной форме обязанность ознакомления с указанной статьей ложится на самого заявителя, и в этом случае необходимо решить задачу проработки вопроса о достоверности предоставляемых в заявлении сведений. Интересным представляется опыт Швейцарии, где ознакомление с уголовной ответственностью осуществляется путем проставления галочки напротив графы об ознакомлении с уголовной ответственностью за заведомо ложный донос. Если заявитель не поставит галочку, то он не сможет направить заявление о совершении преступления [1, с. 109]. Такой подход является оптимальным, так как это привлекает внимание заявителя и подтверждает его ознакомление. Стоит отметить, что на большинстве сайтов при регистрации потенциального пользователя его знакомят с правилами, правами, обязанностями, и если не проставить галочку, то зарегистрироваться не получится.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом идентификация и аутентификация, предупреждение заявителя о заведомо ложном доносе являются первоочередными задачами при внедрении функции подачи заявления в форме электронного документа. В связи с этим вопросом обозначим, что считаем положительным опыт введения электронного голосования на выборах. Так, в п. 13, 15 и 16 ст. 64.1 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [7] подробно описана процедура авторизации и предоставлении возможности ознакомления с необходимой информацией. В ноябре 2023 года при внедрении этого сервиса проводился тестовый формат электронных выборов, где автор принял участие. Отметим, что для подтверждения принятого решения система запрашивала подтверждение сделанного выбора, предо-

ставляя возможность проставить в электронном виде отметки в двух графах следующего содержания: «подтверждаю, что действую осознанно и не нахожусь под давлением третьих лиц»; «подтверждаю, что ознакомлен с техническими условиями проведения электронного голосования». Только после проставления соответствующих отметок напротив указанного текста кнопка «подтвердить» становилась активной, затем система перенаправляла пользователя в ЕПГУ для авторизации через ЕСИА и при успешной идентификации и аутентификации направляла соответствующее решение, выбранное пользователем.

Рассмотренные выше примеры зарубежного опыта, а также положительный опыт других инфраструктур в России показывают нам, что возможности внедрения подачи заявления о преступлении существуют. Многими учеными исследуется и прорабатывается этот вопрос. Так, авторами концепции построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, предложен проект подачи заявления о преступлении через официальный сайт МВД России [8, с. 648–659]. Кроме того, рассмотрена возможность создания личного кабинета заявителя, где он сможет не только отслеживать ход расследования преступления онлайн, но и получать электронные копии решений в порядке, предусмотренным УПК РФ, по аналогии с опытом Австралии. Особое внимание уделено лицам с ограниченными возможностями и предложено обращение в полицию с помощью видеовызова через веб-сайт [8, с. 336–337]. В дополнение предлагаем на официальном сайте МВД России при подаче заявления о совершении преступления предусмотреть чат с дежурной частью отдела полиции для онлайн-общения, которая может проконсультировать, а если ситуация экстренная – направить на место происшествия сотрудников полиции или следственно-оперативную группу. Онлайн-чаты предусмотрены на многих сайтах в целях решения вопросов технического и консультативного характера.

Реализуя право потерпевших на защиту от преступлений и злоупотреблений властью, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации). Однако сущность этого конституционного положения не раскрывается в УПК РФ и многими учеными трактуется по-разному. Разрешая это положение, авторами вышеуказанной концепции справедливо указано, что право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве обеспечивается исполнением тринадцати уголовно-процессуальных обязанностей, первой из которых является прием, регистрация и разрешение заявления или сообщения о преступлении [8, с. 57].

В заключении стоит отметить, что вопрос заявленной темы является актуальным на этапе активного развития цифровых технологий практически во всех сферах жизнедеятельности, которые могут быть успешно встроены в уголовный процесс, а именно в начальную его стадию (с мо-

мента подачи заявления о совершении преступления). Однако очень важно то, что применение современных цифровых технологий, с одной стороны, сможет повысить качество уголовного процесса, а в некоторых случаях выступать препятствием к отправлению правосудия. Поэтому столь важной является качественная и детальная проработка вопроса цифровизации уголовного процесса.

Библиографический список

1. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023. 216 с.

2. Мартыненко А. В. Высокие технологии и высшее образование // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 64–67.

3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Самойлов П. А. Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и в УПК РФ) / П. А. Самойлов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2(45). С. 44–50.

6. Зуев С. В. Электронное заявление о преступлении: состояние и перспективы // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : сборник научных трудов / отв. за выпуск М. М. Горшков. Выпуск 9. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 3–6.

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма : Инфра-М, 2024. 664 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2129522> (дата обращения: 27.02.2024).

Савченко А. Н. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России (г. Омск, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

THE PROCEDURAL FORM ACCORDING TO THE STATUTE OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864

Аннотация. Изучая влияние письменности на уголовный процесс в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, автор анализирует научную литературу, нормативные акты того периода и приходит к выводу, что благодаря письменности впервые в Уставе уголовного судопроизводства была закреплена процессуальная форма.

Abstract. Studying the influence of writing on the criminal process during the period of the Statute of Criminal Proceedings of 1864, the author analyzes the scientific literature, normative acts of that period and comes to the conclusion that thanks to writing, for the first time, the procedural form was fixed in the Statute of Criminal Proceedings.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, письменность, комиссия, материалы, бланки, реестр, протокол.

Keywords: The statute of criminal proceedings, writing, commission, materials, forms, register, protocol.

Одним из выдающихся изобретений человечества по праву считается письменность. С ее появлением расширилась система хранения человеческого опыта и значительно облегчена работа памяти. Письменность распространилась на все виды деятельности человека, в том числе и на юриспруденцию. Письменность сыграла важную роль в реализации права и помогла уголовному процессу приобрести процессуальную форму.

Ученые до настоящего времени не разработали единого подхода к пониманию процессуальной формы. Одни ученые представляют процессуальную форму как определенный набор элементов [2, с. 208], другие рассматривают как правила процедуры [5, с. 96–99], третьи определяют как внутренний аспект характеристики юридического процесса, складывающийся из совокупности основных требований к организации его содержания [15, с. 89], четвертые рассматривают как предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для производства по уголовному делу в целом, а также для осуществления самостоя-

тельных стадий уголовно-процессуальной деятельности и реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности [12, с. 142]. Все эти определения объединяет слово «порядок». Слово «порядок» означает правильное налаженное расположение чего-нибудь, правила по которым совершается что-нибудь.

Ученые XIX века тесно связывали процессуальную форму не только с правилами, но и обрядами. Так, В. Случевский говорил, что «только благодаря существованию форм и обрядов, регулирующих отношения между подсудимым и государством, становится возможной состязательная борьба между ними [13, с. 17]. Н. Неклюдова считала, что «наличность судебного преследования с установленными для того правилами, формами и обрядами есть необходимое условие уголовного обвинения и осуждения, условие, при несоблюдении которого сам суд будет не суд, а самоуправство [8, с. 1–2]. Как видно из приведенных высказываний, ученые разделяли правила, формы и обряды.

По сути, разные по значению слова в настоящее время объединены учеными в понятие «процессуальная форма» [9, с. 437, 566, 578, 855] и будут рассматриваться нами в совокупности. Соблюдение процессуальной формы напрямую зависит от закрепления ее в законе, что, конечно, невозможно без письменности. От того как законодатель изложит правила, порядок и обряды уголовного судопроизводства в законе, зависит их правоприменение. Письменность в данном случае выступает способом закрепления процессуальной формы. Первое полное описание процессуальной формы с помощью письменности в уголовном процессе мы находим в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав, УУС).

Мы остановимся только на некоторых видах выражения процессуальной формы в Уставе, которые были выделены учеными того времени. Это различные документы (жалобы, заявления, протоколы, приговоры, повестки и т. д.), порядок их формирования и подачи.

Документы на этапе проверки. Заявление или жалобу можно было подать в полицию, прокурору или судебному следователю (ст. 306 Устава). Устав устанавливал порядок приема и оформления жалоб. В соответствии со ст. 306, 307 УУС полицейский чиновник, принимая заявление о преступлении, обязан был предупредить заявителя о наказании за ложный донос и немедленно опросить его об обстоятельствах происшествия, составить протокол с указанием времени подачи жалобы и содержания объяснения.

В отчете Комиссии для исследования недостатков современного состояния следственной части (далее – Комиссия) от 5 мая 1869 года отмечалось, что задача следователя заключается в том, чтобы, опираясь на содержание жалобы или заявления, постепенно, путем анализа, осторожно и твердо, переходя от раскрытых уже фактов к обнаружению новых, привести обстоятельства дела в такую ясность, чтобы суд мог поставить пра-

вильное по существу решение. Для этого необходимо выяснить содержание заявления о преступлении и удостоверить факт принесения жалобы. Малейшая неполнота, неясность или неверность в изложении обстоятельств влекут за собой неверное определение и неправильную юридическую оценку фактов и признаков и, таким образом, неизбежно ведут к неправильному разрешению вопроса о необходимости приступить к следствию.

Тем самым Комиссия указывала на важность принятия и правильного оформления жалобы или заявления, а также составление подробного протокола «расспроса» заявителя. Жалоба и протокол являлись важными доказательствами, служили поводами и основаниями для деятельности полицейских чиновников. При несоблюдении порядка принятия жалоб и протоколирования объяснений обстоятельства жалобы оставались невыясненными и несохраненными, а факт принесения частным лицом заявления неустоверенным.

Установленные Уставом основные принципы порядка приема, формы заявлений и объяснений сохраняют актуальность в настоящее время и находят отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также в ведомственных приказах.

Занесение жалоб во входящий журнал канцелярии было обязательным (обнаруживается сходство с регистрацией сообщений и заявлений о преступлении). Их нерегистрация или регистрация позже являлась существенным недостатком в работе, так как точное определение времени принятия жалобы или заявления частного лица могло быть обстоятельством, проливающим новый свет на уголовное дело. Определение точного времени поступления жалобы также давало возможность оценивать действия полицейского чиновника – действовал ли он достаточно быстро и были ли им своевременно приняты предписанные законом меры. Комиссией рекомендовано при принятии жалобы с точностью протоколировать содержание того, что заявлено на словах, в протоколе указывать время принятия заявления у частного лица и кто именно принял жалобу [7, с. 53].

Полицейские чиновники начинали свою деятельность не только по жалобам и объяснениям частных лиц, но сами обязаны были выявлять правонарушения. Комиссия указывала на то, что оформление сообщений о преступлениях, полученных из разных источников, должно быть разным. Отсутствие на практике формы, в которую облекались бы первоначальные сведения о преступлениях, добытые полицией, приводили к невозможности получать верные статистические сведения о том, сколько именно преступлений обнаружено и какая именно их часть выявлена через заявления частных лиц, а какая – через служебную деятельность полиции.

Таким образом, мы видим, что впервые в истории было высказано предложение о систематизации сообщений и заявлений о преступлении, определен порядок принятия заявлений о преступлении, а также действий

полиции при обнаружении правонарушений, заложены основы формирования статистики поступивших заявлений о преступлении.

Расследование. Судебный следователь должен был приступить к следственным действиям немедленно и никак не позже суток после получения сведений о преступлении от полиции (ст. 250 УУС). Форма сообщения сведений следователю от полиции в законе не была оговорена. Имеются сведения о том, что данные сообщения оформлялись краткими рапортами. Комиссией было отмечено, что сведения в рапортах о преступлениях излагались неясно, рапорты составлялись крайне неграмотно и небрежно. Чаще всего полицейские чиновники составляли акты дознания, которые без соблюдения установленных сроков передавались судебным следователям.

Согласно ст. 263 УУС судебный следователь должен был направить уведомление о начале следствия прокурору и в департамент Министерства юстиции. Форма уведомления была предусмотрена циркулярами Министерства юстиции. Такое уведомление исполнялось на специальном бланке, верхняя часть которого представляла собой купон, остававшийся в деле, средняя препровождалась прокурору, а нижняя отсылалась в департамент Министерства юстиции [1. с. 732].

Полиция могла заменять судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемого, ни свидетеля полиция не имела права проводить, если только кто-либо из указанных участников был тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя» (ст. 258 УУС).

На практике полиция, как выявила Комиссия [7, с. 53], составляла протоколы, в которых подробно записывались «расспросы» свидетелей, обвиняемых, причем «расспрос» явившихся свидетелей иногда проводился одновременно с потерпевшим и обвиняемым. При обнаружении разногласий тут же фиксировались результаты очной ставки. Протокол подписывался участвующими лицами, полицейским чиновником и «сторонними свидетелями», то есть лицами, которые приглашались полицейскими чиновниками, видимо, для подтверждения поступивших сведений. Полицейские чиновники, понимая, что законом им запрещено отбирать формальные допросы, записывали показания от третьего лица и называли составленный документ актом. Составление подробных актов поддерживалось административным начальством, которое требовало также предоставлять им копии протоколов дознания.

Уставом уголовного судопроизводства было предусмотрено два вида осмотров и освидетельствований: 1) проводимые судебными органами; 2) проводимые через сведущих лиц. Осмотры, освидетельствования, обыски и выемки проводились в присутствии понятых, днем, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Обо всем, оказавшемся при осмотре

и освидетельствовании, а также по обыску, судебный следователь должен был составить протокол [10, с. 176].

Устав закрепил не только форму, но и содержание протокола следственного действия. В соответствии со ст. 467 УУС «о каждом из главных действий следователя составляется отдельный протокол». Протокол должен быть составлен так, чтобы из него было понятно: кем, когда, где и какие именно произведены были следственные действия, кто при этом находился в качестве сторон из сведущих людей, что этими действиями обнаружено и какие были замечания и возражения участвующих в деле лиц или понятых (ст. 468 УУС). В протоколе в обязательном порядке указывались ответы допрошенных лиц и замечания обвиняемого или его возражения (ст. 469 УСС). Протокол подписывался всеми лицами. За неграмотных подписывались те, кому они доверяют. Протокол прочитывался всем лицам, которые его подписывали. Если лицо не хотело слушать или отказывалось от подписи, в протоколе делалась отметка (ст. 470–471 УУС).

Еще до появления Устава, в 1830 году, законодательно была закреплена форма бланков, применение которых было обязательно для ускорения работы канцелярских служащих. Первыми бланками, изготовленными Государственной канцелярией для уголовного судопроизводства, стали повестки. Повестки являлись одной из форм вызова участников уголовного процесса. Неявка по повестке влекла за собой наказание в виде денежного взыскания. Повестки могли посылать только органы власти, которые уполномочены законом вызывать обвиняемых, свидетелей, экспертов, переводчиков, присяжных, а также органы суда и административно-судебной власти (ст. 54–55, 377, 378, 585 УУС).

Таким образом, мы видим, что Устав закреплял обязательность уведомления следователем прокурора о начатом следствии, что нашло отражение и в УПК РФ (ч. 4 ст. 146). Устав подробно описал порядок производства следственных действий и их оформление, а также порядок вызова участников уголовного процесса для производства следственных действий.

Окончание расследования. Уставом предусматривался итоговый документ расследования – обвинительный акт, который составлялся в письменной форме (ст. 519–521, 526, 537 УУС). После того как следствие было закончено, следователь объявлял об этом всем участвующим в деле лицам и отсылал все производство прокурору (ст. 478 УУС). Бумаги, относящиеся к следствию, сшивались по порядку времени составления или получения, пронумеровывались, скреплялись по листам и прошнуровывались за печатью следователя. Составлялась опись с указанием на каком листе находится документ (ст. 481 УУС). Прокурор излагал заключение о передаче обвиняемого суду в обвинительном акте, в котором должны быть указаны: 1) событие, заключающее в себе признаки преступления; 2) время и место совершения сего преступного деяния; 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого; 4) сущность доказательств и улики, со-

бренных по делу против обвиняемого; 5) определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния» (ст. 520 УУС). К обвинительному акту прилагался список лиц, которые должны быть вызваны к судебному следователю (ст. 521 УУС), а также свое мнение относительно пресечения обвиняемому способов уклониться от суда (ст. 524 УУС).

Из анализа указанных норм Устава, мы видим, что впервые в уголовном процессе появился итоговый документ – обвинительный акт, который послужил прообразом обвинительного заключения. Все документы расследования систематизировались и подшивались в определенном порядке, тем самым была создана форма уголовного дела, основы которой существуют и в настоящее время.

Судебное разбирательство. «В каждом судебном месте и у каждого мирового судьи велось по форме, установленной Министерством Юстиции следующие книги: 1) реестр входящих бумаг; 2) реестр исходящих бумаг; 3) алфавитный указатель дел. В канцелярии каждого судебного места велся указатель по юридическим вопросам, разрешенном определениями того места» (п. 14) [3, с. 67]. Судебный следователь обязан был вести: 1) реестр входящих бумаг; 2) настольный реестр дел; 3) реестр исходящих бумаг (п. 21). Реестры и книги выдавались следователям из местных окружных судов и должны быть прошнурованы и скреплены по листам секретарем окружного суда с обозначением, его подписью в конце, числа полулистов (п. 22). Судебные следователи обязаны представлять товарищу прокурору: а) через каждые четыре месяца именные ведомости всех следствий, которые производились следователями больше месяца с обозначением причин замедления; б) ежемесячно краткие сведения о положении неоконченных следствий, по которым содержатся арестанты (п. 23).

В судебном разбирательстве преобладала устность. «Суд должен был лично и непосредственно знакомиться с доказательствами, решать дело не по актам письменного производства, а на основании устных показаний, и прочтение письменных актов допускается только в крайней необходимости» [6, с. 614]. Нельзя сказать, что письменность не находила место в судебных стадиях. В суде разрешалось оглашать: протоколы актов, освидетельствований, обысков, выемок (ст. 687 УУС), бумаги, приобщенные в качестве вещественных доказательств, либо находящиеся у лиц, участвующих в процессе, показания свидетелей, данные на предварительном расследовании, в случаях неявки или в связи со смертью участника уголовного процесса, тяжелой болезнью, старостью или отъездом (ст. 626 УУС), при наличии разногласий между показаниями, данными в суде и на предварительном расследовании (ст. 627 УУС), в случаях отказа от показаний или забывчивости. «Показания обвиняемого по его просьбе, данные на предварительном расследовании или дознании (решение Сената 1894 г. № 27), также могли быть оглашены» [4, с. 172].

В Уставе четко оговаривались требования к написанию протокола судебного разбирательства и приговора (ст. 127, 130, 835–842 УУС). Судебные решения записывались в протокол или в одну общую книгу (ст. 131, 142 УУС).

Таким образом, закрепленные в Уставе уголовного судопроизводства нормы позволяют судить о том, что предварительное производство по уголовному делу носило преимущественно письменный характер: «показания записываются полностью, жалобы подаются в письменной форме, письменный материал служит единственным основанием для принятия решения следователем о предании суду» [11, с. 77]. Устав определил порядок приема заявлений и жалоб, проверки полицией сообщений о преступлениях, порядок производства следственных действий, составления обвинительного акта прокурором и передачи материалов уголовного дела в суд. В судебных стадиях закреплен порядок ведения протокола судебного заседания. Значительное внимание уделялось правильному, грамотному и достоверному оформлению процессуальных документов и доказательств. Кроме того, происходит систематизация учета уголовных дел, регистрация входящей и исходящей документации, формирование статистики поступивших заявлений и проводимых расследований.

Библиографический список

1. Вилкова Т. Ю, Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 728–731.
2. Галаган И. А, Глебов В. П. Процессуальные нормы и отношения в советском праве. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
3. Громаческий С. Г. Сборник узаконении относящихся до преобразования суда в Сибири составлен членом житомирского окружного суда. Одесса, 1897.
4. Духовской М. В. Русский уголовный процесс: издание для студентов / под ред. М. В. Духовской. М., 1902. 492 с.
5. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2003.
6. Максимов В. Руководство для составления деловых бумаг. Образцы и формы. 3-е изд., значительно перераб. и доп. М., 1913. LXXIV с.
7. Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительного следствия. Приложение первое. Отчет высочайшей комиссии для исследования недостатков современной следственной части. СПб., 1883.
8. Неклюдова Н. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1869.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук;

Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Издательство «ЭЛПИС», 2003.

10. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Г. А. Лемана, 1913.

11. Полянский Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции / Н. Н. Полянский. М., 1911.

12. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 140–144.

13. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб., 1892.

14. Судебные уставы 20 ноября 1864 года : в 4-х частях. Устав уголовного судопроизводства.

15. Чулюкин Л. Д, Гурьянова В. В, Исаев Э. Е. Проблемы процессуальной формы // ВЭПС. 2022. № 2. С. 87–92.

© Савченко А.Н., 2024

УДК 343.1

Свяженина А. А. – адъюнкт Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

REALIZATION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF A MINOR AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Аннотация. Несовершеннолетний, признанный государственной политикой Российской Федерации как особый участник правоотношений, занимающий приоритетное положение по отношению к иным категориям лиц, обязан быть обеспечен правовой защищенностью на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе на начальной стадии. В представленном исследовании проведен анализ реализации прав и законных интересов лиц, не достигших 18-летнего возраста, на стадии возбуждения уголовного дела, рассмотрены наиболее распространенные случаи лишения несовершеннолетнего участника уголовно-процессуальных отношений законных прав, а также акцентировано внимание на ряд дополнительных гарантий, позволивших совершенствовать участие данной категории лиц на начальной стадии уголовного процесса.

Abstract. A minor recognized by the state policy of the Russian Federation as a special participant in legal relations, occupying a priority position in relation to other categories of persons, must be provided with legal protection at all stages of criminal proceedings, including at the initial stage. The presented study analyzes the realization of the rights and legitimate interests of persons under the age of 18 at the stage of initiation of a criminal case, examines the most common cases of deprivation of legal rights of a minor participant in criminal procedural relations, and focuses on a number of additional guarantees that made it possible to improve the participation of this category of persons at the initial stage of criminal proceedings.

Ключевые слова: несовершеннолетний, возбуждение уголовного дела, реализация прав и законных интересов, гарантии, уголовное судопроизводство.

Keywords: minor, initiation of criminal proceedings, realization of rights and legitimate interests, guarantees, criminal proceedings.

Государственная политика Российской Федерации, а также иных зарубежных стран в современных реалиях ориентирована на обеспечение охраны и реализации прав и законных интересов лиц, не достигший совершеннолетнего возраста. В соответствии с преамбулой к Конвенции ООН о правах ребенка «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [1]. Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 года № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» реализация государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей является приоритетным направлением развития Российской Федерации [2].

Современное российское законодательство предусматривает право участия в уголовном судопроизводстве для каждого гражданина Российской Федерации, вне зависимости от возраста. Следовательно, лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста, также вправе вступать в уголовно-процессуальные отношения, но при неукоснительном соблюдении должностными лицами некоторых требований и правил, установленных в целях обеспечения гарантий защищенности прав и законных интересов несовершеннолетних лиц как наиболее уязвимой категории участников. При всем актуализированном характере темы участия лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, в уголовно-процессуальных отношениях остается нерешенным вопрос, связанный с реализацией их прав и законных интересов на стадии возбуждения уголовного дела.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует вопросы подачи заявления о преступлении исключительно в ст. 141

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «Заявление о преступлении», причем буквальное толкование некоторых положений порождает неоднозначное их понимание. По общему правилу, заявление о преступлении может быть представлено в письменной или устной форме. При подачи устного заявления о преступлении сведения заносятся в протокол принятия устного заявления о преступлении, структура которого указывает на необходимость отражения личных данных о заявителе, в том числе документ, удостоверяющий личность. Согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 года № 232 основным документом, удостоверяющим личность гражданина на территории России, является паспорт гражданина Российской Федерации, который выдается гражданам непосредственно по достижению 14-летнего возраста [3]. Весьма предсказуемо возникает вопрос: имеет ли право подать устное заявление о преступлении лицо, не достигшее 14-летнего возраста? Часто представленная проблема правоприменителями решается посредством фиксации данных сведений в рапорте об обнаружении признаков состава преступления или же предпочтение отдается принятию данного заявления от законных представителей. Безусловно, данные действия должностных лиц не соответствуют требованиям ч. 1 ст. 144 УПК РФ, где говорится об обязанности принятия и проверки сообщения о любом преступлении, что свидетельствует о нарушении прав и свобод несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела.

Не устанавливая в ст. 141 УПК РФ возрастных ограничений для лица, обладающего правом на подачу заявления о преступлении, законодатель тем самым распространяет действие данной нормы, в том числе на несовершеннолетних. Однако ч. 6 ст. 141 УПК РФ предупреждает об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) [4], наступающей с 16 лет. Соотнося указанные нормы, логично предположить, что лицо, не достигшее 16-летнего возраста, не обладает правом на подачу заявления о преступлении, поскольку при совершении заведомо ложного доноса несовершеннолетним, он не может быть признан субъектом преступного деяния [5, с. 22].

Возникающие практические трудности, а также несовершенство уголовно-процессуального законодательства наталкивают некоторых ученых на мысль о необходимости введения запрета на единоличное участие в уголовно-процессуальных отношениях несовершеннолетнего [6, с. 114]. Соглашаясь с данной позицией, нами к тому же предлагается установить обязательное участие законных представителей несовершеннолетних на протяжении действия конкретных уголовно-процессуальных отношений, начиная с подачи заявления о преступлении, объясняя это тем, что ввиду юридической незрелости несовершеннолетнего законный представитель выступает в качестве гаранта обеспечения защиты прав и законных интересов лица, не достигшего 18-летнего возраста.

Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела нередко используются «непроцессуальные средства» проверки сообщения о преступлении, осложняющие обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. К примеру, уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует особенности получения объяснений от несовершеннолетнего [7, с. 297]. Отсюда со всей очевидностью следует констатация нерешенного вопроса, касающегося обязательного участия педагога, психолога и законного представителя при получении объяснения от несовершеннолетнего. Весьма логичным в данном случае видится распространение положений ст. ст. 119, 425 УПК РФ, обуславливающих общие правила и требования проведения допроса несовершеннолетнего участника уголовно-процессуальных отношений в качестве как потерпевшего, свидетеля, так и лица, подозреваемого в совершении преступного деяния.

Неурегулированным остается вопрос участия на стадии возбуждения уголовного дела защитника. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно в том числе тогда, когда подозреваемым или обвиняемым является несовершеннолетнее лицо. Однако законодатель, предполагая возможность вовлечения несовершеннолетнего лица в уголовно-процессуальные отношения также на стадии возбуждения уголовного дела, игнорирует обязанность распространения данной обязанности на первоначальный этап расследования преступления.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что возбуждение уголовного дела, являясь одной из центральных стадий уголовного судопроизводства, на сегодняшний день не урегулировано уголовно-процессуальными нормами российского законодательства в полной мере. В частности, речь идет о необходимости распространения норм, предусматривающих дополнительные гарантии защиты прав несовершеннолетних, как наиболее уязвимой категории участников уголовно-процессуальных отношений. Продемонстрированные правовые пробелы являются причинами нередкого нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних, а также указывают на фактическое отсутствие юридической поддержки и правовой защищенности несовершеннолетних со стороны законодательства на стадии возбуждения уголовного дела.

С целью усовершенствования и оптимизации механизма обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц непосредственно на стадии возбуждения уголовного дела видится целесообразным внесение некоторых положений в российское законодательство. Так, в ст. 141 УПК РФ предусмотреть положения, определяющие участие несовершеннолетних на этапе подачи заявления. Как было отмечено, необходимо предусмотреть обязательное участие законных представителей как неукоснительного гаранта защиты прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Кроме того, обусловить обязанность участия педагога и психолога на стадии возбуждения уголовного дела, а также распространить прави-

ла и требования ст. 181, 425 УПК РФ непосредственно на процедуру получение объяснений от несовершеннолетнего лица.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. : вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI, 1993. М., 1993.

2. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. 150 с.

6. Савицкая И. Г. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 2–3. С. 111–115.

7. Артюхов В. Ю. Обеспечение прав несовершеннолетних на стадии проверки сообщения о преступлении // European Scientific Conference : сборник статей V Международной научно-практической конференции : в 3-х частях. 2017. С. 294–299.

© Свяженина А. А., 2024

Семенова Е. В. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

ЗАЩИТНИК В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

THE DEFENDER IS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела, в частности, касающихся неопределенности статуса лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, механизма реализации полномочий защитника в рассматриваемой стадии.

Abstract. The article is devoted to problematic issues of the defender's participation at the stage of initiation of a criminal case, in particular related to certain gaps in the criminal procedure legislation concerning the uncertainty of the status of the person being checked in accordance with Article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the mechanism for exercising the powers of the defender at this stage

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальный статус, защитник, лицо в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, уголовное преследование.

Keywords: criminal proceedings, the stage of initiation of a criminal case, criminal procedural status, defender, the person against whom the report of the crime is being checked, criminal prosecution.

Сложно переоценить роль профессионального защитника как участника уголовного судопроизводства, выступающего с одноименной стороны. Его участие является одной из составляющих, обеспечивающих реализацию принципа, предусмотренного ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то есть права на защиту подозреваемого, обвиняемого, которое, в свою очередь является важнейшим правом, гарантируемым Основным законом нашей страны. Полностью поддерживаем позицию видных ученых процессуалистов, согласно которой такое право усиливает законность при производстве предварительного расследования, способствует повышению его качества, и является

довольно эффективным механизмом достижения целей уголовного судопроизводства [1, с. 37]. Кроме того, оно усиливает принцип состязательности сторон, который хоть и имеет несколько усеченный вид в досудебном производстве [2, с. 95], однако также обеспечивает качественные показатели производства дознания и предварительного следствия по уголовным делам.

Говоря о стадии возбуждения уголовного дела, конечно следует отметить, что данная стадия является первоначальной в уголовном процессе. Именно на данной стадии устанавливаются поводы и основание для возбуждения уголовного дела, что и ложится в основу принятия положительного или отрицательного по данному вопросу. Исходя из задач, сущности и содержания данной стадии процесса она характеризуется как определенным составом участников, так и особым комплексом процессуальных действий, производство которых возможно до вынесения решения о возбуждении уголовного дела.

На стадии возбуждения уголовного дела идет проверка сообщения о преступлении, в связи с чем собираемые в процессе материалы называют материалом проверки книги учета сообщений о правонарушениях (то есть материалом проверки по сообщению, зарегистрированному в книге учета сообщений о преступлениях). Однако большинство участников уголовного судопроизводства согласно нормам уголовно-процессуального закона приобретают свой статус только после возбуждения уголовного дела и принятия решения о наделении их соответствующим процессуальным статусом, например, в связи с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого, или в связи с совершением определенной процессуальной процедуры, например, уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ). Хотя на сегодняшний день ученые процессуалисты говорят об определенном размывании процессуальных статусов отдельных участников уголовного судопроизводства. Например, в настоящее время, говоря о подозреваемом, подразумевают не только того участника, который приобрел свой статус в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, но и того, кто фактически преследуется за совершение преступления [3, с. 84; 4, с. 58]. Такая тенденция наметилась по отношению к иным участникам, например, в отношении потерпевшего [5]. Такая трансформация связана с современными реалиями следственной и судебной практики, которая идет по пути приоритета прав и законных интересов личности в уголовном процессе.

Однако вернемся к подозреваемому и обвиняемому, ведь согласно существующему сегодня в УПК РФ легальному определению данных участников процесса, именно они могут пользоваться помощью защитника. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником считается лицо, осуществляющее защиту прав и оказывающее юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому при производстве по уголовному делу.

Именно поэтому определение таких участников как подозреваемый (обвиняемый) напрямую связано с уголовно-процессуальным статусом защитника. И здесь уголовно-процессуальный закон весьма конкретен, четко называя с какого момента лицо приобретает статус подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). То есть, в соответствии с существующими нормами защитник может предоставляться участнику именно с момента признания его подозреваемым или обвиняемым.

Однако решения высших органов судебной власти расширяют границы вступления в уголовный процесс защитника, определяя в своих решениях понятие уголовного преследования и раздвигая границы права на защиту.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях указывал, что право на защиту, которое предусмотрено одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства распространяется на весь уголовный процесс и ни одна из стадий не является исключением, в том числе и стадия возбуждения уголовного дела, на которой осуществляется проверка сообщения о преступлении, предусмотренная ст. 144 УПК РФ. В этой связи согласно позиции одного из высших органов судебной власти право на защиту распространяется как на лиц, в отношении которых проводятся проверочные действия, так и те, чьи права и законные интересы существенно затронуты действиями, проводимыми в рамках проверки сообщения о преступлении [6].

Кроме того, Конституционный и Верховный Суды Российской Федерации указывают в своих решениях, что начало уголовного преследования должно определяться принятием процессуальных решений, предусмотренных не только ст. 26, 47 УПК РФ, но и с момента производства в отношении лица одного из процессуальных действий в рамках материала проверки или следственных действий, способствующих изобличению лица, не обладающего статусом подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [7].

Ряд ученых процессуалистов также заявляют о необходимости участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела с момента поступления сообщения о преступлении [8, с. 167; 2, с. 94].

Конечным итогом складывающейся практики, а также научных изысканий вышеуказанных решений стали изменения уголовно-процессуального закона, касающиеся момента вступления защитника в уголовное дело. Так, в ч. 3 ст. 49 УПК РФ законодатель к ранее существовавшим пунктам добавляет также возможность участия защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. То есть, фактически такая норма позволила защитнику участвовать в уголовном судопроизводстве до принятия решения о воз-

буждении уголовного дела. Однако, в данном вопросе, на наш взгляд, имеются определенные противоречия.

Во-первых, несмотря на позиции, изложенные в решениях высших судебных органов, изменения в п. 55 ст. 5 УПК РФ до сих пор не внесены, в связи с чем, согласно уголовно-процессуальному закону, уголовным преследованием является деятельность, осуществляемая со стороны обвинения в целях изобличения в совершении преступления подозреваемого или обвиняемого. То есть, согласно закону, уголовное преследование может осуществляться только в отношении вышеуказанных участников процесса.

Во-вторых, ч. 3 ст. 49 УПК РФ, говоря об участии защитника в уголовном судопроизводстве использует термин «уголовное дело», которое считается возбужденным с момента вынесения соответствующего постановления, термина «материал проверки сообщения о преступлении» Закон не содержит, что также говорит о недостаточности правовой регламентации участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела.

В-третьих, обращаясь к определению защитника (ч. 1 ст. 49 УПК РФ) также видим, что понятие защитника напрямую связано с защитой подозреваемых и обвиняемых и оказанием им юридической помощи. В то же время п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ указывает на возможность оказания такой помощи лицу, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Уголовно-процессуальный статус данного участника процесса не регламентирован, также не ясно с какого момента лицо его приобретает. То есть, фактически, закон предоставляет возможность лицу, проводящему проверку не допустить к производству процессуальных действий адвоката, мотивируя принятое решение тем, что в отношении такого лица проверочных действий не проводится.

В-четвертых, говоря о полномочиях защитника при участии в проверке сообщения о преступлении, таковые прямо не определены законом, а существующий сегодня перечень по большей своей части связан с участием рассматриваемого участника в стадии предварительного расследования и производством в суде (участие в следственных действиях, ознакомление с отдельными решениями и протоколами, а также по окончании расследования ознакомление с материалами уголовного дела). Как видно, понятия, используемые законодателем, не относятся к начальной стадии процесса, что дестабилизирует уголовно-процессуальный статус защитника в этой стадии. Конечно отдельного рассмотрения требуют полномочия относительно участия защитника в доказывании. Данное направление деятельности регламентировано ч. 3 ст. 86 УПК РФ и также, исходя из используемых формулировок, лишает защитника возможности реализовать предоставленные полномочия. Начиная с определения понятия «доказательства», под которыми понимаются сведения для установления следователем, дознавателем, прокурором и судом наличие обстоятельств, вхо-

дящих в предмет доказывания по уголовному делу. Исходя из данного определения защитник не входит в состав лиц, имеющих право собирать доказательства. Кроме того, в уголовно-процессуальном законе отсутствует механизм реализации полномочий, предоставленных защитнику данной нормой, что делает их фиктивными и ставит реализацию в зависимость от властного решения лица, осуществляющего производство по уголовному делу.

Наконец, если ориентироваться на решения высших органов судебной власти о расширении уголовно-процессуальных понятий, связанных с уголовным преследованием, подозреваемым, обвиняемым, возникает закономерный вопрос об обязательном участии защитника, если лицо от него не отказалось. Ведь тогда дознаватель/следователь обязаны обеспечить участие защитника, в таком случае в проверке сообщения о преступлении будет участвовать защитник по назначению. Оплата труда такого защитника осуществляется за счет средств федерального бюджета [9]. Суммы, потраченные на его участие, относятся к процессуальным издержкам и впоследствии взыскиваются с осужденного (п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Однако не ясно, каков будет порядок взыскания в случае принятия отрицательного решения о возбуждении уголовного дела.

Расширение границ участия адвокатов в уголовном судопроизводстве является весьма положительным, довольно решительным, но оправданным шагом законодателя. Однако практически как и любые новации он требует дальнейшего осмысления в целях совершенствования науки, практики и законодательства в сфере уголовного судопроизводства. В представленной статье автором намечены отдельные направления, требующие совершенствования в целях дальнейшего развития уголовного процесса России.

Библиографический список

1. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. М. : Эксмо, 2023. 960 с.
2. Смирнов В. А., Перякина М. П. Институт защиты на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2 (93). С. 92–98.
3. Химичева Г. П. К вопросу о корректировке принципа презумпции невиновности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 83–86.
4. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.
5. По запросу Волгоградского гарнизонного Военного суда в проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда

Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 207 с.

9. Об индексации в 2023 году размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, и внесении изменений в пункт 22 (1) Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2023 г. № 1568. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Семенова Е. В., 2024

УДК 343.1

Сиворакша В. В. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

ABOUT THE VALIDITY OF THE APPLICATION FOR EXTENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION PERIOD

Аннотация. В статье рассматривается проблема, с которой сталкивается следователь при составлении постановления о вынесении перед ру-

ководителем следственного органа ходатайства о продлении срока предварительного следствия, предлагается возможное ее решение.

Abstract. The article deal with the problem faced by an investigator when drafting a resolution on submitting a petition to the head of the investigative body for an extension of the term of the pre-trial investigation, and suggests a possible solution to it.

Ключевые слова: предварительное следствие, процессуальный срок, продление процессуальных сроков, ходатайство о продлении срока, обоснованность ходатайства.

Keywords: preliminary investigation, procedural term, extension of procedural terms, application for extension of time, validity of the petition.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в статье 162 предусматривает возможность продления срока предварительного следствия и содержит некоторые требования, предъявляемые к данной процедуре: пределы продления, субъекты продления и их уровни, срок подачи ходатайства и другие. Вместе с тем в законе не нашли своего отражения требования к содержанию самого такого процессуального документа, а он является правовым основанием для продления срока. Некоторые из них предусмотрены в ведомственных приказах различного уровня, что в конечном итоге приводит к множественности подходов к качеству и объему сведений, указываемых в описательно-мотивировочной части ходатайства.

Однако, несмотря на то, что в законе данному вопросу не уделяется достаточного внимания, очевидным является тот факт, что само ходатайство должно быть мотивированным и обоснованным, раз его вынесение вызвано необходимостью продолжить расследование. Следует отметить, что и прямого указания на мотивировку и обоснование в части содержания ходатайства статья 162 УПК РФ не содержит (это же относится и к нормам об продлении срока дознания). Но в данном случае, по нашему мнению, следует руководствоваться положениями части 4 статьи 7 УПК РФ, что в последующем мы еще раз подчеркнем.

В связи со сказанным следует определить, какие сведения необходимо включить в ходатайство о продлении срока предварительного следствия, чтобы оно было обоснованным и в силу этого руководитель следственного органа мог бы принять решение в положительную сторону? Для разрешения данного вопроса обратимся к правоприменительной практике.

Анализ материалов уголовных дел, расследованных следственными подразделениями МВД России различных субъектов Российской Федерации, показал, что выносимые ходатайства о продлении срока следствия имеют различное содержание в части объема и сути предоставляемой информации. И если ходатайство перед судом о продлении применения из-

бранной им меры пресечения должно быть «подкреплено» соответствующими документами, подтверждающими обоснование продления, и суд вправе отказать в продлении, то при продлении срока следствия законодатель не предусмотрел возможность отказа, что справедливо наталкивает на мысль о том, а так ли важно содержание этого ходатайства?

На наш взгляд, оно имеет весьма важное и принципиальное значение. Так, в соответствии с требованиями приказа Следственного департамента МВД России от 29 июля 2020 г. № 27 «Об утверждении Инструкции по организации процессуального и ведомственного контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов внутренних дел Российской Федерации» в постановлении о возбуждении перед руководителем следственного органа ходатайства о продлении срока предварительного следствия свыше 12 месяцев указываются: общие сведения о находящемся в производстве уголовном деле; краткие обстоятельства совершения преступления; сведения о привлекаемых к уголовной ответственности лицах, с указанием полных анкетных данных, данных, характеризующих их личность, их процессуальном статусе и избранной мере пресечения; данные, свидетельствующие об особой сложности расследования уголовного дела (последнее требование содержится в ч. 5 ст. 162 УПК РФ).

Несмотря на то, что в приведенном приказе отсутствуют требования об указании в ходатайстве перечня произведенных и запланированных следственных и иных процессуальных действий, и причин, по которым запланированные ранее процессуальные действия не были проведены, данные сведения часто приводятся в рассматриваемом постановлении. Кроме того, необходимость их включения в обоснование продления срока обусловлена некоторыми приказами и распоряжениями органов внутренних дел уровня субъекта Российской Федерации (приказ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве от 22 декабря 2023 г. № 450 «Об утверждении Порядка организации процессуального и ведомственного контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей и домашним арестом, применения запрета определенных действий, залога по уголовным делам, находящимся в производстве следователей ГУ МВД России по г. Москве»). И если большая часть из указанных сведений не вызывает сомнений в необходимости их включения в текст ходатайства, то в отношении возможности перечисления произведенных и запланированных следственных и иных процессуальных действий, а также причин не проведения запланированных ранее, возникают некоторые опасения.

С одной стороны, для реализации функции процессуального контроля руководителю следственного органа необходимо выяснить, чем же

конкретно вызвана необходимость продления срока, целесообразно ли проведение запланированных мероприятий и насколько эффективно ведется расследование. Вместе с тем обратной стороной медали является возможность утечки информации. Особую значимость здесь представляют те процессуальные действия, которые являются основанием для продления срока. Нередки случаи указания в тексте ходатайства чрезмерно подробных сведений о них, например, фамилий и адресов проживания лиц, где запланировано производство обыска, фамилий и иных данных о разыскиваемых свидетелях, которые обладают сведениями, значимыми для расследования. Попадая к заинтересованным в исходе дела лицам, такая информация может существенно повлиять на ход расследования. Так, в случае, если в отношении обвиняемого принимается решение о продлении срока избранной по решению суда меры пресечения, то к ходатайству перед судом прилагается копия постановления о продлении срока следствия со всеми ранее обозначенными сведениями присутствующими в нем, а следовательно, с ним может ознакомиться и сторона защиты. Совершенно очевидно, что здесь возникает конфликт интересов, но, в первую очередь, важно учитывать интересы органов следствия в их стремлении осуществить всестороннее и объективное расследование уголовного дела и сохранить «тайну следствия» пока она тактически следователю выгодна.

А. С. Борисов, являясь сторонником необходимости включения в перечень принципов уголовного процесса «презумпции защиты информации уголовного судопроизводства», указывает на необходимость осуществления расследования «в особом правовом режиме, обеспечивающем защиту сведений, неконтролируемое распространение и использование которых может повлечь за собой нарушение прав, законных интересов участников или воспрепятствовать осуществлению правосудия» [1, с. 20–24]. С указанным утверждением сложно не согласиться.

Однако чрезмерная краткость при обосновании необходимости продления срока следствия также недопустима. Несмотря на «двойственное» наименование данного процессуального документа, выражающего и сущность ходатайства, и одновременно с этим принятие решения, он является постановлением, а значит, должен отвечать требованиям законности, мотивированности и обоснованности, как это указано в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. «Мотивировка решения должна носить конкретный характер, поэтому недопустимым является ее ограничение формальным воспроизведением предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований и условий применения тех или иных мер или совершения тех или иных действий» [2, с. 3–4].

На наш взгляд, оптимальным решением может выступать указание сведений о проведенных и запланированных процессуальных действиях в отдельном документе (рапорте), направляемом руководителю следственного органа и не являющимся частью уголовного дела. Кроме того, обос-

нованность вынесенного ходатайства обсуждается на оперативных совещаниях с участием следователя и соответствующих вышестоящих руководителей, и в большинстве субъектов Российской Федерации такие документы направляются руководителю следственного органа вместе с ходатайством (хронометраж произведенных следственных действий, план расследования уголовного дела на истребуемый период, указания нижестоящего руководителя следственного органа о производстве необходимых процессуальных действий). Заметим, они содержат аналогичные сведения, как и те, которые, как правило, указываются в тексте ходатайства.

Учитывая имеющуюся практику, обоснование необходимости продления срока возможно привести в постановлении кратко (но без чрезмерной лаконичности), без указания перечня конкретных мероприятий, тогда как более подробные данные будут представлены руководителю следственного органа в отдельном служебном документе, что позволит обеспечить выполнение функции процессуального контроля и вместе с тем не приведет к нежелательным вмешательствам в процесс расследования ввиду возможной утечки информации, что, несомненно, следует предотвратить.

Библиографический список

1. Борисов А. С. Презумпция защиты информации уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1. С. 20–24.
2. Петров А. В. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. 2014. № 2 (952). С. 3–4.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Сиворакша В. В., 2024

Соколова Т. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННОЙ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

PRACTICES ARISING UPON THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES ASSOCIATED WITH ISOLATION FROM SOCIETY

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые проблемы правоприменительной практики, возникающие при избрании меры пресечения, связанной с изоляцией от общества.

Abstract. In the article, the author examines some problems of law enforcement practice that arise when choosing a preventive measure related to isolation from society.

Ключевые слова: расследование, следователь, дознаватель, мера пресечения, изоляция от общества.

Keywords: investigation, investigator, interrogator, preventive measure, isolation from society.

Одним из основных участников уголовного судопроизводства является подозреваемый (обвиняемый). Указанный участник уголовного процесса обладает комплексом прав и обязанностей, что проецируется из содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве принципов. Вместе с тем для эффективного производства расследования уголовного дела в механизме взаимоотношений органов уголовного преследования и названного участника предусматриваются специальные механизмы, целями которых является достижение максимальной эффективности такого расследования. Одним из таких механизмов следует признать институт мер пресечения, ряд из которых связаны с изоляцией от общества. Анализ структуры мер пресечения показывает, что среди таких мер выделяют заключение под стражу и домашний арест. Однако отметим, что существует мнение, что к таковым необходимо также относить такую меру пресечения, как запрет определенных действий. Используя обозначенные меры пресечения в ходе расследования преступлений, следователи обеспечивают должное и эффективное уголовное преследование. Данный факт подтверждают статистические данные. Так, только в первом полугодии 2023 года судами было рассмотрено более 47 тысяч ходатайств следовате-

лей о применении к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых более 41 тысячи было удовлетворено. Рассмотрено более 4,5 тысяч ходатайств о необходимости применения домашнего ареста, из которых более 3,8 тысяч было удовлетворено, а также более 2 тысяч ходатайств о необходимости запрета определенных действий [1].

Стоит отметить, что в процессе избрания мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы, не редко возникают правоприменительные проблемы, требующие немедленного разрешения. Срочность их разрешения заключается, прежде всего в эффективности применения мер пресечения в процессе расследования преступления, что напрямую влияет на эффективность расследования. Кроме того, их эффективное применение должно осуществляться строго в рамках правового поля уголовно-процессуального законодательства с целью исключения нарушения прав подозреваемых (обвиняемых), ограничивая их только в тех рамках, которые установлены законом.

Как было отмечено ранее, самой распространенной мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества, является заключение под стражу, которая преследует цель – полная изоляция от общества подозреваемого (обвиняемого). Некоторые ученые-процессуалисты в качестве характеристик рассматриваемой меры пресечения называют: ограниченное во времени изолирование подозреваемого или обвиняемого, в отношении которых не вступил в законную силу обвинительный приговор суда, от социума с помощью содержания его в специализированном учреждении [2, с. 293–298], определенном на основании требований Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство обозначает основания для применения исследуемой меры пресечения в качестве меры, которая прежде всего направлена на лишение возможности подозреваемого или обвиняемого скрыться от органов предварительного расследования, а также от судебных органов.

Анализ следственной практики показал, что на сегодня, одной из основных проблем реализации заключения под стражу как меры уголовно-процессуального принуждения является формальный подход должностных лиц, уполномоченных ходатайствовать перед судом об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, к исследованию всех оснований, имеющих место для ее реализации. Так, отдельные исследователи отмечают, что ходатайства, заявленные суду, представляют собой номинальный, стандартизированный характер. Большое количество ходатайств имеют не только схожую структуру, но они также идентичны по своему содержанию, то есть при заявлении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должностные лица органов предвари-

тельного расследования в ходатайствах указывают лишь основания, предусмотренный ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Проблема формального подхода к составлению ходатайств напрямую оказывает влияние на ограничение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого. При составлении ходатайства не учитываются личные характеристики подозреваемого, обвиняемого: состояние здоровья, семейное положение, наличие или отсутствие судимости и т. д. [4, с. 96–99]. Как решение указанной проблемы возможно предложить внесение в уголовно-процессуальное законодательство положений, предписывающих следователям и дознавателям, ходатайствующим об избрании меры пресечения, обеспечить тщательное исследование всех обстоятельств дела, оснований и личности подозреваемого (обвиняемого). Предложенные изменения в свою очередь позволят исключить формальный подход к составлению ходатайств перед судом об избрании анализируемой меры пресечения и минимизировать принятие судами необоснованных решений.

Рассматривая меру пресечения в виде домашнего ареста отметим, что практика его применения не столь обширна как заключение под стражу, однако все же является мерой пресечения, которая олицетворяет собой гуманистическую направленность модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства и по не многу начинает набирать обороты. Являясь одной из либеральных мер пресечения, свидетельствующей о развитом правовом сознании граждан, домашний арест в отечественном уголовном судопроизводстве имеет ряд особенностей и проблемных вопросов. К примеру, проблема недостаточного взаимодействия между судами и уголовно-исполнительной инспекцией порождает несвоевременное направление постановления об избрании в отношении конкретных лиц рассматриваемой меры пресечения, не всегда своевременно поступает информация о необходимых запретах и ограничениях, которые должен исполнять подозреваемый. В перечень проблемных вопросов также можем включить отсутствие возможности применения анализируемой меры пресечения в отдельных участках местности, например в виду отсутствия необходимого для ее исполнения покрытия телекоммуникационной связью (сетью), обеспечивающей работоспособность специализированного контрольного оборудования. В отдельных случаях имеет место проблема в виде отсутствия применения необходимых мер реагирования со стороны контролирующего органа к подозреваемым (обвиняемым), допустившим нарушения избранной в отношении них меры пресечения [5, с. 226–229].

Рассмотренные проблемные вопросы способствуют не самой распространенной применяемости меры пресечения в виде домашнего ареста. По нашему мнению, решение обозначенных проблем кроется в разработке дополнительных механизмов контроля за лицами, в отношении которых избрана анализируемая мера пресечения, включая также и налаживание взаимодействия между заинтересованными субъектами.

В качестве патентной проработки А. В. Васильев, Д. Ю. Чураков и П. М. Николаев предлагают использование устройства ретрансляции для расширения зоны приема сигналов электронного браслета системы электронного мониторинга подконтрольных лиц [6]. По нашему мнению, также необходимо рассмотреть вопрос настройки системы мониторинга нарушений условий домашнего ареста с одновременным оповещением об этом следователя (дознателя), к примеру, посредством отправки SMS-сообщения, что может повысить практику применения домашнего ареста как альтернативу заключению под стражу и подписке о невыезде и надлежащем поведении.

Хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальным законодательством определено, что домашний арест предполагает нахождение лица, в отношении которого применена указанная мера пресечения, не только в помещении, собственником которого он является, но и в помещении где он является нанимателем. В подобных случаях суд обязан проверить на законных ли основаниях подозреваемый (обвиняемый) пребывает в жилом помещении. Проверка заключается в изучении представленного договора аренды и удостоверения согласия арендодателя на нахождение лица под домашним арестом в его жилом помещении. Указанная возможность способствует тому, что следователь (дознатель) имеет возможность ходатайствовать перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, не имеющего собственного жилого помещения или родственников, которые предоставляют ему жилое помещение. Вместе с тем в ходе рассмотрения судами ходатайств следователей (дознателей) об избрании указанной меры пресечения в арендованном жилом помещении также возникают проблемные вопросы, связанные с тем, что суды, не принимая во внимание наличие документов об аренде жилого помещения, не приглашают собственника жилого помещения для удостоверения его согласия, вследствие чего принимают решение об отказе в удовлетворении ходатайства.

Рассматривая практику применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, считающейся условной мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества, отметим, что сегодня практика ее применения также не распространена. Данный факт может свидетельствовать о недоработке законодательного механизма ее применения.

К примеру, в положениях ст. 105.1 УПК РФ законодатель не учел отдельные аспекты, связанные с необходимостью должного обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых избирается рассматриваемая мера пресечения. Считаем, что существует необходимость в закреплении вопросов, связанных с отменой указанной меры пресечения, а также оперативного оповещения об этом органа, осуществляющего контроль за ее исполнением. Кроме того, законодатель не предусмотрел возможность должной реализации права на встречи с защитником в случаях

запрета выхода из жилого помещения в определенное время, а также запрета на пользование средствами связи. Таким образом, выход из места проживания для встречи с защитником или звонок защитнику должны квалифицироваться как нарушения [7, с. 304–309]. Отметим, что осуществление контроля по отдельным запретам в некоторых случаях затруднено, например, запрет использования информационно-телекоммуникационных технологий, а также сети Интернет.

Проводя параллели между мерами пресечения в виде запрета определенных действий и домашним арестом, можно отметить, что они схожи друг с другом. По нашему мнению, указанные меры пресечения законодательно возможно объединить, что даст возможность подобрать подходящие условия и способы реализации избранного запрета или ограничения в рамках одной меры пресечения.

Рассмотрев меры пресечения, связанные с изоляцией от общества, а также имеющиеся неразрешенные проблемы в их применении, мы считаем возможным оправдать тот факт, что сегодня активное применение нашла такая мера пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении. Вместе с тем остается острая необходимость пересмотра отношений, связанных с избранием мер пресечения, связанных с изоляцией от общества.

Повышению уровня применения мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, будет способствовать устранение ряда обозначенных выше факторов, среди которых отсутствие законодательных механизмов реализации отдельных ограничений в связи с применением домашнего ареста и запрета определенных действий, наличие эффективного механизма контроля за подозреваемыми (обвиняемыми), которым избраны домашний арест или запрет определенных действий, низкий уровень взаимодействия заинтересованных субъектов реализации обозначенных мер пресечения. Кроме того, необходима реорганизация общего порядка избрания мер пресечения, связанных с изоляцией от общества. В частности, следует разрешить вопрос о наличии дуализма субъектов при избрании рассматриваемых мер пресечения, обеспечив полную самостоятельность должностного лица органа предварительного расследования. Судебные органы должны осуществлять лишь полномочия, связанные с контролем за законностью избрания и применения в отношении подозреваемого (обвиняемого) мер пресечения, связанных с изоляцией от общества.

В качестве примера рассмотрим соединенное уголовное дело, находящееся в производстве отдела дознания Управления МВД России по г. Уфе, по обвинению гр. Иванова (данные изменены) в совершении ряда мошенничеств на территории г. Уфы в 2018 году. Так, в рамках расследования лица, совершившее преступление, было установлено в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Местонахождение гр. Иванова было установлено (проживал и зарегистрирован в г. Казань). После до-

ставления гр. Иванова в г. Уфу дознавателем, с согласия курирующего прокурора, перед судом возбуждено ходатайство об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, ввиду того, что гр. Иванов на территории г. Уфы не имеет постоянного места жительства, ранее судим, в связи с чем может скрыться, чем воспрепятствует производству по уголовному делу, а также его дальнейшему рассмотрению в суде и может продолжить заниматься преступной деятельностью. По результатам рассмотрения указанного ходатайства судом принято решение о его удовлетворении. В последующем в ходе рассмотрения ходатайства дознавателя о продлении срока содержания обвиняемого гр. Иванова под стражей судом в его удовлетворении было отказано в связи с тем, что гр. Иванов совершил преступление, наказание за которое предусматривает лишение свободы сроком до двух лет, то есть в связи с отсутствием оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ. После того как гр. Иванов был освобожден из-под стражи, он скрылся от органов дознания и был объявлен в розыск [8]. Вместе с тем при принятии подобных решений суд часто не рассматривает в качестве альтернативы применение ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, что лишает лиц, проводящих расследование, возможности своевременно закончить работу по уголовному делу и направить его прокурору для утверждения обвинительного акта, обвинительного заключения.

К сожалению, аналогичные факты не единичны в следственной практике. Считаем важным внесение изменений в действующее законодательство, а именно в ст. 108 УПК РФ в части допущения применения меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, совершивших преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет, при наличии определенных обстоятельств; либо, как указано выше, при избрании меры пресечения рассматривать судебные органы как органы, осуществляющие контроль за законностью их избрания и применения.

Библиографический список

1. Статистическая информация Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Илларионова Я. С. Основания и особенности избрания следователем меры пресечения в виде заключения под стражу // Синергия Наук. 2022. № 73. С. 293–298.
3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

4. Дмитриева Д. А. Проблема заявления и обоснования ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Инновационная наука. 2023. № 11-1. С. 96–99.

5. Нагибина Е. А. Проблемы применения домашнего ареста и пути их разрешения // Пермский период : сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. Пермь, 2022. С. 226–229.

6. Васильев А. В., Чураков Д. Ю., Николаев П. М. Устройство ретрансляции для расширения зоны приема сигналов электронного браслета системы электронного мониторинга подконтрольных лиц: патент на полезную модель RU 199224 U1. 24 августа 2020 г. Заявка № 2019137002 от 18 ноября 2019 г.

7. Филатов Г. Б. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Правоохранительная функция государства: актуальные вопросы теории и правоприменительной практики : сборник статей научно-представительских мероприятий. М., 2022. С. 304–309.

8. Архив уголовных дел Управления МВД России по г. Уфе.

© Соколова Т.С., 2024

УДК 343.16

Спирин А. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫШЕСТОЯЩЕГО ПРОКУРОРА

ON CERTAIN ASPECTS OF THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE HIGHER PROSECUTOR

Аннотация. Автор статьи обращается к понятию «вышестоящий прокурор», используемому в российском уголовно-процессуальном законодательстве. В статье рассмотрено процессуальное положение данного лица, особенности реализации им полномочий в досудебном производстве. Он располагает достаточно сложной компетенцией, включающей в себя элементы надзорной и контрольной деятельности. В статье констатируется, что вышестоящий прокурор, компенсируя в установленных законом случаях недостатки надзора своего подчиненного, берет на себя ответ-

ственность за непосредственное принятие некоторых процессуальных решений по уголовному делу.

Abstract. The author of the article refers to the concept of "higher prosecutor" used in Russian criminal procedure legislation. The article considers the procedural situation of this person, the peculiarities of the exercise of powers in pre-trial proceedings. It has a rather complex competence, including elements of supervisory and control activities. The article also states that the higher prosecutor, compensating in the cases established by law for the shortcomings of the supervision of his subordinate, takes responsibility for the direct adoption of some procedural decisions in the criminal case.

Ключевые слова: надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор, надзор, полномочия, процессуальное решение, расследование уголовного дела.

Keywords: the supervising prosecutor, a superior prosecutor, supervision, powers, procedural decision, criminal investigation.

В ряде норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) можно встретить упоминание о вышестоящем прокуроре как участнике уголовно-процессуальных отношений (например, ч. 5 ст. 37, ч. 1 ст. 66, ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Поскольку уточнений относительно того, каких именно должностных лиц органов прокуратуры можно отнести к данной категории, УПК РФ не содержат, за разъяснениями по данному вопросу следует обращаться к нормативным правовым актам Генерального прокурора Российской Федерации.

Например, в одном из подобных документов в качестве вышестоящих по отношению к прокурорам городов, районов и приравненным к ним прокурорам предлагается понимать не только прокуроров субъектов Российской Федерации, а также их заместителей, но и руководителей структурных подразделений прокуратур субъектов Российской Федерации, их заместителей, старших помощников и помощников прокуроров субъектов Российской Федерации [1]. Однако нужно иметь в виду, что наделение перечисленных должностных лиц уголовно-процессуальной компетенцией производится процитированным документом исключительно в рамках реализации положений ст. 124 УПК РФ, т. е. в рамках правоотношений обжалования.

В научной литературе предприняты попытки выработать общие подходы к определению понятия «вышестоящий прокурор [2; 3]. В целом постановку вопроса об изменении (конкретизации) действующего законодательства в этой части следует признать оправданной. Другим путем решения обсуждаемой проблемы может стать внесение разъяснений в приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4].

На наш взгляд, в силу многообразия процессуальных ситуаций, предусматривающих возможность участия в уголовном деле вышестоящего прокурора, исчерпывающим образом урегулировать непосредственно в УПК РФ полномочия прокуроров различных уровней в настоящее время затруднительно. Например, порядок реализации полномочия по отмене незаконного или необоснованного полномочия нижестоящего прокурора (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) будет отличаться в зависимости от того, об отмене какого постановления идет речь. Так, для отмены постановления заместителя прокурора города (района) о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования очевидно необходимо решение прокурора субъекта Российской Федерации или его заместителя. В то же время для отмены постановления заместителя прокурора города об изъятии уголовного дела у органа дознания и передаче его следователю достаточно решения прокурора города, выступающего в данном случае в роли вышестоящего прокурора. Поэтому оправданной и разумной станет конкретизация статуса вышестоящего прокурора применительно к различным процессуальным ситуациям именно в нормативных правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Что касается сущности полномочий вышестоящего прокурора, то, на наш взгляд, она носит достаточно сложный характер и зависит от того, в какой ситуации реализуется то или иное полномочие. Например, полномочия вышестоящего прокурора по отношению к подчиненному прокурору носят отчетливо властный *контрольный* характер.

В других процессуальных ситуациях вышестоящий прокурор осуществляет по отношению к органам следствия и дознания *надзорную* деятельность и уполномочен на принятие некоторых процессуальных решений, прямо предусмотренных УПК РФ (например, прокурор субъекта Российской Федерации, не осуществляя непосредственного надзора за производством дознания по конкретному уголовному делу, в исключительных случаях продлевает срок дознания по уголовному делу до 12 месяцев в соответствии с ч. 5 ст. 223 УПК РФ).

Интересно отметить, что в целом ряде ситуаций Генеральный прокурор Российской Федерации предписывает в приказах вышестоящим прокурорам реализовывать полномочия нижестоящего надзирающего прокурора. Так, при несогласии с позицией нижестоящего прокурора о признании законным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела вышестоящий прокурор должен в установленный в приказе срок при наличии оснований принимать меры к отмене незаконного решения, т. е. реализовать полномочия, предусмотренные п. 5¹ ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Аналогичное требование обращено к вышестоящим прокурорам и в ситуациях, когда они не соглашались с позицией нижестоящего прокурора о признании законным постановления о прекращении уголовного дела (уголовного пре-

следования) либо постановления о приостановлении предварительного следствия: незаконные решения необходимо отменять [5].

Необходимость обращения надзирающего прокурора к вышестоящему прокурору для «включения» надзорного потенциала последнего подчеркивается и в положении приказа № 544 об информировании вышестоящего прокурора о «складывающейся порочной практике» продления сроков предварительного следствия (как известно, прокурор не располагает возможностями непосредственного и реального воздействия на продление срока следствия). Анализ положений рассматриваемого приказа показывает: надзирающие прокуроры обязаны на регулярной основе анализировать практику расследования уголовных дел и в необходимых случаях обращаться к вышестоящему прокурору с проектами актов прокурорского реагирования, адресованных руководителю вышестоящего следственного органа [5].

Анализ положений УПК РФ и нормативных правовых актов Генерального прокурора Российской Федерации позволяет сделать некоторые выводы:

1. Вышестоящий прокурор – это должностное лицо прокуратуры, не осуществляющее непосредственный надзор за исполнением процессуального законодательства по расследуемому уголовному делу (материалу проверки). Он становится участником процессуальных отношений по данному делу (материалу) лишь в исключительных случаях.

2. Вышестоящий прокурор осуществляет в досудебных стадиях уголовного судопроизводства деятельность, совмещающую в себе:

а) надзорную составляющую – по отношению к действиям и решениям органов следствия и дознания;

б) контрольную составляющую – по отношению к действиям и решениям нижестоящего (надзирающего) прокурора.

3. Непосредственное осуществление вышестоящим прокурором надзорной деятельности по уголовному делу (материалу проверки) носит характер исключения и обусловлено:

а) прямым указанием УПК РФ (ч. 5 ст. 223);

б) поступившим к нему обращением (информацией) нижестоящего прокурора (ч. 6 ст. 37 УПК РФ);

в) либо обращением (жалобой) иного участника уголовного судопроизводства (например, потерпевшего).

4. Осуществление вышестоящим прокурором руководства, управления и контроля процессуальной деятельности нижестоящего прокурора может приводить в конечном итоге к непосредственному (своей властью) исправлению ошибок подчиненного. При этом вышестоящий прокурор, компенсируя недостатки надзора своего подчиненного, должен взять на себя ответственность за непосредственное принятие процессуального решения по уголовному делу. Так, вышестоящий прокурор, рассмотрев соот-

ветствующее обращение следователя, не просто отменяет оспоренное постановление нижестоящего прокурора, а утверждает обвинительное заключение и сам направляет уголовное дело в суд (п. 2 ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

5. Конкретизация правового статуса вышестоящего прокурора в досудебном производстве должна осуществляться в отдельных приказах Генерального прокурора Российской Федерации, посвященных организации надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания.

Библиографический список

1. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора : приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 487 от 24 августа 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Абдул-Кадыров Ш. М., Халиулин А. Г. Понятия «прокурор» и «вышестоящий прокурор» в досудебном производстве по уголовным делам // Законность. 2014. № 1. С. 43–46.

3. Векшин В. П. Правовой статус вышестоящего прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1. С. 65–74.

4. Шишков А. А., Широкова Ю. И. Процедура и сроки обжалования следователем Следственного комитета Российской Федерации постановления прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 253–257.

5. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Спирин А. В., 2024

Степанова А. А. – доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

**INTERACTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE INTERNAL AFFAIRS
BODIES OF RUSSIA IN THE FIELD OF PROTECTION
OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS**

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика взаимодействия Уполномоченного по правам человека и органов внутренних дел по защите прав и свобод человека и гражданина, установленная в Конституции Российской Федерации, а также вопросы преодоления неопределенности в направлениях и формах такого взаимодействия и его эффективности.

Abstract. This article examines the specifics of the interaction between the Commissioner and the internal affairs bodies for the protection of human and civil rights and freedoms established in the Constitution of the Russian Federation, overcoming uncertainty about the directions and forms, and the effectiveness of such interaction.

Ключевые слова: государственность, защита прав и свобод человека и гражданина, правовое регулирование, общественные отношения, судебная власть.

Keywords: statehood, protection of human and civil rights and freedoms, legal regulation, public relations, judicial power.

В российском обществе постепенно утверждается идея, согласно которой среди всех ценностей нематериального характера право как таковое, права и свободы человека и гражданина являются самыми главными и важными. По мере развития российского общества и его государственности человек в единстве со своими правами и свободами как высшая ценность должен стремиться к самореализации в различных социально необходимых и социально полезных сферах деятельности, опираясь на свои силы, способности и активность. Однако, как свидетельствует широкая социальная практика, в условиях реальной действительности, сложной и проти-

воречивой, ему удастся это не всегда. Возникает необходимость в формировании особого механизма правового регулирования общественных отношений, обеспеченного соответствующими гарантиями, – право-защитного.

Рассмотрим два механизма защиты прав и свобод человека и гражданина: судебная и внесудебная.

Судебная система является главным механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина. В принципиальных сторонах основа этой системы отражается в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, где прямо закреплено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. При этом судебная система защиты прав и свобод человека и гражданина постоянно совершенствуется, учитывая состояние, структуру, динамику российского общества и его суверенной государственности, развитие отечественного законодательства и практики его применения.

В Российской Федерации также получила развитие и внесудебная система защиты прав и свобод человека и гражданина. В составе этой достаточно сложной и разветвленной системы важное место занимает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) вместе с аппаратом. В несудебную систему защиты прав и свобод человека и гражданина вовлечены также и российские органы внутренних дел.

Неотъемлемым механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина является судебная система. Основа этой системы заложена в Конституции Российской Федерации (статьи 10, 18, 19, 45–54, 118–129). Вместе с тем в Российской Федерации получила развитие и внесудебная система защиты прав и свобод человека и гражданина, которая, дополняя сложившийся судебно-правовой механизм, способствует комплексному и более осмысленному решению этой сложной проблемы [1].

Взаимодействие Уполномоченного и органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод человека и гражданина может реализовываться на различных уровнях, но всегда оно должно выполняться, оставаясь в целом в рамках конституционных правоотношений. В самом общем виде конституционные правоотношения – это определенные сферы общественных отношений, урегулированные с той или иной степенью нормативности, принципами и нормами конституционного права.

Как и в других видах правоотношений, в конституционных правоотношениях конкретизируются права и обязанности участников общественной жизни, частной и публичной, модели которых представлены в конституционных нормах права. И конституционные нормы права, и конституционные правоотношения как юридическая связь прав и обязанностей, «оживляются» в результате сознательно-волевых действий соответствующих участников общественных отношений. В самом широком понимании конституционных правоотношений они могут рассматриваться как особая

форма взаимодействия, участники которой обладают определенным объемом прав и обязанностей, которые получили закрепление в Конституции Российской Федерации. Следовательно, взаимодействие участников конституционных правоотношений есть необходимое условие осуществления прав и обязанностей, образующих их юридическое содержание, в том числе признанных прав и свобод человека и гражданина, соблюдение и защита которых и является конституционной правовой обязанностью государства.

Кроме того, необходимость во взаимодействии Уполномоченного с органами внутренних дел возникает в силу того, что органы внутренних дел обладают правовыми, организационными, техническими и иными возможностями для лучшего обеспечения контакта Уполномоченного с соответствующими лицами.

Правилом стало то, что МВД России в части своей компетенции запрашивает у Аппарата Уполномоченного информацию о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина; оказывает содействие при проведении проверок Уполномоченного по жалобам на нарушения прав и свобод человека и гражданина, поступающих в его адрес; предоставляет Уполномоченному предложения по выработке мер по предупреждению прав и свобод человека при подготовке ежегодных докладов; привлекает к участию в работе своих коллегиальных и совещательных органов Уполномоченного либо сотрудника его Аппарата; включает в план проведения инспекторских проверок территориальных органов внутренних дел.

В ряде случаев на общем поле защиты прав и свобод человека и гражданина Уполномоченный и органы внутренних дел, прежде всего, МВД России, действуют совместно.

Хотя основное назначение органов внутренних дел – это правовая охрана, это отнюдь не значит, что они исключены из сферы правозащитной деятельности. Напротив, органы внутренних дел вписаны в механизм внесудебной правозащиты и активно взаимодействуют с Уполномоченным. Вместе с тем думать, что в области взаимодействия Уполномоченного и органов внутренних дел по защите прав и свобод человека и гражданина нет проблем, было бы неправильно.

Для дальнейшего активного взаимодействия Уполномоченного и органов внутренних дел в демократическом режиме правозаконности, конституционализма, необходимо усилить не только правопросветительскую деятельность среди населения, а еще и правовоспитательную работу среди сотрудников органов внутренних дел всех уровней [2].

Библиографический список

1. Поповская П. К. Уполномоченный по правам человека как институт несудебной защиты прав человека в России // Вестник Саратовского

государственного технического университета. 2006. Том 3. № 1 (14). С. 209–214.

2. О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Липецкой области в 2004 году : постановление Липецкого областного совета депутатов от 26 мая 2005 года № 837-пс // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

© Степанова А. А., 2024

УДК 343.985.4

Сучков А. И. – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (г. Орел, Россия)

**ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ
ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ СОГЛАСНО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**THE POSSIBILITY OF USING DRONES IN THE COURSE
OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN ACCORDANCE
WITH THE CURRENT LEGISLATION**

Аннотация. В рассматриваемой статье автором проводится анализ современного состояния законодательства, закрепляющего производство отдельных следственных действий и использование беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений.

Abstract. In this article, the author analyzes the current state of the legislation that establishes the production of individual investigative actions and the use of unmanned aerial vehicles in the detection and investigation of crimes.

Ключевые слова: расследование и раскрытие преступлений, следственные действия, осмотр места происшествия, фиксация следов преступления, беспилотные летательные аппараты.

Keywords: investigation and detection of crimes, investigative actions, inspection of the scene of the incident, fixing the traces of the crime, unmanned aerial vehicles.

На месте происшествия при раскрытии и расследовании преступления производится обязательная фиксация как самого места происшествия, так и различных объектов, предметов, которые становятся вещественными доказательствами по уголовному делу.

Давно известно, что осуществление расследования преступлений состоит из нескольких «следующих друг за другом процессуальных действий, направленных на выявление обстоятельств совершенного преступного деяния» [1, с. 126]. Одно из обязательных следственных действий – это осмотр места происшествия (далее – ОМП). Согласно ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «целью проведения осмотра места происшествия являются обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [2]. Не следует забывать, что часто для сбора доказательств используют видеофиксацию.

Следователь имеет право самостоятельно принимать решение об использовании видеофиксации в момент ОМП, за исключением случаев отсутствия понятых, когда право следователя становится его обязанностью, согласно ч. 3 ст. 173 УПК РФ.

Мы согласны с мнением А. А. Балаева, что «видеозапись имеет ряд преимуществ перед другими техническими средствами, производящими фиксацию информации (к примеру – фотофиксацию), заключающихся в том, что при данном способе сбора доказательственных фактов сигналы изображения и сигналы звука осуществляются одновременно» [3, с. 21].

Как утверждала профессор И. А. Макаренко, «при помощи видеосъемки по указанию следователя эксперт-криминалист вправе фиксировать весь процесс проведения осмотра места происшествия» [5, с. 147]. Нельзя забывать, что часто нет необходимости видео фиксации всего хода проведения следователем ОМП. Поэтому считается необходимым фиксировать на устройства фото-, видеофиксации только отдельные более значимые этапы ОМП. При проведении фото-, видеофиксации ОМП в учебниках по криминалистике «следователям и специалистам (в зависимости от субъекта, который проводит видеосъемку) рекомендуется комментировать снимаемые объекты» [4, с. 48].

Был произведен ряд экспериментов с квадрокоптером DJI Mavic Pro. Суть экспериментов заключалась в уточнении возможностей, а также подтверждении актуальности применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) на ОМП, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, а в особенности – на дорогах с интенсивным движением и на труднодоступных участках местности. Результаты экспериментов были зафиксированы на встроенную камеру, которая так же может производить видеозапись в онлайн-режиме, фотоснимки с разрешением 12 МП и угле обзора объектива 78,8 градусов. Увеличивая высоту съемки, пользователь открывается возможность четко зафиксировать не только местоположение

автотранспорта и вещественных доказательств места происшествия (в данном случае – инсценированное дорожно-транспортное происшествие), а также и пути возможного следования скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия виновника происшествия, что во многом облегчит работу следственно-оперативных групп (далее – СОГ) (также пути отхода и подхода, если применять БПЛА в других разновидностях ОМП). Приведено сравнение фотоснимка, произведенного квадрокоптером DJI Mavic Pro на расстоянии 54 метров от земли, и фотоснимка, произведенного на расстоянии 10 метров от земли (фотоснимок, произведенный на расстоянии 54 метров от земли увеличен до масштаба фотоснимка, произведенного на расстоянии 10 метров от земли). Как можно заметить, качество снимка не ухудшилось, хотя расстояние, на котором они были отсняты, различны. Приведена аналогия качества производимого фотоснимка квадрокоптером DJI Mavic Pro и фотоаппаратом Canon EOS 1300D. Было выяснено, что качество фотоснимка с квадрокоптера не уступает по качеству фотоснимку, произведенному на фотоаппарат. Если использовать не встроенную в БПЛА камеру, а присоединять к нему технику (применяются специальные крепежи), состоящую на вооружении экспертов-криминалистов, снимки могут быть более качественными.

Необходимо учитывать, что ОМП может производиться где угодно, в том числе на участках дороги с интенсивным движением. В этих случаях для оперативности целесообразно использовать последние научные достижения техники, то есть БПЛА, которые обеспечат: оперативность получения результатов; маловысотность и высотность фото-, видеофиксации мест происшествий; безопасность и качественную работу СОГ, увеличат точность фиксации места положения последствий ОМП, а также позволят осуществить фото-, видеосъемку вещественных доказательств до момента их изменения. В нашей стране закон об использовании БПЛА как специальной техники находится в начальной стадии, еще не до конца урегулирован и является нераспространенным явлением, поэтому, на наш взгляд, необходимо в дальнейшем разработать и издать рекомендации по эксплуатации данного вида техники на местах ОМП сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, а также сотрудниками органов предварительного следствия.

Так, согласно данным, приведенным на официальном сайте Российской газеты, следует, что БПЛА смогут совершать полеты на высоте до 150 метров без получения разрешения в Единой системе организации воздушного движения. Об этом говорится в проекте постановления Минтранса России, размещенного на федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Полномочиями по регулированию использования БПЛА предложено также наделить Росгвардию, ФСО России и ФСБ России «в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, проведения неот-

ложных следственных действий, оперативно-розыскных и антитеррористических мероприятий» [6].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам: статья 176 УПК РФ устанавливает, что целью осмотра, помимо обнаружения следов преступления, является выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела, применение БПЛА поможет обеспечить безопасность сотрудников правоохранительных органов и иных участвующих лиц и выполнять их обязанности в труднодоступных или опасных местах.

Применение БПЛА в деятельности экспертно-криминалистических подразделений как специальной техники облегчит и ускорит работу сотрудников правоохранительных органов на первоначальном этапе раскрытия и расследования совершенных преступлений, так как в значительной мере повысит качество проводимых следственных действий на первоначальном этапе.

Библиографический список

1. Александров И. В. Криминалистика. Тактика и методика : учебник для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 313 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Балаев А. А. Использование данных видеофиксации при осмотре места происшествия // Современные научные исследования и инновации. 2017. С. 19–25.

4. Гадельшин Р. И. Криминалистика : учебное пособие для бакалавриата и специалистов. М. : КноРус, 2016. 224 с.

5. Макаренко И. А., Эксархопуло А. А. Криминалистика : учебник для бакалавриата. М. : Юрлитинформ, 2014. 520 с.

6. Беспилотникам могут разрешить свободные полеты на высоте до 150 метров // Российская газета. URL: <http://rg.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

© Сучков А. И., 2024

Сучкова Е. А. – адъюнкт кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (г. Орел, Россия)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF ILLEGAL TURNOVER OF PAYMENT FUNDS

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные проблемы, возникающие в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей. Рассмотрены отдельные аспекты, касающиеся получения показаний банковского и налогового сотрудника, и найдены пути их решения.

Abstract. In the present article the main problems arising in the course of investigation of illegal turnover of payment means are considered. Separate aspects of obtaining testimony of bank and tax officer are considered and ways of their solution are found.

Ключевые слова: методика расследования, доказывание, средства неправомерного оборота средств платежей, получение показаний, способ совершения преступления, место совершения преступления, допрос специалиста.

Keywords: methodology of investigation, evidence, means of illegal circulation of means of payment, obtaining testimony, method of committing a crime, place of committing a crime, interrogation of a specialist.

Надежная национальная платежная система является гарантом безопасного экономического развития. Обязанностью Российского государства является обеспечение безопасности национальной платежной системы путем повышения уровня защиты от несанкционированных операций мерами уголовно-правового воздействия. Так, согласно годовому отчету Банка России за 2022 год количество безналичных операций составило 79,5 млрд платежей на сумму 1592,3 трлн рублей, что по сравнению с 2021 годом увеличилось на 32,4 %, а по количеству – на 13,2 % [1].

Активная борьба с экономическими преступлениями, особенно с использованием электронных платежных систем, ведется правоохранительными органами. В частности, уголовно-процессуальное законодательство не стоит на месте и постоянно развивается в ногу с информационными технологиями и позволяет применять представленные положения в ходе

предварительного расследования. Однако существуют проблемы, которые не позволяют в полной мере применять положения, регулирующие производство предварительного следствия.

Исследование методики расследования неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) позволяет прийти к выводу, что существующие рекомендации направлены на решение проблем, касающихся тактики и методики расследования указанного преступления, где в качестве предмета выступают платежные карты различных видов [2]. Сбыт электронных носителей, электронных средств, информации остается без внимания и требует отдельного исследования и выработки непротиворечивых рекомендаций.

При расследовании неправомерного оборота электронных средств платежей особое внимание уделяется показаниям, которые согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) признаются доказательством по уголовному делу. В ходе складывающихся следственных ситуаций может возникнуть проблема, связанная с разъяснением некоторых положений относительно банковского обслуживания. Следователь может получить указанные сведения только в рамках признания банковского сотрудника, когда преступление совершено в условиях очевидности, путем разъяснения ему прав в соответствии со ст. 56 УПК РФ, в рамках проводимого расследования, касающегося способа совершения конкретного преступления. Следственная практика на данный момент не разработала алгоритм действий касательно указанной следственной ситуации. Действительно, процедура доказывания облегчается тем, что консультативную помощь может оказать банковский сотрудник, в офисе которого было осуществлено открытие личного кабинета «Банк-клиент» для подставной организации-однодневки и получение электронного токена. Однако, по нашему мнению, указанная консультативная помощь может по-разному интерпретироваться в соответствии с законодательством.

Указанную проблему возможно решить путем признания банковского или налогового сотрудника специалистом, который обладает специальными знаниями в области банковского дела или налогового учета. Однако в данном случае уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, предусматривающей допрос специалиста. Следовательно, и законность полученных показаний у указанных субъектов ставится под сомнение, ведь на данный момент в уголовном деле они участвуют в качестве свидетеля. Наша же цель заключается в получении специальных знаний, касающихся банковского дела или налогового учета, а цель допроса свидетеля – это зафиксировать какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Соответственно, необходимо пересмотреть следственные действия, направленные на получение показаний, и ввести новую норму, которая позволила бы получить показания указанных субъектов в рамках законного следственного действия (допрос

специалиста), тем самым не нарушая основные принципы уголовного судопроизводства.

Доказывание времени и места совершения сбыта платежных карт или электронных средств платежей вызывает трудности. Однако указанные признаки имеют важное значение при установлении обстоятельств совершенного преступления. Если они останутся неустановленными до окончания следствия, это послужит поводом для возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования. Указанное отражается в апелляционном постановлении Нагатинского районного суда г. Москвы в отношении А. В. Дацко [3]. Из обстоятельств уголовного дела известно, что А. В. Дацко обвиняется в совершении 24 (двадцати четырех) преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 187 УК РФ, а именно в изготовлении, хранении в целях сбыта поддельных платежных карт. В результате изучения уголовного дела судьей было принято решение о возвращении уголовного дела прокурору для дополнительного расследования по следующим обстоятельствам: во-первых, в обвинительном заключении при описании обстоятельств преступления, связанного с неправомерным оборотом поддельных платежных карт, следователь не указывает время сбыта поддельных платежных карт, его место; во-вторых, предъявляя А. В. Дацко совершение сбыта поддельных платежных карт, следователь не описывает, каким образом происходил сбыт поддельных платежных карт. Можем сделать вывод, что указанные обязательные элементы по уголовному делу не были установлены, а значит, событие совершенного преступления не было доказано в полной мере, в связи с чем предъявленное обвинение было неконкретным. Установление места совершения преступления является обязательным условием его конкретизированности и влияет на определение территориальной подсудности уголовного дела, а указание в обвинительном заключении о том, что действия подсудимого были совершены в «неустановленное время», предполагает, что действия могли быть совершены в любое время не позднее даты, указанной в обвинительном заключении, а значит, и за пределами сроков давности, установленных ст. 78 УК РФ.

Криминалистическая характеристика, как мы знаем, имеет еще один элемент, который необходим для установления при расследования неправомерного оборота средств платежей, – способ совершения преступления. В настоящее время не существует единой разработанной системы способов совершения рассматриваемого вида преступления в криминалистике. Как правило, указанное преступление совершается параллельно с другим, например, с незаконным образованием юридического лица. Это говорит о сложности определения данного элемента криминалистической характеристики. Исследователи утверждают, что экономические преступления относятся к числу сложных преступлений, так как включают в себя весь комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений [4].

Итак, действия, связанные с неправомерным оборотом электронных средств платежей, в настоящее время не имеют единой системы.

Изучив вынесенные приговоры по статье 187 УК РФ, можем отметить, что в основном способ совершения преступления сопровождался изготовлением поддельных документов, поручений клиентов, кассовых чеков с использованием компьютерной техники, канцелярских принадлежностей, платежных карт с использованием технических устройств старого образца [5, 6]. В настоящее время, опираясь на судебную и следственную практику, можно выделить следующие способы: оформление платежной карты физическим лицом и продажа ее неустановленным лицам за вознаграждение; открытие на подставного директора расчетного счета, после чего он передает электронные средства и электронные носители информации для последующего неправомерного осуществления финансовых операций по приему, выдаче, переводу денежных средств от имени юридических лиц; изготовление и активация платежной банковской карты с помощью программы «Автоматизированное рабочее место начальника» для открытия расчетных счетов на физических лиц.

Таким образом, рассмотренные проблемы, возникающие при расследовании неправомерного оборота средств платежей, являются актуальными и нерешенными как в следственной практике, так и относительно криминалистической методики. В статье были проанализированы отдельные аспекты, связанные с разнообразием способа совершения неправомерного оборота средств платежей, который совершенствуется в настоящее время, и на основании эмпирического материала выявлены недостатки, связанные с доказыванием некоторых элементов криминалистической характеристики неправомерного оборота средств платежей.

Библиографический список

1. Годовой отчет Банка России за 2023 год: утвержден Советом директоров Банка России 28 марта 2023 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43872ar_2022.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

2. Теймуров М. Н. Анализ практики неправомерного оборота средств платежей как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты, 2022. С. 289–295.

3. Постановление № 1-164/22 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

4. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 20 ноября 2017 г. по делу № 01-0701/2017 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

5. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 26 июля 2019 г. по делу № 01-0028/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

6. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 12 апреля 2023 г. по делу № 1-193/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

© Сучкова Е. А., 2024

УДК 343.13

Тарасов А. А. – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», доктор юридических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ

EMOTIONAL COMPONENT OF CRIMINAL PROCEDURE DISCUSSIONS

Аннотация. В научных дискуссиях по любым проблемам российского уголовного процесса наряду с юридическими тезисами и аргументами всегда присутствуют мировоззренческие и идеологические мотивы, имеющие выраженную эмоциональную составляющую. На конкретных примерах автор показывает, что неспособность исследователей отделить эмоциональную составляющую от юридической способна привести к ошибочным результатам.

Abstract. In scientific discussions on any problems of the Russian criminal process, along with legal theses and arguments, there are always worldview and ideological motives that have a pronounced emotional component. Using specific examples, the author shows that the inability of researchers to separate the emotional component from the legal component can lead to erroneous results.

Ключевые слова: уголовный процесс, правоприменительная деятельность, уголовное судопроизводство, суд присяжных, потерпевший, досудебное соглашение о сотрудничестве.

Keywords: criminal process, law enforcement, criminal proceedings, jury trial, victim, pre-trial cooperation agreement.

Развитие отечественной системы правосудия и уголовного правосудия, в частности, всегда было и всегда будет предметом острой полемики, причем не только среди специалистов в области юриспруденции, но и в широких слоях общества. Выбор ориентиров такого развития – это относительно самостоятельный объект научных исследований и дискуссий. По многим понятным причинам на рубеже XX и XXI веков начавшаяся в России судебно-правовая реформа осуществлялась в интенсивном поиске тех образцов осуществления правосудия и антикриминальной деятельности государства, которые хорошо себя зарекомендовали в других странах, а потому, как тогда казалось какой-то части юристов, могли бы быть максимально эффективными и на российской почве. Нет ничего удивительного, что поиск этот осуществлялся в острых дискуссиях, сопряженных с взаимным навешиванием ярлыков на оппонентов и «украшенных» многими эмоциональными оценками и заявлениями. Здоровый консерватизм одних творцов судебной реформы, который, по общемировой традиции, всегда с необходимостью присутствовал в любых успешных экономических и политических реформах, другими ее творцами был уничижительно окрещен литературной метафорой «любовь к отеческим гробам» [1, с. 50]. Стремление других реформаторов к радикальным преобразованиям в системе правосудия, без которых, по столь же многократно подтвержденной в мировой истории традиции, тоже не обходилась ни одна крупная прогрессивная реформа, другими участниками этих событий оценивалась как слепое подражание англо-американской системе правосудия [2, с. 44–45]. Во всех этих суждениях была своя доля правды, и все они имели мировоззренческую природу и соответствующую ей выраженную эмоциональную окраску.

Эта ситуация сохраняется в юридической науке до сих пор и едва ли когда-нибудь изменится. Меняется только общий эмоциональный фон. За рубежом страны теперь поделены на дружественные и недружественные. Те реформаторы второй половины 1990-х – начала 2000-х годов, которые ратовали за активное внедрение на российскую почву западных, главным образом, англо-американских процессуальных институтов типа «параллельного адвокатского расследования», публично обвиняются в зависимости от советов «своих американских гуру» и псевдолиберализме [3, с. 19].

Законотворческая и правоприменительная практика, между тем, показала равную непродуктивность как безудержного восхваления зарубежных вариантов развития системы правосудия, так и столь же яростной эмоциональной ругани по их поводу. Это совершенно естественно: каким бы эффективным ни казался какой-то социально-правовой институт «со стороны», пересадка его на собственную национальную почву непред-

сказуема по результату. И наоборот – критиковать чужую работу, равно, как и чужой опыт, несравнимо проще, чем делать собственную подобную же работу и накапливать собственный аналогичный опыт. Эмоции в решении законотворческих и правоприменительных задач всегда были не самым лучшим помощником. Поиск виновных в недостатках функционирования собственной правовой системы где-то «на стороне» чреват новыми ошибками в реформировании отечественной правовой системы. И когда «иссякнет жила» эмоциональной критики в адрес зарубежных назойливых советчиков и их приспешников внутри собственной страны, придется искать «виноватых» уже где-то среди своих, кем сегодня восхищались. Чтобы не оказаться в такой ситуации, необходимо максимально устранить из научных дискуссий эмоциональные мотивы, чего бы и кого бы они ни касались, а сосредоточиться на решении реальных правотворческих и правоприменительных задач.

Уголовная юстиция, как и система правосудия в целом, играет роль зеркала, в котором отражаются взаимоотношения государства и населения страны, правоохранительных органов и судов между собой, между всеми властными субъектами, занятыми в производстве по уголовным делам, и гражданами, обратившимися к государству за помощью в связи с совершенными в отношении них преступлениями, либо, напротив, к которым государство предъявило уголовно-правовые претензии. Есть и менее очевидные, но не менее значимые контакты государства в лице его органов и должностных лиц с гражданами и организациями, связанные со сферой уголовной юстиции. Это взаимоотношения добросовестных приобретателей имущества, которое после его приобретения новыми владельцами признается похищенным, то есть подлежащим возврату первоначальному законному собственнику, или признается вещественным доказательством по уголовному делу. Это взаимоотношения человека, находящегося под стражей или в местах лишения свободы, с государством по поводу прав и обязательств этого человека, не имеющих прямой связи с уголовным процессом – его состоянием здоровья, его семейными и родственными, в том числе алиментными правами и обязанностями, наследственными и иными имущественными правами. Система уголовной юстиции, занятые в ней государственные органы и процедуры, в которых они реализуют свои властные полномочия, должны быть рассчитаны на решение всех правовых и связанных с ними организационных проблем, которые так или иначе связаны с производством по уголовным делам.

В правовом и организационном решении перечисленных и иных подобных проблем разные страны проходят во многом схожие этапы развития, во многом различающиеся в зависимости от многих исторических и социально-политических факторов. Многолетнее, идеологически поддерживаемое все время существования советской власти в России неуважительное отношение к собственности, к имущественной состоятельности и

даже просто к понятному человеческому стремлению сегодня и завтра жить благополучнее в имущественном отношении, чем вчера, порождало, как это ни странно, целый ряд никого не беспокоивших нарушений имущественных прав многих людей и организаций, возникавших в связи с производством по уголовным делам. Лишь в последнее время появились научные исследования, направленные на защиту имущественных интересов лиц, не участвующих в уголовном процессе [4, 5].

Эмоционально перегруженными являются многие предложения по «совершенствованию» механизмов защиты прав жертв преступлений, названных в российском уголовном и уголовно-процессуальном законах «потерпевшими». Априорное эмоциональное сочувствие к людям, пострадавшим от преступлений, и презюмирующееся совпадение интересов этих людей с интересами общества и государства становится основой для многих странных авторских предложений. Из их числа – предложение о закреплении в законе правила о рассмотрении уголовного дела судом присяжных только при согласии на это потерпевшего [6, с. 164], заключать так называемые «досудебные соглашения о сотрудничестве» только с его согласия [7, с. 8], спрашивать его согласие на это с фиксацией в материалах уголовного дела, одновременно разъясняя ему, что его возражения и несогласие не препятствуют заключению такого соглашения [8, с. 8]. Предоставление потерпевшему как частному лицу процедурной возможности заблокировать реализацию публичного интереса или законных интересов других людей – это заведомо гибельный, популистский путь «совершенствования» системы уголовной юстиции. Даже просто обращение к потерпевшему с просьбой поддержать или не поддержать какое-то публично-правовое действие государства – это причинение ему дополнительных, как минимум – неудобств, а как максимум – новых мучений и страданий. И уж тем более нелепо ставить в зависимость от мнения этого человека, попавшего в действительную, всеми понимаемую беду, реализацию конституционных прав и свобод других людей.

Сказанное касается только настоящих потерпевших. Но ведь в реальной практике уголовного процесса не так уж редко лжепотерпевшие, которые тоже обладают процессуальными правами и реализуют их. Здесь эмоции сострадания и желания помочь и основанные на них законодательные инициативы и вовсе приобретают какой-то нелепый вид. Так, например, добиваться права такого «потерпевшего», а значит и его адвоката-представителя, на ознакомление с материалами дела в любом объеме и в любой момент под предлогом, что эти документы формально затрагивают и его интересы как участника процесса на стороне обвинения, фактически означает пособничать в совершении преступлений против правосудия и стимулировать готовность к новым преступлениям. Правоохранительным органам многих крупных городов в 1990-е годы был известен особый вид криминального бизнеса – шантаж состоятельных мужчин, как правило,

собственников жилья, заявлениями об изнасилованиях, которые якобы собирались подавать, а иногда и реально подавали подставные «потерпевшие», с целью вымогательства крупных денежных сумм или отчуждения жилых помещений в пользу участников преступных групп.

Завершая сказанное, подчеркнем, что эмоциональная составляющая научных и связанных с ними профессиональных дискуссий, касающихся российского правосудия, способна причинить и причиняет самому правосудию немалый вред. Исключить эмоции из человеческой деятельности невозможно, но разграничить в реальной правотворческой и правоприменительной практике собственно юридическое содержание и его эмоциональную оболочку не только возможно, но и необходимо.

Библиографический список

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / под ред. Б. А. Золотухина. М. : Редакция газеты «Демократический выбор», 2001.
2. Бойков А. Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2002.
3. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021.
4. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022.
5. Мурылева-Казак В. В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
6. Еникеев З. Д., Шамсутдинов Р. К. Проблемы уголовного правосудия в современной России : монография. Уфа : РИО БашГУ, 2006.
7. Олейник В. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
8. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса участников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020.

© Тарасов А. А., 2024

Телигисова С. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук (г. Уфа, Россия)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

**ON THE ISSUE OF HISTORICAL ASPECTS OF THE INTERACTION
OF THE BODIES OF INQUIRY AND INVESTIGATION
IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES**

Аннотация. Автор в представленной статье рассматривает историю становления и развития органов следствия и дознания, истоки взаимодействия органов предварительного следствия с органом дознания, а также основные формы и принципы совместной деятельности следователя с оперуполномоченным в раскрытии и расследования преступления.

Abstract. In the presented article, the author examines the history of the formation and development of the investigation and inquiry bodies, the origins of the interaction of the preliminary investigation bodies with the body of inquiry, as well as the main forms and principles of joint activity of the investigator with the operative in the disclosure and investigation of a crime.

Ключевые слова: орган дознания, органы предварительного следствия, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие, оперуполномоченный уголовного розыска, оперативно-розыскные мероприятия, предварительное расследование.

Keywords: the body of inquiry, the bodies of preliminary investigation, operational investigative activities, interaction, the operative of the criminal investigation department, operational investigative measures, preliminary investigation.

Как известно, производство предварительного следствия является следующей стадией в уголовном процессе после возбуждения уголовного дела. Данные действия осуществляются посредством сил органов следствия и органов дознания. Результативность в расследовании преступления в начале данного процесса зависит от построенного взаимодействия следователя и оперуполномоченного.

Как показывает практика, в большинстве случаев информацию по оперативной обстановке следователь получает исходя из деятельности

оперуполномоченного. Их процесс взаимодействия является временным, но все же он имеет принципы:

1. Производство деятельности в соответствии с законодательными актами, которые ее регулируют.

2. Соблюдение конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина, защита его чести и достоинства, а также деловой репутации.

3. Планирование следственных действий и оперативных мероприятий совместно, учитывая силы и средства данных подразделений.

4. Полная ответственность следователя, руководителя следственного органа, оперативного работника за точность, своевременность и полноту производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

5. Целостность и постоянность взаимодействия на всем этапе уголовного судопроизводства по делу.

6. Независимость оперативных подразделений и эксперта в принятии и осуществлении действий, связанных с производством оперативно-розыскных мероприятий, экспертной деятельности, проведения исследования и т. д.

Главным направлением во взаимодействии данных органов является получение следователем информации, необходимой для раскрытия и расследования преступлений, которая была получена после производства оперативно-розыскных мероприятий оперуполномоченным, далее по данному факту необходима проверка поступившей информации. Их взаимодействие не состоит лишь в том, что следователь дает указания оперативному работнику для производства оперативно-розыскных мероприятий, также следователь не может дать поручения о выполнении следственных действий, в которых сам не будет участвовать. Такие моменты могут быть допущены лишь случайно и однократно. Все взаимодействия, которые строятся между следователем и оперуполномоченным, – это совместная деятельность двух подразделений, которая направлена на раскрытие, предупреждение преступления, отыскание лиц, их совершивших. При этом необходимо отметить, что использование сил, средств и информации, полученной от органов дознания, является правом следователя, а не его обязанностью.

Так, под термином «орган дознания» законодатель понимает систему государственных учреждений и должностных лиц, уполномоченных законодателем осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, отнесенную к его компетенции. В таком аспекте понятие «орган дознания» содержит важное положение [3].

Совместная деятельность следователя с оперуполномоченным в раскрытии и расследования преступления состоит в следующих формах:

- совместное составление плана в производстве деятельности по выявлению и раскрытию преступления;

- взаимный обмен информацией, полученной по оперативным данным либо от следователя;
- обеспечение систематического оперативного сопровождения хода расследования;
- применение оперативно розыскных результатов в процессе доказывания и решения иных задач;
- дача следователем поручения для оперативных работников по осуществлению определенных оперативно-розыскных мероприятий и принятие результата о проделанной работе;
- участие оперативного работника при проведении следственных действий.

Борьба с преступностью, всегда была главной задачей государственных органов во все времена.

При обращении к истории становления и развития органов следствия и дознания, необходимо обратиться к древней истории, так как именно в этот период произошло зарождения данных органов.

Первое упоминание оперативно-розыскной деятельности закрепились в «Русской правде», данный документ был кодифицирован и являлся законным. Но необходимо отметить, что в то время разделение функций оперативного и следственного аппарата не было осуществлено, существовало единство компетенции, то есть одни и те же должностные лица выполняли весь процесс уголовного судопроизводства.

Анализ данного законодательного акта позволил говорить о том, что в то время уже производился розыск преступников, лиц, скрывавшихся от следствия или при пропаже работников. Розыск пропавшего «челядина» производился по идентификационным признакам человека.

Сам процесс розыска преступника в законе не указывался. В случае, если сбежавшее лицо пересекало границу земли, на которой он проживал, розыск прекращался.

При рассмотрении тенденции развития следственного аппарата, необходимо отметить, что процесс следствия в Древней Руси осуществляла администрация князя, далее данная функция в процессе развития общества и государственного аппарата передалась боярской думе, что было отражено в таком законодательном акте, как «Судебник 1550 года».

Следствие производилось по трем стадиям: «заклич» – доведение информации о совершенном преступлении на широких массах; свод – данный процесс напоминал современное следственное действие, очная ставка; гонение по следу – непосредственно поиск следов преступника, предметов, связанных с совершенным деянием.

Несомненно, данные оперативно-розыскной деятельности имеют большое значение для выполнения задач уголовного судопроизводства. Вместе с тем следует отметить, что, во-первых, розыскные функции, в том числе и негласные, в отечественном уголовном судопроизводстве всегда

были присущи полиции как функциональному органу дознания; во-вторых, рассматриваемая норма однозначно устанавливала, что получаемые сведения в ходе принятия оперативно-розыскных мер могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу только после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством; в-третьих, с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации непосредственное использования результатов оперативно-розыскной деятельности также исключается, ибо ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, именуемая «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», юридически закрепляет запрет на использование сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом; в-четвертых, порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования и суду остался на подзаконном нормативном уровне [4, с. 169].

Следует отметить, что с течением времени следственный и оперативный аппарат менялся и совершенствовался, произошло разделение данных органов, но по-прежнему эффективность расследования преступлений на первоначальном этапе зависит от взаимодействия следователя и оперативного работника в органах внутренних дел.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Арестова Е. Н., Есина А. С., Жамкова О. Е. Уголовно-процессуальная деятельность полиции : учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2022. 242 с.
4. Луковников Г. Д. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Издательство «Юрайт», 2022. 290 с.

© Телигисова С. С., 2024

Тингаева И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ
ПОТЕРПЕВШЕМУ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

**THE INVESTIGATOR'S ACTIVITY TO PROVIDE PROCEDURAL
GUARANTEES TO THE VICTIM AT THE STAGE OF INITIATION
OF A CRIMINAL CASE**

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые проблемы правоприменительной практики, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела, при признании лица, пострадавшего от преступления, потерпевшим.

Abstract. In the article, the author examines some problems of law enforcement practice that arise at the stage of initiation of a criminal case, when recognizing a person who has suffered from a crime as a victim.

Ключевые слова: потерпевший, физическое лицо, уголовно-процессуальные отношения, следователь, возбуждение уголовного дела.

Keywords: victim, individual, criminal procedural relations, investigator, initiation of a criminal case.

Одним из важных участников правоотношений, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела, является потерпевший от преступления. Говоря о реализации его процессуальных гарантий, также необходимо отметить, что должностные лица, осуществляющие расследование, должны обеспечивать должную реализацию им своих процессуальных гарантий, однако в силу имеющихся норм законодательства потерпевший от преступления не всегда может их реализовать.

К примеру, на стадии осуществления проверки сообщения или заявления о преступлении уже может присутствовать лицо, которому нанесен преступлением определенный вред. Однако официальный процессуальный статус потерпевшего может возникнуть лишь после официального признания таковым на основании положений ст. 42 УПК РФ после возбуждения уголовного дела, то есть уже после окончания стадии его возбуждения.

Итак, в структуре норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно в ст. 42 содержится легальное

закрепление понятия потерпевшего как участника уголовного судопроизводства, и это может быть физическое или юридическое лицо, которое пострадало от преступления.

Законодатель также обращает внимание и на то, что указанный вред может иметь разнообразную природу. В отношении физического лица – физический, имущественный и моральный вред. В отношении юридического лица – имущественный вред, причиненный деловой репутации. Вместе с тем, в научной уголовно-процессуальной литературе существует достаточное количество различных исследований, посвященных потерпевшему как участнику уголовного процесса. Так, отдельные ученые предлагают перенести понятие потерпевшего в уголовное законодательство, так как оно связано в большей степени с нормами материального права. По их мнению, данное утверждение исходит из положений ст. 42 УПК РФ [1, с. 199–200]. Вместе с тем такая точка зрения не нашла подтверждение со стороны законодателя и нормы Уголовного кодекса Российской Федерации не содержат понятия потерпевшего [2, с. 82–84].

Важным является то, что среди целей участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве необходимо выделять не только участие со стороны обвинения для дачи следствию определенной информации о преступлении, но и с целью восстановления нарушенных преступлением прав, а также получения с лица, которое совершило преступление, возмещения понесенного ущерба. Отметим, что такая трактовка потерпевшего существовала и в ранее действующих источниках уголовно-процессуального права. Исходя из анализа ранее действующего законодательства, регламентирующего положения о потерпевшем, мы приходим к выводу, что указанный участник уголовного процесса никогда не рассматривался как пассивный, имеющий значение только для формирования доказательственной базы в структуре расследования уголовного дела. Таким образом, потерпевший как участник уголовного процесса возникает в случае, если преступлением причиняется определенный вред. Соответственно, основной целью всего участия потерпевшего в уголовном процессе должно являться восстановление его прав, как раз путем получения компенсации за физический, имущественный или моральный вред. Поэтому потерпевший всегда являлся активной фигурой уголовного судопроизводства, требующей механизмов реализации таких прав, в том числе с помощью субъекта, осуществляющего расследование. Отдельные авторы утверждают, что в случае, если потерпевший перестанет быть активной фигурой уголовного процесса, пропадет суть самого уголовного судопроизводства и целей, которые ему необходимо достичь [3, с. 118–122].

На указанные факторы обращается внимание в положениях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где закреплено, что

основной целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. Верховный суд также указывает, что потерпевший имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны [4].

В науке уголовно-процессуального права, в исследованиях, которые посвящены различным участникам уголовного судопроизводства, часто раскрывается функция того или иного участника. Обычно функции связывают с конечными целями, которые достигаются присутствием конкретного участника уголовного судопроизводства. Отметим, что в этой связи у потерпевшего также есть функция участия в уголовном процессе, которая связана с реализацией цели достижения своих личных интересов. Отдельные авторы утверждают, что потерпевший преследует такие цели, которые ни в коем случае нельзя признать соответствующими общим общественным интересам, нежели у других участников уголовного процесса. В связи с этим в науке уголовного процесса предлагается рассматривать потерпевшего не как участника со стороны обвинения, то есть лиц, которые заинтересованы в наказании лица, которое совершило преступление, а как участника, который имеет личный интерес в деле, связанный с получением возмещения вреда, который ему причинен. Также отметим, что наказание виновного в совершении преступления также может являться целью потерпевшего, но отнюдь не во всех случаях [5, с. 32–35].

Необходимо согласиться с мнением ученых, которые отмечают, что понятие потерпевшего носит комплексный характер и регламентировано различными отраслями права, среди которых уголовно-процессуальное, конституционное, уголовное, гражданское, гражданско-процессуальное право. Поэтому то понятие, которое используется в юриспруденции, является общим и не может отразить всех аспектов, характерных той или иной отрасли права [6, с. 184–187].

Таким образом, важным представляется то, что лицо, которое является потерпевшим от преступления, может не быть потерпевшим, как и участником уголовного судопроизводства [7, с. 93–95]. Это связано с тем, что указанный статус приобретает лицом только путем внесения соответствующего постановления соответствующим должностным лицом. Речь идет о постановлении следователя о признании потерпевшим по уголовному делу. Соответственно, в большинстве случаев лицо, которое в дальнейшем становится потерпевшим, переqualифицируется из статуса заявителя. Отметим, что лицо, которое пострадало от преступления, может трансформироваться и в иных участников уголовного процесса. Речь идет о частном обвинителе и гражданском истце. Так, анализируя права потерпевшего и гражданского истца, мы пришли к выводу, что в их статусе есть сходства, однако цель участия, а также роль каждого различные. Еще одним аспектом является то, что вместо реального лица, которому

был причинен вред преступлением, в качестве потерпевшего может быть признано иное лицо, например законные представители [8, с. 32–35].

Указанное позволяет сделать вывод о том, что понятие потерпевшего в уголовном процессе не должно вбирать в себя различные аспекты преследуемых им целей. Оно должно быть четким, лаконичным с целью исключения различных трактовок, которые только повредят рассматриваемому институту.

Необходимо отметить, что есть и противоположные взгляды ученых, в соответствии с которыми потерпевший в рамках уголовного процесса отстаивает государственные интересы, связанные с наказанием лица, которое совершило преступление. Однако данное утверждение представляется не совсем верным. Да, действительно потерпевший может преследовать и указанную цель, но это происходит только в том случае, если государственные интересы совпадают с его личными. В других случаях потерпевший участвует в уголовном процессе только в угоду себе, с целью восстановить свои права и получить возмещение вреда. Однако потерпевший, сам того не осознавая, содействует государству в достижении его целей путем предоставления различных необходимых документов, вещей, иных предметов, которые могут быть полезными для следствия, а также участвует в проведении различных процессуальных действий.

В связи с указанными обстоятельствами мы поддерживаем точку зрения, в соответствии с которой в уголовно-процессуальное законодательство необходимо добавить классификацию потерпевших, а также проинформировать детализацию элементов, которые характеризуют потерпевшего как участника уголовно-процессуальных отношений. Также в положениях УПК РФ необходимо закрепить возможность потерпевшего трансформироваться в иных участников уголовного процесса, будь то гражданский истец или частный обвинитель. Понятие потерпевшего, закрепленное в положениях ст. 42 УПК РФ, должно быть базовым для уголовно-процессуальных отношений, вместе с тем включение в него вышеуказанных положений будет способствовать более эффективной реализации потерпевшим своих прав и законных интересов, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, основной вопрос, который касается проблематики реализации гарантий потерпевшим на стадии возбуждения уголовного дела, целиком зависит от процессуального порядка получения такого статуса. Как уже было отмечено, в положениях ст. 42 УПК РФ обозначается, что наделение указанным статусом возможно только после возбуждения уголовного дела, либо после установление лица, которое пострадало от преступления. Указанное обстоятельство не обеспечивает возможности следовательно осуществлять деятельность по реализации его гарантий на стадии возбуждения уголовного дела. В связи с этим потерпевшее от преступления лицо на указанной стадии ставится в один ряд с иными участниками

процесса, которые наделяются правами, определенными в ст. 144 УПК РФ [9, с. 435–443].

Важным представляется то, что лица, потерпевшие от преступлений, не могут воспользоваться теми гарантиями, которые определены в ст. 42 УПК РФ, что может негативным образом отразиться на результатах дальнейшего расследования. К примеру, такие лица не могут ходатайствовать о применении к ним мер безопасности, получения необходимой информации о ходе проверки сообщения или заявления о преступлении и иных. Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела уже существует возможность реализации осуществления процедур, связанных с необходимостью дальнейшего возмещения потерпевшему причиненного ущерба от преступных действий.

Исходя из вышеизложенного следует поддержать мнение исследователей о недостаточности регламентирования вопросов, связанных с возможностью доступа к уголовному преследованию лиц, потерпевших от преступления на стадии возбуждения уголовного дела, что существенным образом ограничивает их в реализации предоставленных им процессуальных гарантий до официального наделения обозначенным статусом [10, с. 148–151].

Анализ уголовно-процессуальных исследований показывает, что существует острая необходимость обеспечения доступа лиц, пострадавших от преступлений, на стадии возбуждения уголовного дела к таким правам, как возможность давать объяснения, заявлять ходатайства, пользоваться помощью переводчика, в том числе бесплатной, получать квалифицированную юридическую помощь, заявлять отводы, знакомиться с материалами проверок [11, с. 72–74]. В связи с этим полагаем, что, в данный момент развития отечественного уголовного судопроизводства в его части, связанной с участием потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела, определяется необходимостью осуществления разграничения участников, среди которых заявитель и пострадавший. Вместе с тем такое разграничение должно учитывать наличие причиненного вреда преступлением, а также возможности обозначенных лиц пользоваться всеми гарантиями, которые регламентированы ст. 42 УПК РФ для потерпевшего.

Таким образом, к отдельным стадиям, на которых необходимо осуществлять защиту прав потерпевшего в рамках досудебного производства, относится и стадия возбуждения уголовного дела.

Однако не имея статуса потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела, указанные лица не могут в полной мере реализовывать свои права, в том числе на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении.

Отметим, что в процессе реализации стадии возбуждения уголовного дела существуют определенные проблемы, которые связаны с должным обеспечением прав и законных интересов потерпевших, в том числе путем

осуществления такой реализации в рамках деятельности должностного лица, осуществляющего расследование. На стадии возбуждения уголовного дела лицо, будучи еще не наделенным статусом потерпевшего, не обладает полным комплексом прав, установленных УПК РФ для потерпевшего, в связи с чем не имеет возможности осуществлять свою защиту. Соответственно, лицо, пострадавшее от преступных действий, не имеет возможности пользоваться всеми правами, которые закреплены в ст. 42 УПК РФ. Обеспечение прав потерпевшего в структуре стадии возбуждения уголовного дела имеет определяющее значение как для потерпевшего, так и для должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. Потерпевший стремится реализовать свои права, а следователь – исполнить возложенные на него уголовно-процессуальным законом обязанности. Вместе с тем в рамках рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений существует достаточное количество проблем, которые требуют скорейшего разрешения. Среди них следует оговорить проблему, связанную с необходимостью включения в положения УПК РФ, обязанности следователя об информировании потерпевшего о ходе проверки сообщения или заявлении о преступлении, обязанности знакомить потерпевшего с результатами проверочных мероприятий по его заявлению, а также его процессуальными правами, связанными с механизмами обеспечения восстановления его прав, в том числе путем возмещения причиненного ущерба. Указанные предложения повысят эффективность реализации лицом, которому причинен вред преступлением, своих прав и законных интересов уже на стадии возбуждения уголовного дела.

Библиографический список

1. Ренге Н. Н. Понятие и правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве России на современном этапе его развития // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 199–201.
2. Кабисов С. Р. Понятие потерпевшего в уголовном процессе // Проблемы предварительного следствия на современном этапе. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 82–84.
3. Зыков Д. А., Аристов А. В. Понятие правового статуса потерпевшего в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 118–122.
4. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газета. 2010. № 147.
5. Шарец К. А. К вопросу о понятии и значении потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Modern Science. 2023. № 10-1. С. 32–35.
6. Галсанова А. Ц. Понятие потерпевшего в уголовном процессе // Молодой ученый. 2023. № 42 (489). С. 184–187.

7. Марченко Е. В. Потерпевший от преступления: понятие, признаки и место в системе уголовного права России // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Пенза, 2022. С. 93–95.

8. Шарец К. А. К вопросу о понятии и значении потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Modern Science. 2023. № 10-1. С. 32–35.

9. Яковлева С. А., Скрыбин В. П. Система уголовно-процессуальных отношений между лицом, пострадавшим от преступления, и представителем власти // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 435–443.

10. Воронина Н. А. Право потерпевшего на доступ к правосудию и проблемы его реализации на стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2023. № 1. С. 148–151.

11. Зырянов А. С. Обеспечение прав потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела, проведения процессуальной проверки по заявлению о преступлении // NovaUm.Ru. 2022. № 36. С. 72–74.

© Тингаева И. В., 2024

УДК 343.1

Устинкин П. А. – адъюнкт адъюнктуры
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск, Россия)

ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

INSTITUTE OF TESTIMONY ACCORDING TO THE STATUTE CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864

Аннотация. Автор статьи производит комплексный анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года, определяющих институт свидетельских показаний в период действия указанного нормативного документа.

Abstract. The author of the article makes a comprehensive analysis of the norms of the Statute of Criminal Proceedings of 1864, defining the institution of testimony during the period of validity of the specified normative document.

Ключевые слова: показания, показания свидетелей, Устав уголовного судопроизводства, институт показаний.

Keywords: testimony, testimony of witnesses, the Statute of criminal proceedings, the Institute of testimony.

Уголовный процесс как отрасль права любого государства подвержен влиянию закона эволюции. «Нельзя найти ни одного процессуального института, который не хранил бы в себе следы своего происхождения и который бы определялся в законодательных постановлениях во вполне законченных формах, не пережив перед тем многих моментов своего развития и не отразив на них следов борьбы... В этой не знающей перемирия нового со старым меняется как содержание, так и формы процессуальных институтов» [1, с. 48].

Не является исключением из процесса эволюции и институт показаний в уголовном судопроизводстве. Исследование процесса развития указанного института позволяет выявить детерминанты его становления и развития. Историческая обусловленность института показаний в свою очередь позволяет установить его роль и место в современном уголовном процессе России¹.

В частности, знаковым для рассматриваемого института является Устав уголовного судопроизводства 1864 года [2] (далее – УУС, Устав). Данный нормативный документ закреплял отдельные правила получения показаний свидетелей и обвиняемых. В настоящей работе остановимся более подробно остановимся на правовой регламентации получения показаний свидетелей.

Так, Уставом показания свидетелей рассматривались как «удостоверения о каких-либо фактах судебного исследования со стороны лиц, не причастных к совершению рассматриваемого преступления» [3, с. 306]. Следует отметить, УУС имел самобытную структуру, где отдельные разделы назывались «книга», а нормы, содержащие в себе регламентацию института свидетельских показаний, содержались в книге 1 и книге 2 УУС. Так, в книге 1 описывалась общая процедура производства по делу у мирового судьи, в то время как в книге 2 более подробно описывалась процедура проведения отдельных следственных действий, в частности допросов как на этапе досудебного производства, так и на этапе судебного производства.

Обратим внимание, что в гл. 3 книга 1 УУС приводится группа норм, которые не допускают к даче показаний определенные категории людей, а именно:

- «1. Безумные и сумасшедшие.
2. Духовные лица – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди.
3. Поверенные или защитники обвиняемых – в отношении к признанию, сделанному им доверителями их» [2] (ст. 93 УУС).

¹ Надо знать прошлое, чтобы понимать настоящее и предвидеть будущее (В. Г. Белинский).

Кроме того, близкие родственники допрашивались без приведения к присяге и по желанию: («... могут устранить себя от свидетельства...» (ст. 94 УУС).

Помимо родственников, к присяге не могли быть приведены:

- «1) Отлученные от церкви по приговору духовного суда.
- 2) Малолетние лица, не достигшие 14 лет.
- 3) Слабоумные, не понимающие святости присяги (ст. 95 УУС).
- 4) Священнослужители и монашествующие всех христианских исповеданий.

5) Лица, принадлежащие к вероисповеданиям и сектам, не приемлющим присяги» [2] (ст. 99 УУС).

Кроме того, в случае наличия возражений стороны о даче показаний отдельной категорией свидетелей (определенной УУС) под присягой, такая категория свидетелей давала показания без приведения к присяге [2] (ст. 96 УУС).

Получение показаний в ходе предварительного расследования имело свою специфику. Так, УУС предусматривал отдельную главу, посвященную вызову и допросу свидетелей (глава 7 книги 2 УУС) к судебному следователю. В данной главе впервые упоминается о возможности принудительного привода свидетеля для дачи показаний (ст. 438 УУС).

Что касается процедуры получения показаний по общему правилу, при производстве у судебного следователя присяга как средство обеспечения достоверности показаний не применялась – такой порядок являлся прерогативой суда. В то же время УУС устанавливал исключительные случаи, когда следователь должен был приводить к присяге в ходе досудебного производства (ст. 442)¹.

Таким образом, в русском уголовно-процессуальном законодательстве впервые на высоком уровне детализации появляются элементы свидетельского иммунитета².

В случае противоречивости показаний свидетелей допускалось проведение очной ставки между ними (ст. 452 УУС), что фактически также подразумевало дачу показаний свидетелями. Однако проведение очной ставки между свидетелем и лицом с иным процессуальным статусом не предусматривалось.

В любом случае следователь фиксировал показания в письменной форме, составляя протокол допроса, а после зачитывал его допрашиваемо-

¹ Правила допроса свидетеля в ходе судебного разбирательства отличались от допроса у следователя только регламентацией порядка приведения к присяге.

² Среди исследователей нет единого мнения относительно составляющих свидетельского иммунитета. Так, например, есть широкий и узкий подход к пониманию его компонентов. В настоящей работе мы придерживаемся широкого подхода, который подразумевает право определенных законом лиц не давать свидетельские показания и запрет привлекать и допрашивать в качестве свидетелей определенных лиц.

му лицу (ст. 453 УУС). Если лицо не владело русским языком, следовательно был обязан обеспечить участие переводчика (ст. 450 УУС).

Таким образом, в УУС получила детальную регламентацию деятельность следователя по вызову лица на допрос, получению и закреплению показаний. Более того, отдельные положения УУС полезны и актуальны в настоящее время [4, с. 681], что свидетельствует о прогрессивном характере этого документа. Устав уголовного судопроизводства более четко сформулировал общие правила порядка производства допроса и последующего использования показаний в доказывании. Более того, УУС кардинально изменил как в целом российское уголовное судопроизводство, так и подход к показаниям, полученным в досудебном производстве, в сравнении с более ранними источниками уголовно-процессуального права.

Библиографический список

1. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб., 1910.
2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 выпусках. СПб. : Изд. Гос. канцелярии, 1866. Часть вторая (Устав уголовного судопроизводства).
3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс : учебное пособие / С. И. Викторский. М. : Городец, 1997.
4. Семенцов В. А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41).

© Устинкин П. А., 2024

УДК 343.1

Хайбуллина А. А. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE INDICTMENT UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Аннотация. В статье автором рассматриваются основные положения и частные особенности содержания итогового документа по результатам предварительного следствия в уголовном судопроизводстве Российской

империи – обвинительном акте. Рассмотрению также подлежал сравнительно-правовой анализ обвинительного акта 1864 года и современного обвинительного документа– обвинительного заключения.

Abstract. In the article, the author examines the main provisions and particular features of the content of the final document based on the results of the preliminary investigation in the criminal proceedings of the Russian Empire - the indictment. A comparative legal analysis of the indictment of 1864 and the modern indictment document, the indictment, is also subject to consideration.

Ключевые слова: обвинение, пределы обвинения, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, обвинительный тезис, обвинительный акт, обвинительное заключение, генезис, историография.

Keywords: the charge, the limits of the charge, the Statute of criminal proceedings of 1864, the indictment, the indictment, the indictment, genesis, historiography.

В этом году исполняется 160 лет Уставу уголовного судопроизводства Российской империи. Принятый 20 ноября 1864 года, в рамках судебной реформы того же года, обозначенный М. Д. Карпачевым как «шаг к правовому государству» [1], занимает важное место в становлении системы уголовно-процессуального законодательства современной России и стал достаточно «прорывным» нормативным актом для нормотворчества того времени. Помимо широкого внедрения и развития демократических и гуманистических принципов уголовного судопроизводства, формируются новые и такие необходимые для российского уголовного процесса институты, как институт адвокатуры, присяжных заседателей. Реорганизация прокуратуры, выраженная в усилении функций в сфере предварительного следствия и ее реализация в направлении исполнения функций предварительного следствия, привела к более эффективной работе институтов обвинения и защиты. Повсеместное внедрение института судебного следствия привела к развитию независимого и эффективного предварительного расследования по уголовным делам всех категорий. Положительная динамика выделяется и в кодификации норм: Е. А. Прохорова считает Устав уголовного судопроизводства первым кодифицированным законодательным актом, ввиду объединения норм с одним предметом регулирования [2].

Предметом научного интереса становится содержание заключительного обвинительного документа по Уставу уголовного судопроизводства. По вышеназванному акту обвинительный документ именовался «обвинительным актом» и составлялся прокурором после проведения предварительного следствия судебными следователями. Современным аналогом обвинительного акта 1864 года, по нашему мнению, является именно обвинительное заключение, так как заключение, как и акт, составляются орга-

нами предварительного следствия. Данный факт позволяет нам провести сравнительный анализ данных документов. Основными критериями сравнения будут являться: органы, составляющие итоговое обвинение, его структура и требования к его содержанию.

Согласно ст. 510 Устава по получению результатов предварительного следствия от судебных следователей, прокурор решал вопросы о том, подлежит ли данное дело прокурорскому расследованию, произведено ли следствие с надлежащей полнотой и следует ли предать обвиняемого суду, или же прекратить или приостановить дело. Отмечается, что впервые в данном нормативном правовом акте находит свое отражение «заключение по существу дела» и именуется обвинительным актом. Статья 512 Устава обозначает, что данный акт составляется именно прокурором, который имел полномочия к возвращению уголовного дела на дополнительное расследование судебному следователю в случае нехватки сведений или неполноте обвинения лица. В отличие от обвинительного заключения, которое следователи составляют самостоятельно, обвинительный акт составлялся непосредственно прокурором. Таким образом, можем сделать вывод об усиленной уголовно-процессуальной функции прокурора по Уставу, по сравнению с нынешней, носящей более надзорный характер.

По структуре обвинительного акта существуют несколько основных положений.

По статье 520 Устава в обвинительном акте должно быть указано:

1. Событие преступления.
2. Время, место совершения.
3. Данные о личности обвиняемого.
4. Сущность доказательств, собранных по уголовному делу против обвиняемого.
5. Какому именно преступлению по закону соответствуют признаки деяния [3].

Сравнивая требования к составленному обвинительному заключению по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ), приходим к выводу о том, что в предмет установления и доказывания по Уставу не входили такие важные для предварительного следствия данные как: мотив, цель, способы совершения преступления, общественно опасные последствия, и иные важные для следствия и имеющие значения для уголовного дела обстоятельства. Формулировка обвинения также была неполной: Сенат того времени указывал, что в обвинительном акте должен содержаться только род преступления, а не вид и степень [4]. Эти обстоятельства существенно могли повлиять на характер, полноту и обоснованность обвинения. В обвинительном акте также не указывались ни перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, ни данные о потерпевшем, ни о гражданском истце и ответчике. Обстоятельства смягчающие и отягчающие наказания также от-

существовали в структуре обвинительного акта по Уставу 1864 г., что также влияло на ход расследования по конкретному делу в частности и на полностью предварительного следствия в целом.

Определенными сходствами с современным обвинительным заключением можно назвать то, что предмет доказывания и границы обвинения были определены. И. Я. Фойницкий писал о том, что пределы обвинения должны быть ограничены в интересах защиты обвиняемого, экономии ресурсов суда и в целях сосредоточения доказывания на конкретных обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу [5].

Нельзя оставить без внимания и то, что сходством обвинительного акта по Уставу 1864 года и обвинительным заключением как итоговым документом современности является обязательность указания лиц, подлежащих вызову в суд. При формировании обвинения одного лица в совершении нескольких преступлений составлялся один обвинительный акт, как и при составлении современного обвинительного заключения. В обвинительном акте также указывались по возможности данные о прежних судимостях обвиняемого.

Существенными различиями между актом прошлого и заключением настоящего нами были выделены такие обстоятельства, как то, что к отмене приговора не могли служить поводом неточное, ошибочное и неполное указание обстоятельств дела в обвинительном акте. При этом требованиями к современному обвинительному заключению являются существо обвинения, время, место, способы и мотивы совершения преступления. А согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ обвинительное заключение, составленное с нарушениями требований закона, исключает возможность постановления судом приговора или вынесения судом решения. Комментарий Сената уточняет о том, что подведение преступления под действия закона может быть основано по аналогии, что строго противоречит ч. 2 ст. 3 настоящего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). При этом некоторые ограничения в квалификации, которые порождали ошибки в ней по обвинительному акту 1864 года устранялись на месте путем исправления акта прокурором. При этом настоящий порядок исправления подобных ошибок в квалификации происходит путем возвращения обвинительного заключения следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

Приведенные данные позволяют сформулировать некоторые выводы:

1. Обвинительное заключение как итоговый документ предварительного следствия по расследованию уголовного дела обладает некоторыми преимуществами по сравнению с обвинительным актом 1864 года, ввиду большей нормативной урегулированности, более детальному содержанию, которое способно лучше передать характер и обстоятельства совершенного преступления для обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

2. Обвинительный акт по сравнению с обвинительным заключением имел более простой порядок по устранению недостатков и изменению пределов и границ обвинения.

3. Обвинительное заключение, составленное с нарушениями требований закона, исключает возможность вынесения приговора, в то время как обвинительный акт допускал указание некоторых неточных, ошибочных или неполных обстоятельств совершения преступления.

Основными тенденциями, которые можно выделить при рассмотрении становления обвинительного заключения как итогового документа предварительного следствия можем выделить детализацию требований к структуре и содержанию обвинительного заключения, которые приводят к развитию демократических и гуманистических начал:

- установлению границ и пределов судебного разбирательства;
- усилению контроля за предварительным следствием, за его всесторонностью, полнотой, объективностью;
- реализации прав на защиту и подготовку к судебному разбирательству.

На основе этого становится возможным определить, что современное обвинительное заключение развивается в правильном направлении, в котором более точно подлежат установлению факты и обстоятельства по уголовному делу для защиты прав человека, в целях назначения целей уголовного судопроизводства. Перспективами развития данного процессуального документа можно отметить все большую его детализацию, для формирования более обоснованного и законного обвинения для охраны прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Карпачев М. Д. Судебная реформа 1864 г. в России: шаг на пути к правовому государству // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 29–40.

2. Прохорова Е. А. Кодификация российского уголовно-процессуального закона: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 3–6.

3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство 10–20 вв. Т. 8. М. : Юридическая литература, 1991.

4. Мухаметшин Ф. Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России: IX – начало XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. 360 с.

5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова СПб. : Альфа, 1996.

© Хайбуллина А. А., 2024

Хаметова А. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа, Россия)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ПОРЯДКА ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ**

**CERTAIN ISSUES OF LEGAL UNCERTAINTY OF THE PROCEDURE
FOR TRANSFERRING A CRIMINAL CASE UNDER INVESTIGATION**

Аннотация. В статье анализируется уголовно-процессуальное законодательство, связанное с передачей уголовных дел по предметной подследственности, обосновывается допустимая возможность передачи уголовных дел из следствия в дознание, обозначены вопросы полномочий прокурора, руководителя следственного органа и следователя, имеющие отношение к процессуальному порядку передачи уголовных дел по подследственности, предложено их нормативное совершенствование.

Abstract. The article analyzes the criminal procedure legislation related to the transfer of criminal cases under subject investigation, substantiates the permissible possibility of transferring criminal cases from investigation to inquiry, identifies issues of the powers of the prosecutor, the head of the investigative body and the investigator related to the procedural procedure for the transfer of criminal cases under investigation, and suggests their normative improvement.

Ключевые слова: подследственность, дознание, предварительное следствие, полномочия прокурора, полномочия руководителя следственного органа, полномочия следователя.

Keywords: investigation, inquiry, preliminary investigation, powers of the prosecutor, powers of the head of the investigative body, powers of the investigator.

Одним из основополагающих принципов уголовного процесса является законность при производстве по уголовному делу, согласно которому должностные лица, к чьей компетенции отнесено право принятия решений или производства процессуальных действий, должны строго следовать предписаниям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Часто органы предварительного расследования сталкиваются со сложностями в принятии тех или иных решений, опасаясь неверного толкования или применения существующих норм, еще более

сложной задачей является принятие решений, производство процессуальных действий, порядок которых не раскрыт вовсе. Так, к примеру порядок передачи уголовных дел по подследственности от одного органа расследования другому имеет ряд правовых упущений. При этом от правильного определения подследственности зависит множество связующих факторов, таких как законность, полнота расследования, возможность реализации прав участников уголовного судопроизводства, справедливость приговора и назначенного наказания. Вопросы подследственности уголовных дел, при условии правильной квалификации, не имеют разногласий, так как подследственность законодательно закреплена в нормах УПК РФ, где четко разграничены составы преступлений, подследственные следователям и дознавателям различных ведомств.

В научных исследованиях уголовно-процессуальная подследственность традиционно разделяется на территориальную и предметную [1, с. 113–125; 3, с. 47]. К примеру, В. Ю. Стельмах, определяя предметную (родовую) подследственность, указывает что она связана с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), по которой возбуждено уголовное дело, и определяет тот орган предварительного следствия или дознания, который будет заниматься расследованием [5, с. 77–90]. Таким образом, разграничение компетенций органов по расследованию уголовных дел и есть предметная подследственность, где «предметом» выступает конкретное уголовное дело.

Закрепив в ст. 151 УПК РФ правило подследственности, процессуальный порядок его реализации законодателем определен весьма размыто. В подтверждение неясности этой правовой позиции отметим, что исходя из полномочий прокурора, ему предоставлено право изымать и передавать уголовное дело из органа дознания следователю, указав при этом основания такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Вместе с тем остается не ясным вопрос о том, возможна ли передача уголовного дела после производства предварительного следствия органом дознания. К примеру, если в ходе расследования установлены обстоятельства, которые способны повлиять на подследственность уголовного дела, такие как «незначительность ущерба при краже», «тяжесть причиненного вреда здоровью» и др.), запрета на подобное решение в нормах УПК РФ нет. Проведенный анализ норм УПК РФ позволяет нам выделить некоторые из них, косвенно указывающие на теоретическую возможность такой передачи.

Требования ст. 151 УПК РФ определяют подследственность в зависимости от категорий уголовных дел. Согласимся с мнением ряда авторов которые указывают что несоблюдение подследственности влечет за собой нарушение норм уголовно-процессуального закона как это определено в ч. 3 п. 7 УПК РФ [2, с. 48–52].

В свою очередь следователь наделен правом передать руководителю следственного органа не подследственное ему уголовное дело для даль-

нейшего определения его подследственности (п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Делегирование этих полномочий руководителю следственного органа связано с осуществляемым им контролем за законностью деятельности следователя. Справедливым видится по данному поводу мнение Н. Г. Логиновой, которая указывает на необходимость внесения в закон изменений, обязывающих следователя с согласия руководителя следственного органа передать уголовное дело прокурору [2, с. 48–52].

Вместе с тем полномочия руководителя следственного органа по передаче уголовного дела по подследственности, подобно аналогичному полномочию прокурора, в законе прямо не отражены. Эта правовая позиция вносит неопределенность в правоприменительную практику. Возникает логичный вопрос, может ли руководитель следственного органа передать уголовное дело по подследственности и что ему делать с уголовным делом, поступившим от следователя? Отвечая на него, обратимся к п. 12 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, который определяет возможность «осуществлять иные полномочия», предусмотренные УПК РФ. Таким образом, к «иным полномочиям» можно отнести любые действия и решения руководителя следственного органа, которые он обязан принять, например, решение по поступившему от следователя уголовному делу, переданному для направления подследственности.

Что касается прокурора, то здесь позиция более ясна, — закон прямо определяет возможность передачи уголовного дела прокурором от одного органа расследования другому (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Задаваясь вопросом, что подразумевается под органом расследования, вспомним положения ч. 1 ст. 150 УПК РФ, согласно которым предварительное расследование может быть проведено в формах предварительного следствия либо дознания. Орган расследования очевидно связан как с формой расследования, так и с предметной подследственностью в зависимости от относимости к территориальной или ведомственной принадлежности (к примеру, органы внутренних дел, Следственный комитет и т. д.). Исключение передачи в системе одного органа предварительного расследования уголовных дел прокурором не указывает на императивность такой передачи, а лишь исключает это действие из полномочий прокурора, возможно, оставляя этот порядок на разрешение руководителю следственного органа и начальнику органа дознания. В полномочиях последнего также закреплено право «осуществлять иные полномочия», предоставленные начальнику органа дознания (п. 11 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ).

Заключительным положением, подтверждающим обозначенный порядок передачи уголовного дела, можно выделить возможность возвращения уголовного дела судом прокурору, если есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Так, уголов-

ные дела могут быть направлены в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера только следователем, однако, как мы видим, из смысла указанной статьи констатируется возможность составления обвинительного акта, что является полномочием дознавателей.

Отсутствие правовой конкретики повлекло за собой и отсутствие правоприменительной практики: проведенное анкетирование руководителей следственных органов, начальников подразделений дознания Республики Башкортостан подтверждает этот факт. Большинство респондентов ссылаются на позицию прокурора в данном вопросе. Позиция прокурора обуславливается предписаниями внутренних нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры, которые весьма противоречивы. Так, в одном из своих указаний Генеральная прокуратура разъясняет, что если «по уголовным делам уже осуществлялось предварительное следствие, то передавать их для производства дознания незаконно... УПК РФ не содержит норм, допускающих изменение форм предварительного расследования с предварительного следствия на дознание» [6]. Обратившись к другому указанию мы видим отсылку к правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [7, 4], из которого следует, что прокурор не вправе произвольно определять подследственность уголовного дела, а обязан руководствоваться ст. 150 и 151 УПК РФ, устанавливающими формы предварительного расследования и предусматривающими конкретные составы преступлений, расследование дел о которых осуществляется в форме дознания.

Резюмируя изложенное, очевидным видится следующий порядок передачи уголовного дела по подследственности: следователь, установив, что расследование по уголовному делу не входит в его компетенцию, передает дело руководителю следственного органа для направления по подследственности. Руководитель следственного органа, согласовав законность и обоснованность решения следователя, направляет уголовное дело прокурору для передачи по подследственности, а в случае, если вопрос подследственности возник в системе одного органа предварительного расследования, направляет его самостоятельно.

Для внесения ясности в вопросы процессуального порядка передачи уголовных дел по предметной подследственности считаем необходимым внесение изменений в действующее законодательство. Предлагаем дополнить ч. 1 ст. 39 УПК РФ пунктом 11.1 следующего содержания, отражающего новое полномочие руководителя следственного органа: «передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении в орган дознания по подследственности, а в случае необходимости такой передачи в системе иного органа предварительного расследования – прокурору для дальнейшего направления по подследственности».

Библиографический список

1. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113–125.
2. Логинова Н. Г. О недостатках законодательного регулирования порядка реализации решения о передаче по подследственности // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) : практическое пособие / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма : Инфра-М. 2014.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лельчука Александра Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части второй статьи 37, частью первой статьи 223 и частями первой и второй статьи 225 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 301-О-О. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=69449&dst=100011> (дата обращения 26.02.2024).
5. Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 77–90.
6. О порядке разрешения некоторых вопросов, возникших в связи с принятием Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 13 декабря 2007 г. № 202/69. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=EXP&n=432514> (дата обращения: 26.02.2024).
7. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел : указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 19 декабря 2011 г. № 433/49. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=126051> (дата обращения: 26.02.2024).

© Хаметова А. Р., 2024

Химичева О. В. – начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия);

Тутынин И. Б. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА

ON THE PROBLEMS OF ENSURING THE EXECUTION OF A SENTENCE IN TERMS OF A CIVIL CLAIM

Аннотация. В статье авторами рассматриваются отдельные аспекты совершенствования практики обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в досудебном производстве.

Abstract. In the article, the author examines certain aspects of improving the practice of ensuring the execution of a sentence in terms of a civil claim in pre-trial proceedings.

Ключевые слова: обеспечение исполнения приговора, гражданский иск, досудебное производство.

Keywords: enforcement of the sentence, civil action, pre-trial proceedings.

Требование об обеспечении потерпевшему компенсации причиненного вреда установлено в ст. 52 Конституции Российской Федерации. Но анализ судебной статистики свидетельствует, что в уголовном судопроизводстве России потерпевшему и гражданскому истцу должным образом не возмещается причиненный преступлением имущественный вред, не компенсируется моральный вред. Пример только одного региона – Брянской области – свидетельствует, что по направленным в 2023 г. в суды уголовным делам возмещенный потерпевшим на предварительном расследовании вред составил около половины [1, с. 10]. Такая ситуация наблюдается по всей нашей стране [8], что обусловлено в том числе не всегда надлежащей деятельностью правоохранительных органов.

Полагаем, что причинами недостаточного участия государства и его органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в защите прав лиц, потерпевших от преступлений, является множество факторов как субъективных, так и объективных [2, с. 545].

Конечно, законодатель предпринимает меры по совершенствованию нормативного регулирования вопроса обеспечения возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: имеется ввиду появление в 2018 г. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [6] нового общего условия предварительного расследования – мер по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий (ст. 160.1). Однако на практике невнимательное отношение к имущественным правам потерпевшего еще присутствует и сотрудники следственных, судебных и прокурорских органов недооценивают значение защиты имущественных прав отдельных лиц и организаций, государственных интересов в целом, что порождает пассивность в работе упомянутых субъектов.

Безусловно то, что только после положительных ответов на вопросы уголовно-правового характера (доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено и др.) можно приступить к разрешению гражданско-правового спора о характере и размере вреда, причиненного преступлением. Но это не говорит о том, что восстановление нарушенных преступлением имущественных прав, и в первую очередь возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением частным лицам, предопределяется как факультативная, не обязательная деятельность.

Причем надо отметить, что речь идет не только о защите частных интересов отдельных лиц, ставших жертвами преступлений, состоящих в том, чтобы быстро и в полном объеме получить компенсацию вреда, причиненного преступлением. Защита потерпевших от преступлений – это проявление публичности уголовного процесса и задача государства. В свою очередь надлежащее исполнение публично-правовой обязанности по защите потерпевшего от преступления находится в прямой зависимости от активности стороны обвинения при производстве расследования [4, с. 170]. Активные и эффективные действия следователей, дознавателей на досудебных стадиях судопроизводства во многом определяют результативность деятельности по обеспечению исполнения приговора в части имущественных взысканий [7, с. 100].

Однако, если обратиться к конкретным уголовным делам, то признать эффективными действия следователей, дознавателей часто затруднительно. Только в 2,4 % изученных нами уголовных дел применялось наложение ареста на имущество – мера, обеспечивающая исполнение пригово-

ра в части гражданского иска, – причем в значительной доле случаев имущество, подлежащее аресту, вообще найдено не было [5, с. 328].

По нашему мнению, в деятельности дознавателя, следователя, прокурора по защите имущественных прав потерпевшего и гражданского истца, – применение наложения ареста на имущество с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, должно занять особое место. Этому, мы считаем, будет способствовать изменение критериев оценки деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, с приведением в соответствие системы статистической отчетности.

Помимо этого, устранить инертность должностных лиц, обязанных применять наложение ареста на имущество при наличии на то законных оснований, поможет следующее наше предложение. Необходимо внедрить в практику обязанность правоприменителя аргументировать в процессуальных документах, почему своевременно не использовались возможности по обеспечению исполнения приговора в части гражданского иска.

Это мнение сформировалось под влиянием английского опыта. Когда в этой стране было введено положений по так называемому распоряжению о компенсации, оно не дало никаких результатов. Затем судьям было предписано указывать причины в своем вердикте, когда они не выдавали распоряжения о компенсации в случаях, где это уместно *prima facie*. Как результат, количество распоряжений о компенсациях значительно возросло [3, с. 20].

Полагаем, указанная обязанность должна быть реализована в уголовном судопроизводстве Российской Федерации на различных ключевых этапах предварительного расследования (при задержании подозреваемого, предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения и др.) и отражено в соответствующих процессуальных документах.

В заключение отметим, что реальная и действенная защита имущественных прав потерпевшего и гражданского истца невозможна без обращения внимания дознавателями, следователями, прокурорами и судьями на важность стоящих перед ними задач, осознания ответственности за принимаемые решения и осуществляемые действия. В противном случае принимаемые (не принимаемые) решения и проводимые действия не только не принесут пользу личности, обществу и государству, но и нанесут ощутимый материальный ущерб, вызовут утрату доверия к деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и как следствие, к государству.

Библиографический список

1. Войтович А. П. Прокурорский надзор в части принятия мер по возмещению материального ущерба, причиненного преступлениями // Мировой судья. 2023. № 11. С. 9–11.

2. Григорьев В. Н. Актуальные вопросы, возникающие при расследовании хищений бездокументарных акций // *European Social Science Journal* = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 3. С. 541–550.

3. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах // *Восстановительное правосудие* / под общ. ред. И. Л. Петрухина. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.

4. Масленникова Л. Н. Досудебное производство: современное состояние и перспективы развития во время "INDUSTRY 4.0"1 // *Уголовное судопроизводство России : современное состояние и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 169–173.

5. Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : монография. 2-е изд., доп. и испр. М. : Юрлитинформ, 2022.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Химичева О. В., Шаров Д. В. К вопросу об определении размера имущества, подлежащего аресту, в ходе уголовного судопроизводства // *Российское правосудие*. 2019. № 11. С. 95–101.

8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 08.02.2024)

© Химичева О. В., 2024

© Тутынин И. Б., 2024

Хусаинов Р. Р. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДСТВЕННЫХ АППАРАТОВ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ABOUT INTERACTION OF INVESTIGATIVE EQUIPMENT AND OPERATIONAL UNITS IN SOLVING CRIMES

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам взаимодействия оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел в раскрытии преступлений, потребность их совместной деятельности аргументируется на основе анализа похожих следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия.

Abstract. The article is devoted to some issues of interaction between operational and investigative units of internal affairs bodies in solving crimes, the need for their joint activities is argued on the basis of an analysis of similar investigative actions and operational investigative measures.

Ключевые слова: взаимодействие, следственный орган, оперативное подразделение, следственное действие, оперативно-розыскное мероприятие, преступление.

Keywords: interaction, investigative body, operational unit, investigative action, operational search event, crime.

Происходящее в последние годы в мире бурное развитие информационно-коммуникационных технологий и их активное внедрение в жизнь общества значительно облегчили и ускорили решение финансовых вопросов. К сожалению появившиеся возможности дистанционного проведения финансовых операций обусловили появление новых форм преступлений. На сегодняшний день масштабы и темпы роста преступлений, совершаемых с использованием новых технологий, превратили их в один из факторов, существенно влияющих на преступность в целом. Преступный элемент активно использует возможности новых технологий и совершает множество преступлений. Наиболее распространенными преступными деяниями являются мошенничества, большинство из которых совершаются так называемым «бесконтактным» способом.

Следственные и оперативные подразделения полиции, призванные выявлять и раскрывать указанные виды преступлений, оказались в неполной мере готовы к борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием новых технологий. На сегодняшний день отсутствует методика борьбы с данными видами мошенничеств, также отрицательно сказывается недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников, осуществляющих борьбу с указанными видами преступлений. Преступный элемент проявляет агрессивность и настойчивость и создает все новые схемы совершения преступлений, повышается уровень их преступного профессионализма. Все изложенные обстоятельства привели к тому, что в настоящее время сотрудники полиции пока не могут эффективно и быстро реагировать на происходящие события.

В сложившихся условиях от следственных органов и оперативных подразделений требуется полная консолидация и повышение уровня их взаимодействия, позволяющие использовать все имеющиеся у них силы, средства и методы.

Потребность в тесном взаимодействии следственных и оперативных подразделений в борьбе с преступностью вызвана следующими обстоятельствами:

- во-первых, они являются элементами единой правоохранительной системы, созданной для борьбы с преступностью;
- во-вторых, общим объектом их воздействия являются противоправные уголовно наказуемые деяния (преступления);
- в-третьих, обязательность совместного действия обусловлена также наличием у них специфических, характерных только им сил, средств и методов.

Для выявления, предупреждения, раскрытия и расследования различных видов преступлений, в том числе совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, требуется доказательственная база, которая основывается на процессуальной деятельности следователя. При этом значительную роль при ее формировании могут иметь результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Наиболее эффективный результат в борьбе с преступностью может быть получен при оптимизации использования оперативных данных следственными органами в своей процессуальной деятельности. Возможности использования результатов ОРД в процессе расследования уголовных дел связаны с его результатами в виде оперативной информации, которая способна восполнить недостающие сведения в материалах уголовного дела.

Важность и необходимость взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений можно продемонстрировать при анализе организации и проведении следственного действия – контроль и запись те-

лефонных переговоров и оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) – прослушивание телефонных переговоров.

Следственное действие проводится для получения и фиксации фактических данных, являющихся доказательствами в уголовном деле, а ОРМ для получения слуховой информации, передаваемой по линиям телефонной связи и имеющей ориентирующее значение.

Согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «При наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях на основании судебного решения» [1]. Кроме того, это следственное действие может быть проведено при поступлении письменного заявления от потерпевшего или свидетеля об угрозе совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении заявителей и их близких родственников, родственников и близких лиц.

Если сравнить рассматриваемое следственное действие с оперативно-розыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров, то обнаружится множество совпадений. Ни следователи, ни оперативные сотрудники самостоятельно не могут принять решение о проведении как следственного действия, так и оперативно-розыскного мероприятия, они вынуждены обратиться в суды для получения положительного судебного решения, также интересным является факт того, что оба действия проводятся одним субъектом, оперативно-техническим подразделением. Также эти действия проводятся только по некоторым категориям преступлений (средней тяжести, тяжким и особо тяжким), результаты фиксируются в виде фонограммы и могут быть использованы в качестве доказательства по уголовным делам, сроки проведения определяются инициатором до 6 (шести) месяцев. Однако имеются и весьма существенные отличия между рассматриваемыми действием и мероприятием. Следственное действие может быть проведено только в рамках уголовного дела в отношении лиц, имеющих процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого и других лиц, а ОРМ может быть проведено как до и после возбуждения уголовного дела. Различаются они и тем, что результаты следственного действия могут быть использованы как доказательство по уголовному делу, а результаты ОРМ являются оперативной информацией и имеют лишь ориентирующее значение. Существенным отличием является необходимость при проведении ОРМ соблюдения принципа конспирации, т. е. оно проводится негласно, а следственное действие осуществляется в определенном законом порядке.

Рассматриваемое следственное действие существенно отличается от других следственных действий. К таким отличиям можно причислить:

срок проведения следственного действия определяется самим инициатором до 6 месяцев, а другие следственные действия проводятся во временных рамках предварительного следствия; при проведении данного следственного действия не составляются процессуальные документы; следователь не может проводить данное следственное действие, он может только ходатайствовать о его проведении.

Проанализировав все вышеперечисленное, можно констатировать, что рассматриваемые ОРМ и следственное действие имеют много сходств и вполне могут быть заменены друг другом. Однако возможность проведения ОРМ еще до возбуждения уголовного дела, а следственного действия – только в рамках уголовного судопроизводства и использования результатов последнего напрямую как доказательства, дают возможность объединить полученные результаты и повысить раскрываемость совершенных преступлений.

Таким образом, взаимодействие следственных органов и оперативных подразделений при проведении вышеизложенных следственного действия и ОРМ представляет возможность объединить их силы, средства и методы, что повысит эффективность совместной деятельности в раскрытии преступлений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Хусаинов Р. Р., 2024

УДК 343.13

Шарипова А. Р. – профессор кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ

ELECTRONIC EVIDENCE: THE INTERSECTORAL ASPECT

Аннотация. Уголовно-процессуальная практика использует в доказывании только те источники, в отношении которых можно получить «бу-

мажные аналоги» или провести экспертизы. Некоторые электронные доказательства появляются в уголовном процессе позже, чем в арбитражном. Распространение традиционных следственных действий на электронную информацию снижает их эффективность. Огромный пласт электронной информации остается вне процессуального доказывания. Ее реальная ценность подтверждается использованием в оперативно-розыскной деятельности. Сторона защиты в уголовном процессе лишена даже немногих доказательственных возможностей применительно к цифровой информации.

Abstract. Criminal procedure practice uses in proving only those sources in respect of which it is possible to obtain "paper analogues" or conduct examinations. Some electronic evidence appears in criminal proceedings later than in arbitration. The spread of traditional investigative actions to electronic information reduces their effectiveness. A huge layer of electronic information remains outside the procedural evidence. Its real value is confirmed by its use in operational investigative activities. The defense in criminal proceedings is deprived of even a few evidentiary possibilities in relation to digital information.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, электронные доказательства, доказывание, оперативно-розыскная деятельность.

Keywords: criminal procedure, arbitration process, electronic evidence, proof, operational investigative activity.

Опыт процессуального использования электронных доказательств в уголовном процессе «отстает» по времени от опыта арбитражного, гражданского и административного судопроизводства.

Возьмем для демонстрации этого тезиса два примера: по одному «старейшему» и «новейшему» электронному доказательству.

Старейшее – скриншот – в 2009 г. уже охотно принималось арбитражными судами в качестве доказательства [1]. В 2016 г. нами была опубликована статья о том, что в отличие от арбитражного уголовное судопроизводство ставит препятствия для использования подобного доказательства, пытаясь использовать для него традиционную аналоговую форму [2]. С тех пор ситуация стала лучше, скриншоты в уголовных делах стали появляться. И из этого следует вывод, что электронное доказывание в уголовном процессе не имеет принципиальных сущностных отличий от своих отраслевых аналогов. Уголовный процесс демонстрирует консервативное отношение к доказыванию (отчасти обоснованное), но в итоге вынужденно принимает новые виды доказательств так же, как остальные виды судебных процессов.

Второй пример – данные дистанционного зондирования Земли. Этот метод определения местоположения и размеров объектов на Земле со спутников широко используется по арбитражным делам примерно

с 2015 года [3], преимущественно по делам, связанным с применением экологического права. Позднее полученные с помощью космосъемки данные стали использоваться по административным и гражданским делам. С каждым годом применение этого доказательства все больше распространяется. В уголовном процессе по поводу этого вида доказательства имеются замечания от ведущих современных ученых: «какие-то супер датчики позволяют следить за каждым уголком тайги из космоса» [4, с. 21].

В последнее время в опубликованной практике по уголовным делам стали появляться судебные акты, вынесенные на основе доказательств, полученных с использованием дистанционного зондирования Земли [5]. Собственно, не было никаких сомнений, что этот вид доказательств будет востребован уголовно-процессуальной практикой так же, как была понятна область применения (уголовные дела об экологических преступлениях); традиционным для уголовного процесса оказывается первоначальное недоверие новым видам доказательств и постоянное временное отставание от других видов судопроизводств по их внедрению.

Опыт непроцессуального использования новейших электронных средств получения информации у правоохранительных органов прогрессивнее, чем у любых других государственных органов и частных лиц.

Единственные субъекты, которые могут составить конкуренцию правоохранительным органам в этом вопросе – крупнейшие корпорации, особенно те, которые и разрабатывают технические и информационные инновации, обеспечивающие дальнейшее усугубление цифровой революции.

В данном пункте тезисов речь идет о двух разных направлениях использования электронной информации.

Первый – это случай, когда органы предварительного расследования «оформляют» получение специфической электронной информации стандартными аналоговыми следственными действиями. Например, извлечение их запароленного телефона файлов с помощью криминалистического устройства UFED оформляется как осмотр, тогда как по сути это «электронный обыск».

Второй случай – это использование максимума технических новшеств в оперативно-розыскной деятельности, о которых с учетом их секретности писать подробно невозможно.

Два этих случая объединяются тем, что соответствующие опции совершенно недоступны стороне защиты. Примеры цивилистического процесса демонстрируют, что стороны, не имеющие властных полномочий, достаточно успешны в электронном доказывании, однако это не касается стороны защиты в уголовном процессе. Причина процессуального неравенства в электронном доказывании состоит в излишне консервативном подходе судов по уголовным делам к новым видам доказательств и распространении на них традиционных аналоговых представлений.

Библиографический список

1. Решение Арбитражного суда Орловской области от 9 апреля 2009 г. по делу № А48-1247/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Шарипова А. Р. Совершенствование процессуальных форм фиксации доказательств в контексте реализации уголовной политики // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 17 апреля 2015 года / отв. ред. А. А. Тарасов. Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. С. 173–177.

3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 ноября 2016 г. № 17АП-121/2015-ГК по делу № А71-3867/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

5. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2023 г. № 77-2066/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Шарипова А. Р., 2024

УДК 343.1

Шарифзода М. С. – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ЗНАЧЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

MEANING AND ENSURING THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматривается принцип законности в его комплексном значении и взаимосвязи с другими принципами в сфере уголовного судопроизводства; отмечается, что принцип законности действует во всех сферах государственной деятельности и в широком смысле включает в себе требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения законов всеми государственными органами и должностными лицами.

Abstract. The article discusses the principle of legality and the complex principle of respect for the rights and interests of the individual in the field

of criminal proceedings. The principle of legality applies in all spheres of State activity and, in a broad sense, implies the requirement of precise and consistent observance and enforcement of laws by all state bodies and officials.

Ключевые слова: принципы, законность, уголовное судопроизводство, права человека, государство, должностное лицо, суд.

Keywords: Principles, legality, criminal proceedings, human rights, state, official, court.

Уголовное судопроизводство, будучи одним из приоритетных направлений, является важным составляющим элементом в борьбе с преступностью с одной стороны, а с другой – выступает средством для защиты нарушенных прав человека и гражданина, организаций и государства в целом. Осуществление уголовного судопроизводства возлагается на специально уполномоченные государственные органы (в основном правоохранительные органы и суд), а их деятельность строго регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Как известно, деятельность государственных органов во всех сферах и отраслях, наряду с отраслевыми законами, также основывается на фундаментальных и основополагающих правилах, которые определяют характер и сущность их деятельности. Данные правила исходят из основных и фундаментальных нормативных актов, таких как Конституция, международные нормативные акты в области прав человека и гражданина, а также из сущностного назначения деятельности, в том числе и осуществления правосудия и закреплены в текстах отраслевых законов. К числу таковых относят принципы, среди которых особое место занимает принцип законности, как один из фундаментальных принципов в правовом государстве.

Понятие законности является одним из важнейших в правовой науке, однако, его определение как требования неуклонного и точного исполнения законов и основанных на них подзаконных актов всеми гражданами, организациями и должностными лицами, порождает ряд теоретических и практических проблем.

Так, в правовой сфере России и Таджикистана справедливо отмечается, что понятие законности отождествляется с общеобязательностью, которая является объективным свойством права. В результате теоретическое понятие законности теряет собственно научный смысл и больше выполняет (путем призывов «к законности») идеологическую функцию обеспечения эффективности предписаний нормативных актов, иногда не соответствующих праву. О чем свидетельствует, например, употребление такого термина, как «внедрение законности».

В настоящее время и в теории права, и в науке уголовного процесса существует тенденция к выработке новой трактовки понятия законности, но мнения юристов значительно расходятся. В теории права можно выде-

лить два концептуальных подхода. Сторонники первого определяют сущность законности через систему нормативных требований (как должное: принцип, идеал, требование), другие рассматривают ее сквозь призму процесса и конечного результата правомерного поведения (как сущее: режим, состояние). Попытка объединения подходов была предпринята Н. Н. Вопленко путем выделения психологической, практической и идеологической сфер законности [1]. В настоящее время с позиций концепции различения права и закона, приобретающей все большее число сторонников, содержание законности можно уточнить следующими признаками:

1. Речь должна идти о соблюдении не предписаний нормативных актов, а правовых норм, то есть права в целом, в том числе и правовых обычаев.

2. Законность должна характеризовать не только поведение лиц, но и соответствие закона праву.

Законность как правовой режим в определенной мере отражается в общественном правосознании и становится принципом позитивного права (должным), то есть имеет объективную и субъективную стороны.

Таким образом, законность можно определить, как правовой режим, заключающийся в соблюдении всеми субъектами, участниками общественной жизни правовых норм, отраженный через общественное правосознание в системе нормативных критериев поведения, являющихся принципом законодательства [2].

Однако такое формальное определение с трудом может быть использовано в уголовном процессе и нуждается в дальнейшей разработке. Исходя из понятия права, как развивающейся системы, вытекает историчность содержания законности. Развитие от розыскного процесса к состязательному уголовному процессу подразумевает различное содержание в них законности.

В розыском типе судопроизводства движущей силой служит односторонняя воля органа расследования, а для решения вопроса об уголовной ответственности применяется не имеющий в себе каких-либо гарантий административный метод правового регулирования. Полное господство публичного и отсутствие личного начала (даже у судьи) предполагает детально регламентированные правила поведения, ограничивающие произвол должностных лиц, с одной стороны, и обеспечивающие приоритет публичных интересов – с другой, например, формальная система доказательств. Соответственно, содержанием режима законности выступает следование детальным предписаниям, а под принципом законности понимается инструктивность.

Развитие и правовое закрепление прав личности приводит к появлению судебного метода правового регулирования, идеальный тип состязательного уголовного процесса сочетает публичные и частные интересы. Появляются кроме органа юстиции стороны, процессуальные функции ко-

торых разделены на обвинение, защиту и разрешение дела, а суд имеет приоритетную, активную роль. Для обеспечения справедливости возникает уголовно-процессуальная форма, в которой обеспечивается независимость суда, прежде всего от сторон, и их формальное равенство, при котором возможен спор обвинения и защиты как движущая сила процесса. Таким образом, независимость суда и равенство сторон является содержанием принципа законности в состязательном уголовном процессе.

Конституция Российской Федерации в п. 3 ст. 123 провозглашает, что судопроизводство в России осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [3]. Схожее положение содержится также и в Конституции Республики Таджикистан, в частности в ст. 88 указано, что судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон [4]. Данное положение является одним из важнейших принципов в уголовном судопроизводстве, то есть должным, идеальным, нормативным критерием процессуального законодательства, поведения должностных лиц и граждан.

В тексте уголовно-процессуального закона принцип законности именуется как «Законность при производстве по уголовным делам». Его содержание приведено в ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан и ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Принцип законности означает обязательное, должное требование, к которому стремится законодатель, а также правоприменительная практика. Полагаем, реальная независимость суда и фактическое равенство сторон на практике недостижимы, но режим законности гарантирует систему условий и гарантий, их обеспечивающих.

Таким образом, значение и обеспечение принципа законности в уголовном судопроизводстве играет огромную роль, так как суд является третьей ветвью власти и не имеет права на допущение ошибки после предварительного следствия и дачи заключения прокурором. Суд обязан вынести с учетом принципа законности справедливое и объективное решение по делу, что в дальнейшем сказывается на авторитете судебной системы в государстве.

Библиографический список

1. Вопленко Н. Н. Понятие и основные черты законности // Legal Concept. 2006. № 8 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osnovnye-cherty-zakonnosti> (дата обращения: 08.02.2024).
2. Калиновский К. Б. К вопросу о понятии законности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. Практическое и информационное издание. 1998. № 1. С. 38.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.03.2023).

4. Конституция Республики Таджикистан : принята путем всенародного референдума 6 ноября 1994 г. с изменениями, одобренными путем всенародного референдума 22 мая 2016 г. // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://ncz.tj/content/конституция-республики-таджикистан> (дата обращения: 05.02.2024).

© Шарифзода М. С., 2024

УДК 343.13

Шепелин И. В. – соискатель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ:
ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
ДО УПК РФ**

**EGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURAL APPEALS:
FROM THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864
TO THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация. В статье автором анализируются особенности правовой регламентации уголовно-процессуальных обращений по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, оценивается их прогрессивность и значение для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также приводятся действующие нормы УПК РФ, в которых нашли отражение положения Устава. Автором делается вывод о том, что ключевые положения, направленные на обеспечение прав и законных интересов участников при подаче уголовно-процессуальных обращений в различной форме, были заложены в отечественное законодательство не реформами последних лет, а гораздо раньше, в период Судебной реформы 1864 года.

Abstract. In the article, the author analyzes the features of the legal regulation of criminal procedural appeals under the Statute of Criminal Proceedings

of 1864, assesses their progressiveness and importance for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, and also provides the current norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which reflect the provisions of the Statute. The author concludes that the key provisions aimed at ensuring the rights and legitimate interests of participants in filing criminal procedural appeals in various forms were incorporated into domestic legislation not by the reforms of recent years, but much earlier, during the Judicial Reform of 1864.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные обращения, Устав уголовного судопроизводства, жалоба, ходатайство, предварительное следствие, досудебное производство.

Keywords: criminal procedural appeals, the Statute of criminal proceedings, complaint, petition, preliminary investigation, pre-trial proceedings.

Значимость для развития отечественного уголовно-процессуального законодательства Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) невозможно переоценить. Как справедливо отмечают исследователи, многие положения Устава актуальны и в настоящее время [1, с. 95], а процессуальная форма во многом аналогична первым редакциям действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2, с. 143]. Не является исключением и правовое регулирование института уголовно-процессуальных обращений, который в настоящее время играет ключевую роль в системе средств обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Так, в ст. 297 Устава в качестве поводов к началу предварительного следствия были обозначены такие виды процессуальных обращений, как объявления и жалобы частных лиц, явка с повинной. В свою очередь объявления лиц, потерпевших от преступления, признавались жалобами в соответствии со ст. 301 Устава. Аналогом обозначенных видов обращений (объявление и жалоба) в настоящее время является заявление о преступлении, которое вправе подать как лицо, потерпевшее от преступления, так и любой его очевидец или лицо, которому стало известно о преступлении. При этом положения ст. 298, 299 Устава различают объявление, сделанное очевидцем преступления, и лица, которое очевидцем не является, что непосредственно влияет на достаточность повода. Если лицо не является очевидцем, то требуются дополнительные доказательства достоверности, которые и обеспечивают необходимую достаточность. В обозначенных нормах усматриваются подходы, реализованные в настоящее время в положении ч. 2 ст. 140 УПК РФ, которая требует возбуждения уголовного дела только при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ о недопустимых доказательствах, основанных на догадке, предположении, слухе и т. д.

Положения, предусмотренные ст. 300 Устава, в которых указано, что безыменные пасквили и подметные письма не составляют законного повода к начатию следствия, в настоящее время нашли свое отражение в ч. 7 ст. 141 УПК РФ. Однако действующий УПК РФ не содержит положения о том, что если в анонимном сообщении содержится информация о деянии, которое создает угрозу общественному спокойствию, то такое сообщение может быть поводом к полицейскому розыску или дознанию, результаты которых могут быть поводом для предварительного следствия.

В настоящее время данное положение с некоторыми изъятиями перенесено на уровень подзаконных ведомственных актов. Так, в п. 46 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [3] указано, что анонимные заявления и сообщения о преступлении направляются в соответствующее подразделение органа внутренних дел для использования в оперативно-розыскной деятельности. Исключение составляют лишь анонимные сообщения, содержащие данные о признаках совершенного или готовящегося террористического акта, которые принимают, регистрируют и разрешают в общем порядке.

Отдельная глава 12 раздела второй книги второй Устава регламентировала порядок обжалования следственных действий. Как представляется, такой подход разработчиков Устава был более чем прогрессивным с точки зрения обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые получали средство воздействия на уполномоченных субъектов публичной власти по ограничению их возможностей применения принудительной силы, которой характеризуются любое из следственных действий. При этом право на обжалование было распространено на максимально широкий круг лиц: «свидетели, сведущие люди, поручители, понятые и другие призываемые к следствию лица...» (ст. 492 Устава), что можно только приветствовать с точки зрения обеспечения прав невластных субъектов, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность. В настоящее время в УПК РФ данное положение также реализовано в ст. 123 через оборот «... а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». Как отметил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в одном из своих постановлений, правом на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, обладают любые лица, чьи права затрагиваются в результате уголовного судопроизводства, например, поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, чье имущество изъято в ходе досудебного производства по делу [4].

При этом в Уставе разграничиваются субъекты, которые уполномочены рассматривать жалобы. Так, деятельность полиции подлежала обжа-

ванию прокурору, а следователя – окружному суду (ст. 493 Устава). В настоящее время прокурор выступает субъектом, уполномоченным рассматривать жалобы как на действия и решения органа дознания, так и следователя, при этом большая зависимость в принятии процессуальных решений, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства, органа дознания от прокурора в действующем УПК РФ сохраняется.

Еще одно положение Устава, которое развито в действующем УПК РФ было предусмотрено в ст. 500, которая закрепляла правило о том, что принесение жалобы не останавливает производства следствия и исполнение отдельных следственных действий. В настоящее время в ч. 7 ст. 125 УПК РФ находим аналогичное положение, которое дополнительно обеспечено возможностью приостановить производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения по усмотрению должностного лица, решения и действия которого обжалуют.

Кроме того, как отмечают исследователи, реализация права участников уголовного судопроизводства на подачу уголовно-процессуальных обращений была существенно облегчена за счет введения института присяжных поверенных [5], то есть профессиональных участников уголовного судопроизводства, обращающихся с заявлениями, жалобами и ходатайствами юридического характера по чужим делам [6]. В настоящее время эта возможность реализована через институт представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ), а также защитника (ст. 49 УПК РФ).

Таким образом, с введением Устава получают оформление процессуальные гарантии, связанные с уголовно-процессуальными обращениями, которые, несмотря на смену исторических периодов и эпох, были сохранены и развиты в действующем УПК РФ:

- надлежащее законодательное закрепление процедуры подачи, рассмотрения и разрешения различных форм уголовно-процессуальных обращений в ходе производства по делу;
- разграничение процессуальной роли обращений на стадии проверки сообщения о преступлении и на стадии следствия;
- детальная правовая регламентация подведомственности подачи жалоб, разграничение полномочий прокурора и суда по рассмотрению жалоб, поданных в период следствия;
- вводится законодательный запрет на признание поводом к началу следствия анонимных обращений.

Эти и другие тезисы, сделанные в настоящем исследовании, лишь подчеркивают тот факт, что многие ключевые процессуальные гарантии, которые существуют в действующем уголовно-процессуальном законе, появились в нем не благодаря реализации передовых европейских правовых положений и принципов современного периода развития Российской

Федерации, а были заложены в законе еще в дореволюционный период его развития. Эти положения отечественной правовой доктрины необходимо продолжать развивать в рамках действующего уголовно-процессуального регулирования.

Библиографический список

1. Химичева Г. П. О влиянии Устава Уголовного судопроизводства 1864 г. на современную судебную-правовую реформу // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 95–97.
2. Победкин А. В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 143–150.
3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. 2014. 14 ноября.
4. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Российская газета. 2009. 18 февраля.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. С. 13–252.
6. Геворгиз А. А. Присяжная адвокатура по Судебным уставам 1864 г. и ее опыт для современной адвокатуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

© Шепелин И. В. 2024

Шишков А. А. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

МЕСТО СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE PLACE OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье автором рассматриваются мнения о реформировании органов предварительного следствия. Высказываются разные варианты о месте следователя в уголовном судопроизводстве: от кардинальных – ликвидация следователя как самостоятельного участника уголовного процесса, до умеренных – выведения следователя из группы участников стороны обвинения. Отмечается, что организационные меры реформирования следственных подразделений не повысят эффективность предварительного следствия. Высказывается мнение о необходимости перераспределения процессуальных полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора с целью усиления надзорной функции прокурора в досудебном производстве.

Abstract. In the article, the author discusses opinions on reforming the preliminary investigation bodies. Various options are expressed about the place of the investigator in criminal proceedings: from drastic ones – the elimination of the investigator as an independent participant in the criminal process, to moderate ones – the removal of the investigator from the group of participants of the prosecution. It is noted that organizational measures to reform investigative units will not increase the effectiveness of the preliminary investigation. An opinion is expressed on the need to redistribute the procedural powers of the investigator, the head of the investigative body and the prosecutor in order to strengthen the supervisory function of the prosecutor in pre-trial proceedings.

Ключевые слова: следователь, прокурор, сторона обвинения, единый следственный орган, обвинительный уклон.

Keywords: investigator, prosecutor, prosecution, single investigative body, accusatory bias.

Есть хорошая традиция – в юбилейные даты какого-нибудь события обсуждать позитивные и негативные последствия, повлиявшие на те или иные социальные процессы в обществе. Организаторы V международной

научно-практической конференции не могли проигнорировать 160-летие принятия Устава уголовного судопроизводства (далее – Устав) – первого кодифицированного акта России, специально предназначенного для регламентации деятельности по установлению обстоятельств совершенного преступления. Обращение к правовому наследию реформы уголовного судопроизводства уже позапрошлого столетия происходит регулярно, а в «круглые» даты, например, когда отмечалось 150-летие Устава это приобретает более масштабные формы. И в месте с тем этот интерес не угасает, он по-прежнему актуален и присутствует не только у лиц, интересующихся проблемами уголовного судопроизводства, но и в более широкой среде общественности.

Пожалуй, наиболее острую дискуссию всегда вызывала тема реформирования досудебного производства и, в частности, органов предварительного расследования, а если точнее – место следователя в уголовном судопроизводстве, его функции, полномочия, взаимоотношения с прокурором и другими властными участниками уголовного процесса, гарантии его самостоятельности. Предлагались разные варианты реформирования: от кардинальных – ликвидация следователя как самостоятельного участника уголовного процесса, до умеренных – например, выведения следователя из группы участников стороны обвинения. Так, Нижегородская школа процессуалистов, представившая в свое время доктринальную модель уголовно-процессуального доказательственного права, видит место следователя в составе криминальной полиции [6]. Один из видных представителей этой школы профессор А. С. Александров считает необходимым ликвидировать современное предварительное следствие посредством слияния следственного и оперативного аппаратов [1, с. 411]. Соответственно, противоположную позицию об обособленности следственных подразделений от каких-либо иных правоохранительных органов, в том числе наделенных правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и создание единого следственного ведомства, озвученную еще авторами Концепции судебной реформы в начале 90-х годов XX столетия, – представители Нижегородской школы критикуют [2, с. 15]. При этом надо отметить, что идеи о месте следователя в едином межведомственном органе высказываются уже достаточно давно. Очередная активизация этих предложений, как известно, произошла после создания в России Следственного комитета. Аргументы в пользу такого реформирования предварительного следствия высказываются разные и в целом нельзя сказать, что они не обоснованны. По понятным причинам, наиболее активными сторонниками продвижения этих идей являются представители научной школы Академии Следственного комитета России [3, с. 125–129]. Одновременно с этими диаметрально противоположными идеями высказывается относительно «мягкое» предложение о реформировании предварительного следствия – выведение следователя из числа участников стороны обвинения, возможно, как промежуточный

этап на пути создания единого следственного органа [5, с. 1743]. Сторонники этой точки зрения считают, что, находясь среди участников стороны обвинения, следователь осуществляет лишь функцию уголовного преследования, а потому ему присущ обвинительный уклон [7, с. 261; 9, с. 164].

Так все-таки, насколько важно, где будет находиться следователь: на стороне обвинения или вне ее, в едином следственном ведомстве или как сейчас в структуре правоохранительных органов? Или может быть вернуться к опыту XIX века, когда следователь относился к судебной власти?

Участником стороны обвинения следователь, как известно, стал, с точки зрения исторического аспекта, совсем недавно. Ранее законодатель в УПК 1960 г. не дифференцировал участников на стороны. УПК 1922 и 1923 годов хоть и делил некоторых участников на стороны, но только применительно к судебным стадиям и, разумеется, следователь там не упоминался. Так неужели только с июля 2002 года и наделением следователя функцией уголовного преследования у него возник обвинительный уклон? Думаю, ответ понятен. И советский следователь, и российский его коллега при расследовании преступлений, как представляется, в меньшей степени обращали внимание на этот формальный момент. Более важные положения, которые интересуют следователя, это, несомненно, его полномочия, взаимоотношения с участниками, осуществляющими контроль и надзор за его деятельностью. Поэтому формальное исключение следователя из числа участников стороны обвинения и лишение его функции уголовного преследования, а взамен наделение функцией расследования, то есть исследование обстоятельств совершенного преступления всесторонне, полно, объективно, как предлагают некоторые уважаемые процессуалисты, [7, с. 164] принципиально не изменит ситуацию с так называемым обвинительным уклоном. И хотя современные нормы закона указанную триаду не возводят в ранг принципа уголовного процесса, как это имело место в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 20), однако это не означает, что действующее нормативное поле не содержит гарантий полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к положениям закона, например, статьям 73, 152, 154 УПК или приказам Генеральной прокуратуры России, где возлагается обязанность на прокуроров добиваться от органов предварительного следствия тщательного собирания доказательств, необходимых для полного и достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [8].

Что касается идей о едином следственном ведомстве, судя по высказываемым в литературе мнениям, – на базе Следственного комитета России, то и здесь имеются сомнения, что реализация этого предложения позволит устранить или, по меньшей мере, минимизировать имеющиеся проблемы предварительного следствия, в том числе повысить самостоятельность следователя. Самостоятельность от кого: от органов внутренних дел и феде-

ральной службы безопасности, в структуре которых в настоящее время они проходят службу или от прокурора? Если от первых, то очевидно, что ликвидация в МВД и ФСБ следственных подразделений отдалит их от этих правоохранительных органов и в этом смысле, конечно же, можно будет говорить о самостоятельности следователей от органов исполнительной власти. Но приведет ли это к положительным результатам, понизит ли долю нераскрытых преступлений, опять-таки избавит ли от пресловутого обвинительного уклона? Большие сомнения. О сложностях, которые возникнут в связи с такой реформой в литературе уже много говорилось, в том числе со ссылкой на опыт соседних государств, в этой связи нет необходимости повторяться. Что касается самостоятельности от прокурора, то все же понимают, что этот вопрос лежит не в сфере организационного построения следственных органов, а в процессуальных отношениях следователя, его руководителя и прокурора. Напротив, организационные решения 2007 года обострили взаимоотношения между следователями Следственного комитета и прокурором. Перераспределять ли сложившийся на текущий момент объем процессуальных полномочий между этими участниками и в чью сторону или оставить как есть, – вот ключ к пониманию модели предварительного следствия и место следователя в нем. Разумеется и в этом вопросе нет единства мнений. Представители процессуальной школы Академии Следственного комитета России высказываются не только за единый следственный орган, как уже было сказано, но за изменение соотношения полномочий следователя, его руководителя и прокурора в пользу первых. То есть по сути, предлагают продолжить начатую в июне 2007 года реформу прокуратуры и предварительного следствия в том числе ссылаясь на опыт Приднестровской Молдавской Республики где, как известно, прокуроры лишены многих полномочий в том числе поддерживать государственное обвинение в суде [10, с. 19–24]. Сторонники противоположного мнения о роли прокурора в досудебном производстве не согласны с такой реформой и видят гарантию полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования в усилении надзорной функции прокурора [4, с. 457]. Действительно, а стоит ли так бояться прокурора, неужели он, возглавляя сторону обвинения довлеет над иными участниками этой группы и заставляет формировать исключительно обвинительный уклон, лишая следователя самостоятельно полно, всесторонне и объективно проводить расследование уголовного дела. Безусловно, нет. Ошибочно отождествлять «обвинение» и «обвинительный уклон». Обвинение, то есть утверждение о совершении преступления определенным лицом допускается только в установленном законом порядке, который, как уже было сказано, обязывает следователя, несмотря на участие на стороне обвинения, устанавливать все обстоятельства преступления, собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства. Но даже если допустить, что следователь не соблюдая требования закона и игнорируя ходатайства сто-

роны защиты о приобщении к уголовному делу сведений о непричастности подозреваемого, обвиняемого к преступлению, в силу корпоративности с иными правоохранительными органами раскрыть преступление любыми средствами, показать статистику борьбы с преступностью и тем самым проявляет обвинительный уклон, то именно прокурор как должностное лицо независимого органа, реализующий свою функцию – надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, обеспечивает законность уголовного преследования, в том числе посредством возвращения уголовного дела для дополнительного расследования и таким образом не допускает направление в суд дел с таким односторонним расследованием. В этом смысле функциональное назначение прокурора нужно воспринимать как барьер обвинительному уклону, как «помощника» суда, оказывающего «услугу» по выявлению и устранению препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу.

Что же касается опыта XIX века, думаю, он нам полезен исключительно с точки зрения познания становления и развития отечественного предварительного следствия, но не как ориентир организационного построения современных органов предварительного следствия в системе судебной власти.

Итак, нужно ли сейчас кардинальное организационное реформирование органов предварительного следствия? Думаю, что нет. Но обсуждение этого вопроса, особенно в юбилейные даты первого кодифицированного закона об уголовном судопроизводстве, безусловно, полезно и необходимо.

Библиографический список

1. Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 411.
2. Александров А. С. К вопросу о реформировании следственного аппарата и правовой реформы досудебного производства по уголовному делу // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1 (9). С. 15.
3. Багмет А. М., Цветков Ю. А. Кто боится сильного следствия? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 126.
4. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 457.
5. Глебова А. Г. Некоторые проблемы совершенствования организации следственного аппарата и процессуального статуса следователя в России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1743.
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.

7. Ежегодный Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio> (дата обращения: 19.02.2024).

8. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 // Законность. 2021. № 12.

9. Рябина Т. К. Проблемы реформирования российского уголовного судопроизводства в свете дискуссии о введении фигуры судебного следователя или следственного судьи // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 164.

10. Цветков Ю. А. Реорганизация обвинительной власти: приднестровский эксперимент // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 19– 24.

© Шишков А. А., 2024